

Карина Хейл
Любовь по-английски
Любовь по-английски #1

Оригинальное название: Karina Hale «Love in English» 2014

Переведенное: Карина Хейл «Любовь по-английски» 2015

Перевод: Екатерина Снурникова(1-12), Тоня Волкова (13-22) и Наталья Тараканко (22-32+эпилог)

Редактор и оформитель: Наталья Тараканко и Анастасия Токарева

Обложка: Анастасия Токарева

Переведено специально для группы: Книжный червь / Переводы книг
https://vk.com/tr_books_vk

Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Ему 38 лет, мне 23.

Он говорит по-испански, я - по-английски.

Он живет в Испании, а я - в Канаде.

Он одевается в костюмы за тысячи долларов. А я вся в татуировках.

Он женат и у него есть пятилетняя дочка.

Я же всю жизнь заботилась лишь о себе.

До этого момента. И когда мне сказали, что мы из разных миров - они были правы.

Для Веры Майлз это стало опытом на всю жизнь. Вместо того чтобы поступить на летнюю стажировку и заниматься астрономией - она летит в Испанию, где должна обучить разговорному английскому богатых бизнесменов; наслаждаться бесплатным проживанием и едой на элитном курорте. Она надеялась немного позагорать, познакомиться с новыми людьми и получить новые впечатления, прогуливаясь с бокалом вина и паэльей. Но она совершенно не планировала влюбляться.

Матео Казаллес не был похож ни на кого из тех, с кем Вера встречалась прежде. Вера наслаждается музыкой и свободой. Матео - успешный бизнесмен из Мадрида - носит строгие костюмы с присущим ему одному очарованием. И в последующие две недели их взаимное влечение переросло в нечто большее.

И впервые она почувствовала, что живет.

То, что бывает лишь раз в жизни.

Или она ошибается...

Пролог

Меня зовут Вера Майлз.

Меня трудно назвать хорошей девочкой.

Как такое может быть?

У меня непослушные волосы и горячий нрав, есть татуировки и пирсинг. Часто занимаюсь сексом.

Я разрушила семью.

Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что нет такого понятия как «хорошо» или «плохо» - все зависит от точки зрения.

И чаще всего им движет любовь.

Именно из-за любви случалось большинство войн, она разрушает судьбы и калечит души. Она притупляет разум, и люди становятся похожими на животных, ведомые только инстинктами - и когда она уходит, в сердце остается пустота. И чувство вины.

Но мы не можем остановиться, как бы плохо это не было. Любовь дает нам опыт. И мы переживаем это снова и снова.

Мы продолжаем играть ту роль, которая нам отведена. Чтобы снова почувствовать, что живешь.

Любовь изменила и меня, сделала плохой. Но вы должны меня понять. Вот моя история...

Глава 1

- Aí, assim tem amor! (прим.: перевод с португальского - вот так, любовь моя!)

Я почти не слышала, что там бормотал этот чертов парень (Криштиану или Кристи?) - меня больше волновало опасное соседство моей головы со стеной общежития. Кажется, ему нравился наш секс, и я не должна была жаловаться.

Удар. Грубый толчок и моя голова ударила об стену.

Ну и ладно. Сам то парень вполне не плох.

Я попыталась осторожно отодвинуться, опасаясь, как бы мы не свалились с кровати. Это было ужасно - я то и дело поглядывала на дверь, переживая, что мои соседи по комнате могут вернуться с экскурсии в любую минуту. Не то, чтобы я страдаю от излишней скромности, но мне бы очень не хотелось, чтобы они застали меня с голой задницей, пока этот португальский парень трахает меня, как какую-то сучку. Кристи, Криштиану, или как его там, жил в отдельной соседней комнате, и его мало заботили мои проблемы.

А жаль - он был как необузданый зверь, и мы могли бы неплохо провести ночь, перепробовав несколько поз. У него был большой член, но он, кажется, толком не знал, что со мной делать - кроме, как стукнуть пару раз головой об стену. Я слышала, как он снял презерватив, затем шлепнул меня по заднице.

- Вы, канадские девушки, приличные, да? - он посмотрел на меня с той же ухмылкой, что заставила меня раздеться в первые же секунды.

Я перевернулась на другой бок, стараясь не отправить нас двоих на пол.

- Ну, - я попыталась прикрыть грудь, кровать заскрипела под нами. - Я не могу сказать это за всех нас. Но да, я довольно приличная.

- Вот как, - сказал он, идиотски улыбаясь. - В самом деле?

Я закатила глаза.

- Да.На самом деле.

-Я знал, что вы все так говорите, - сказал он с самодовольной ухмылкой. Я попыталась отстраниться, что представлялось невозможным, но надеялась, что он, по крайней мере, спустится по лестнице с двухъярусной кровати. Он же продолжал сидеть, даже не подумав прикрыть пенис. Не зря у нас в Канаде говорят, что европейцы придерживаются свободных взглядов на секс и обнажение. Ох, вот я и вспомнила о своих корнях. Пора бы наведаться домой.

Он кивнул мне.

- Зачем тебе столько татуировок? Или это фишка канадцев?

Я улыбнулась, окинув взглядом свою грудь, ноги и руки, где были татуировки. - Это фишка безбашенных людей.

- У меня нет татуировок, - сказал парень.

- Что я могу сказать - без них ты, как без одежды.

- А сколько их у тебя?

- Десять, - сказала я со своего места. - Нет, подожди. Одиннадцать.

Я сделала последнюю татуировку перед самим отлетом в Лондон из Ванкувера. Я повернула руку внутренней стороной, на которой красовалась недавняя татушка - созвездие Стрельца, хотя по гороскопу я была Водолеем. Но уж больно мне понравился рисунок лучника. Вместо обычных звезд в свое тату я включила черепа. Мои руки сплошь были усеяны скелетами. Я горжусь этой татуировкой.

- Так много звезд, - сказал он, взглядом снова пробежавшись по всему моему телу. Но не только для того, чтобы рассмотреть татуировки.

- Я изучаю астрономию.

Он повернулся, широко раскрыв глаза.

- Ты, наверное, шутишь? Ты учишься? В школе?

Ох уж эти стереотипы: если у тебя одиннадцать татуировок, проколот пупок, нос и язык, то ты не можешь поступить в университет и получить ученую степень. Я не раз это слышала - просто думала, что Европа более прогрессивна в этом отношении, но нет. Дураков хватает в любой стране.

- Тебя удивляет, что я умная? - задала я каверзный вопрос, легонько подталкивая его к лестнице.

Он кивнул.

- Конечно. Обычно девушки, которые... ну... которые, - я сузила глаза. - Имеют татуировки и спят с малознакомыми парнями, как правило, не такие уж умные.

Я вздохнула и натянуто улыбнулась.

- Я могу сказать одно, что мы глупые только из-за того, что спим с такими, как ты. Вот и я начинаю чувствовать себя глупо, - я жестом велела ему встать. - Ты собираешься вставать?

Его глаза сверкнули. Если он сложил обо мне впечатление только по одним тату - я не собираюсь убеждать его в обратном. Он слез с лестницы, и я сделала ему жест отвернуться. Я не была толстой, но и не хотела, чтобы он видел мою задницу, когда я буду спускаться по лестнице.

Он направился было к двери, пока я надевала бюстгальтер, но остановился и бросил на меня обеспокоенный взгляд. - Ты не хочешь вернуться? Я думаю, они все еще пьют.

Я покачала головой.

- Нет, спасибо, иди.

Он вздохнул с облегчением.

- Ладно. Хорошо, спасибо... мне очень понравилась сегодняшняя ночь, Вилма.

Он хлопнул дверью, и я крикнула ему вслед: «Я Вера!» Но он, видимо, не услышал. Я пожала плечами. В конце концов, это справедливо, я сама не могла вспомнить его имя.

Я быстро натянула белье и уставилась на платье, которое португальский мальчик снял ранее. Это была моя последняя ночь в Лондоне и предложение вернуться в бар было весьма заманчивым, но я только и делала, что торчала там всю последнюю неделю. Конечно, я осмотрела множество достопримечательностей в Лондоне: музей естественной истории, Лондонский Тауэр. Я каталась на такси и в метро, ела еду, которая колебалась от чего-то удивительного (жареные во фритюре батончики Марс) до чего-то мерзкого (не заказывайте рыбу с жареным картофелем из Китайского ресторана).

Я приехала в Великобританию одна, но так и не насладилась уединением. Просто не учла того факта, что путешествия налегке, довольно легко завести новых друзей, особенно если тебе чуть больше двадцати и ты владеешь английским языком. Здесь я была крайне общительна и веселилась на полную катушку. Даже не могу вспомнить, когда такое было раньше. Поэтому в следующем месяце, который я проведу в Испании, мне стоило выкроить немного времени “для себя”.

Я быстро проскользнула в платье и леггинсы, думая, что дождь здесь никогда не прекращается. Быстро пробежалась расческой по непослушным волосам, которые перед самым отъездом покрасила в пепельный цвет. Из-за дождя они закурдаются еще пуще, ну и плевать . Что за Лондон без дождя, даже если когда на носу июнь, температура держалась ниже среднего.

Я схватила пальто, свитер и кожаный кошелек и вышла из комнаты в общежитии, задержавшись в ванной комнате. Я встретила несколько знакомых лиц в коридоре, слышала, как кто-то играет в бильярд, но не остановилась и вышла на улицу, где уже стояла ночь.

И хотя солнце зашло несколько часов назад, я с облегчением увидела толпы людей, курсирующих вдоль Темзы. Я держалась хорошо освещённой улицы, мне не хотелось, чтобы меня ограбили в первую неделю поездки за границу. Я перебежала через набережную Виктории, останавливаясь на Иглах Клеопатры. Дождь уже закончился, и в воздухе витала прохладная свежесть весны. Я прислонилась к одному из бронзовых сфинксов и посмотрела на огни ближайшего моста, которые отражались в темной воде.

Немного постояла вот так, просто любуясь открывшимся видом, все еще не веря, что я здесь. Мне потребовалось несколько дней, чтобы справиться с нарушением своих биоритмов, но после этого я была на ходу и принялась много фотографировать и пить пиво. Даже сейчас в окружении всех этих огней мне казалось, что я сплю. Может быть, все дело в том, что я не могу до сих пор поверить в то, что мои мечты осуществились. С тех пор, как я увидела в блоге путешествий объявление о языковой программе (помочь испанцам с их разговорным английским и остаться в Испании бесплатно!), то сказала

своим родным, что намерена отказаться от своей летней стажировки по астрономии. Ни один из них не поверил, что я настроена решительно.

Ну, мой брат Джош поверил мне, как впрочем и всегда, а мой папа думал, что это было прекрасно, пока я была осторожна. А вот моя сестра Мерси и мама считали, что это был еще один опрометчивый и полностью безответственный поступок, и я жила бы лучше, сидя на корточках в станции наблюдения за звездами где-нибудь глубоко в Канадских Скалистых горах.

Оглядываясь назад, я понимаю, что нужно было поспорить с ними. Заодно бы заработала денег на дорогу. В конце концов, Лондон удовольствие не из дешевых и если бы я завтра уже не вылетала в Мадрид, где часть моих расходов возьмет на себя программа, то черта с два я бы потянула эту поездку. Я подрабатывала в кафе во время учебы, но этих денег бы не хватило.

Что будет дальше, я старалась не думать. Я не могла сказать точно: были это страхи, волнение или нервы. Или все вместе. В некотором роде программа «Casa de las Palabras» звучала слишком заманчиво, чтобы быть правдой. Я проведу целый месяц на курорте у подножия горы, близ Мадрида. В течение этого месяца мне не придется тратиться на экскурсии, питание и жилье. В чем подвох? Я должна говорить по-английски с кучей испанцев. Не учить - только говорить. Видимо, в этом и прелесть программы. «Студенты». Как правило, ими обычно являются деловые мужчины и женщины, которые имеют базовые знания в языке и просто хотят освежить свои разговорные навыки. Моя работа, как представителя англоязычного населения, заключалась в том, чтобы поддерживать с ними легкую беседу в течение дня. Единственное правило - не говорить по-испански.

Меня это не сильно напрягало, поскольку я ни слова не знаю по-испански. Я просто надеялась, что это не станет проблемой, когда я прибуду в Мадрид.

Я смотрела, как лодки снуют вверх и вниз по Темзе, потерявшиесь в своих мыслях и мечтах, думая о возможностях, которые представляются мне в следующем месяце. Я не знала, что ожидать от этой поездки. Просто ждала каких-то новых впечатлений.

Я издала краткий смешок. Ну, я только что занималась сексом с португальским парнем в комнате общежития в Лондоне. Следуя этой логике - я была на верном пути.

***

- Метро. Мне нужно попасть в метро. Ну, вы знаете, поезд под землей?! - Я сделала копательное движение рукой, играя в эту ужасную игру «шарады» с тех пор, как вышла из Мадридского аэропорта.

Человек уставился на меня непонимающим взглядом.

Свежая новость: многие испанцы не говорят на английском языке.

Я сдалась и кивнула ему, улыбаясь, хотя и была разочарована. Это не его вина - это я приехала не подготовленной.

Он что-то сказал мне, извинился, как мне показалось, развернулся и ушел. Я пригладила волосы, вытерла пот со лба и попыталась сбраться с мыслями.

Видите ли в чем дело: вместо того, чтобы скачать все координаты офиса на телефон, пока самолет не взлетел, я скачала все песни. И теперь торчала где-то в Мадриде с одним адресом, вся потная. Здесь было чертовски жарко. Ну, у меня была хотя бы музыка.

Я не была застенчивой, но терпеть не могла спрашивать дорогу, и я никогда не была в подобной ситуации, когда вот так не могла общаться с людьми. Был целый город, суетящийся вокруг меня на солнце, кто-то выходил из станции метро, кто-то входил туда, и все же я чувствовала себя абсолютно невидимой.

Я тяжело вздохнула, поправляя тяжелый рюкзак за спиной, и вытащила телефон. Самое время было заглянуть в Google. Дерьмо, здесь заоблачные тарифы.

Оказывается, офис Лас Палабрас находился на другом конце города, а это означало, что мне снова придется преодолевать эти потные препятствия, так как я уже ездила на различных ветках метро, на одной из которых была припечатана к дверям с прижатым ко мне стариканом, щупающим мою задницу. Я повернулась, чтобы прикинуть на него, но он просто отвел взгляд, как будто это был не он.

Когда я наконец-то вышла на своей остановке, меня меньше всего волновали красоты Мадрида - мой желудок скрутило в тугой узел, я посмотрела на часы. К счастью,

неподалеку я увидела вывеску Палабрас. Матерясь, я помчалась через площадь, надеясь, что еще не слишком поздно. Была и еще одна проблема - мой бюджет: предполагалось, что я зарегистрируюсь в компании и сяду в автобус. Мне не хотелось останавливаться в гостинице без надобности. Если я опоздаю - это может стать серьезной проблемой с моим-то испанским.

Мое сердце учащено забилось - хуже и придумать нельзя, таскаться с рюкзаком в такую жару.

Но... он не мог уехать без меня. Или мог?

Я вытащила телефон. Было 14:16.

Мне не понравилось то, что я видела на часах.

Я думала, что сбор назначен на два. Неужели они все успели за шестнадцать минут.

Я открыла стеклянные двери офиса: меня тут же обдало прохладным воздухом, который растрепал мои волосы.

- Я опоздала?! - взвизгнула я, оглядываясь.

Офис был пуст. Вдоль стен стояли аккуратные деревянные столы со стеклянной поверхностью, шкафы, наполненные детскими фотографиями, которые удерживали магниты, стены были выкрашены в синий цвет с висящими плакатами панорам Испании, белые люди вели оживлённую беседу с испанцами. На столе стояла пластиковая статуэтка птицы, которая уткнулась клювом в столешницу.

- Привет? - Я слышала, как кто-то отзывался в задней части офиса. Затем услышала шаги. Я только молилась, чтобы человек говорил по-английски.

К моей несказанной радости из дверного проема появилась женщина с каштановыми волосами, уложенными на макушке. Когда ее взгляд остановился на мне - ее глаза расширились, она занервничала, теребя в руках бумаги.

- Мисс Майлз! - воскликнула она с британским акцентом.

Я нахмурилась. - Да? - словно не была уверена, что обращаются именно ко мне.

- Бог мой, - продолжала она все тем же обеспокоенным тоном, от чего у нее на лбу выступили морщинки. - Автобус только что ушел.

- Что? - Я громко застонала. Довольно громко. Потом обречено вздохнула. - Черт.

- Не волнуйтесь, - сказала она, бросив бумаги на стол. Она подняла трубку. - Я позвоню водителю, и они подождут вас.

Слава богу. Это именно то, что мне сейчас нужно. Они сейчас в автобусе, знакомятся и весело болтают обо всем. Я, Вера Майлз - со своими татуировками и растрёпанными волосами - здесь для того, чтобы нарушить привычный ход вещей.

Она поднесла трубку к уху, продолжая мне что-то говорить. Женщина была бледной, с большими круглыми глазами и веснушками. - Не волнуйтесь, они не могли далеко уехать.

- Я думала, что сбор был назначен на два, - тщетно пыталась я оправдаться. Черт, какой все-таки тяжелый рюкзак. Я скинула его на пол. И почувствовала невероятное облегчение.

- Время отправки, - женщина смотрела в потолок, она ждала ответа. - Время отбытия автобуса в два.

- Вы так быстро отправили автобус? - спросила я так, словно это она была во всем виновата. - Не могли меня подождать? Я имею в виду, вы не поняли, что кого-то не хватает?

Она кивнула, открыв рот. - Мы так и сделали. Позвонили по номеру, который вы указали. Но ответа так и не дождались.

- Я ехала в метро, - начала я сбивчиво оправдываться. - Мой рейс задержали, потом я вышла не на той остановке, было очень жарко, и я запуталась.

Но она уже меня не слушала. - Алло, Маноло, здравствуй. Только что прибыла Вера Майлз. - Я едва могла расслышать голос Маноло из-за помех на линии. Женщина кивнула. - Да, она здесь. Притормози автобус, я выезжаю вам на встречу.

Бог ты мой, это было еще хуже, чем я думала.

Она повесила трубку и потянулась за ключами. - Идемте, я подвезу вас.

- О-о, это хорошо, - сказала я беззаботно, словно она впускала меня в свой собственный дом. У меня в голове промелькнула мысль, что все это зря. И я могла бы

гораздо лучше провести время с каким-нибудь парнем из Мадрида у меня между ног, чем тратить время на всю эту программу. Да, лучше, но кем я потом стану...

- Забудьте об этом, мне не трудно, - сказала девушка. И только сейчас я поняла, что она никогда не улыбается. Не то, чтобы она сердилась, просто на ее лице будто заморозилось это выражение - ожидание удара: вытаращенные глаза, рот открыт. Она напомнила мне Шелли Дюваль в фильме «Сияние».

- Как вы узнали мое имя? - спросила я, наклонившись, чтобы подобрать рюкзак. Посмотрела на свою грудь и поняла, что выбрала довольно рискованное декольте. Поправила прическу. - Ну, помните, когда я только пришла.

- Я узнала вас по фотографии, которую вы прислали, - сообщила она, подходя к передней двери, - и вы единственная, кто опоздал. Как-то так.

Тыфу ты. Началось.

Я прочистила горло. - Так как вас зовут?

- Габби, - ответила она, когда мы направлялись к выходу из здания. Под палящее солнце. Она заперла дверь и жестом велела следовать за ней.

- Габби, с которой я общалась последние три месяца? - спросила я, бросая сумку на заднее сиденье. Габби, тот человек, которому я выссыпала сведения по электронной почте?

- Да, это я, - сказала она, но на ее лице застыло удивленное выражение, словно она не была уверена в этом. Жестом она предложила мне сесть на пассажирское сиденье рядом с водителем. В салоне было жарко, как в сауне, и я задалась вопросом, достаточно ли я помазалась дезодорантом. Габби бросила мне на колени кипу бумаг и, сев за руль, принялась высматривать случайных прохожих. – Вам лучше заполнить их прямо сейчас.

И прежде, чем я успела попросить ручку, она сунула ее мне в руки. Меня слегка раздражала такая предусмотрительность Габби, но я, конечно же, молчала.

Я просмотрела бумаги. Большинство из них были ксерокопиями тех, которые я заполняла онлайн месяц назад, но там были и документы по отказу от претензий из-за несчастного случая и тому подобное. Я была благодарна за то, что мне есть чем заняться, что она свела нашу беседу к минимуму и мне не пришлось наблюдать, как наш водитель в попытке догнать автобус, забивает на все ограничения, что стояли у нас на пути.

- Итак, Вера Майлз? - Голос Габби вывел меня из задумчивости. - Вас назвали в честь актрисы? Я большая поклонница Хичкока.

Меня часто об этом спрашивают: любители кино или старики. - Нет, мою прабабушку звали Вера. Моя мама говорила, что никогда не питала любви к актрисам, видимо, она считала, что могла бы стать лучшей из них. Конечно же, она была полностью неправа.

Даже при том, что меня не назвали в честь кинозвезды 50-х годов, ее имя все равно предопределило мою любовь к классическим фильмам. Мне не нравились подобные вопросы, спасибо мамочке. Бог знает о чем она думала, когда давала мне это имя – может, видела во мне будущую королеву красоты. А вышло наоборот: я и другие Веры – были аутсайдерами.

Я вернулась к реальности, прерывая поток собственных мыслей, увидев последний вопрос(мне пришлось заполнять форму): укажите контакты, с кем можно связаться в случае аварии или травмы. Трудно сказать. Я бы предпочла указать отца, а не мать – только потому, что мы ладили лучше, но мои родители развелись, когда мне было тринадцать, и мой папа был летчиком, что означало, что он чаще был в воздухе, чем на земле. А моя мама и Мерси были больше заняты собой, чем моими проблемами. Мой дорогой брат был, пожалуй, единственным, на кого я могла положиться. Но, к сожалению, он частенько был пьяный, и в этом была моя вина.

Я тяжело вздохнула и записала маму.

- Вот и автобус, - сообщила Габби.

Я подняла глаза и увидела автобус на обочине с работающим двигателем. Мы находились в предместье центра города, где офисы встречались все реже, уступая место бульварам с бурной растительностью.

- Большое вам спасибо, - сказала я, отстегивая ремень. – Мне так жаль, что я опоздала.

Она наконец-то улыбнулась. Быстро, но все-таки улыбка. - Не бери в голову, такое частенько бывает.

Я открыла дверь и вылезла из машины. Когда я подошла к заднему сидению, чтобы взять свои вещи, то спросила. - Дадите совет напоследок?

Она подняла бровь. - Постарайся ни в кого не влюбляться, - сухо сказала она.

Я медленно закрыла дверь, и она тут же умчалась прочь, посигналив водителю.

Ха, постараися ни в кого не влюбляться. Это явно не про меня.

Я снова надела свой тяжелый рюкзак и пошла к автобусу. Как раз вовремя, чтобы увидеть невысокого и полного водителя, ждущего снаружи. Я думала, что он отчитает меня, но он лишь добродушно улыбался.

- Значит, вы - Вера, - сказал он с сильным акцентом. Мужчина положил мне руку на плечо. - Я - Маноло. Ну, давай же мне свой рюкзак.

Я неловко повернулась, чтобы он мог снять его. Он снова заговорил со мной. - Заходи, садись на свободное место.

Он начал поднимать отделение для багажа.

Быстро поблагодарив его, я поправила сумку на плече и пошла к автобусу. Я знала, что сейчас на меня смотрят несколько пар глаз и обсуждают. Ну и черт с ними.

Я тяжело вздохнула и начала подниматься по ступенькам.

Все уставились на меня, пока я стояла в проходе, сканируя пространство в поисках пустого места. Мне кажется, я видела его сзади.

К счастью, никто не возмущался задержкой. Многие улыбались. Кто-то с осуждением смотрел на мое кольцо в носу и татуировки, но я к этому уже привыкла. Может, представиться?

Я подняла руку и махнула. - Я - Вера Майлз, - объявила я застенчиво. – И я та, кто опоздал. Извините. - Сказала я то единственное, что знала по-испански.

Все рассмеялись, а несколько человек поприветствовали.

Мужчина средних лет в ковбойской шляпе и рубашке в клеточку кивнул мне. – Для этих людей больше нет испанского, с этого момента говорим только по-английски, - сказал он и ободряюще мне улыбнулся. – Разве ты не получила памятку?

- Нет, я опоздала, - я слышала, как Маноло сел за руль.

- Вера, садись, пожалуйста, - сказал он. - Вон там есть место. - Он указал дальше по проходу, затем забрался на водительское сиденье и закрыл двери.

Автобус рванул с места, и я схватилась за спинки сидений. Затем двинулась дальше по проходу, даря всем извиняющуюся улыбку. Там были люди различных профессий. Даже при том, что сначала было сложно сказать, кто на каком языке говорил, потом я поняла, что каждый англичанин был усажен около испанца, что привело к затруднительной болтовне. Техасец был прав — программа уже началась

Я продолжала идти до предпоследнего ряда, пока не увидела пустое место. Фактически, это было единственное пустое место в автобусе.

Оно было рядом с мужчиной, который сейчас смотрел в окно, подперев кулаком подбородок. Я могла рассмотреть его, пока еще не села. Потом это будет не слишком удобно.

И по некоторым причинам мне хотелось смотреть на него.

Хорошо, возможно, одной из причин была его внешность. Он был красив. Вы обязательно подумаете о таком парне: «Ух ты, такой красивый парень», а затем подтолкнете свою подругу и заставите ее тоже посмотреть. Такой привлекательный! Я видела его лицо только в профиль, но могла рассмотреть правильные черты лица с легкой щетиной на скулах и подбородке, широкий нос. У него были глубоко посаженные карие глаза, густые брови и темные волосы. Я не могла точно определить его рост, но могла с уверенностью сказать, что он был на несколько дюймов выше меня - худой, но не тощий. Из-под засученных рукавов выглядывали накаченные бицепсы.

Он был стереотипом того, как я думала, будет выглядеть испанец, этот загадочный образ и таинственность, и если судить по его аккуратно выглаженным серым штанам и размеру его Rolex на запястье, то он был успешен.

Красивые бизнесмены не были моим типом — мне нравились несерьезные, авангардные и веселые - но в нем было нечто такое, от чего меня бросило в жар. Я села максимально близко к нему, надеясь, что от меня не разило потом.

Он развернулся ко мне и широко улыбнулся, от чего мое сердце затрепетало, я почувствовала слабость в ногах. Он был потрясающим с неподдельным очарованием.

- Привет, - поздоровался он на великолепном английском, но с ужасным акцентом. - Я - Матео.

Он подал мне руку, и только сейчас я заметила обручальное кольцо на левой руке, отбрасывающее блики на солнце.

Женат? Ладно, безусловно, не мой тип.

Глава 2

Я пожала руку Матео, удивляясь своей хватке.

- Я - Вера, рада знакомству, - сказала я, прежде чем осознала, что довольно близко придинулась к нему. Я здесь не для того, чтобы спать с первым встречным испанцем. В противном случае в будущем я рискую оказаться в постели с мужчиной, которого случайно встретила на улице.

- Вера, - повторил Матео гладким голосом. - Мы только что познакомились, а ты уже подняла мне настроение.

Я нахмурилась и с любопытством посмотрела на него, считая его английский восхитительным. – Как так?

- Я тоже опоздал. Думал, придется ехать одному, - он тепло мне улыбнулся. - Итак. Расскажи мне о себе.

Я откинула назад волосы и усмехнулась. – О, хорошо. Сколько будет длиться поездка?

- Три часа, - сообщил он, кивнув в сторону Маноло. - Столько мы будем в пути и должны все время разговаривать, - он непринужденно пожал плечами. - Так или иначе.

Он был прав. Все в автобусе, не замолкая ни на секунду, о чем-то разговаривали, на всех диалектах, постоянно меняя тембр.

- Хорошо, - сказала я, чувствуя себя уютно рядом с ним. Затем снова наступил один из тех неловких моментов, которые бывают, когда вы находитесь рядом с женатым мужчиной. Вам остается только быть собой. - Давай сыграем в игру с вопросами? Я спрошу первой, затем ты. И так по очереди, - я не хотела казаться умнее, учитывая то, как хорошо он знает английский - я просто забыла, зачем он здесь.

- Я знаю, что такое по очереди.

- Хорошо, тогда вот мой первый вопрос, - сказала я. В другой раз я бы играво толкнула его в бок, но сегодня решила этого не делать. Ну ладно, может, быть собой не всегда получается. - Зачем ты здесь? Ты превосходно говоришь по-английски.

- Это все моя компания, - начал он. - Да, мой английский хороший, но далек от совершенства. На международной арене котируется только свободное владение языком. Если это не так, - он обвел взглядом собравшихся здесь бизнесменов и поморщился, - то на тебя смотрят как на немого.

- Ты определённо не немой, - сообщила я ему.

Он слегка улыбнулся. У него были чувственные губы.

- Ты не знаешь меня после выпитого пива.

- Та да, вижу, ты некрупного телосложения (прим. - lightweight на англ.).

Он нахмурился. - Светлый... вес (прим. - light weight на англ.)?

Да, он конечно не был немым, но я видела, что он знал не все. Пришло время испробовать свои несуществующие обучающие навыки. Боже, это все, чем мне надо будет заниматься весь следующий месяц. Я только надеялась, что мне это будет удаваться так же легко, как и с Матео - незнакомцем вплоть до нескольких минут назад. Но я знала, что не настолько удачлива.

Я откинулась на спинку сиденья. - Да, человек легкого веса. Это означает, что ты не умеешь пить. И от одной рюмки ликера у тебя гудит голова, следующая - и ты уже пьяный.

- Гудит? - спросил он, хмуря брови. - Как пчела? Я не понимаю, - у него были действительно потрясающие брови.

Я должна была прекратить думать об этом.

- Вроде того, - сказала я. Не хотелось его смущать. - Но при этом тебе хорошо, ты чувствуешь себя непринужденно, - я махнула руками вверх-вниз подобно одурманенному наркотиками хиппи. - Навеселе. Почти пьян. Ты похож на...

- Счастливого, - закончил он.

- Да, - сказала я. Ну, если ты не пил и находишься в плохом настроении, тогда тот первый напиток просто заставит тебя плакать. Но это несущественно.

- Ты становишься от этого... счастливой, Вера? - спросил он. Его голос был низким, затрагивая потаенные струны души. Я уловила свежий запах его одеколона, чего-то дорогостоящего. От одеколона я была счастлива.

Я улыбнулась, внезапно смутившись. Я ожидала, что он будет смотреть в вырез моего декольте, поскольку эта чертова черная майка сползла слишком низко, но он уставился прямо перед собой, терпеливо дожидаясь моего ответа.

- Гм, - красноречиво сказала я. - Давно известно, что надо, чтобы быть счастливым.

Он кивнул, как будто был доволен этим ответом и расслабился, откинувшись на спинку, расстояние между нами снова увеличилось. – На испанском языке есть много слов, которые я мог бы использовать, но, как сказал Маноло, у тебя будут неприятности, если мы не будем говорить по-английски. Признаюсь, это меня не совсем устраивает. Я не знаю, выдержу ли три недели.

Я почувствовала разочарование, это было странно. - Всего три недели? Я здесь на четыре.

- Бьюсь об заклад, что ты устанешь от разговоров, - ухмыльнулся он. - А я устану от необходимости думать. Возможно, я стану молчаливым в конце.

- Но если у тебя есть достаточно пива, ты можешь быть молчаливым и счастливым.

- Гудеть, - напомнил он, усмехнувшись. Затем достал телефон из кармана брюк. - Я должен это записать. Гудеть, - он пробежался по клавишам, вызвав этим у меня улыбку. Когда он закончил, то убрал телефон и посмотрел на меня.

- Теперь, - сказал он медленно, - моя очередь спрашивать.

- Минутку, я собираюсь спросить тебя, где ты работаешь.

Он склонил голову на бок, его губы растянулись в широкой ухмылке. - Это против правил - сейчас моя очередь. Итак, Вера, чего ты хотела... достичь... когда летела в Испанию?

Я поджала губы. - Я не уверена, что правильно тебя поняла.

Он провел рукой по волосам, словно хотел собраться с мыслями. Они у него были густые, темные и напоминали мне по цвету письменный стол в моем любимом антикварном магазине. Кофе с золотыми нитями. Было у него и несколько седых волос, что впервые заставило меня задуматься - сколько же ему лет. Не то, чтобы меня это волновало: он был живым и веселым, мне бы ни разу не пришло в голову, что ему может быть далеко за тридцать.

Он прочистил горло.

- Извини, это все мой английский... хорошо, - он махнул мне рукой. - Мы все здесь по работе, нас прислала компания. А что насчет тебя? Что тебя привело сюда?

Я часто заморгала, не зная, что сказать. - Ничего себе, - сказала я. - Это уже из области философии. Что ты здесь делаешь? Или что ты ждешь от жизни?

Голос Матео был ровный. – Я могу сказать, что ты или американка, или канадка, так? То, откуда ты, неважно. То, что ты делаешь, неважно. Почему ты здесь? Вот это важно.

Сказать по правде, я тую соображала. Я не знала, что еще сказать кроме простой банальности.

- Я хотела познакомиться с новыми людьми, получить новые впечатления.

Он пристально наблюдал за мной интенсивно горящими глазами. Похоже, он любил много думать о смысле жизни. По моей коже пробежал легкий заряд, от чего мои волосы встали дыбом.

Однако, больше он ничего не сказал, просто изучал меня. Хотя он не пошевелился, я чувствовала, что мы стали еще ближе.

Я сделала короткий вдох и отвернулась. - Может это и не важно, но я занимаюсь астрономией. Изучаю звезды. Я изучаю свет, который погас миллиарды лет назад, планеты в другой галактике за миллионы миль. Время и пространство. А я даже не была, черт возьми, в Европе. Я начинала чувствовать себя дурой.

Повисла тишина. Я осторожно разглядывала его.

Его губы искривились в улыбке, и я почувствовала, что снова могу дышать.

- Дурой? - сказал он. - Это плохо?

- Да, - сказала я, чувствуя, как мое сердце забилось. - Это очень плохо. И я начинаю понимать, что мне нет никакого дела до Вселенной, если я даже не могу выехать за границу и изучать там людей. И я действительно хочу встретить новых людей и получить новые впечатления, как бы это банально не звучало.

- И ты хочешь изучить меня? - спросил он. Его вопрос прозвучал вполне невинно, но блеск в глазах сказал мне о гораздо большем. Хорошо еще, что он перевел все это в шутку, иначе получилось бы совсем неудобно.

- Да, - призналась я. - Я хочу изучить всех испанцев и знать все их потаенные, мрачные тайны. Начиная с тебя, - я стрельнула глазками в его сторону, давая понять, что я это не серьезно.

- Но ты так и не ответила - что ты ожидаешь от всего этого?

А разве нет? Я вздохнула. - Лучше понять Вселенную?

Он похлопал меня по руке, и я слегка оторопела, ощущив тепло его ладони. Он улыбнулся.

- Знаешь, Вера, я верю тебе. Но я полагаю, что проведя месяц в Испании, ты будешь понимать Вселенную еще меньше.

У меня было чувство, что он прав.

***

Поездка в автобусе была полезной, поскольку мы с Матео узнали друг друга.

Я рассказала ему о моем увлечении астрономией. Он узнал, где я живу, какое я предпочитаю вино: белое или красное (я сказала, что небольшой любитель вина, а он рассмеялся так, будто я сказала самую нелепую вещь на свете).

Он оказался куда более интересным собеседником, чем я ожидала. У него была пятилетняя дочь по имени Хлоя Энн. Можно было точно сказать, что он обожал ее - его глаза светились, когда он говорил о ней. Он показал мне ее фотографию в бумажнике: она была хорошенькая со светло-каштановыми волосами, но он ни разу не упоминал о своей жене. Мне показалось это странным, и я начала думать, что он был в разводе - я остановила себя. Мне не нужно было об этом думать.

Что же касалось его работы, это было отчасти впечатляющим. Он владел несколькими ресторанами в Мадриде, Барселоне и Севилье и надеялся открыть еще в Великобритании и США, поэтому его бизнес-партнер и посоветовал освежить свой разговорный английский. Он сказал, что его выбрали, потому что он постоянно имел дело со СМИ, «ну ты знаешь почему». Конечно, я не знала, но к тому времени, когда хотела спросить, к нашей беседе присоединились другие пассажиры автобуса.

Мне это не понравилось, как, впрочем, и Матео. Плюс еще здесь была женщина, которая ненавидела таких как я. Это была брюнетка сравнительно небольшого роста с убранными в хвост волосами, на ней была мешковатая футболка на два размера больше положенного. Она смотрела на меня с презрением, словно бы уже вынашивала план моего убийства. Ее макияж делал ее похожей на женскую версию Дэмиен из Омен.

К счастью, испанская девушка оказалась более приветливой. У нее были большие карие глаза, дружественная улыбка и круглое лицо, на щеках выступал хороший румянец. Ей, наверное, было под тридцать, и отчаянный блеск в глазах сказал мне, что она действительно жаждет общения с нами.

Ее звали Клаудия, она занималась рекламой в Мадриде, любила Джареда Лето и «Тридцать секунд до Марса», жила одна, не считая кота по имени Рокко, и много смеялась. Она очень ждала остановки автобуса, чтобы выкурить сигарету.

Ее собеседницей была Лорен, которая оказалась студенткой Нью-Йоркского университета и училась на кинокритика, а также писала для университетской газеты. Не будем вдаваться в подробности, что было не так с современным кино. Жила в общежитии, была единственным ребенком в семье и практиковала вегетарианство. Она не признавала бренд American Apparel. Я поняла это, так как в одну минуту нашего разговора она начала присматриваться к моей футболке, я пыталась подтянуть ее вверх, опасаясь, что грудь сильно выпирает. Тогда она в упор спросила, что это я такое надела.

Я обменялась беспомощными взглядами с Клаудией, которая тоже непонимающе моргала. - Я не знаю. Кажется, купила в American Apparel.

Что было правдой. Я купила ее, не задумываясь, что там на ней написано.

Лицо Лорен исказила гримаса отвращения, как, если бы я сказала, что ела грязные пеленки на завтрак. - American Apparel - ужасная компания, которая унижает женщин, заставляя своих сотрудниц принимать сексуальный вид.

- Ну, - медленно сказала я, заметив пульсирующую жилку у нее на виске, - они сами на это подписываются. По крайней мере, они не эксплуатируют детей из Китая.

Она сощурила глаза. - Было много случаев сексуальных домогательств. Я не понимаю, как женщина может поддерживать компанию, которая извращает культуру.

Я нахмурилась, потеряв нить разговора. - Прости?

- Должен заметить, - начал Матео самым невинным тоном, - футболка очень хорошо сидит на ней.

Глаза Лорен метнулись к его обручальному кольцу. - Не вмешивайся.

Я опустила глаза, но Матео нашел, что сказать. - Не вмешиваться? Это что, английский закон - нельзя говорить комплименты? - его вопрос прозвучал вполне невинно, хотя я и чувствовала, что он на грани. Как бизнесмен он привык держать себя в руках, но при этом быть безжалостным.

Глаза Лорен превратились в узкие щели. Она еще раз окинула нас взглядом и отвернулась, пылая праведным гневом.

Что, черт возьми, сейчас было? Я посмотрела на Матео, подняв брови. Он молчал. Лорен определенно точит на нас зуб. К счастью, Клаудия оказалась классной, и мы всю дорогу болтали о фильмах. Я продолжала говорить, каким гением был Майкл Бэй, конечно, это была наглая ложь, но было забавно наблюдать, как это бесит Лорен. В конце концов, она нацепила наушники и отгородилась от нас музыкой.

Потом у нас была короткая остановка на заправке, где мы как стервятники налетели на ларек с выпечкой. Клаудия же выкурила очередную сигарету. Это был короткий переезд в деревушку Акантиладо.

По словам Матео Акантиладо на испанском означало «утес» - по правде сказать, я так и не поняла, что он этим хотел сказать. Вскоре, однако, я все поняла. Мы спустились в небольшую долину в горах Сьерра-де-Франция, где из зеленой листвы поднимались серые утесы. Деревня Акантиладо была очень маленькой и похожей на сказочную. Я хотела запечатлеть на цифровую камеру проплывающий мимо пейзаж, но автобус двигался слишком быстро, чтобы на фото передалась вся красота этого места.

Вопреки моим ожиданиям мы не остановились, а обехали деревню стороной, трясясь по бульжникам, пока не выехали к открытой проселочной дороге.

- Куда мы едем? - спросила я Матео.

Он пожал плечами. - Я не знаю. Возможно, они хотят нас убить? - он сказал это со всей искренностью, но я поймала лукавый блеск в его глазах.

Я усмехнулась, думая, что у нас похожее чувство юмора. Это почти сделало меня... легкомысленной. Боже, легкомысленной. Какое глупое чувство. Это было странно, вот так сидеть в автобусе и смеяться над шутками человека, которого ты едва знаешь. Я ощущала легкое головокружение, представив себя частью команды, которых везут на расстрел.

Меня бросало из стороны в сторону, и я крепче вцепилась в спинку кресла Клаудии. Наконец, мы остановились перед извилистой дорогой, ведущей вверх по склону холма. Нас окружали фермерские поля, на вершины гор опустился туман.

Маноло велел нам выйти из автобуса. Когда мы встали, Матео легонько толкнул меня в бок, и я почувствовала тепло его дыхания у самого уха. - Было приятно познакомиться с тобой.

Я хихикнула, за что получила очередной гневный взгляд Лорен. Я и забыла про нее.

Как только мы вышли из автобуса, то столпились вокруг, поскольку Маноло начал доставать наш багаж, объяснив, что холм был слишком крут для автобуса и дальше просто не проехать. Хоть и было тепло, но в воздухе чувствовалась прохлада, что говорило о том, что мы были в более высокой точке.

Вскоре к нам присоединился тощий низкорослый человек в шортах, который спускался к нам со склона. Его залысина отвлекала внимание от бледного и потного лица.

- Hola, ребята! - сказал он с сильным ирландским акцентом, махая всем нам и вытирая руки об рубашку. - Я - Джерри.

Ему шло это имя.

- Надеюсь «hola» будет последнее, что мы услышим здесь на испанском, - продолжил он, уперев руки в бока. Он хмыкнул, уличив сам себя в том, что говорил по-испански. Хотя я была уверена, что он заранее готовил эту речь. - В течение двух

следующих недель вы будете говорить только по-английски. Для американцев это не станет проблемой, хотя уверяю вас - ваш английский со временем ухудшится. Так как испанцы будут лучше вас говорить по-английски, - он улыбнулся и замолчал, и тогда я поняла, что он ожидал чего-то большего, чем редкие смешки из толпы, но это все, что он получил. Затем он хлопнул в ладоши. - Но для испанцев это также означает никаких деловых звонков - за исключением крайней необходимости. С семьей можете общаться только по электронной почте на испанском, но только не говорить. Всем все ясно?

Я слышала, как Матео буркнул «puta». Я наклонилась, чувствуя аромат его одеколона. - Что это было?

- Я выругался по-испански, - сказал он. Он поднес палец к губам. - Не говори никому.

- Что ты сказал? – продолжила я шёпотом, словно мы были заговорщики.

- Я расскажу тебе, когда закончится программа, - сказал он. Затем выпрямился, сложив руки на груди. Джерри еще что-то говорил, пытаясь вовлечь нас в беседу.

- Я очень надеюсь, что вы готовы к этому, - Джерри продолжил. - Это будет нелегко. Через мое руководство прошло уже сто двадцать шесть подобных групп, вам, можно сказать, повезло, - Иисус. Сто двадцать шесть? У этого парня вообще бывают выходные?

- Здесь собралось сто двадцать англичан и сто двадцать испанцев, чтобы лучше узнать друг друга. Там, - он развернулся и указал на крыши, которые едва выглядывали из-за гребня холма, - ваш дом на ближайшее время, где вы будете общаться как с англичанами, так и с испанцами по шесть часов в день.

Матео хмыкнул и наклонился ко мне. - Вы, англичане, не понимаете сиесту.

- Ну, - сказала я, не сводя глаз с Джерри на тот случай, если он захочет обратиться к нам, - я не могу говорить за всех англичан, собравшихся здесь, но я большой любитель подремать. Совершенно недооцененная вещь.

- Дремать - это так по-американски, - прошептал он.

- Я из Канады, - поправила я.

- Ты узнаешь, что такое сиеста. Я покажу тебе.

- Ты собираешься показать мне, как дремать? - осторожно спросила я.

- Сиеста, - повторил он, и я пожелала, чтобы это не звучало так сексуально из его уст. - Есть разница.

Джерри продолжал, не обращая внимания на наш разговор.

- Там будет висеть расписание, которое будет обновляться каждый день: с кем вы будете в паре. Вы будете индивидуально разговаривать с тремя партнерами утром, перед обедом и еще три деловых сеанса после обеда. До ужина у вас будет свободный час. После ужина пойдет драматургия.

Драматургия? Я посмотрела на Матео, который был живым примером хорошего ученика, напоминая мальчишку с плаката «Будьте внимательны».

- Это довольно веселая сессия, из которой мы больше узнаем о наших культурах с помощью ролевой игры.

Я не совсем поняла его. Мы будем танцевать фламенко?

- Там будет фламенко, уроки танцев и спектакли, - сказал он, а я ухмыльнулась про себя. - Пародии, игры и вылазки в город за продуктами питания и напитками. Это поможет нам расслабиться.

Джерри развернулся, словно он модель 90-х годов, и откинулся на спинку стула, от чего всем стало неловко.

- Теперь, - сообщил он, не обращая внимания на то, как глупо он выглядел, - возьмите свои вещи и следуйте за мной. Мы сняли этот курорт: теперь в нашем распоряжении будет бар, из которого мы сделали конференц-зал. Я подготовил для нас игру «Ледокол». Каждому из вас выделят номер, моя помощница Джанет выдаст вам ключи.

- Ледокол? - сказал мне Матео. Солнце выглянуло из-за облаков, что позволяло мне лучше рассмотреть его глаза. Я подумала, что коричневый - это не совсем точный цвет - они мерцали как темная деревянная палуба парусного корабля. Они были неоднородные и такие глубокие.

Я должна была отвести взгляд, но не сделала этого. Заправила непослушные волосы за уши и пожала плечами. – Понимаешь, это для того, чтобы лучше познакомиться.

- Но я уже знаю тебя, - сказал он с легкой улыбкой. - Почему я должен знакомиться с кем-то еще?

Мое сердце учащено забилось. Черт побери, его акцент. И глаза. И все остальное.

- Это ваше, - к нам подошёл Маноло, бросая мне рюкзак. Затем бросил на землю чемодан Матео - это был дорогой чемодан на заказ, а он просто отодвинул его в сторону ногой и взял мой рюкзак. Его руки были спрятаны под рубашку, но мышцы напряглись настолько, что дали волю моей фантазии.

- Ты сама понесешь его или помочь?

Ничего себе. Еще и джентльмен.

Я протянула руку, чтобы взять его. - Я сама (*прим.: с англ. I'm good, что дословно переводится как я хорошая*). Но все равно спасибо.

- Ты хорошая?

Я вздохнула. Мне действительно нужно поменьше употреблять разговорные слова и выражаться яснее, иначе меня многие испанцы не поймут.

- Я сама могу нести рюкзак, - начала я терпеливо объяснять, - но спасибо за предложение.

- Аа, - сказал он и кивнул. Я задумалась, каким же он был терпеливым, молодая девушка вроде меня учит его языку каждые две секунды. Я предположила, что он должен просто привыкнуть к этому. Я даже не знала о чем говорить с мужчиной, которому уже за тридцать.

Он с легкостью поднял свой чемодан. - Я подумал, что ты сказала, что была хорошей, ну, типа хорошей девочкой.

Я почувствовала, как мои губы невольно расплзаются в улыбке. - О, меня очень трудно назвать хорошей девочкой.

- Вот за это ты мне и нравишься, - он погрозил мне пальцем.

Я ему понравилась? Я понимала, что это могли быть просто слова. Бабочки запорхали в моем животе – я как будто снова стала маленькой девочкой. Я знала, что мне лучше не идти на поводу у эмоций. Секс - одно дело, когда ты с кем-то спишь, но когда тебе говорят, что ты ему нравишься... Ничего хорошего из этого не выйдет - он был женат. И мы только познакомились.

- Идем? - сказал он. Я моргнула, осознав, что так и осталась стоять и вести некоторую вечную войну с самой собой, в то время как все остальные начали тащить свои сумки вверх. Одни мы с Матео остались позади, потому что у меня зашкаливали гормоны.

- Да, - ответила я, криво улыбаясь. Я натянула свой рюкзак, мои плечи горели от этого веса, и начала быстро идти вверх по склону. Мне хотелось, чтобы это выглядело так, будто я просто пытаюсь догнать остальных, но на самом деле я хотела сохранить себя в целостности.

Глава 3

Как только мы поднялись на вершину холма, то, наконец, смогли лучше рассмотреть наш новый дом на ближайший месяц. Это было удивительно - я уж точно такого не ожидала. Вместо одного большого отеля, как я себе представляла, мы увидели множество домиков, разбросанных по всему периметру, их окружал сад. Большинство из них представляли собой двухэтажные коттеджи, но были и такие, похожие на дуплексы. Все они имели свои собственные внутренние дворики, балконы и небольшие газоны. Эти постройки были похожи на те, что я видела в городе - белокаменные с темно-коричневой отделкой под дерево и красной черепицей на крыше.

И посреди всего этого стояло одно кирпичное здание, по всей видимости, главное. Его также окружал большой ухоженный газон с разбросанными столиками и плетеными креслами в небольшой тени дуба, что было только мне на руку, если я захочу позагорать. Спасибо непрекращающимся дождям Ванкувера - я оставалась бледной, и даже поездка в Лондон не помогла. Мне хотелось бронзовый загар, чтобы мои волосы отдавали золотом.

Я слушала Джерри, который рассказывал, что во всех коттеджах было по две квартиры. Испанец будет делить дом с англичанином, но при этом у каждого будет отдельная спальня и ванная комната. Я бы соврала, если бы сказала, что не хочу, чтобы Матео был моим соседом. Уж точно я не хотела быть в паре с Лорен.

Все мы оставили свои чемоданы и рюкзаки во внутреннем дворике. Потом протиснулись к ресепшн, чтобы получить ключи от номера и правила игры «Ледокол». Здание было грандиозное внутри в отличие от своего наружного вида. Гладкие оранжевые плитки, исчез кирпич, который покрывал стены и арки над дверными проемами. Я попыталась хоть что-то вспомнить из уроков истории об этом архитектурном стиле - ничего. Никаких бы слов не хватило, чтобы описать мое восхищение.

На ресепшн нас приветствовали две улыбающиеся женщины. Мы выстроились у стены в линию: здесь же было несколько компьютеров, удобные стулья с антикварными столиками, как мне показалось, а также бар, сделанный из цельного куска дерева - там выстроился ровный ряд зеленых бутылок Heineken. В дальнем конце комнаты располагалась винтовая железная лестница, по ней можно было подняться на второй этаж. Через главную арку был виден большой обеденный зал с невероятно высокими потолками, столами с белыми скатертями, вдоль которых располагалось по четыре стула.

На Матео это, кажется, не произвело впечатления, возможно потому, что такая архитектура была распространена здесь. Но он, однако, нахмурившись, смотрел на невысокого человека в очереди перед нами, который все время оборачивался и пялился на него. Мой гей-радар не срабатывал, поэтому это больше походило на «Я откуда-то вас знаю» взгляд, на который Матео глазами отвечал «Вы ко мне обращаетесь?». Конечно же, это все было не на словах.

Наконец и мы добрались к одному из регистраторов. Я протянула ей паспорт, мне вручили толстую брошюру и спросили, есть ли у меня кредитка, которой я буду расплачиваться за расходы в баре. Это прозвучало как-то угрожающе, так что я дала номер кредитки.

В то время как она взяла мою карточку, Матео прочитал на конверте: «Вера Майлз».

- Это я, - сказала я. Джерри кричал на нас, что мы должны вынуть свои бейджики с именами и носить их на шнурке вокруг шеи всю программу. Я взяла свой. Там был еще один небольшой пакет, а внутри был еще один поменьше. И Джерри предупредил нас, чтобы мы пока его не раскрывали. В первом были ключи от номера.

- Есть актриса по имени Вера Майлз, - заметил Матео. - Она играла в «Психо». Хороший фильм.

Я кивнула, проверяя в то время, не застрял ли мой бейджик между грудью. Это трудно было сделать, поскольку Матео стоял очень близко и наблюдал за мной - Угу. Но меня назвали в честь бабушки.

- А меня назвали в честь деда, - сообщил Матео с легкой улыбкой. Регистратор вернула мне назад мою кредитную карту и посмотрела на Матео, широко улыбаясь. Похоже, я не единственная, кто находил его привлекательным. Она также заметила

обручальное кольцо, когда он положил руку на стол, поскольку ее глаза вспыхнули разочарованием.

Она снова посмотрела на меня, я закусила губу как бы говоря: «Такой облом».

Она сстроила гримасу и снова посмотрела на него. - Ваше имя, пожалуйста?

- Матео Казаллес, - сказал он.

Черт. Меня возбуждал сам звук его голоса, в голове тут же возникли подробные картинки, что он еще мог делать языком.

Срочно нужно на что-то переключиться.

- Матео Казаллес? - повторила она со странным блеском в глазах.

Он одарил ее мимолетной улыбкой. Она достала из-под стола конверт и протянула ему. Он ловко открыл его и прикрепил бейджик к ремню, таким образом, он болтался возле кармана.

Я уже хотела спросить, пытался ли он так привлечь внимание к своему паху, но побоялась, что он неправильно меня поймет, и поэтому просто сказала. - Ты должен носить бейджик на шее, мне так кажется.

Он смерил меня взглядом, и мы вышли из очереди. - Так и есть. - Затем он достал свой ключ от номера и всмотрелся в него. - Номер номера tres. - Затем он махнул рукой, словно хотел стереть из памяти испанские слова. - Извини. Три, корпус пять.

Я посмотрела на свой конверт и едва смогла скрыть разочарование. - Номер два, корпус первый.

- Это совсем рядом со мной, разве нет?

Я улыбнулась ему. Он говорил так, словно мы были знакомы не первый год. Я едва не поверила, что мы тут одни.

Пока к нам не присоединилась Клаудия.

- Эй, Клаудия, как дела? - спросил он так радостно, словно они давно не виделись. Это меня слегка задело. С ней он общался тоже как со старой знакомой. Просто таким он был общительным человеком. Не было нас. Был только Матео.

Я глубоко вздохнула. Мне бы очень хотелось иметь друзей, с которыми можно было просто поговорить.

Я заметила кого-то еще в углу. Это был англичанин, но мне было трудно разобрать отсюда, что он там говорит. Принимая во внимание, что Матео был спортивным и подтянутым, то этот парень был жилистым и худощавым. Было в нем и что-то сексуальное. У него были черные волосы и имелся пирсинг в носу и губе. Он был бледен как призрак и носил черные узкие джинсы, под стать им теплая куртка и сапоги. Куртка была столь старая, что я едва могла разобрать надпись на ней.

Парень оглядывался по сторонам, возможно, ему наскучило общество загорелой блондинки, и я улыбнулась ему, надеясь привлечь внимание. Я знала, что ему нравились такие, как я.

Его глаза загорелись, и он кивнул мне. Отлично. Он отвлечет меня от мыслей о Матео. Мне оставалось только надеяться, что он не был женат - в противном случае мне придется забыть о мужчинах до конца поездки. Может это и к лучшему, к тому же я захватила вибратор.

- Я так и знал, - произнесли мне в самое ухо с сильным акцентом.

Я повернулась удивленно, ожидая увидеть того, кто заговорил со мной. Это был невысокий человек, который стоял перед нами в очереди. Парень вытаращился на меня и по-идиотски улыбался. Он глазами стрельнул в Матео, потом опустил глаза вниз, на его карман, где он спрятал бейджик.

- Я так и знал, что это ты, Матео Казаллес, - сказал мужчина. - Ты мне сразу показался знакомым.

Матео кивнул и одарил его одной из тех улыбок, которые не сходят с лиц политиков.

Так... кто, черт возьми, этот Матео Казаллес?

Клаудия увидела мое недоумение, похлопала Матео по груди, что так хотелось сделать мне. - Ну, конечно, ты не смотришь футбол? Верно? - заговорила она со мной.

Я сморщилась. - Канадский или американский футбол?

- Нет, мировой футбол, - сказала она. - Футбол.

Да уж. Я и забыла, что здесь в футбол играют абсолютно все.

Я покачала головой. - Я не слишком увлекаюсь футболом. В последний раз я играла и подвернула ногу. - Печальная история. Мой тренер был так расстроен, что больше никогда не выпускал меня на поле. В итоге, мама отдала меня в гимнастику, что было не намного лучше, поскольку пластики у меня столько же, сколько и у обезьяны.

- Казаллес был в нашей команде, - сказал мужчина. Я посмотрела на его бейджик. Хосе Карлос. Лягушатник Карлос было более подходящее.

Я попыталась вспомнить, что знаю об испанском футболе. И вдруг меня прошибло. - Боже мой, - вскрикнула я. - Ты играл с самим Бэкхемом!

Матео усмехнулся, его глаза подобрели. - Нет, - пояснил он. - Есть две команды Мадрида. Я играл за Атлетико Мадрид. Вряд ли ты... о ней слышала.

Ауч. Не Бэкхем. Честно говоря, у парня был более высокий голос, чем у меня. Однако если Матео был в футбольной команде таким, что его узнавали, то это означало, что у него могло быть такое тело как у Бэкхема, хотя я это и так подозревала.

Вот это мужчина. Его жена была удачливой сучкой.

- Он был лучшим центральным защитником, который у нас когда-либо был, - взволновано сказал Карлос, он произнес это с гордостью. - Он мог остановить любого.

На губах Матео появилась легкая улыбка. - Ну, практически.

Самодовольное выражение исчезло с лица Карлоса. - Да. Practically.

Ладно, похоже, там была какая-то история - и мне до смерти хотелось бы знать ее. Что случилось с Матео? Почему он теперь занимался ресторанным бизнесом, а не играл в футбол, как когда-то? И сколько ему было лет? И носил ли он нижнее белье «Дэвид Бэкхем», потому что эти боксеры были чертовски сексуальные.

Мои мысли прервал Джерри.

- Послушайте, - сказал он, взобравшись на антикварный стол посреди комнаты. Я задумалась, не испортит ли он его, но глядя на него такого худого - поняла, что это просто невозможно. - Предлагаю сыграть в «Ледокол». Это простая и легкая игра. И это весело. Так что не беспокойтесь.

Я занервничала.

Он говорил так, словно мы были знакомы восемь лет, а не впервые попали сюда. - Достаньте карточку из маленького конверта, который вложен в большой. Не смотрите на нее, - он показал пальцем на нас, как будто мы собирались это сделать. - Приложите ее ко лбу. Ваша задача узнать «кто вы», задавая вопросы другим людям. Только без обмана. Я буду наблюдать за вами.

Ну, а он что будет делать?

Он хлопнул в ладоши, давая сигнал к началу игры, тяжело вздохнув, я обменялась едкими взглядами с Клаудией и выудила карту. Я прикрепила ее на лоб, придерживая, развернувшись, чтобы посмотреть на нее.

Она держала карточку «Наполеон». Я усмехнулась.

- Ты хочешь быть первой? - спросила я.

- Ладно, - сказала она, закатив глаза. - Я... человек?

Хороший вопрос. - Да.

Она кивнула, будто это что-то для нее прояснило.

Моя очередь. - Я - мужчина?

Она решительно покачала головой. - Нет. Ты женщина.

Так, значит я женщина - не девушка или ребенок. Я продолжила расспросы.

Я выслушала пожилого испанца, которого звали Пабло, с карточкой на лбу - Стив Джобс. Затем развернулась к Матео, который только что закончил спрашивать о чем-то Карлоса. Его лицо вспыхнуло огромной, плавящей трусики усмешкой в тот момент, когда он посмотрел на меня. У него на лбу была карта - Мухаммед Али. Плавает как рыба и жалит как пчела. Это про него.

Карлос откашлялся, и я посмотрела ему на лоб - Альберт Эйнштейн. Хм.

- Кто я? - спросил он меня с нетерпением.

- Хм, это против правил, - сказала я. Черт, я уже замучилась держать табличку на лбу.

- Кто ты? - спросил он.

Ох. У него ужасный английский.

- Да. Кто я, - растягивая слова, произнесла я. - Я - кинозвезда?

До него, кажется, стал доходить смысл сказанного. Где-то совсем рядом я услышала, как Матео хихикнул.

- О, да, - сказал Карлос. - Ты - звезда мирового масштаба. Точнее была. Ты мертва.

Я подняла руку. - Я думала, что по правилам мы должны отвечать только на один вопрос.

- Извини, - сказал он, зажав рот ладонью в шоке от того, что с его губ слетели испанские слова. Затем выпустил карту из рук, и та приземлилась надписью вверх. Что означало - игра для него закончилась.

- О, нет, - с притворным сожалением воскликнул он и наклонился, чтобы поднять ее. - Я был Альбертом Эйнштейном.

Я быстро развернулась к Матео, пытаясь привлечь его внимание.

- Хорошо, спроси что-нибудь о себе, - сказала я, убедившись, что он не закончил игру так же как Карлос.

Пока он думал, что спросить, я разглядывала его широкие плечи, темные волосы, бронзовый загар.

- Я думаю, что я - мужчина, - сказал он, растягивая слова с блеском в глазах. - На самом деле я знаю это. Как могло быть иначе?

Хороший вопрос. По-другому и быть не могло.

- Так, - размышлял он, - спрошу тогда, жив я или нет?

Я сосредоточилась на вопросе. - Ты жив, - сообщила я ему. - Но ты не всегда поступаешь правильно, ты своего рода первопроходец.

Я сказала больше, чем следовало, но я хотела только помочь. Но это мало ему помогло - он раздумывал над значением слова первопроходец.

- Моя очередь, - произнесла я взволнованно. Почувствовав, как тепло распространилось по всему моему телу. Я ощутила, как почва уходит из-под ног.

Я только надеялась, что мои чувства не отразились у меня на лице, а он лишь криво усмехнулся. Казалось, он знал все, о чем я думала.

- Так и есть, - сказал он с ухмылкой. Он выпрямился и теперь казался еще выше. - Что ты хочешь знать?

- А, да, - сказала я, на секунду забыв обо всем на свете. Я поджала губы, думая, о чем бы спросить. Я уже догадывалась, что у меня там написано на лбу или я так думала.

- Я сексуальная? - спросила я шёпотом, словно это был секрет. - Красивая? - добавила я на тот случай, если он не знает слова сексуальная.

Он окинул меня взглядом, и очень ленивая, озорная улыбка появилась на его губах. - Да. Ты очень красивая. И очень, очень сексуальная.

Я подняла бровь. - Я не про себя спрашиваю, а про человека, которого пытаюсь отгадать.

Да, - произнес он, пристально меня рассматривая. - Именно это я имел в виду.

Мы уставились друг на друга, что было неприлично в данный момент, учитывая, сколько мы были знакомы. Я почувствовала, как мир вокруг таял, и мы остаемся одни, словно все эти люди в одночасье куда-то исчезли с их разговорами и смехом.

Но мы не были одни. Клаудия стояла рядом с Матео, сжимая его руку, и что-то говорила.

Он разорвал наш контакт и чары рассеялись. Если, конечно, они были. Теперь мне кажется, что все это было лишь мое воображение.

Его внимание переключилось на нее, и я стала оглядываться по сторонам в поисках других игроков. Я не привыкла к чувству, что меня привлекает парень, и он выбил меня из колеи.

Я заметила рокера, пробирающегося сквозь толпу к бару. Там никого не было - поблизости ошивались только испанцы.

Я начала пробираться к нему.

- Эй, - позвала я парня, когда тот попытался заглянуть за барную стойку. Он обернулся, и я смогла разглядеть его имя. - Дэйв, - произнесла я медленно. Ему совсем не шло это имя.

- Привет, - бодро сказал он с североамериканским акцентом. У него были красивые глубоко посаженные голубые глаза, хоть и немного налитые кровью. Он посмотрел на мой

бейджик. - Вера, - прочитал он задумчиво, а потом посмотрел на мой лоб. - Ты еще в игре?

Я пожала плечами. - Я уже практически догадалась. Ты мог бы мне помочь?

Он скрестил руки на груди и прислонился к бару. Его руки покрывали татуировки: ничего из того, что бы меня заинтересовало. Змеи, символы и всякое дермо.

- Давай, спрашивай - сказал он.

Я собралась с мыслями, чтобы не выглядеть глупо и спросила. - Итак, я блондинка?

Он кивнул.

Я улыбнулась. - Я - Мерилин Монро, верно?

Я отлепила табличку и посмотрела на нее. Ну конечно, я была Мерилин. Я так и знала. Одно время она была моим кумиром, и я знала о ней все.

- Неплохо, - сказал он. - Я бы купил тебе выпить, чтобы отпраздновать, но...

Он не успел закончить предложение, как появился Джерри вместе с Карлосом, у него подрагивал кончик носа, и были кривые зубы. Я уже хотела сравнить его с кроликом, но поняла, что он не оценит подобной шутки.

- Бар откроется после ужина, - сообщил Джерри со своим обычным ирландским акцентом. Он взглянул на карту в моей руке. - О, Мерилин - я был ее поклонником. Почему красотки так рано умирают? - Я, было, открыла рот, чтобы ответить, но он не дал мне и слова сказать. - Я рад, что вам понравилась игра, Вера и Дэйв. - Он улыбнулся. - Вы можете взять сумки и отправиться в номера, там вы отдохнете перед ужином. Он в семь и не опаздывайте.

Он погрозил нам пальцем и пошел к другой компании.

Я посмотрела на Дэйва, тот закатил глаза. - Итак, - сказала я. - В каком ты корпусе?

- В восьмом, - ответил он, показав мне ключи. - Хочешь пойти посмотреть?

Я взглянула на него оценивающе. Он мило улыбнулся, от чего стали видны ямочки на щеках и сказал. - Пойдем.

Он показал на дверь и пошел первым. Дэйв был чрезвычайно самоуверен и покачивал попкой, которая к тому же была меньше моей. Мне захотелось дать ему пинка.

Я последовала за ним, ища в толпе Матео и Клаудию, но так и не нашла их. Он тем временем взял свою сумку. Я решила вернуться сюда позже.

Пока мы шли вверх по дороге к его коттеджу, он вытащил пачку сигарет и протянул мне.

- Будешь?

Я покачала головой. Я курила иногда: только, когда пила или была в плохом настроении. Но сейчас я была трезвая и весьма оптимистично настроена, чего не было очень давно.

Я изучала его руки, пока мы шли. Пальцы у него были тонкие и изящные - я могла предположить, что он играл на гитаре. У него имелись татуировки с азиатскими символами или какое-то священное писание.

- Что это значит? - кивнула я на татуировки.

Он взглянул на руки так, будто видел их впервые. - Я не знаю. Мне сделали их в Таиланде. И я был пьян.

Я рассмеялась. - Хорошая история.

- Но это гораздо лучше, чем проснуться с молодым парнем, которого ты считал женщиной.

Я поморщилась, а он усмехнулся. У него были кривые зубы, но ему шло. - Со мной такого не было, не волнуйся.

- Я и не волнуюсь, - ответила я. - Я могу сказать, что ты знаешь разницу между мужчиной и женщиной.

Он вскинул брови, но так и ничего не сказал, пока мы не добрались до его коттеджа. Он был в дуплексном стиле и очень милый.

- Ух ты, - сказала я, когда мы зашли внутрь. Там была небольшая кухонька, но больше всего меня впечатлили деревянные полы, железные люстры, свисающие с потолка и кремовые диваны. Белые каменные стены украшали картины. Я осталась ждать его в гостиной, пока он пошел в спальню, чтобы бросить сумку.

Я облокотилась о стену, чувствуя усталость. Сказывались события этого дня: долгий перелет из Лондона, блуждание по городу. Я собиралась уже сказать Дэйву, что устала и лучше пойду к себе отдохнуть, но тут объявились его соседка.

Она выглядела лет на тридцать, может старше. Высокая, почти такая же, как и Дэйв, с бронзовым загаром. Ее бейджик показывал, что ее зовут Беатрис. Она застенчиво улыбалась, когда смотрела на наши татуировки и пирсинг, вероятно думая, что прервала свидание.

Мы быстро познакомились, и Беатрис поставила сумку. Дэйв тем временем достал бутылку ликера на основе граппы, которую по всей вероятности купил несколько дней назад. Они сели на диван, я же устроилась на подлокотники - мы подняли бокалы и выпили за знакомство.

Выпивка была плохой идеей. Я только узнала, что Дэйв жил в штате Мичиган и был гитаристом в группе, а Беатрис была ведущей местных новостей в Сан-Себастьяне, которая собиралась выйти на международный уровень, но для этого нужны были связи, прежде чем комната начала вращаться.

Я извинилась, сославшись на то, что еще надо распаковать вещи и сказала, что мы еще увидимся за ужином. Я оставила коттедж позади, чувствуя себя не в своей тарелке. Я покала плечами и направилась обратно к ресепшену, чтобы забрать сумки.

Я не увидела Матео и Клаудию, хотя там было не так уж много людей. Я с неохотой подняла рюкзак и закинула на спину. Я хотела поскорее очутиться в своей комнате и быстро его распаковать, а потом зашвырнуть подальше до конца месяца. Мне эта идея пришла по душе, но затем откинула ее. Я сама виновата, не нужно было набирать столько обуви. Я взяла целых пять пар.

Мой коттедж находился прямо напротив ресепшена и столовой. Буколические низкие, каменные стены поросли мхом и, так же как и все остальные домики, его окружали деревья. Это был крайний коттедж, отсюда начиналась горная дорога. Сейчас, наверное, часов пять или около того, поэтому воздух уже прохладный, а солнце стало клониться в сторону гор.

Это была моя первая ночь в Испании.

Все, чего мне сейчас хотелось - это лечь на свою кровать и спать. У меня не было сил распаковывать вещи. Даже идея пойти на ужин представлялась несбыточной.

Моя квартира была на втором этаже коттеджа, так что я, шатаясь по деревянной лестнице, поднялась и сунула ключ в замочную скважину. Квартира выглядела практически такой же, как у Дэйва и Беатрис, за исключением того, что здесь был балкон с французскими дверьми. Там стоял небольшой круглый столик с железными стульями, словно приглашая вас отдохнуть.

Я направилась в спальню, успев оценить темные деревянные полы и мебель, объемные тюлевые шторы на окнах, белоснежное покрывало на кровати с испанской вышивкой, прежде чем бросила сумку на пол и рухнула на кровать.

Всего пять минут, - подумала я.

Через тридцать секунд я вырубилась.

Глава 4

Как не в своей тарелке - это как нельзя лучше описывало мое состояние. Я знаю, что мне трудно найти общий язык с людьми, но все равно каждый раз удивляешься почему за столько лет я не нашла себе компанию. Конечно, в средней школе я общалась с разными непутевыми людьми, но только потому, что любила курить травку, делать татуировки и слушать панк и метал. Но я была также умной - мне нравилось учиться, я хотела поступить в престижный университет, в то время как они даже не пошли бы в местный колледж. И когда я поехала учиться, то завела новых друзей, но никто из них меня по-настоящему не понимал. И это были мои сверстники.

Я пошла в университет. Казалось, здесь люди были более лояльными, но я все равно продолжала чувствовать себя не в своей тарелке и задаваться вопросом, где же моя компания. Мой близкой подругой стала Джослин, с которой я познакомилась в первый год обучения, но вскоре она почему-то вернулась в Саскачеван (скажу только, что это не то место, куда бы вы хотели вернуться), и поэтому мы виделись раз в год в лучшем случае. Наше общение было сведено к переписке на Facebook - регулярно, но все же. Теперь я все чаще стала зависать в интернете, смотрела смешные ролики в YouTube или напивалась в местных забегаловках, пока не подцеплю какого-нибудь парня.

Тем не менее, в тот момент, когда я выходила из автобуса в Акантиладо вчера, я чувствовала, что если не нашла свое место, то уже на полпути к этому.

По большей части здесь были хорошие люди, но были и такие, кто не был дружелюбно настроен ко мне. По крайней мере, все испанцы были приветливы. Хоть они и отнеслись к программе серьезно, они также хотели повеселиться – мой тип людей.

Вероятно, помогло то, что я уже познакомилась с парочкой из них. Это было хорошее чувство, как будто Матео и Клаудия, и я отчасти все знали друг друга, даже если и поверхностно. Я видела, что несколько людей продолжили общение, начатое еще в автобусе, то, что сначала мне показалось глупым. Однако знакомство с Беатрис, Дэйвом и Карлосом, казалось, уже имело для меня большое значение.

Но, к сожалению, я пропустила решающий момент сближения, поскольку проспала весь ужин. Я так устала, что сразу же провалилась в сон. И когда моя соседка по дому, миниатюрная и милая Сара постучала в мою дверь, я крикнула ей, чтобы убиралась. Потом пришлось извиниться.

Было шесть утра, когда я проснулась. Я сощурилась от непривычно яркого света, льющегося через окно, заставила себя встать и пойти в душ. Было такое чувство, что я попала под грузовой поезд. Возле столовой меня уже ждал Дэйв, наверное, хотел произвести впечатление, и еще несколько человек, которых я видела впервые. Вскоре подтянулись и остальные.

Если быть честной с самой собой, то я надеялась увидеть Матео. Я знаю, это глупо и неуместно, было странно и то, что он занимает все мои мысли, учитывая, что мы никогда не будем вместе и он не в моем вкусе? И не смотря на все это - факт остается фактом: я хотела ему понравиться. Я бы хотела, чтобы он смотрел на меня и думал, что «я очень красивая и сексуальная», то, как он описывал Мерилин Монро.

И что уже ни в какие ворота не лезет - он был женат и имел ребенка. Я не должна хотеть, чтобы он думал, что я привлекательная. Я должна хотеть, чтобы он считал меня некрасивой, но достаточно забавной, чтобы быть друзьями.

Иногда мне кажется, что я ужасный человек.

Я посмотрела на телефон. Вероятно, сейчас было либо слишком рано, либо слишком поздно для звонка домой - я не была уверена какая у нас разница во времени, мне нужно было поговорить с Джошем или посмотреть нет ли сообщений от Джослин на Facebook. Хотя я никогда не имела привычки говорить про свою личную жизнь с братом, но у него есть особый талант, заставлять меня чувствовать себя хорошим человеком. А это мне сейчас ой как нужно - достаточно и того, что Джослин называла меня своей маленькой шлюшкой, поскольку знала о всех моих действиях с парнями. Я бы тоже назвала ее так, но не все так просто.

Мой палец завис над экраном - здесь был невероятно дорогой роуминг, я не могла получить даже смс. Я глубоко вздохнула, затем убрала его. Нет, мне срочно нужен

беспроводной интернет, придется использовать компьютер в главном здании или чужой телефон. Они и правду хотят, чтобы мы здесь были как в изоляции.

Сегодня я провела перед зеркалом дольше, чем обычно. Я знала, что симпатичная - у меня была гладкая кожа, немного экзотические на вид карие глаза и полные губы. Кто-то даже сравнил меня с Николь Кидман, на что я пошутила, что была ее более страшной и толстой сестрой-близнецом. Фигура у меня была по типу «песочных часов» с тонкой талией, но все остальное было более пышных форм, что никак не удавалось убрать, сколько бы я ни сидела на диете. К тому же мне не хватало силы воли, когда вокруг столько еды. К счастью, это не отражалось на моих отношениях с мужчинами. Им нравилось то, что было за что подержаться, да и я не жаловалась.

Я не была уверена, какая сейчас погода – я вспомнила, как кто-то говорил, что летом было сухо и жарко, а зимой – холодно и мерзко, поэтому я натянула черные узкие джинсы, ботинки с пряжками и темно-синюю кофту. Нанесла лак на волосы, взъерошила их и направилась к двери. Сара уже ждала меня, сидя на балконе с чашкой растворимого кофе.

Я извинилась за то, что была груба с ней вчера вечером, но она только махнула рукой и улыбнулась. Ей, казалось, было за тридцать, но она не говорила на английском очень хорошо. Я узнала, что она была замужем, но без детей, работала в мадридском журнале, но больше мне узнать не удалось. Она была яркой и выглядела начитанной – может всему виной были блестящие, пепельные светлые волосы или ее элегантный свитер со строгими брюками, но у меня было чувство, что она справится со всем быстро. А как может быть иначе, если тебя вынуждают говорить на чужом языке целый месяц?

Мы вышли из коттеджа вместе – это был акт солидарности, хотя наш коттедж располагался прямо напротив столовой. Я думаю, она просто неловко себя чувствовала из-за всей этой программы, как и я. Воздух был прохладным, поскольку солнце только появилось из-за горизонта, окрашивая небо в невероятные цвета, которые невозможно было повторить. Здесь все было по-другому, и ты чувствовала себя частью чего-то большего.

Занят был лишь один столик – мы еще и рано пришли. Здесь сидели четверо мужчин, которые тихо о чем-то говорили по-испански.

- Отчаянные парни, – сказала Сара в шутку, когда мы заняли столик у окна. – Быть беде.

Я кивнула и улыбнулась. Было смешно, насколько трусливы оказались люди, думая, что говоря на своем родном языке, попадут в неприятности.

Мы только присели, когда появился Джерри, цоканье его ботинок эхом отражалось от плитки. Он воскликнул. – Что это? – мы с Сарой лишь молча смотрели с удивлением. Джерри подошел к столу и положил на него руки. – Немедленно прекратите. Никакого испанского. Что я вам говорил?

Забавно было наблюдать, как Джерри с присущим ему занудством отчитывает кучку испанских бизнесменов, но надо отдать ему должное – они выглядели пристыжено.

Все они принесли извинения на английском языке. Джерри велел им рассесться по разным столикам – за одним не должно быть более двух испанцев. Отныне это стало правилом до окончания программы. Кто первый придёт.

Один из мужчин подошел к нашему с Сарой столику с нетерпеливой улыбкой на лице. Он был дородный, с густыми усами и черными, как смола, волосами. На вид ему было лет пятьдесят.

- Можно присесть? – вежливо поинтересовался он, улыбаясь, словно выиграл в лотерею.

Мы с Сарой кивнули, сказав, что будем только рады. Хотя в душе я почувствовала огорчение. Подсев к нам, он уменьшил шансы, что к нам присоединятся Матео или Клаудия.

Я поприветствовала мужчину, который с радостью показал нам бейджик с именем Антонио.

- Ух, ты, – сказал он, как только уселся. – У тебя так много татуировок!

Как правило, люди говорили это с пренебрежением, и я обижалась, но Антонио, по-видимому, это действительно впечатлило. Я склонила голову и посмотрела на руки. – Спасибо.

Он показал мне большой палец и подмигнул. - Это круто. - Затем он повернулся к Саре и повел привычную в таких случаях беседу. Я смотрела на них еще с минуту: они с осторожностью подбирали слова, чтобы ненароком не перейти на свой родной язык. Меня это восхищало. Я пробыла в Мадриде лишь несколько часов, и это было сущим адом, не зная их язык.

Я решила, что они оба мне нравятся. А еще мне нужен был кофе.

Я осмотрелась вокруг, думая, что не лишним было бы встать и самой себя обслужить. Здесь был официант, который медленно двигался и подносил каждому кофе, но все остальное, казалось, было на шведском столе. Подтягивались люди, некоторые уже объединились в группы.

Клаудия вошла одна в спортивной, укороченной куртке - ее ангельское личико мило улыбалось, она осторожно озиралась по сторонам. Она улыбнулась, заметив меня, но тут же ее взгляд упал на сидящих рядом испанцев, и она передумала подсаживаться к нам. Я кинула на нее виноватый взгляд, но она только пожала плечами и села за ближайший столик.

Дэйв, с его жесткими волосами, пришел с Беатрис, и ему удалось получить последний свободный столик у двери. Вскоре к ним присоединился Матео. Беатрис поднялась, и я мельком успела заметить желтое платье, из-под которого выглядывали стройные ноги, прежде чем она обняла Матео так, как будто они были знакомы не первый год. Она расцеловала его в обе щеки, и он с радостью подсел к ним за столик.

Тьфу. Теперь я действительно ощутила разочарование. Я стала ругать себя за то, что проспала ужин. Кто знает, что было между Дэйвом и Беатрис? Возможно, они за время ужина успели со всеми познакомиться. Я чувствовала, что снова оказалась в средней школе, проводя выходные в одиночестве, а затем горько об этом жалела в понедельник, услышав последние новости.

Но мне стало еще хуже, когда к нам за столик подсела Лорен. Была еще сотня свободных мест, но ей надо было сесть именно сюда, она выдвинула свой стул так, как будто была чертовой королевой Англии и села.

- Надеюсь, они не забыли, что я вегетарианка (*прим.: по англ. – vegan*), - сказала она, даже не потрудившись поздороваться с Антонио и Сарой.

- Тебя зовут Веган? - спросила Сара, вглядываясь в ее бейджик.

Лорен поморщила нос. - Нет, - сказала она, как будто делала нам большое одолжение. - Меня зовут Лорен. Я вегетарианка. Это мой выбор.

Антонио скривился. - Ты вегетарианка?

Прежде чем она начала читать ему лекцию, я повернулась к ней и сказала. - Я не думаю, что они принесут твой завтрак сюда. Мне кажется, ты должна сама пойти и взять.

- Это мы еще посмотрим, - сказала она и поплелась к Джерри.

Я улыбнулась Антонио и Саре. - Большинство вегетарианцев - приятные личности, - попыталась я оправдаться. Затем взяла свою тарелку и направилась к столу, заняв очередь за очень высоким испанским парнем по имени Рикардо, ухмыляясь собственным мыслям.

Весь стол был усеян мясом и сыром. Вот так. Там была еще корзина с фруктами, салаты и ломти хлеба разных сортов - все остальное было предназначено для вегетарианцев, кошмар. Колбаса, бастurma, окорок и ветчина, нарезанная тоньше бумаги, затем куча различных сортов сыра, творог. Наконец, я добралась до большого блюда чуррос (сладкая обжаренная выпечка из заварного теста) и хлебного пудинга, определенно не для вегетарианцев, кстати.

Если Лорен так и не получит свое меню, то разозлится. Я знала, что неправильно радоваться этому, но ничего не могла с собой поделать.

- Как дела, Вера? - бархатный голос вывел меня из задумчивости.

Я обернулась и тут же увидела Матео, который стоял прямо за мной. Он выглядел великолепно. Это было в новинку видеть его второй раз, второй день. Новый вид, новый Матео. Сегодня он был одет в темно-синий костюм и голубую рубашку без галстука. Она идеально на него села и была сшита из дорогой ткани. Его волосы находились на грани между ухоженными и грязными, и я все еще хотела не что иное, как запустить пальцы в них. Его волевой подбородок покрывала темная щетина.

Я проигнорировала жар между моих ног и улыбнулась ему. - О, нормально. Доброе утро. Как твои дела?

Я знаю, что это прозвучало, может, слишком официально, но я напомнила себе, что мы не были друзьями. Или быть может за этим я пыталась скрыть то, какое сильное впечатление на меня произвели его слова во время игры.

- У меня все хорошо. Я скучал по тебе вчера вечером, - его слова заставили мой желудок перевернуться. Мне нужно было что-то съесть. - Где ты была?

Я попыталась хоть что-то сказать, но слова застряли в горле. Я уловила его запах, когда он потянулся за ветчиной. Он бросил пару кусочков на мою пустую тарелку, а лишь потом на свою.

Я облизала губы, наблюдая, как он положил несколько ломтиков сыра на наши тарелки. Либо он был очень галантным и хотел за мной поухаживать, либо хотел поторопить, чтобы я не задерживала очередь.

- Я не хотела пропускать ужин, - сказала я, двигаясь, чтобы освободить ему место.
- Я не знаю, как это получилось. Я просто уснула.

- Ах, да, - сказал он. Его глаза сверкнули, как золотисто-коричневый топаз. – Я слышал, что ты выпила грэппы и уснула.

Я снова посмотрела на столик, за которым сидели Дэйв и Беатрис. - Я выпила только стакан, а затем пошла к себе, распаковывать вещи. И уснула.

Он взял два тоста и положил в тостер. - Если бы ты знала, что такое сиеста, то так бы не устала и пришла бы на ужин, - поучал он меня.

Эй, - сказала я строго. – Сиеста в переводе с испанского – мало спать. Нет, испанский не допускается. Я только что видела кучу парней, у которых были неприятности по этому поводу.

Матео поднял брови. – Ну, я не дурак. Я приехал сюда учиться, а не напрасно тратить время и деньги. Ты, Вера, должна немного поспать сегодня, чтобы у тебя остались силы на вечер. Будет вечеринка.

- О? Вчера вечером не было вечеринки? – спросила я, вдруг это мне поможет понять, что произошло, когда я заснула. – Все кажутся сонными сегодня утром, - добавила я.

Он изучал меня мгновение, прежде чем сказал. - Не было вечеринки. Мы все поужинали, было много вина, а затем Дэйв и Беатрис пригласили всех в свой коттедж еще выпить. Я побыл немного, а затем ушел, так что ничего больше не знаю. Мне надо было позвонить своей жене. Ты знаешь, она свободно говорит на английском, так что мы не общались на испанском, не волнуйся.

Это слово. Жена. Оно было. Он сказал это. Доказательство того, что кольцо не просто так, доказательство того, что он не был разведен. Жена. Она существовала. И я должна была перестать беспокоиться, что он думает обо мне. Я посмотрела на емкость с дымящейся яичницей, которую повар поставил вниз. У меня было такое чувство, что мне одели ее на голову. Хорошее начало.

Тост выскочил из тостера, и я чуть не подпрыгнула.

- Забавно, - размышлял он, положив ломтики поджаренного хлеба на наши тарелки. Матео взял меня под локоть, чтобы идти дальше. – Как тесен мир. Я знал Беатрис раньше.

Я с трудом подавила желание посмотреть на ее столик. Я вспомнила, как она выглядела: длинные черные волосы, бронзовый загар, идеально белые зубы и фигура модели.

- Как так получилось? – спросила я, на самом деле не очень интересуясь.
- Она работает журналистом на телевидении. И когда-то делала репортаж о нашей игре. Она брала у меня интервью много раз. Когда ты в сборной... тебя многие знают.

Я понятия не имела, что это означало, и не собиралась спрашивать. Я была лузером в любом случае, поэтому забрала свою тарелку с чуррос и махнула Матео. - Увидимся позже, - сказала я, стараясь казаться веселой и жизнерадостной. Чуррос были все еще горячими и начали обжигать мои пальцы.

Он нахмурился на мой внезапный уход, но кивнул.

Я бросила чуррос на тарелку и поспешила обратно к своему столику. Он был пуст: Сара, Антонио и Лорен куда-то запропастились, оставив лишь графин с горячим кофе. Я

налила себе немного. Сделав первый глоток, я пообещала себе, что этого больше не случится. Матео просто был вежлив и обходителен со мной, а я уже вообразила невесть что - у него была жена. Мне нужно успокоиться. Это не похоже на меня. Такого не должно повторяться.

Вскоре вернулись Антонио и Сара, и мы продолжили беседу. Я заметно ожила, как будто бы вспомнила, зачем я здесь. Познакомиться с новыми людьми и помочь им с английским. И получить новое понимание о Вселенной - я вдруг подумала, что Матео понравится такой ответ.

Наконец объявилась Лорен, с красными пятнами на лице и злая, как черт: по всей видимости, уже успела поцапаться с Джерри. Она принесла с собой только вазу с фруктами, что и было для Лорен специальным меню. У меня разболелась голова от всех ее разговоров о правильном питании.

Когда завтрак был съеден, Джерри сделал объявление, что расписание вывешено на доске. Заглотив с жадностью мясо и сыр и будучи в ужасном настроении, я попрощалась со своим столиком и пошла туда. Я достала телефон и стала записывать расписание в блокнот:

9:00 – 10:00 встреча с Хорхе
10:00 – 11:00 встреча с Франциско
11:00 – 12:00 встреча с Хосе Карлосом (Лягушатником)
12:00 – 13:00 Обед
Перерыв (вздремнуть?)
14:00 – 15:00 бизнес-сессия с Матео (о боже)
15:00 – 16:00 бизнес-сессия с Антонио
16:00 – 17:00 бизнес-сессия с Нирой
Перерыв
18:00 - 20:00 Ужин (два часа?)
20:00 – Вечерние гуляния

И это будет мой первый официальный день в Лас Палабрас. Первый день из тридцати.

И тогда меня словно ударило: нахрен я подписалась на это?

Глава 5

Ко времени обеда моя мигрень только усилилась. Было такое чувство, что в моей голове ворочали ржавые шестеренки. У меня болела челюсть, как будто я делала минет несколько часов подряд, в горле пересохло. Единственный раз, когда я говорила три часа подряд - был, когда мы с братом пошли в парк. Испанцы говорили на ломаном английском, при этом изо всех сил стараясь быть понятными - вот ты им и помогаешь. Ты пытался поставить их речь и произношение правильно, а когда у тебя не получалось, то ничего другого не оставалось, как просто поддерживать беседу.

Я впервые в жизни так общалась. Рассказала Хорхе о моих непростых отношениях с сестрой и о жизни в Ванкувере. Затем поведала Франциско, городскому рабочему (который настоял, чтобы я звала его Пако) о моем увлечении Вселенной и о том, что я изучала. Я рассказала все о своих татуировках лягушатнику Карлосу и что каждая из них означает. Я делилась вещами, о которых обычно не любила распространяться - и все потому, что мы разговаривали на разных языках. Они оба общались по-английски, при этом зная, что я не говорю на их родном языке.

К тому времени, когда я пришла в столовую - у меня во рту пересохло, а на лбу выступил пот - я начала задаваться вопросом, что мне даст эта программа. Я только и говорила о себе последние три часа, что никогда не делала раньше.

Я огляделась в поисках свободного столика, но могла только увидеть ошарашенные лица. Наконец, я заметила Клаудию, которая махала мне. Я поплелась к столу и села.

- У тебя усталый вид, - заметила она. - Я и сама вымоталась - это тяжелее, чем мне представлялось.

Она помассировала виски.

Я подняла голову и увидела, как она наливает вино мне в стакан. Я оглянулась, заметив, что на каждом столе стояло по две бутылки красного вина. Красное вино? За обедом? К чему бы?

- Это неудивительно, - сказала Клаудия. - Ты пьешь вино?

Я покачала головой. - Нет. Я предпочитаю пиво.

Она рассмеялась так же, как обычно делал Матео, и быстро налила себе. - Ты полюбишь вино, это я тебе обещаю. Оно великолепно. Тебе понравится.

- Ты пьешь вино за обедом? - спросила я, поднося бокал к губам.

- Не всегда.

Я повернула голову и увидела, как Матео отодвигает стул. Он посмотрел на нас, приподняв брови. - К вам можно?

- Конечно, - сказала Клаудия.

Матео бросил на меня взгляд и сел. Я отсалютовала ему, подняв стакан. - Что-то не так? - спросила я, не особо удивившись такой встречи.

Он быстро налил себе в стакан вина. Руки его слегка дрожали, когда он переливал жидкость гранатового цвета.

- Ты же не спешишь? - спросил Матео, буравя меня глазами. - Дай ему время постоять. Не торопись пить. Почувствуй, что это такое. Вино. А не что-то другое. Только вино. Пусть оно вберет воздух. А ты научишься ценить его. - Он поднял стакан к лицу, затем резко вдохнул несколько раз. - Почувствуй его аромат. Ты принимаешь его. Запомни: каждое вино уникальное и пытается что-то сказать. Это вино говорит о спокойствии. О приятном. Оно нравится всем.

Матео знает все про вино? Это привело меня в восторг.

Затем он поднес стакан ко рту, легонько касаясь губами гранатовой жидкости. Я сглотнула, осознавая, что пристально его рассматриваю, но ничего не могла с собой поделать. Он наклонил стакан сильнее, и жидкость быстро потекла ему в рот. Матео разомкнул губы и попробовал его. Бог ты мой, я в жизни не видела ничего более сексуального и в то же время такого естественного. Он закрыл глаза, ресницы были темными на фоне кожи, и медленно глотнул.

Матео держал глаза закрытыми, даже когда отставил стакан в сторону. Затем он, наконец, открыл их и улыбнулся мне с красными каплями в уголках рта. - Это вино на вкус, как дермо.

Если бы у меня сейчас во рту было вино, то я бы его выплюнула. Я громко рассмеялась, как будто была уже пьяна.

- Матео, - начала Клаудия строгим тоном, при этом хихикая. Она сделала глоток. - Оно не так уж плохо. Что думаешь, Вера?

- Я не знаю, - начала я осторожно, все еще улыбаясь. Я попыталась следовать примеру Матео, лихорадочно соображая: запах, вкус. Вино было сухим и немножко горьковатым. Но из всего, что я пробовала, это мне более-менее понравилось.

Оно стукнуло мне в голову. Мне не следовало спешить: официант поставил на стол рис и свиные отбивные (в этот раз не было «шведского стола»), я выпила стакан и теперь улыбалась своим мыслям. Черт, испанское вино было крепким.

- Голова гудит? – дразнил меня Матео.

- Нет, - сказала я, защищаясь, и взяла в руки вилку и нож, чтобы порезать свиную отбивную. Мои глаза метались от одного столика к другому, я остановилась на Уэйне. Он был первым, кого я увидела в автобусе, и хотя на тот момент он не был в ковбойской шляпе - в нем угадывался типичный техасец. У него был красный, чуть сгорбленный нос, и я подумала, что он алкоголик.

- У тебя есть интересные татуировки, - сказал он, разглядывая мою грудь и руки. - Я в первый раз вижу у девушки столько.

- В действительно их много, - задумчиво сказал Матео, делая вид, что впервые меня изучает. - Уверен, что у каждой есть своя история.

- А у тебя есть? - спросила я, не глядя на него.

Он одарил меня робкой улыбкой и покачал головой. - Я не очень дружу с иглами.

Клаудия фыркнула. - Центральный защитник в «Атлетико» боится иголок?

- Что такое «Атлетико»? - спросил Уэйн.

Матео сузил глаза и игриво посмотрел на Клаудию. - Я не говорил, что боюсь, а что не очень дружу, - он посмотрел на Уэйна. - Атлетико - это футбольный клуб. Футбольная команда в Мадриде.

- Он играл за них, - сказала Клаудия. - И был очень хорошим игроком.

- Был? - повторил Уэйн. - А что ты сейчас делаешь?

- Я и мой партнер - владельцы нескольких ресторанов.

Уэйн усмехнулся. - Да ты у нас Шерлок! - сказал он, стукнув кулаком по столу так, что расплескалось вино в стакане. - У меня есть свои бары в Сан-Антонио и Остине. Это Техас.

У Матео загорелись глаза. - Очень интересно. Если у нас выпадет случай, то я, как вы говорите, «вынесу тебе мозг»? Да, вынесу тебе мозг. Я бы хотел расширить свой бизнес. Меня интересует рынок в Америке.

- Я с нетерпением буду ждать. Как давно ты в ресторанном бизнесе?

- Шесть лет, - сказал он на автомате, как если бы считал дни.

- Я помню, как ты ушел из команды, - заявила Клаудия в промежутках между пережевыванием пищи. - И никто не мог понять, почему ты выбрал ресторанный бизнес. Должна сказать у тебя отличный шеф-повар. Лучше, чем этот. - Она помахала вилкой.

Все то время, пока она говорила, я не сводила глаз с Матео. Он напрягся, и я сразу поняла, что тема эта деликатная. В очередной раз я задалась вопросом, что с ним произошло, но так вслух ничего и не сказала.

Уэйн, напротив, не так хорошо разбирался в людях. - Почему ты ушел из команды?

Матео закусил губу, еще с минуту раздумывая прежде, чем ответить. - Я получил травму. Разрыв сухожилий колена. Сейчас все в порядке, но тогда у меня не оставалось иного выбора, как бросить спорт и заняться чем-то другим.

- Как давно это было?

- Восемь лет назад, - еще один автоматический ответ. - Мне было тридцать, когда это произошло.

Тридцать восемь? Если мои подсчеты верны? Матео тридцать восемь лет?

- Ты не выглядишь на тридцать восемь, - не сдержалась я.

Он улыбнулся мне и смотрел так, будто завороженный. - А каким ты меня видишь, Вера?

Великолепный, чувственный испанский Бог. Вот как я его вижу.

Я набила рот рисом (как это по-женски), оставалось только надеяться, что я не покраснела. Когда я прожевала его, то поняла, что Матео по-прежнему ждет ответа, он не сводил глаз с моего лица.

Я вытерла уголки губ салфеткой, от чего та окрасилась в коралловый цвет и сказала. - Ты просто выглядишь младше своих лет. Вот и все. Где-то на тридцать два.

- А сколько тебе лет?

- Двадцать три, - медленно сказала я, внезапно осознав, что вероятно была самой молодой в программе. Даже Лорен казалась на год или два старше меня - может всему виной ее хамское поведение.

- Ты сделала все эти татуировки к двадцати трем годам? - воскликнул Уэйн, как будто я сказала что-то сверхъестественное. - Это - одержимость.

- Одержимость, - повторил Матео, рассматривая мои руки и грудь, затем его взгляд снова переместился на мое лицо. Он внимательно меня изучал, словно я была величайшей загадкой его жизни и завораживала его. На меня еще никто так не смотрел - и это было клево.

Когда я, наконец, вспомнила, что надо дышать, то налила себя еще вина и залпом выпила. К счастью, Клаудия начала рассказывать нам о том времени, когда сделала татуировку на заднице с именем своего экс-бойфренда. Это казалось ей забавным, что-то подобное сделал Джонни Депп: «Вайнона навсегда», а потом ему пришлось переделать ее.

Пока я задумалась о Вайноне и Джонни, о том, как они себя чувствовали при встрече после того, как расстались, я закончила есть и выпила еще бокал вина. К этому времени уже не осталось ни одной бутылки с вином и меня стало клонить в сон.

Увидев, как я зеваю, Матео сразу же сказал. - Идем, я покажу тебе, что такое сиеста. Извини, но тебе не помешает немного поспать. Вздремнуть.

Я посмотрела на Клаудию, но та лишь застенчиво улыбнулась и пожала плечами. Затем она поднялась вслед за Уэйном и попрощалась, оставив нас наедине.

- О, не стоит волноваться, - сказал он. Встал и подал мне руку.

Я посмотрела на него с трепетом и осторожно подала свою руку.

Наши пальцы переплелись, заставляя мое сердце учащенно биться. Матео помог мне подняться, подарив самоуверенную улыбку, и отпустил руку. А затем указал на дверь. - Идем.

Проходя мимо стойки, я заметила, что один компьютер свободен, но это ненадолго, четыре соседних уже были заняты англичанами. Это был тот редкий момент, когда мы были свободны, и мне очень хотелось поговорить с Джошем - сказать, что я в порядке. И если говорить честно, я была не прочь обновить страничку на Facebook, чтобы все знали, что я в Испании. Но экс-футболист кажется не обратил внимание на мою заминку и уже шел к двери на яркое испанское солнце - и я не могла позволить себе остаться.

Я сделала правильный выбор. Через минуту я вышла следом и была поражена, как пекло солнце. Достала очки из сумки и надела их: тем временем Матео выдвинул плетеные стулья и снянул с них подушки. Я последовала за ним на стриженую лужайку, где он разложил их в тени большого дуба.

- Я должна здесь дремать? - спросила я.

Театральным жестом он указал на подушки. - Мы здесь будем дремать.

- На земле?

Он начал снимать свой пиджак. - Вера. Ты открыла мне столько интересных слов, так что как минимум, что я должен сделать - это обеспечить тебе полноценный сон. Вся Испания рассчитывает на меня.

Я едва слушала. Мой разум захватили его глаза; сняв пиджак, он остался в одной синей рубашке, под которой отчетливо выделялись мышцы. Как могло быть этому парню тридцать восемь? Я знала, что мужчины стареют медленнее, чем женщины и половина знаменитых мужчин сохранили свою сексуальность, когда им было около сорока. Черт, взять того же Джонни Деппа, ему было около пятидесяти! Но возраст Матео стал для меня неожиданностью.

Забавно, я считала, что это заставит меня относиться к нему по-другому. Я думала, что буду чувствовать себя неудобно - как если бы находилась в компании моего любимого дяди Джорджа. Но все было не так.

Он снял пиджак и расстелил его на земле рядом с одной из подушек. Матео посмотрел на меня с любопытством и поднял бровь. - Это для тебя.

Я неожиданно для себя рассмеялась. – Не нужно, ты запачкаешь его травой.

Он лишь пожал плечами. - Да?

- Да? Не может быть, чтобы это был дешевый костюм.

Он склонил голову на бок и пожал плечами. - Меня это не волнует. - Он видимо заметил смущение на моем лице. - Одежду нельзя носить, не испачкав хотя бы раз, - разъяснил он. - Маленько пятно не так страшно.

Разумное объяснение, хотя моя мама с ним бы не согласилась. Это было странно - все в Матео так и кричало: «богатый, проницательный деловой человек» от сшитого на заказ костюма и Ролексов до кожаного чемодана; и, тем не менее, этот человек стелил мне пиджак на земле.

- Ладно, - сказала я, все еще недоумевая. Я опустилась на колени, не заботясь как это выглядит со стороны и изо всех сил старалась не плятиться на его пах. Я огляделась вокруг и лишь затем улеглась на его пиджак.

Матео склонился надо мной, загораживая солнце. - Очень хорошо. Тебе удобно?

Я уставилась на него, видя только тени на его лице. Чувствуя себя уязвимой, лежала вот так просто перед ним. – Придется потрудиться, чтобы заснуть.

Я не могла сказать: улыбнулся он или нет. Матео опустился на землю и лег рядом со мной - всего в нескольких метрах от отеля. Я хотела сказать что-то о том, во что превратилась его шелковая рубашка, но догадывалась, что он скажет, что его это не волнует.

- Итак, - сказала я, продолжая лежать, полностью осознавая, как близко он сейчас был. Было это глупо? Интимно? Или что это вообще было?

- Ты часто говоришь во сне? - спросил он небрежно.

- Ха? Я не сплю.

- Но ты должна. Это называется – немного поспать.

- Так, мы что, действительно просто собирались вздремнуть? Никаких уроков английского языка? Никаких вопросов?

- Отдых для твоего разума, Вера, - сказал он тихим голосом, от чего зашевелились волосы на моих руках.

Легче сказать, чем сделать - подумала я про себя. Я поправила очки, чтобы они не мешали, и отвернула от него голову. Я ощущала себя глупой, лежа здесь и болтая на английском с испанским мужчиной, которого знала не больше суток.

Но под солнышком действительно было хорошо, в воздухе витал приятный запах: смесь проточной воды, травы и каких-то цветов. Я не сразу осознала, что запах исходит от атласной подкладки пиджака Матео, который тихо посыпал рядом. И я тихо усмехнулась своим мыслям.

Затем я тоже уснула.

***

- Вера, - услышала я голос Матео сквозь сон. Веки медленно поднялись, постепенно привыкая к яркому свету. Он засучил рукава, снова открывая моему взору загорелые руки, которые, теперь я знала, принадлежали спортсмену. Даже если Матео уже не играл в футбол - его тело не утратило формы.

Я проворчала, облизав губы. - Что? Сколько сейчас времени?

- Самое время заняться делами, - сказал он.

Я медленно выпрямилась, чувствуя себя усталой и отдохнувшей одновременно. Я могла поклясться, что прошло только несколько минут, но затем достала телефон и посмотрела на экран. Было без пяти два. Я спала, по меньшей мере, сорок пять минут.

Смушенная я посмотрела на него. Я никогда так просто не спала с парнем, без секса. Нас разделяла одежда, и он меня еще ни разу не трогал - и даже лежа сейчас рядом, каждый мог видеть разделяющее нас расстояние. Это было ново для меня. Было похоже на утро после секса, но без вины и стыда.

Я откашлялась, вдруг осознав, что неприлично долго на него смотрю. - Это было забавно.

Он провел рукой по волосам, улыбаясь и не открывая глаз - подставил лицо солнцу. - Хорошо. Теперь тебе хватит сил на весь день. И в следующий раз, когда ты захочешь вздрогнуть - приходи сюда.

Я принялась покусывать губу. Это прозвучало так невинно, но я начала сомневаться, так ли невинно это выглядит со стороны. Опять же мы не делаем ничего такого и ведем себя как дети во время тихого часа. Но я должна была задуматься, кто-то должен был это сделать, что все это как-то неправильно. Я имею в виду, что даже если это и было в его духе, то в тридцать лет так обычно себя не ведут. Он был уважаемый бизнесмен и спортсмен. А я была всего лишь девчонкой с кучей татуировок, изучающей астрономию и с именем старой кинозвезды. Наверное, логично задаться вопросом, что он со мной делает.

Я подумала, знал ли Матео Казаллес, что он делал. Судя по его поведению и философии - его мало волновало, что думают люди. Я просто думаю, что он был своеобразным, веселым парнем. Блин, это только делало его еще более привлекательным.

Я подумала, что неплохо бы взять его философию на вооружение. Мне нравится такой подход к жизни. А может и нет. В моей жизни было слишком много предательства, и я не хотела открываться людям.

Минуту спустя я уже отряхивалась от травы, пока Матео рассуждал, где пройдет наша деловая встреча. По словам Джерри в эту половину дня говорили мало, больше обсуждали деловые проблемы и как их перевести на английский. На завтраке нам дали небольшой вкладыш-буллет, который расписывал сценарий, которому мы должны были следовать. Мне показалось это серьезным испытанием. Мы должны были общаться по телефону, следя сценарию, каждый в своей комнате. Мне было нелегко говорить, не видя его.

Проводились также групповые бизнес встречи, для них нам придется найти другую пару или мы могли бы искусственно воссоздать собеседование: когда вы нанимаете кого-то на работу.

К моему изумлению, Матео в итоге выбрал деловой разговор по телефону.

- Я опасаюсь этого, но сделаю, - сказал он. Меня восхищала его логика. Я взяла свой сценарий и пошла в свою комнату. Сары не было, так что я заняла место на диване рядом с телефоном и стала ожидать звонка. Буллет у каждого был свой, красиво оформленный и напоминал рекламу: если вам стало скучно, то позвоните кому-нибудь. К сожалению, международные звонки были нам недоступны - я это поняла, когда хотела позвонить домой. Я пообещала себе перед ужином залезть в интернет и связаться с семьей.

Пока я ждала звонка, чувствуя себя снова школьницей, налила себе стакан холодной воды из-под крана и огляделась по сторонам. У меня было мало времени осмотреться с тех пор, как я прилетела из Лондона, не считая ночи накануне. Я достаточно закрытый человек, хотя большинство людей со мной бы не согласились. Мне нужно свое личное пространство, чтобы думать и мечтать. Именно поэтому за столько лет я не обзавелась по-настоящему близкими друзьями, думала, что они мне не нужны.

И все же стоя в мини-кухне этой квартиры, глядя на диван и люстры из кованого железа, я чувствовала, что эта мысль пожирает меня изнутри. Я не хотела сейчас оставаться одна и думать. Как бы я хотела выйти на улицу к людям: слушать их разговоры и вникать в их проблемы. Это было не похоже на меня - это так меня изменил один день в Лас Палабрас. Я не была уверена, нравится ли мне это.

Зазвонил телефон, возвращая меня в реальность. Я схватила трубку. - Алло?

- Вера, - подал голос Матео на другом конце провода. Его голос звучал выше и строже по телефону.

- Угу, - сказала я, теребя шнур телефона.

Какое-то время он молчал, а потом прочистив горло начал. - Ты вроде бы как должна начинать.

О, верно, сценарий. Я открыла его, немного нервничая. Что-то изменилось в тоне Матео, как будто мы перестали быть друзьями.

Сценарий был довольно простым. Я была инвестором, который звонит узнать о бизнесе. Передо мной стояла задача: задавать Матео вопросы, и он должен отвечать кратко и по делу. Это должно было погрузить его в подобие реальной ситуации.

Все шло хорошо вначале, но когда я спросила его, каковы преимущества инвестирования в вашу компанию, он начал спотыкаться в словах. Он произносил их неправильно.

- Черт, - выругался Матео в телефон. - Нахуй. Блядь.

Меня потрясли такие перемены. Я сглотнула и сказала. - Все нормально. Мы можем просто начать сначала. Это трудный вопрос.

- Это тот вопрос, на который я не могу ответить даже на испанском, - сказал он горько. - Как, черт возьми, мне отвечать на английском?

Я не знала, что на это сказать. Просто продолжала наматывать телефонный провод на палец. Затем услышала его вздох.

- Извини, - сказал он. - Я сожалею, Вера.

- Все нормально, - сказала я тихим голосом.

- Нет, не нормально, - сказал он. - Но ты здесь не причем. - Он сделал паузу. - Я найду, что сказать о своей компании в следующий раз. Ты не возражаешь, если мы просто поговорим, а?

- О чём? - спросила я.

- О тебе. Давайте поговорим о тебе, Вера Майлз.

- Это будет скучно.

- Ты зря так говоришь, у меня много вопросов.

Я расплылась в улыбке, а мое сердце стало биться чуть быстрее. - Ладно, но если я раскрою все мои секреты, то тебе станет скучно со мной.

- С тобой? Скучно? - хихикнул он по-дружески. - Это невозможно. Давай сыграем в игру «двадцать вопросов». Ты ведь знаешь эту игру?

- Да, - сказала я медленно. Но мне не очень хотелось играть с ним. Теперь, когда игра была полностью изменена, то это станет другой историей.

- Хорошо, я буду задавать тебе по вопросу в день. Мы здесь пробудем двадцать один день. И в последний день ты сможешь задать мне вопрос.

- Это не справедливо, - сказала я. Однако это означало, что он должен каждый день со мной видеться, чтобы задать вопрос. Я не могу сказать «нет» этому.

- А на мой взгляд честно, - просто сказал он. - Первый вопрос: было больно, когда тебе в язык вставили кольцо?

Я рассмеялась. - Что? Кольцо в мой язык?

- Да. Я спросил что-то неприличное? Похоже, это было больно.

Смешно, никто до этого меня об этом не спрашивал. Хотя, заметить серебряное кольцо на кончике языка было несложно.

- Да, это было больно, - сказала я. - Но меня не пугает немного боли.

- Я вижу, - сказал он. - Тебе идет.

- Правда? - Все, что я слышала от матери и сестры, так это то, что это делают только бродяги. Я знала, что Матео понравится.

- Да, - сказал он. - Когда я был моложе, то думал, что это круто. И хотел себе такое.

Я не могла представить Матео с пирсингом в языке или в любом другом месте.

- Должна сказать, что совсем не представляю тебя с кольцом в языке, - призналась я. - Это совсем не твой стиль.

- Когда я был моложе, то был совсем другим, - сказал он. - Я изменился.

Во второй раз он уже сказал: «когда я был моложе». Я подумала, что здесь ему многое навеяло воспоминания. - Ты не старый, Матео, - сказала я ему. - Тебе даже нет сорока.

- Но мне сорок исполнится раньше, чем тебе. Тебе будет только двадцать пять. - Он вздохнул. - Ты увидишь. Зачастую не успеваешь сделать всего, что бы хотел. Такова жизнь.

Его голос стал мрачным, от чего все вокруг мне показалось таким же. Это было поистине страшно, неважно, сколько мне было лет, я хорошо понимала, о чём он говорит.

Он откашлялся и продолжил уже громче. - Если не возражаешь, Вера, мне нужно сделать еще один телефонный звонок. Я увижу тебя сегодня вечером на вечеринке?

- Да, - сказала я тихо. Он повесил трубку, но я еще некоторое время смотрела на телефон прежде, чем положить его. Я желала увидеть его снова. И хотя он собирался сыграть со мной в двадцать вопросов - я и сама собиралась развязать ему язык.

Глава 6

- Я дам тебе десять евро, если ты сделаешь это.

Я поставила стакан и посмотрела на Эдуардо. - Ты серьезно?

- Конечно, - воскликнул он и похлопал по спине. - Так ведь, Ангел?!

Ангел, который вероятно говорил меньше всех по-английски, кивнул. У него было круглое лицо и копна вьющихся каштановых волос. Из-за очков в толстой оправе и его одежды, я не могла даже приблизительно сказать, сколько ему лет: был ли он молодой или передо мной «ботаник», которому за тридцать. Он работал в софтверной компании в Мадриде.

Я сорвала вишенку со своей отвертки (прим.пер. коктейль, водка с соком) и держала около губ. Взглянула на Эдуардо, который смотрел на меня с ехидной улыбкой.

Он и Ангел были одними из первых, кто появился на вечеринке. Я хотела прийти туда пораньше. Но я так увлекалась написанием длинных писем в Facebook Джошу и Джослин, что едва заметила, как все шли мимо меня в столовую. К тому времени, когда я пришла, все столики были заняты, и мне пришлось подсесть к Эдне - учительнице-пенсионерке из Манчестера, которая не очень-то обрадовалась такой компании. Она была здесь с мужем и еще с людьми, которых я видела в автобусе и которые бросали на меня неодобрительные взгляды.

К счастью, испанцы, которые сидели с нами, были настроены более дружелюбно. Тихая Кристина, которая почти не разговаривала и Иоланда, темнокожая женщина-хиппи. Она любила поговорить и покрасоваться своим английским, которому она научилась у своего наставника по йоге в Непале. Она болтала без остановки, не давая и слова вставить. Я сосредоточила все свое внимание на вине и еде, поглядывая на Матео, который сидел с Уэйном, Беатрис и симпатичной блондинкой, которую, кажется, звали Полли. Ему вроде было весело, он громко смеялся.

- Хорошо, сделай это, - Эдуардо начал подначивать меня. Он был симпатичный парень: лет так под тридцать, небольшого роста с идеальным золотым загаром и приятной улыбкой. Он был небольшим извращенцем. С другой стороны, я тоже.

- Ладно, - сказала я. Я положила вишенку в рот и соблазнительно прикусила. Эта часть была игрой на публику. Эдуардо заворожено наблюдал, как я посасывала ее, а Ангел, казалось, покраснел до самых корней волос. Затем я улыбнулась и проглотила ее. Время фокусов.

Я поместил стебель вишни в рот, и с ловкой концентрацией медленно работала своим языком, пытаясь связать его в узел. Сделать этоексуально было фактически невозможно, и я знала, что мое лицо было искажено.

Потребовалось несколько секунд дольше, чем мне хотелось бы, но, в конечном счете, я открыла рот и гордо показала язык со связанным в узел стеблем.

Эдуардо вытаращил глаза.

- Показывала кольцо? - услышала я голос Матео. Свежий запах океана защекотал мне ноздри, подошел Матео, всматриваясь в меня с любопытством. Я быстро спрятала язык и увидела, как его рот изогнулся в злой улыбке.

Ангел толкнул Эдуардо. - Дай ей денег.

Я перевела взгляд с Матео на Эдуардо, который, застонав, достал десять евро и бросил на стол. И подмигнул мне. - Оно того стоило. - Они с Ангелом развернулись и пошли к барной стойке, возле которой выстроилась очередь. Там сидели две женщины и откупоривали бутылки.

Матео сложил мускулистые руки на груди. Хотя на нем по-прежнему были темносиние брюки, но теперь была белая льняная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, достаточно, чтобы можно было увидеть ухоженные волосы на груди. Что заставило меня трепетать. Парни, с которыми я была, были гладкие как младенцы. Матео был на все сто процентов мужчина.

Эти сто процентов мужчины уже заняты, напомнила я себе, прежде чем отвертка дала по мозгам.

- У тебя появилась работа? - спросил он ровным голосом.

- Что?

Он кивнул на десять евро, которые я все еще сжимала в руке.

- Ох, - сказала я, запихивая их в свою маленькую сумочку. Я улыбнулась. - Нет, я просто поспорила. Связать в узел стебель вишенки одним языком – это классика.

Он широко улыбнулся, показывая мне отполированные зубы. Я заметила, что один был кривой. Мне это нравилось. Это придавало ему особый шарм, не то, чтобы это ему было нужно. - Я не знал, - сказал Матео, затем перевел глаза с моих губ на тело. – Очень хорошо выглядишь.

В этом не было ничего такого, что говорило бы о сексуальном влечении, но мое тело, похоже, было не в курсе. Дрожь возбуждения прошла по всему позвоночнику, соски затвердели. Я проклиная себя за то, что одела не штаны, а платье макси – хоть и с цветами. Да, нелегко быть девочкой.

- Спасибо, - сказала я, стараясь не расплыться в идиотской улыбке. Я уже собиралась снова заговорить, когда к нам подошла Клаудия, от нее несло сигаретным дымом. Хуже чем от мужика.

С ней была Бэкка: выглядела она чуть старше меня с рыжими волосами и бледной, как снег, кожей, усеянной веснушками. Еще была Сэмми: маленькая, толстенькая австралийская девица в слишком узком платье, волосы у нее были светлые. Сэмми сидела рядом со мной на компьютерном терминале, когда я писала Джослин о программе (я была параноиком, чтобы упомянуть Матео) и она произвела впечатление болтушки, говоря со мной обо всех, кто проходил мимо. Она казалась пьяной сейчас, когда шла на высоких каблуках, и улыбалась всем, кто смотрел на нее.

- Вера, - начала Клаудия, - я скучала по тебе за ужином. Я сидела с этими двумя, ты знаешь Бэкку и Сэмми?

Я поймала взгляд Матео, он коротко кивнул и пошел к бару поговорить с Антонио. Блин. Наверное, четыре женщины - было слишком для него.

Я снова посмотрела на Клаудию, сказала привет Сэмми и кивнула Бэкке.

- Я видела тебя раньше, - сказала Сэмми с едва заметным австралийским акцентом. Поскольку бар был долгое время закрыт, я задалась вопросом, что она пила. - Я хотела сказать, что мне очень понравились твои сапоги, в которых ты тогда была, но ты так увлеченно что-то писала.

- Рассказывала друзьям о программе, - сказала я, хотя в действительности у меня был только один друг.

Она указала на меня пальцем. - Ты знаешь, что должна сделать. Бэкка здесь и у нее есть блог. Она ведет блог о своих путешествиях и приключениях. Ты тоже должна завести блог. Ты знаешь, что она уже третий раз выкладывает новости?

Теперь я была заинтригована. Я посмотрела на нее, подняв брови. - Правда?

Бэкка кивнула, смущенная. - Да, три года подряд, - тихо сказала она с шотландским акцентом.

- Тогда тебе должно нравиться это, - сказала я.

Она покраснела, но ничего такого не сказала, что заставило бы меня думать, что она чего-то не договаривает. К сожалению, появился Джерри, который снова забрался на журнальный столик и вытащил микрофон из ниоткуда. Я сделала себе пометку – поговорить с Бэккой позже и сосредоточила все свое внимание на Джерри, пока он не накричал на меня.

- Привет, англичане и испанцы, - сказал он, его голос потрескивал из-за помех в динамике в углу, которые были совершенно не нужны, учитывая размеры помещения. - Я надеюсь, всем понравился ваш первый день здесь.

Люди зааплодировали, кто-то принял ораторство. Я подумала, что все они напились за ужином, а иначе никто бы не стал встречать слова Джерри с таким энтузиазмом.

- Итак, - сказал он, - я хотел, чтобы вся неделя прошла с пользой для вас, ребята. Никаких правил, кроме, как говорить по-английски. Веселитесь и не забывайте оставлять чаевые бармену. Каждый вечер, после ужина, мы будем принимать участие в общественных мероприятиях – так что наслаждайтесь этим вечером, пока можете. Олле! - Затем он спрыгнул вниз, споткнулся и пошел к Ангелу, который сидел ближе всех.

Я застонала и покачала головой, оглядываясь на девушек. Сэмми быстро достала флягу и передала ее Клаудии. Итак, вот как они это делают.

Клаудия сделала трусливый глоток, а затем после любопытного взгляда Сэмми передала ее мне.

Я глотнула жгучую жидкость.
Этим дело и закончилось.

***

Когда на следующее утро в семь часов прозвенел будильник, я могла бы поклясться, что умерла и попала в ад. Я чувствовала себя ужасно. В желудке все переворачивалось, мои волосы пропахли дымом, а в голове стучали пара отбойных молотков.

Я застонала и попыталась перевернуться, но каждый раз, когда я пыталась пошевелиться, мою голову словно в тиски зажимало. Если бы я была дома, то взяла бы пива, пачку аспирина и молилась бы о спокойном сне.

Но я была не дома. Я была в Испании. Я была частью программы - технически я была на работе, где нельзя было высаться, чтобы избавиться от похмелья. Мне надо было встать и прожить этот день.

Я сдерживала позыв к рвоте.

Буквально заползла в душ и села на пол, позволяя теплым струям воды стекать по моему лицу. Так я пыталась прийти в себя.

Бог ты мой, что же было прошлой ночью?

Воспоминания врезались в мой мозг, как осколки стекла.

После того, как Клаудия, Бэкка, Сэмми и я допили бутылку грэппы, другими словами «огненной воды», то переместились наверх. Крутая, узкая лестница вела в большой зал, где у нас были все наши «общественные мероприятия». Я не знаю, кто проектировал это здание, но он видимо решил, что бар лучше всего разместить внизу. От того количества людей, что споткнулось здесь, мы быстро прозвали ее «лестница гибели».

Потом все превратилось в настоящие танцы. Усатый Антонио показал хасл (прим.: вид танца). Сэмми пыталась завести разговор с Рикардо, который пытался поговорить с Клаудией. Выстроилась очередь, и я застряла между Дэйвом и Эдуардо. Иоланда разговаривала с каким-то английским парнем, которого я прежде не видела. Мы обменялись грубыми шутками с Дэйвом и английской девушкой Полли. В какой-то момент я подумала, что было бы забавно выпить коктейль с Беатрис.

Потом заиграла медленная песня и подвыпившая Беатрис, черт возьми, пошла и попросила Матео, чтобы он потанцевал с ней. И как в средней школе, я почувствовала отвратительный привкус ревности, когда Матео согласился, и ее руки с золотистым загаром обвили его. Это было все очень невинно, но от этого мне не стало легче.

Люди разразились аплодисментами и чтобы сохранить лицо - я сделала то же самое. Очень скоро пошли только медленные танцы, и снова, как в средней школе, я обнаружила, что у меня зреет запасной план. Я схватила Дэйва и вытащила его на середину, положила руки на его тонкую талию.

Последнее, что я помню - мы с Дэйвом вышли на улицу выкурить сигарету и...

Я поцеловала его, запустив руки в его сальные волосы. При этом я ощущала вкус смолы и никотина.

Черт возьми, я целовалась с парнем в первый же день программы.

Я поморщилась: не то, чтобы Дэйв плохо целуется или что он мне не нравился - мы оба были пьяны и в таком состоянии, что я могла натворить такого, о чем потом пожалела бы на трезвую голову. Сейчас мне было неловко и немного стыдно. Я имею в виду, не поймите меня неправильно - обычно, когда я спала с парнями, то была трезвой и возбужденной. Конечно, были разные ситуации, но я всегда ясно соображала.

А сейчас я не могла вспомнить, что же произошло ночью: как мы расстались, я была уверена, что мы не занимались сексом. Но почему? Кто предложил разойтись? Браво, если инициатива исходила от меня. Я так же не была уверена, видел ли нас кто-то и если так, как быстро здесь распространяются сплетни.

Тьфу.

Я хотела просидеть в душе целый день, но, в конечном счете, нашла в себе силы подняться и вымыть голову. После того, как я продержала кондиционер на волосах десять минут, помня, что цвет земляничный блонд был нестойким (мой натуральный цвет темно-

русый), сполоснулась и вышла. Я едва могла смотреть на себя в зеркало. Выглядела удручающе.

Глубоко вздохнув, я достала свой арсенал косметики и начала краситься. Нанести побольше – было единственным выходом. Если я не буду похожа на себя, то это будет просто отлично.

Я едва успела нанести тушь, как в дверь постучали. Сразу бросилась открывать, за ней стояла Бэкка. На удивление, она выглядела очень свежо со своими яркими глазами и милыми рыжими волосами. Мне аж захотелось стукнуть ее.

- Ты не помнишь, как пригласила меня? - спросила она с легкой озорной улыбкой на лице.

Я оглядела себя. На мне была простая футболка Бэнкси и мальчишеские шорты. Черт!

Я подняла палец. - Э-э, минуточку.

Я быстро вернулась в комнату и как вчера натянула узкие джинсы, сапоги и голубую майку, которая, вероятно, была слишком откровенной, но это все же лучше, чем прозрачная рубашка. Я собрала волосы в высокий узел, взяла сумочку и побежала назад. Сары нигде не было видно, и я подумала, что она уже ушла. Возможно, она тоже страдала от похмелья. Если вспомнить, сколько текилы она выпила с Ангелом.

Бэкка раздосадовано вздохнула.

- Привет, - сказала я. - Мне жаль.

- Я удивлена, что ты уже встала, - сказала она с присущим ей протяжным акцентом. - Я долго не решалась здешний.

Про себя я застонала, чувствуя, как накатывают волны стыда. - Я вчера сильно напилась, да? - спросила я, выходя на улицу и закрывая дверь. Лучше всего стиснуть зубы и покончить с этим.

Снаружи было холодно, и почти сразу же моя кожа покрылась мурашками. В голове стало проясняться.

- О, с тобой все было отлично, - сказала она. – Согласна, я не знаю тебя, но ты не опозорилась, если это тебя волнует. Я побывала не на одной подобной вечеринке и этим меня не удивишь. Вчерашняя ночь еще была тихой по сравнению с другими. - Она смотрела на меня. - Ты сказала, что хотела со мной поговорить о моем опыте работы в программе после того, как оторвалась от Дэйва.

О, черт. Я кинула на нее робкий взгляд. - Так ты все видела? Кто еще?

Она покачала головой. - Я шла к себе, когда и наткнулась на вас двоих. Я не хотела вам мешать, но ты увидела меня и оставила Дэйва, жутко возбужденного. Я сказала, что зайду утром перед завтраком. И вот я здесь.

Я помассировала виски. Я не могла вспомнить, почему хотела поговорить с ней прошлой ночью, когда «присосалась к Дэйву», но сейчас мне хотелось узнать побольше о программе. Всякий раз, когда я слышу это слова «программа» - мне кажется, я попадаю в какую-то мрачную книгу.

Было очень рано, и мы взяли два дешевых капучино и, покинув столовую, пошли вниз по холму на прогулку к проселочной дороге. Солнце поднялось выше, защебетали птички, залаяла собака во дворе соседнего домика.

- Так почему ты возвращалась сюда три раза? - спросила я, когда мы прислонились к низкой стене и наблюдали за дикими кабанами, которые откапывали желуди через дорогу. - Я не могу поверить, что даже выдержала первый день.

- Это утомительно, - сказала она, прежде чем сделать глоток. У нее были потрясающие длинные ресницы, которые удачно констатировали с ее голубыми глазами. - Но ты привыкнешь. В мой первый раз я неделю не знала, что делать. Это было тогда, когда программа только запустилась, и они не были уверены, что это будет - провал или успех. - Она бросила на меня серьезный взгляд. - Серьезно, это была лучшая неделя в моей жизни. Я подружилась со всеми англичанами и испанцами, и мы стали одной большой семьей. Ты ездила в лагерь ребенком? Там встречаешь новых друзей и не хочется уезжать.

Я покачала головой. Когда я была моложе, то мечтала о лагере, где есть верховая езда, но родители сказали, что не могут оплатить эту поездку. На самом деле я просто

хотела убежать от их ссор и стать на некоторое время самой обычной девочкой: покататься на пони, поесть пирожков.

- Я тоже, - сказала она с улыбкой. – Но я думаю, что это схоже. Я встретила здесь много удивительных людей. Я... - она посмотрела на свою чашку кофе, которая внезапно ее сильно заинтересовала. - Я даже влюбилась.

За неделю? Я чуть не рассмеялась, глядя на ее эльфийское лицо. Было не похоже, что она шутит.

Она скосила на меня глаза. - Я знаю, о чем ты думаешь, но это место изменит тебя и твое мышление. Для меня, той, кто единственный ребенок в семье с матерью-одиночкой - оно заставило ощутить себя частью чего-то важного.

- Итак, ты влюбилась, - сказала я задумчиво. - Кто он? Вы еще... вместе?

Она рассмеялась. - О небеса, нет. Мы никогда уже не будем вместе. Это место заставит тебя завести отношения, но им нет продолжения. Здесь редко можно встретить кого-нибудь, кто хотя бы приблизительно жил там, где и ты. Человек, в которого я влюбилась, был из Новой Зеландии. Когда программа закончилась, я поехала в Эдинбург, а он вернулся в Окленд. Так было лучше. Мы все еще общаемся через Facebook. У него даже ненадолго появилась девушка. Я скучаю по нему и в каком-то смысле мы стали ближе. Такова жизнь.

Она закусила губу. - Все хорошо, что хорошо кончается. Я записалась на две недели в следующем году. Влюбляться снова и снова.

- Новый парень? - спросила я, удивившись мягкости голоса девушки.

- На этот раз испанец, - сказала она. На долю секунды она замечталась. Этого было достаточно, чтобы заставить меня улыбнуться. - Его звали Ксавьер, он приехал из города Таррагона. У него была девушка, но... он забыл ее достаточно скоро. – Она заметила хмурый взгляд на моем лице. - Я знаю, что это звучит мерзко. Но это место делает тебя другим. Поверь, ты уже попала под его влияние.

Матео? Я на мгновение задумалась. Нет, она имела в виду Дэйва. Конечно же.

Она продолжила, - Ты увидишь. К концу этой недели ты узнаешь, кто с кем завязал отношения. Это как... это как будто изолировать группу взрослых людей посреди испанской деревни, а все правила можно выбросить в окно.

Я допила кофе и посмотрела вниз. Тяжело вздохнула. Для меня разговор становился каким-то неудобным. – Это кажется грязным.

Она медленно кивнула. - Так и есть. Но большинство людей пытаются защитить свои сердца. Я тоже так думала. Никто не ожидает ничего подобного от этого места. Я знаю, что Блэр был моей новозеландской любовью. Ксавьер был просто для развлечения. Что в этот раз? Я не знаю. После всего сказанного, я на самом деле здесь не для того, чтобы найти любовь. Просто так получается.

- Зачем ты приезжаешь сюда?

Она повернулась к солнцу спиной так, что ее лицо оставалось в тени. - Чтобы быть частью чего-то. - Она посмотрела на гребень холма. - Пойдем обратно? Не хочу пропускать завтрак. Это то, что я усвоила очень хорошо. Всегда ешь столько, сколько можешь. Тебе понадобятся силы. И пей много воды. И когда не о чем больше поговорить - говори о музыке. Все любят говорить о музыке.

Я обдумывала в голове все то, что она сказала, когда мы поднимались по холму.

Глава 7

Страдание любит компанию.

К моему приятному удивлению, почти каждый второй человек в Лас Палабрас сегодня страдал от похмелья. Я это почувствовала.

Мы с Бэккой сели за стол с зеленым на вид Ангелом и тихим Эдуардо. Это она притащила меня сюда, и чем больше я наблюдала за ней за завтраком и ее общением с Эдуардо, тем сильнее убеждалась, что она посыпала его волшебной пылью.

Я увидела Матео, но едва он успел поздороваться, как его позвал какой-то бородатый человек по имени Скип, который сидел с Беатрис и Полли. Интересно, было ли у Матео похмелье, даже если и было, то по нему не скажешь. Он снова не побрился, так как успел обрасти темной грубой щетиной, а в сочетании с его растрепанными волосами, это будило во мне неприличные фантазии. Он был одет в другой костюм, светло-серый на этот раз, который подчеркивал его темную кожу. Я подумала, что он будет выглядеть превосходно в любом костюме. В любом месте.

Я услышала, как Бэкка откашлялась рядом со мной. Я посмотрела и увидела, как вошел Дэйв. Он заметил меня и расплылся в кривой усмешке, которая затем быстро перешла в непринужденный кивок головы. Типично для него.

Когда завтрак закончился, и мне удалось сохранить все съеденное внутри (я не ела мясо и сыр), я заглянула в свое расписание на день. Моя первая встреча один на один была с Матео. Я едва взглянула на остальное расписание и расплылась в идиотской улыбке.

Я ждала на ресепшене, проверяя свою почту, в то время как Матео заканчивал завтрак. Джослин не прислала мне еще ничего, но Джош прислал. Это было коротко и сладко. Он был рад, что мне весело. Он только что нарисовал что-то, что как он думал, было достаточно хорошо, чтобы участвовать в конкурсе (он иллюстратор и надеется сделать рисунки к графическому роману или комиксу однажды). Джош сказал, что без меня это было трудно, в основном потому, что наша мать преследовала его двадцать четыре часа в сутки, что ему надо найти лучшую работу, чем онлайн заказы.

Я вздохнула, думая каково там приходится Джошу. С тех пор, как Мерси съехала и обручилась со своим самодовольным женихом Чарльзом (но вы должны произнести это через нос английским акцентом), моя мать сосредоточила все свои силы на нас с Джошем. Дело в том, что цены на жилье и аренду стоят так дорого в Ванкувере, что нам не остается ничего другого, как жить дома. Иногда меня посещала мысль снимать жилье с Джошем, но я студентка с мизерным заработком - так что сразу отбросила эту мысль.

- Кто такой Джош?

Я развернулась в кресле и увидела Матео, стоящего позади меня и разглядывающего мой экран. Слава богу, я ничего не написала брату о нем.

- Это мой брат, - быстро сказала я, сердце бешено колотилось, в висках все еще стучало. Почему я так занервничала вдруг?

- Ты рассказала что-то приятное обо мне? – спросил он.

Что? Я нахмурилась.

Он покачал головой, растянув губы в широкой улыбке. – Да я пошутил. Заканчивай, пойдем поговорим. Где ты хочешь сделать это?

Хм, на полу, возле раковины, в постели?

Я пожала плечами и встала с кресла. - Без разницы. Где-нибудь в тихом месте. И где есть вода. Или туалет, если меня стошнит.

Спокойно, Вера, спокойно.

- Тебе тоже плохо? - спросил он. Матео положил свою руку мне на талию и осторожно повел к выходу. Это было сумасшествием, я почувствовала жар от этого. И не хотела, чтобы он убирал свою руку оттуда.

Он вывел меня на улицу и указал на два плетенных кресла в тени здания. - Может здесь?

Мы были здесь не одни. На другой стороне внутреннего дворика были Лорен и Сара, которые пытались завести разговор. Я улыбнулась Саре, она выглядела не лучше – такая же усталая - но старалась не смотреть на Лорен. Я знала, что они не будут дружить.

Я рухнула в кресло, пытаясь устроиться на подушках удобнее, чтобы ивовые прутья не отпечатались на моем лице. Матео сделал наоборот. Он сел, расставив ноги и положив на них руки. Он пристально смотрел на меня, как будто пантера на свою добычу.

Я не была ничьей добычей в течение длительного времени. И, несмотря на то, как мое тело реагировало на это, сейчас не лучшее время, чтобы что-то начинать.

Я откашлялась. – Итак.

- Итак, – сказал он, не отводя глаз. – Тебе было весело вчера вечером?

Я кивнула, интересно, сколько он знает. - Слишком весело, наверно.

- Я не видел, как ты ушла, – сказал он.

Отлично.

- Хотя слышал, что ты сделала, – добавил он.

Дерьмо.

Я не стала смотреть на него. Вместо этого я достала свои солнцезащитные очки из сумочки и надела их. О, гораздо лучше. Солнце светило не так ярко и уже не причиняло такую боль, да и Матео не мог видеть моих глаз.

Когда я ничего не ответила, он вновь заговорил, – Ты должна была прийти попрощаться.

- Ты был занят, – сказала я, немного слишком быстро. – Танцевал.

- Ничего такого не было. Ты бы видела меня танцующего, прям как Джастин Тимберлейк.

Я посмотрела на него, но он не мог этого видеть.

Он криво усмехнулся. – Ну, я предполагаю, что похож на него, когда танцую. Но могу ошибаться.

- Я выпила слишком много граппы, – смогла сказать я. – А как насчет тебя?

- Даже чуть больше чем «слишком много», но может именно поэтому мы и пьем ее.

Наверное, именно из-за этого я и возомнил себя Джастином Тимберлейком.

В этом и был весь Матео – невозмутимый, спокойный, уравновешенный. Как танк. Но на мгновение я вспомнила наш вчерашний разговор по телефону, когда этот бизнесмен от волнения не мог сказать ни на одном языке, чем он занимается. Этот Матео заинтриговал меня больше, чем кто-либо.

Я задалась вопросом, как начать разговор.

- Итак, что мы будем обсуждать, – сказала я.

Он улыбнулся. – Мы уже обсуждаем. Нет никакого сценария. Давай просто поговорим.

- Ладно, – сказала я. Он был прав, конечно. Когда вы были с кем-то, кто вам нравится, наедине, все было по-другому. Вы просто болтали. Все кажется просто, когда вы думаете об этом. Я задалась вопросом, поэтому ли Джерри закатил пьяную вечеринку в первую же ночь, так люди чувствовали бы себя комфортно друг с другом и все языковые барьеры отпали бы.

- Вера, – позвал Матео. – Распиши мне по часам, что ты делала во вторник на прошлой неделе.

Я выпрямилась, слегка удивленная. – В прошлый вторник? Почему ты спрашиваешь?

- Это один из моих двадцати вопросов.

- Я была в Лондоне...

- Как долго ты там пробыла?

- Я думаю, это больше, чем один вопрос.

- Не воспринимай так буквально, – упрекнул он меня. – Расскажи мне о последнем вторнике, когда ты была дома, в Ванкувере. Расскажи мне о том дне.

Я откинулась в кресле. – Зачем?

- Потому что, – сказал он, – я хочу знать, как проходит обычный день Веры Майлз.

- Ну, я не могу сказать, что он был обычным, поскольку я не была на учебе.

- Расскажи мне все равно.

Раз он настаивает, я скажу ему.

Я ломала голову, пытаясь вспомнить. Я остановилась на четверг. Так, а что я делала во вторник?

- Я проснулась, – сказала я. Хорошее начало.

- Где ты проснулась?
- В моей постели?
- С кем ты живешь?

Я подняла бровь. Мне нравилось это. - Этот вопрос является предлогом, чтобы задать другие?

Он лишь улыбнулся. - Продолжай.

Я перевела дыхание и попыталась снова устроиться поудобнее. Я закрыла глаза и перенеслась в тот день. - Я живу с братом и мамой. Обычно просыпаюсь в десять утра, если не надо идти на учебу.

- Это поздно, нет?

- Я люблю поспать, - сказала я, пожимая плечами. - В любом случае, я встала в десять и сделала себе завтрак... потом я зашла в последнюю минуту в интернет посмотреть дермовые новости о Лондоне.

- Ты смотришь дермомо?

Я расхохоталась. - Нет! - прокричала я. - Извини. Я должна перестать сквернословить и использовать сленг - я тебя так только запутываю.

- Мне нравится, когда ты ругаешься.

- Ну, это ни в коем случае не приносит мне никакой пользы, когда ты понимаешь все буквально.

Он потер подбородок в притворном раздумии. Я почти ощущала щетину под его пальцами. - Значит, когда вы говорите такие вещи, как «трахни меня» или «пошел на хуй», то на самом деле не хотите, чтобы вас кто-то трахнул и не посыпаете другого?

Боже мой, как красиво прозвучало из его уст это грязное слово «трахаться», особенно, когда он произнес его с таким мягким акцентом.

Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоить свои разбушевавшиеся гормоны. - Ты говоришь про тот случай, когда мы ругаемся?

Матео осторожно улыбнулся. - Я немного не понимаю это слово.

Отлично, но о чём мы, черт возьми, в действительности здесь говорим? Я уставилась на него, надеясь, что лицо не выдаст меня.

- Что ты делала после того, как посмотрела... дермомо? - продолжил он разговор, как ни в чём не бывало, словно и не было этого момента.

- Ой, - я начала подбирать слова. - Потом я пошла обедать на Драйв.

- Драйв?

- Коммершл-Драйв, - принялась я объяснять. - Это популярная улица рядом с моим домом. Там собираются разные типы: стиляги, хиппи, бродяги. Там есть хорошие места, где можно покушать, даже есть с итальянской кухней.

- Ты встретила там кого-то?

Я покачала головой и посмотрела на свои ногти. - Нет, я обедала одна. Мой брат был на работе.

Я чувствовала на себе его взгляд, но старалась не смотреть на него. - Хм, - сказал он. - Нет друзей, чтобы посидеть вместе? Нет парня?

Я вздохнула, чувствуя, как ком застрял в горле. - У меня есть друзья, - сказала я спокойно, обороняясь. - Мы просто не часто видимся. Учеба закончилась. И моя лучшая подруга живёт в другом городе.

- А парень?

Мне пришлось на него посмотреть. - Очевидно, что у меня нет парня.

Он нахмурился, на его лице появилось неподдельное недоумение. - Почему это очевидно?

Я на мгновение закусила губу. - Я не знаю. Я просто подумала, что это очевидно. Я не думаю, что бы я была здесь, если у меня был бы парень. Я не думаю, что я бы поступала так... если бы он был.

Что, черт возьми, я несла? Это похмелье развязало мне язык.

- Очень честно, - сказал он не сразу. - Нравится быть одной?

Я пожала плечами. - Я думаю, да. Так легче.

- Легче для тебя?

- Нет. Легче беспокоиться только о себе.

Он кивнул, но я успела заметить в его темных глазах замешательство. - Вы близки с братом, так?

- Да, - сказала я. - Это возможно не совсем то, но думаю, что могу назвать его близким человеком. У тебя есть брат или сестра? - Я спросила его, чтобы перевести разговор на него.

- Сестра, - ответил он просто. - Лючия. - Он пододвинул стул ближе и наклонился, облокотившись на колени, Ролексы поблескивали на слабом солнце. - У тебя только брат?

Разговор снова вернулся ко мне. Я шумно выдохнула, давая тем самым понять, что это была не очень веселая тема. - Нет, у меня есть старшая сестра.

- Но вы не ладите...

- Да, мы не ладим, - сказала я. - В смысле, я хорошо к ней отношусь - делаю над собой усилие. Но она просто сука.

Он наморщился. - Звучит не очень хорошо, когда ты так говоришь о своей семье. - Он казался действительно потрясенным этим.

- Ну, она такая, - начала я. - Она всегда была несносной, но стала еще хуже после того, как... это длинная история. Моя семья ебнутая - это все, что тебе нужно знать, и мне все равно, как это звучит. В каждой семье есть паршивая овца, но в нашей их слишком много.

- И Вера Майлз - паршивая овца, - прокомментировал он, откинувшись на спинку стула. - Тебе не подходит это имя.

- Вера?

- Паршивая овца. Ты, кажется, больше похожа на красную овцу. Яркий цвет хорошо констатирует с твоей футболкой. - Его глаза спустились к моей груди, задержались лишь на мгновение, но достаточно долго для меня, чтобы почувствовать разливающееся тепло внутри, растапливая лед, который скопился за последние несколько лет.

- Я уж точно не овца, - сказала я. - Черная кошка мне больше нравится. Может быть даже черная дыра.

- Черная дыра? - спросил он осторожно. - Которая находится в космосе, да?

Я кивнула, радуясь, что разговор направился в сторону астрономии. Единственное, о чем я могла говорить свободно. Я выпрямилась и надела солнечные очки на макушку, щурясь на солнце. - Черная дыра - это звезда. Или это была звезда, которая разрушилась. Это более разумное объяснение: она поглощает свет и все, что находится поблизости и не дает вырваться наружу. Это действительно интересно, потому что мы практически ничего об этом не знаем. И это немного пугает меня, поскольку невидимое.

- Я узнал об этом еще в школе, когда был ребенком, - сказал он. - На испанском это звучит как agujero negro. Но, нет, ты не черная дыра, Вера. Ты восхитительная и совсем не страшная, и тем более не невидимая. - Мне показалось, он сказал это с еле скрываемым желанием, но было бы глупо даже предположить это. - Это не твоя характеристика. Что является противоположностью? Estrella?

Я подняла палец. - Больше никакого испанского.

- Звезда, в таком случае. - Он указал на мои татуировки: падающие звезды на груди, созвездие на руке. - Ты звезда. Вот как теперь я буду тебя называть. Звезда.

Мое сердце затрепетало. - В таком случае, я думаю, Эстrellla звучит лучше.

Он уставился на меня с довольной улыбкой. - Хорошо. Договорились. Эстrellla. - сказал он, понизив голос.

Мир не перестал существовать.

Наши глаза встретились, тишина окутала нас, как бархатистый шелк. Это не могло быть в моей голове, не так ли? Это должно было случиться. Взгляд в его глазах был пристальным, почти плотоядным. Они сверкали загадочно, изучая меня. Люди просто так не смотрят друг на друга, как будто не желая того.

У тебя похмелье, ты бредишь - сказал мне внутренний голос, пытаясь заглушить бабочек в животе.

- Мы можем присоединиться к вам? - нашу связь прервал голос с сильным акцентом. Я оторвась от Матео, чтобы вернуться в реальность и увидела, как Сара и Лорен взглядывали на нас нерешительно.

Ну, Сара выглядела нерешительной. Лорен скрестила руки на груди и с осуждением смотрела на меня.

- Конечно! - сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал беспечно, словно и не было этого напряжения между нами. Я быстро приняла бесстрастное выражение лица, насколько это было возможно, и указала на стулья рядом. - Садитесь, пожалуйста, - добавила я беззаботно.

- Мы подумали, что беседа вчетвером будет куда интересней, - сказала Лорен, таща стул, звук по плитке неприятно резанул мой слух. Сегодня она была одета в короткие шорты и рубашку поло, а также прикрепила нить искусственного жемчуга к своим блестящим очкам. Она выглядела довольною.

Глаза мои быстро метнулись к Матео, но он оставался таким же безразличным, как и всегда. Он встал и придвинул свой стул ближе к моему и вытащил телефон, что-то просматривая.

Лорен прищурилась, глядя на него. - Что ты делаешь?

Я перевела дыхание и посмотрела на Матео. Даже для меня был загадкой этот деловой мужчина, а она разговаривала с ним так, словно он ей что-то должен. По крайней мере, так выглядело со стороны. К черту ее. Она пришла действовать на нервы.

Глаза Матео скользнули по ее лицу, словно бы оценивая. - В моем телефоне есть словарь, который помогает мне с английским. - Он снова уткнулся в экран, не дожидаясь ответа.

- Итак, - сказала Сара с вымученной улыбкой на лице. - Я задавала вопросы Лорен, потом наоборот, а затем она предложила присоединиться к вам.

Замечательно, больше вопросов. О чем нам говорить: о моей паршивой семье или о том, что я одиночка, черная дыра?

Нет, поправила я себя, вспоминая слова Матео: «Ты – Эстрелла».

- Я буду первой, - сказала Лорен, скрестив бледные ноги. Она посмотрела на Матео и прочистила горло, пока он неохотно не встретился с ней взглядом. - Расскажи нам о своей жене.

Меня возмутила такая прямота. Матео скосил на нее глаза, а затем передал мне свой телефон. Я осторожно взяла его в руки и посмотрела в замешательстве. У него был открыт блокнот, где он написал: «У этой девушки не все в порядке с головой?».

Я чуть не подавилась от смеха. Лорен смотрела на меня, словно требуя «поделись со всем классом», но ее внимание привлек Матео.

- Моя жена - очень прекрасная женщина, - сказал он и, хотя говорил вежливо, в его голосе чувствовалось напряжение. - Она очень красивая, умная и замечательная мать.

Была ли я разочарована, услышав это? Наверное, нет. С другой стороны, я могла вратить себе.

Лорен и не собиралась на этом успокаиваться. - Как ее зовут?

- Изабель, - сказал он, и я почувствовала угрызения совести. Вину за то, что я чувствовала к ее мужу.

По тому, как Лорен наблюдала сейчас за мной, я могла бы сказать, что эти вопросы не просто так. Она увидела нас вместе, наши взаимоотношения, как я смотрела на него неравнодушно. Она хотела дать мне понять, что заметила и напомнила, что он был женат.

Мне только и нужно было, чтобы кто-то напомнил об этом.

А Матео продолжал рассказывать ей о дочери - Хлое Энн, я воспользовалась моментом, чтобы быстро написать ему ниже, что она просто сука. Я вернула телефон ему, не глядя. Проигнорировав покалывающее чувство, когда наши пальцы коснулись.

Он сжал в руке телефон и посмотрел на Сару, попросив ее рассказать о муже. В то время как Сара пыталась найти правильные слова, он взглянул на мое сообщение и нахмурил брови. Он посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Что?».

Я наклонилась со своего места и посмотрела на блокнот. Благодаря чудесам автозамены, было написано, что Лорен не сука, а велосипед. Я готова была рассмеяться. Мысль о том, что Матео разглядывал Лорен и пытался представить ее в качестве этого, заставила меня чувствовать себя по-дураски.

- Что там такого смешного? - спросила Лорен высокомерно. Матео тоже рассмеялся. Его смех был громким и веселым, вызывая во мне трепет.

- Это и есть трудности перевода, - только и могла выдавить я.

- Правильно, - сказала Лорен, сузив глаза и улыбаясь. – Ну, тогда позволь мне задать тебе вопрос, Вера. - В ее устах мое имя звучало как обвинение, как будто оно было ненастоящее.

Я уставилась на нее в ожидании, зная, что бы она мне не уготовила, мне вряд ли это понравится.

- У тебя есть парень? - невинно спросила она. Слишком невинно.

- На самом деле, - сказала я с фальшивой улыбкой, - мы как раз обсуждали это с Матео. У меня нет парня.

- А как же Дэйв?

Мое лицо вытянулось. - О чём ты говоришь? Дэйв? Отсюда? Нет. - Я попыталась рассмеяться, но не смогла.

- Я видела, как вы вчера вечером целовались, вот и все, - сказала она, снимая свои очки, и вытирая стекла об свои шорты. - И подумала, что он твой парень.

Черт. Черт!

Я была абсолютно подавлена - она не называла меня шлюхой, но заставила себя чувствовать маленьким, ничтожным человеком с заниженной самооценкой. У меня не нашлось слов, чтобы ответить ей, все мои мгновенные реплики, которые я обычно использовала, куда-то исчезли. Я сидела с отвисшей челюстью.

- Это твое дело, знать есть ли у нее парень? - спросил Матео, поддавшись вперед. От его вежливого тона не осталось и следа.

Лорен посмотрела на него удивленно, но быстро опустила голову. - Мне просто стало любопытно. Просто пытаюсь завязать разговор. Здесь это наша работа, не так ли? Я видела ее вчера целующуюся и естественно предположила, что они вместе. В смысле, что еще я могла подумать? - Она снова вернулась к тому, с чего начала, как бы задавая невинные вопросы.

- Ты должно быть из какой-то странной страны, - сказал Матео, - где женщины не могут поцеловать мужчину для своего удовольствия.

Матео заступился за меня, за то, что я поцеловала Дэйва?

Лорен выглядела потрясенной. - Я из Америки. И мы там делаем все, что хотим. Честно говоря, я думаю, вы и ваша страна остались позади со своей мужественностью и пещерным менталитетом. Не говоря уже о ваших репрессиях для мавров и эмигрантов из Африки.

Он пожал плечами и провел рукой по волосам. Хотя его лицо ничего не выражало и поза была расслабленная, но я видела, как вздымается его грудь, было похоже, что он сдерживает гнев. И я не могла его за это винить.

- Лорен, пожалуйста, - начал он. - При всем уважении, я сомневаюсь, что ты знаешь, о чём говоришь. В каждой стране есть что-то плохое, но это не значит, что все люди плохие, и ты не можешь в полной мере узнать что-то еще, будь-то человек или целая страна, не побывав в их шкуре. Вы, будучи американцами, должны хотя бы коснуться этого как-то. - Он говорил спокойным и размеренным голосом, и мне показалась, что я стала лучше понимать его. Это было нечто большее, чем физическая близость. У него был сильный характер, а я такое любила в людях.

- Я не понимаю, как такая вещь, как быть американцем, имеет отношение к этому, - заявила она. Между тем Сара смотрела то на одного, то на другого, словно это был теннисный матч, она сдвинулась на край стула.

- Ну, - сказал Матео, вставая на ноги и возвышаясь над ней, - я вижу, что ты груба и высокомерна. Было бы неправильно с моей стороны говорить, что все американцы такие. Разумеется, это не так. Только ты. Ты, Лорен, велосипед. *Vete a la mierda*. Что на английском означает: а не пошла бы ты в задницу.

С этими словами он встал и протянул мне руку. - У нас есть еще пятнадцать минут, чтобы поговорить наедине.

Мне нечего было возразить. Я вложила свою руку в его, послав Саре извиняющийся взгляд, и позволила ему поставить себя на ноги. Мы убежали от этого места, просто подальше отсюда. Когда мы достаточно уже отошли, он отпустил мою руку. Был ли это акт солидарности или что-то больше? Единственное, что я точно знала - это то, что мне не хватает его прикосновений сейчас.

Я оглянулась через плечо на террасу возле столовой, где еще можно было увидеть смутные фигуры Лорен и Сары. Бедная Сара осталась одна с этой извращенкой Лорен, которая использует план программы в своих корыстных целях и портит наши сессии один на один.

- Эта женщина невыносима, - сказал Матео себе под нос.

- Это точно.

Он повернулся ко мне, разглядывая мое лицо. - Я думал, что вы впервые встретились в автобусе. Ты ее знаешь?

Я покачала головой. - Нет. Но я имела дело с такими, как она, раньше. И у меня от них остались неприятные воспоминания. Они применяют политкорректность и феминизм к совершенно новому ненавистному объекту.

- Ах, эти ненавистники, - сказал он. - В Испанию это слово пришло из Англии.

- Да, ненавистники, это слово лучше всего подходит для их описания. Они берут любое - феминизм, религию, образ жизни, искусство - и разрушают это. Они заходят так далеко, что со временем теряют исходную цель. Лорен... она просто озлоблена и ненавидит меня за то, что я люблю секс. Она анти-шлюха, супер-женщина. Спорим на сто баксов, что ее влагалище покрыто паутиной.

Матео вновь рассмеялся. И это был самый приятный звук для моих ушей. Я усмехнулась, порадовавшись, что развеселила его, и чуть покраснела от собственных слов. Иногда я забывала, что уместно говорить, а что нет.

- Ты особенная, Эстрелла, - сказал Матео, взгляд его стал мягче, когда он смотрел на меня. Я принялась кусать губы, лихорадочно соображая, что, черт возьми, ответить на это. - Но, - продолжил он, оглядываясь по сторонам, - я не стану принимать твою ставку. Я не сомневаюсь, что ты права, но не желаю, чтобы кто-то проверял.

- Я тоже, - сказала я с улыбкой.

Остаток дня прошел очень хорошо, несмотря на похмелье и на то, что Лорен была велосипедом. Я думала, мое вчерашнее похождение с Дэйвом плохо отразится на моей репутации, но это было не так, по крайней мере, не с Бэккой или Матео.

У меня было несколько бизнес сессий, и я столкнулась с Дэйвом, когда ждала свободного компьютера. На секунду мне стало неловко, но потом я сказала. - Извини за поцелуй вчера ночью.

К счастью, Дэйв принял мое объяснение как должное. Он только пожал плечами и сказал. - Да все в порядке.

И хорошо. После ужина и забавной игры в шарады с сорока людьми я отправилась спать с улыбкой на лице. Я пережила свой второй день и чувствовала поддержку за спиной.

Глава 8

Следующие четыре дня были похожи на этот. Можно подумать, что только потому, что я разговаривала с разными людьми каждый день, то эти дни будут как-то отличаться. Но это не так. Было несколько испанцев, которые мне действительно понравились и произвели на меня впечатление: Эдуардо и его веселый нрав, Ангел и его невинность, высокий, молодой Рикардо и его искренний энтузиазм, длинноволосый рокер Мануэль и сексуальная Нира с ее голубыми волосами, которые напоминали меня в десять лет. Но в остальном все было как всегда: обычные люди, которые мало меня интересовали. Так что все эти сессии слились в одну.

Конечно, были еще Клаудия, Бэкка и Сэмми, а иногда мелькали Полли с Беатрис, но все, что мы делали день ото дня, было однообразным. Поужинали, поучаствовали в мероприятиях, выпили в баре. Надо сказать, наше поведение, в частности поведение испанцев, легко было предугадать. Они стали более грубыми и порочными. Но они мне нравились. Это была истинная сторона испанцев - умение разговаривать на пикантные темы на английском языке.

Единственное, что выделялось из этих четырех дней - это мое общение с Матео. У нас был один деловой разговор и дважды мы беседовали один на один. Мы старались ужинать вместе. Не то, чтобы мы заранее договаривались, но если он не искал меня, то я его искала. Мне нравилось это. Мне нравилось осознавать, что кто-то меня ищет в толпе.

В течение этих дней Матео задавал свои вопросы.

Первым делом он спросил, почему я изучаю астрономию. Мы пошли на прогулку вниз по переулку, мимо дубов и лавандовых полей, наслаждаясь солнцем раннего лета. Я рассказала ему, как полюбила астрономию еще совсем юной. И все из-за книги - Маленький принц. Меня заворожили бесконечно мерцающие огни в небе. И как ни странно, я страдала клаустрофобией и знала, что буду последним человеком, который сядет в космический челнок. В космосе было холодно, страшно и одиноко. Но планеты, звезды и вселенная вечны, они были моими исследованиями. Я могла изучать их в телескопе, по карте, отслеживать их постоянно меняющееся состояние, внося свой вклад.

В следующий раз он спросил, какую музыку я слушаю. У меня было такое чувство, что он уже знал ответ - уже до того, как задал вопрос. Мы лежали на траве, в тени от солнца, и я сказала, что слушаю все, до чего могу дотянуться. На первый концерт я попала в двенадцать, чтобы увидеть гастроли группы Deftones touring, была презентация их альбома «Воровство милости». Мне нравились металлик, панк, классический рок, и я люблю подпевать исполнителю.

Матео также поделился и своими предпочтениями. Он сказал, что его тоже пугает космос, но его первый концерт был группы Аэросмит. Я не стала спрашивать, как давно это было. С тех пор он был повернутый на роке, где исполнитель и автор песен в одном лице. Он любил Пола Саймона, Брюса Спрингстайна, Леонарда Коэна, Боба Дилана и Тома Уэйтса (все это я поддерживала).

На следующий день мы общались по телефону, и Матео значительно улучшил свой деловой английский. Он спросил меня, как я думаю, будет ли конец света. Это был не совсем такой разговор, как я думала, будет по телефону, но сам вопрос заставил меня задуматься. В конечном итоге я сказала, что, скорее всего, нас погубит астероид - это наиболее вероятный сюжет гибели человечества.

Тогда последовал и четвертый вопрос. Когда мы допивали последний бокал вина за ужином, Матео снова спросил меня о моей семье. Тайлер, встревоженный рыжеволосый из Сиэтла, который имел сумку с картинкой из мультика «Мой маленький пони», и Пако оставили только нас двоих, в то время как между столами сновали официанты, собирая пустые тарелки.

- Скажи мне, Эстрелла, - произнес он медленно, его длинные, изящные пальцы играли с ножкой бокала. О, он так меня называл последние несколько дней, и я все больше этим наслаждалась. Он кивнул мне. - Почему вы не ладите со старшей сестрой?

Я засмеялась в стакан. – Ничего себе, от конца света мы снова вернулись к семейным делам.

Он пожал плечами. - У меня еще четырнадцать дней осталось, и я решил - почему бы и нет. Чем ближе мы будем приближаться к расставанию, тем сложнее будут вопросы.

Расставание. Я впервые увидела его неделю назад в том автобусе. И теперь расставание казалось мне таким неправильным. Бэкка была совершено права насчет программы и о связи людей. Я уже не представляла жизни без этих людей, пьющих вино и просто говорящих по-английски. Если я уже так чувствую через неделю, то, что же будет через месяц?

- Ты можешь у меня что-нибудь спросить, - добавил он, как будто это поможет. Ну, немного помогло.

Я сделала большой глоток вина, начиная чувствовать легкое опьянение. И выдохнула. - Вот и хорошо. Это довольно скучные семейные дела.

- Все, что связано с тобой, интересно, - сказал он искренне.

Я застенчиво улыбнулась, внутренне покраснев от комплимента. - Мою сестру зовут Мерседес, но мы все называем ее Мерси. Господи, помилуй нас, потому что она... - я вспомнила ее шок, когда накричала на нее, а затем прикусила язык. Казалось, испанцы относятся к семье более уважительно, чем я. - Она пустое место. Так или иначе. Мы редко ладили. Она на три года старше меня, и я всегда чувствовала себя ребенком рядом с ней. А Джош на два года младше меня. Я думаю, мы с ним всегда были ближе, даже с самого начала. Так что, когда мне было тринадцать, мы обнаружили, что у нашего папы роман на стороне.

Брови Матео взметнулись вверх от такой информации, но он ничего не сказал.

Я продолжила, мой взгляд был прикован к рубиновому вину, которое оставляло блики на гранях бокала. - Он работал летчиком и до сих пор работает. Она была стюардессой. Ее зовут Джуд. Видимо это продолжалось не первый год. Мои родители пытались сохранить семью, но между ними уже не было такой любви. Моя мама очень гордый человек, а он унижал ее - она давно знала о том, что происходит. Они развелись, и моя жизнь пошла под откос. Я была действительно близка с отцом, папина дочка... знаешь? Но Джуд не была готова к подростку, и они переехали в Калгари. Мама получила дом и детей.

Я сделала глоток вина. Стакан опустел, но Матео быстро его наполнил. Я вынуждена была признать, как бы это ужасно не было, говорить о прошлом - для него это было вполне естественно, нормально. - Я начала принимать наркотики и связалась не с той компанией, даже если тогда мне это нравилось. Я выбирала не тех парней, но при этом хорошо училась, так что не такой уж я была засранкой. Но ты знаешь, мне понравились тату и пирсинг, я выкрасила волосы в яркие цвета. Моя мать ненавидела это. Мерси приняла сторону матери, что было слишком. Когда я была в старших классах, то позвала Джоша в нашу компанию. В то время он заикался и все над ним смеялись: он был высоким, тощим и неуклюжим. Но моих друзей это не волновало. Мы пропускали уроки, были социальными правонарушителями. Итак, Джош опускался вниз вместе со мной. Курение, алкоголь, наркотики... секс. - Я бросила взгляд на Матео. Он просто слушал, как будто был в восторге от этого. Я прочистила горло. - И, к сожалению, он не так беспокоился о школе и своем будущем, как это делала я. Он скатился на двойки. Художник, он любил рисовать, но забросил и это. Мать и Мерси во всем обвинили меня, что это я разрушила его жизнь со всеми этими наркотиками, сексом и рок-н-роллом. Таким образом, я стала злодеем.

- Паршивой овцой, - сказал он мягко. - Что мы знаем, не соответствует действительности.

Я сделала еще один глоток вина и вытерла губы тыльной стороной ладони. Тут же вымазав ее в красной помаде, но я была слишком увлечена, чтобы заботиться об этом. - Так вот почему мы с сестрой не ладим. Не имеет значения, что я получученную степень кандидата наук или что я умная. Важно только то, что я якобы испортила брата и что я не идеальная дочь, как Мерси. Особенно сейчас. Мерседес выходит замуж за богатого парня и все должно быть идеально. Я даже не буду участвовать в этом. Я имею в виду, как член семьи. Я думаю, ей будет неприятно видеть меня рядом в такой важный день.

- Неприятно? - сказал Матео с возмущением. - Нет. Ты ужасно красивая, Вера. Красивая до боли. Ты бы затмила ее, как звезда.

Bay.

Я почувствовала, как на меня обрушился шквал эмоций.

Я медленно подняла глаза, чтобы посмотреть в его, и была поражена тем, что там увидела. Последние четыре дня я чувствовала, что между нами происходит нечто особенное. Даже называв меня красивой, это был просто комплимент, хотя и замечательный. По крайней мере, так должно быть. Теперь было что-то в его глазах такое, чего я раньше не видела. Его взгляд, выражение лица, эти сильные, широкие скулы отражали то, что можно назвать было похотью.

Похотливый Матео. Это была его новая сторона.

Самая опасная сторона из всех.

Я бы подумала, что мне показалось, если бы не страстное желание с момента нашей встречи. Перестать думать и поддаться чувствам. Мне не нужно было ждать знаков от него, чтобы наша дружба переросла в нечто большее.

И это казалось неизбежным, когда он так на меня смотрел.

Даже после всего, что я рассказала ему.

Мне пришлось отвернуться. Я натянуто улыбнулась ему и отодвинула бокал подальше. - Я думаю нам пора приниматься за работу над пародией. - Два дня назад нас разбили на команды по пять человек с целью создать нашу собственную пьесу о трудностях перевода. Показ был назначен на сегодня.

Я встала прежде, чем он успел что-либо сказать, и начала уходить.

Он быстро поднялся со своего кресла. Матео схватил меня за руку, заставляя остановиться.

- Эй, Вера, - сказал он хриплым низким голосом, что заставило мое тело дрожать. - Подожди.

Я обернулась и посмотрела на него ничего не выражающим взглядом. - Хм-м?

Он мягко сжал мою руку. - Разве... я сказал что-то не то? - Матео действительно выглядел озадаченным, и я ощутила тепло глубоко внутри. Нет, это не было из-за того, что он что-то сказал. Это было из-за того, как он на меня смотрел, как не должен был смотреть ни при каких обстоятельствах, но как мне хотелось, чтобы он продолжал делать это. Но что, черт возьми, я должна была ему сказать? Это не выразить ни на одном языке. Я с трудом подбирала слова.

- Нет, - сказала я, стараясь говорить спокойно и надеясь, что мои щеки не выдадут мои истинные мысли. - Я просто вспомнила, что сегодня выступление. В тот момент, - быстро добавила я.

Он все еще держал меня за руку. Как будто прочитав мои мысли, он выпустил ее и небрежно сунул свои руки в карманы брюк. Матео по прежнему был одет в костюм, хотя, о чудо, сегодня на нем была простая белая футболка и серый пиджак. Он также позволил своей щетине превратиться в легкую бороду. Это было невероятно сексуально.

- Конечно, - сказал он. - Я почти забыл об этом.

Матео был в другой группе, что было досадно, потому что это означало, что я не могла репетировать с ним, а еще это означало, что я бы все отдала, чтобы увидеть его на репетиции. Он расслабился немного в течение последних дней, переоделся в футболку, и мне было любопытно увидеть его игру.

В поисках своих групп мы расстались, как обычно. Я улыбнулась и помахала. Очень вежливо и профессионально, и как ни странно, абсолютно не так, как я прощалась со всеми остальными. С Эдуардо, Антонио, Карлосом мы просто обнимались и целовались в обе щеки, независимо от того, женаты они или нет. Это был просто способ, которым мы приветствовали друг друга. То же самое касалось и женщин.

Но с Матео все было по-другому - мы вели себя вежливо. Я чувствовала себя ближе к нему, чем к кому-либо. Несмотря на то, что в редких случаях он брал меня за руку, все равно мы держались на расстоянии. Я знала, что так, наверное, лучше. Если бы мне пришлось целовать его в обе щеки, я бы вероятно перешла к губам.

К тому времени, как я подошла к коттеджу Антонио, где собиралась наша группа, я то и дело возвращалась к этой мысли. Его губы. Я подумала, как бы это было, если бы я его поцеловала, хотя и так знала, что это будет блаженством. Я вспомнила его вечную ухмылку и подумала, что он наверняка знает, как пользоваться своим ртом, чтобы доставить удовольствие. Его чувственные губы будоражили воображение. Его щетина бы царапала меня прекрасно, немного боли с наслаждением.

Плюс он был горячим, тридцативосьмилетним и бывшим спортсменом. У него был опыт, которого не было у других мужчин.

Прежде, чем я начала думать о том, как он будет чувствовать своим языком мой пирсинг, я оборвала себя. Это увлечение выходило из-под контроля, и я должна была просто...

Капец. Я не знаю, чего хочу. Мне нужно пойти домой и принести вибратор - вот что мне нужно.

Когда я вошла в коттедж к Антонио, который он делил с Эдом - учителем начальной школы из Нью-Йорка - я знала, что мое увлечение Матео не единственное, что вышло из-под контроля. Группа - Антонио, Полли, Беатрис и Рикардо – все слушали Faithless и танцевали по комнате, как будто были на вечеринке, пиво разливалось с их рук.

- Какого черта? - спросила я громко, закрыв за собой дверь. Они показали мне пиво и продолжили танцевать. - Разве у нас не должна быть репетиция спектакля?

- О, не будь такой занудой, Вера, - сказала Полли, ее светлые косички и силиконовые сиськи подпрыгнули вокруг нее. - Мы знаем, что делаем.

Зануда? Я уже и не помню, когда меня так в последний раз называли?

Беатрис мне застенчиво улыбнулась. - Мы думали, ты задержишься, - сказала она на практически безупречном английском. – Так как ты была с Матео.

Задержусь. Ее комментарий поставил меня практически в тупик. Я порывалась выключить музыку и спросить что, черт возьми, она имела в виду.

Я подумала, что это было слишком очевидно на моем лице.

Антонио остановился, чтобы сделать глоток пива, его грудь вздымалась, а на усах осталась пена от пива. Он усмехнулся, глядя на меня. - Все нормально.

Я нахмурилась. - Ничего не нормально. Так о чем вы, ребята, говорите?

- Эй, мы все собрались здесь, чтобы развлечься, - Рикардо произнес это с такой легкостью, что мне пришлось задуматься, что, черт возьми, здесь произошло, пока меня не было.

Не для этого твоя компания потратила деньги, чтобы отправить тебя сюда. Я думала, чтобы мы тут говорили целыми днями, пока не охрипнем.

Возможно, я и была занудой. Обычно Вера Майлз была удобной подстилкой для мужских особей. Теперь же я была раздражена, разозлена и слегка смущена.

- Я понятия не имею о чем вы, ребята, говорите, - произнесла я твердо.

Полли и Беатрис переглянулись.

- Все хорошо, Вера, - попытался успокоить меня Антонио и широко улыбнулся. - Мы все понимаем. Здесь твои друзья. - Он вырубил музыку. Повисла гнетущая тишина. - Мы должны репетировать сейчас, да?

Нет. Я уже не хочу репетировать. Я хотела поговорить о том, что это не их чертова дело.

- Вам известно, что Матео женат, - ответила я, заглянув каждому в глаза. - Мы просто друзья. Такое бывает между мужчиной и женщиной.

- Ладно, - Беатрис пожала плечами. - Не мне вас судить. Он очень обаятельный мужчина... очень интересный. – Последнее слово она произнесла сладко. Так, словно говорила о чем-то существенном, о чем я только подозревала.

У меня не было другого выбора, кроме как игнорировать ее. Если бы я и дальше продолжала оправдываться, то стало бы еще очевидней, что мне есть что скрывать. Мне нечего было скрывать, за исключением моих чувств к нему. Это было не так важно. Я могла сдерживать их глубоко внутри и никому не показывать.

Это было просто увлечение.

Мы репетировали около десяти минут. Я просто машинально двигалась и не реагировала на шутки. Это была полная ерунда, то, что написали Полли и Рикардо. Это было немного смешно, но в целом просто глупо: в пьесе был американский грабитель (в моем исполнении, конечно) и испанская семья, путешествующая по Америке. Я велела им отдать мне свои деньги, они услышали что-то другое, вот и все. В конце концов, меня пристрелили, и я умерла.

С пивом в руках моя группа отправилась вниз к ресепшин, затем вверх по шаткой железной лестнице в большой зал, где у нас была вечеринка, и мы каждый раз

собирались там после ужина. Все, казалось, нервничали, даже обычно спокойные Нира и Эдуардо.

Мы все сели на выставленные в ряд стулья и стали ждать Джерри, пока тот перечислял всех из нашей группы. Сначала выступала группа Клаудии и Ангела - была пародия на скетч «Попугай Монти Пайтона». Клаудия выступила хорошо, даже сделала накладные усы, которые к всеобщей радости отклеились. После этого выступили еще две группы, а затем пришла наша очередь.

Сейчас меня не волновало, что мы будем выглядеть глупо. В целом все прошло нормально, даже когда не было интересно или смешно. Наша группа разместилась у двери. Матео сидел в первом ряду, улыбаясь мне. Я тоже улыбнулась ему, прекрасно понимая, что моя группа сейчас, вероятно, наблюдает за нами.

Когда мы подготовились и заняли место, Беатрис натянула на меня шапку для моей роли. У Джерри была корзина, полная реквизита для нас, там лежала лыжная маска грабителя.

Конечно, когда вам на лицо опускают шапку, у вас ограниченный обзор. Надо было действовать, как слепой, который был смешен для всех остальных, особенно, когда я вела диалог со стеной. Затем я облажалась на своем моменте, где должна была умереть. Я споткнулась немного в аудитории и упала на бедного Ангела. Это был второй раз за вечер, когда кто-то упал, и мы оба опрокинулись на пол со стуком.

Это вызвало еще больше смеха, и, в конце концов, чьи-то руки подняли меня с пола и сняли шапку с головы. Когда я смогла видеть, то первое, что мне попалось на глаза, что Антонио помогал Ангелу, а я была в руках Матео.

Все смеялись, но в его глазах я видела искреннюю заботу.

- Ты в порядке? - спросил он, внимательно меня осматривая. Его рука опустилась к нижней части моей спины, и я практически замерла от этого прикосновения. Я чувствовала, что все взгляды были обращены на меня.

Сказала, что все хорошо, и извинилась перед Ангелом, прежде чем побежала к своей группе. К счастью, никто ничего не сказал и о том, что я чуть не завалила весь первый ряд зрителей. Или это их не волновало.

Выступала еще одна группа, а я пыталась успокоить сердце, пустившееся вскачь. Я чувствовала себя совершенно не в своей тарелке и хотела, чтобы этот день поскорее закончился. Я ненавидела всю эту ситуацию - между мной и Матео, в самом деле, ничего не было, но я была напугана и вела себя глупо. Это не имело значение: люди перешептывались, обсуждая очевидное. Но не было ничего. Не было ничего столь очевидного.

Я закрыла голову руками. Мне нужно было прийти в себя. Раньше я думала, что мое влечение к парню продлится неделю, не больше, но это было подобно растущей кровожадности монстра, занимая все мои мысли и делаясь все очевиднее для остальных.

- Ты в порядке? - услышала я голос Беатрис совсем рядом, она положила руку на мое плечо. – Тебе больно?

Не думаю. Но будет.

Я посмотрела на нее со слабой улыбкой. - Я в порядке. Просто устала. – Мне, в общем-то, нравилась Беатрис, но я не хотела ничего с ней обсуждать. Тем не менее, сказав это, мне начало казаться, что лучше все-таки обсудить с кем-то. Я быстро поговорила с Джошем по телефону и наконец-то зашла на Facebook, чтобы пообщаться с Джослин. Но так как я здесь была не одна, то не могла расслабиться, не думать о том, что кто-то заглядывает мне через плечо. Со мной всегда был сотовый, но я уже потратила невероятное количество долларов на разговор с Джошем.

Клаудия и Бэкка. Мне нужно было поговорить с одной из них. Они поймут. Бэкка вероятно была в кого-то по уши влюблена, учитывая ее послужной список, и я могла бы поклясться, что-то происходит между Клаудией и Эдуардо.

Я рассмеялась про себя, думая о том, что она думает о парнях, не говоря уже о реальных чувствах к ним. Но я не такая. И ничего этого не было. С той минуты, как я вошла в автобус, привычный для меня мир рухнул.

Глава 9

На следующий день, седьмой день программы - был впервые дождь и конец первой официальной недели. У меня было запланировано две встречи до конца недели, с Иоландой и Энрике, еще двое испанцев должны были присоединиться к нам позже.

Было странно видеть Лас Палабрас хмурым в тени облаков, с лужами у ног. Это навеяло меланхоличные мысли. Впервые я грустила по дому. Ну, на самом деле, это было преувеличением. Я не скучала по дому, просто дождь напомнил мне о нем. Дом - это то место, где я не могу быть самой собой, где я должна ходить на цыпочках вокруг моей мамы. Но я скучала по Джошу. Скучала по тому чувству, когда была свободной от... душевных потрясений. Было ли это правильно? Как насчетексуального неудовлетворения и будущих душевных страданий? Я не могла сказать. Дождь испортил мне настроение.

У меня был только один день без Матео, у нас не было с ним занятий и мы не сидели вместе за одним столом. Джерри начал разбивать нас на группы, заметив, что одни и те же люди продолжали сидеть вместе и настоял, чтобы мы общались с разными людьми. Все бы ничего, если бы не Тайлер, который, как я подозревала, имеет что-то общее с Лорен. Я действительно не могла понять егоексуальность - его рубашка «Голосуйте за Хилари» и одержимость мультиком «Мой маленький пони» не помогли - но я знала, что он, как и наша общая знакомая, презирает меня.

После обеда, который в основном состоял из ветчины, мы познакомились с вновь прибывшими испанцами: Марио, владелец малого бизнеса, и Альфонсо, финансовый консультант. Это было нелегко, вступить в программу через неделю, когда уже всеказалось очень близким и понятным. Я начала задумываться, что у нас с Матео осталось только две недели.

В глубине души я чувствовала облегчение, что смогу снова быть собой и все мои мысли не будут заняты другим. Но моя другая часть, из плоти и крови, ощущала, что задыхается при этой мысли. Я чувствовала, что уже не смогу жить без него: не придет больше весна, исчезнут бабочки в животе. Что не буду больше цельной.

И это было отвратительное чувство.

Я пыталась найти Клаудию или Бэкку после ужина. Мне нужно было поговорить с ними. Я ощутила как вино, которое я полюбила, растекается по венам и наполняет тело теплом. Я хотела сказать, что у нас с ним ничего нет и я не сумасшедшая, не ужасный человек, который связался с женатым мужчиной.

Но в конечном итоге я наткнулась на Матео. Снаружи во внутреннем дворике была группа людей, сидящих в плетеных креслах и играющих в карты. Внеурочные занятия были отменены, потому что много времени заняли пьесы, так что бар был открыт, и все могли делать, что хотят. Матео был там и громко смеялся с Уэйном. Их щеки пылали. Они уже были пьяны, и я вспомнила, что во время ужина они обходили все столы и собирали еще полные бутылки вина, как хулиганы на свадьбе.

Ангел, Сэмми, Бэкка, Эдуардо, Мануэль, Рикардо, Полли и Карлос - все были там с напитками. Дождь прекратился, но воздух был влажный, а на траве роса. Небо прояснилось к этому времени, луна была ясная, и ее не закрывали облака.

- Вера! - крикнул мне Уэйн. - Вы, канадцы, играете в футбол, верно?

Я не могла не смотреть на Матео с подозрением. - Да, некоторые играют. А что?

- Мы собираемся провести футбольный матч на следующей неделе. Англия против Испании, - он ткнул в Матео большим пальцем. - Я бы притворился испанцем, чтобы только быть в его команде.

Я придвинула плетеное кресло и села рядом. - Звучит весело, но на меня не рассчитывайте.

- Да ладно, Вера, - громко сказала Сэмми. - Если я на это пойду, то ты тоже должна. Твои ноги гораздо лучше моих.

Может и так - у меня ноги длиннее, но от этого не легче, больше возможности споткнуться.

- Ваши ноги длинные до тех пор, - сказал ей Карлос Лягушатник, похотливо подмигнув, - пока вы ходите наексуальных каблуках.

Сэмми рассмеялась на его замечание, но я не стала отводить глаза. Я поймала взгляд Матео.

Он встал и подошел ко мне, положив руку мне на плечо. - Пойдем, я куплю тебе выпить.

- Я только села, - простонала я.

- Пойдем со мной.

Я хотела сказать нет. Но не смогла. Зглянула в его темные, сверкающие глаза, заставила себя подняться и пойти с ним в бар. Я решила, что разговор с Клаудией и Бэккой можно отложить еще на один день. Так будет лучше.

Мы прошли мимо людей, сидящих за компьютерами, к бару. Я прислонилась к стойке, мои пальцы лежали на прохладной железной поверхности, а Матео заказывал нам два пива. Он стоял так близко, что я могла почувствовать тепло между нами, видеть его мускулы и ягодицы.

Сделай глубокий вдох, сказала я себе.

- Ты думала, что тебе сойдет это с рук? - спросил он низким, хриплым голосом.

Дерьмо. Что теперь?

Я сглотнула и с неохотой перевела на него взгляд. Его лицо было так близко, что он мог сосчитать веснушки, которые появились на моем носе за последнюю неделю. Его запах дразнил меня, заставляя все внутри гореть от желания.

- Сойдет с рук что? - прошептала я.

Он одарил меня сексуальной улыбкой. - День почти на исходе, а я так и не задал тебе свой вопрос.

О. Это. О, Боже, серьезно? И это после вчерашнего?

- Я обещаю, что это будет более... весело, - сказал он, разглядывая меня. Он был хорош в этом.

- Прекрасно, - сказала я, делая вид, что не в восторге от того, что он искал меня, чтобы что-то спросить. Что я не на седьмом небе от мысли, что он думает обо мне.

Пока он платил за выпивку, я придвигнулась ближе, пользуясь моментом. Сегодня он был одет в черную шелковую рубашку и черные брюки, которые подчеркивали все его достоинства. И походил на пантеру, хорошо, что вокруг было полно людей. Он был гладко выбрит и уверен в себе.

- Вы проделали хорошую работу вчера вечером, - сказала я ему. - У вас была смешная сценка.

В группе Матео были одни мужчины и поэтому они решили сделать пародию на конкурс Мисс Испания. Это означало, что они оделись в женскую одежду. Матео, безусловно, был самым мужественным, даже в белом парике с помадой и боа из перьев.

- Ты думаешь, из меня вышла привлекательная женщина? - спросил он, протягивая мне пиво.

Я поблагодарила его, а потом сказала, - Нет. Ты был самой волосатой женщиной, которую я когда-либо видела.

Он криво улыбнулся и сделал глоток пива. - Я не думаю, что мог бы быть женщиной. Вы слишком... сложные.

- Мы? - спросила я, сомневаясь.

Он кивнул и положил мне руку на талию. На мгновение я захотела раствориться в нем - я выпрямилась, готовая следовать за ним куда угодно. Вместо того, чтобы вернуться к столу, где продолжалась игра, он взял меня за руку и повел нас в сторону коттеджей.

Была темная ночь с ясными звездами. Я откинула голову назад, чтобы увидеть Большую Медведицу, Скорпиона в этой бархатной ночи.

- Я надеялся, что сегодня вечером будут видны звезды, - сказал Матео. - Идем подальше от света.

Уйти подальше от света? Почему?

Мое тело неизвестно от чего дрожало, мысли лихорадочно закрутились в голове. Что делать, если Матео захочет меня поцеловать? Что бы я сделала? В смысле, я не могу не ответить - это было бы неправильно. Но спать с ним я не собираюсь, невзирая на его чувства.

Я никогда не прислушивалась к разуму, когда дело касалось секса. Как правило, мое тело одерживало верх.

Он увел меня подальше от бара, откуда доносились пьяные крики Ангела «Придурок», и повел к своему коттеджу. На долю секунды мне показалось, что он ведет меня наверх, в свою комнату, в свою кровать, но мы остановились у низкой каменной стены, куда он и предложил присесть.

Я не могла сказать, что чувствовала в этот момент: облегчение или разочарование. В любом случае - это к лучшему. По свету наверху я поняла, что Сара была дома и пятнистые тени Хорхе и его соседа по комнате - этажом ниже. Мы у всех были на виду.

Я осторожно забралась на стену, а он сел рядом со мной, свесив ноги. Он начал качать ими, легонько ударяя по стене. Я и забыла, что он был немного пьян.

- Так как прошла твоя первая неделя? - спросил он, прежде чем сделать глоток пива.

- Хорошо, - сказала я, совершенно не думая о том, как близко мы сидели. При каждом взмахе его ноги он соприкасался со мной. - А твоя?

- Я устал разговаривать, - сказал он. - У меня горло болит. Я пью чай с медом перед сном, как какой-то старик.

Я игриво толкнула его локтем. - Ты старик.

Он ответил мне тем же. - Это ново для меня.

Я наклонила голову и посмотрела на него с любопытством. - Что же?

- Твои прикосновения, - сказал он.

- Мои прикосновения?

- Да, - серьезно сказал он. - Так, как ты касаешься всех остальных.

Я почувствовала, как краснеют мои щеки, но по-прежнему не знала, о чем он говорит.

- Ангел, Эдуардо, Рикардо, - начал он перечислять. - Ты всех их касалась, целовала, здороваясь и прощаясь, а еще они заставляли тебя смеяться. Вот так. - Он положил свою руку мне на бедро. Мои глаза расширились в ответ. Я не могла пошевелиться. - Или так, - сказал он, вторая рука легла мне на плечо. Его прикосновение обожгло мои голые плечи, распространяя тепло по всему моему телу.

О, Иисус.

Я затаила дыхание, но постаралась, чтобы голос не дрожал. - Я со всеми так. Не только я. Это привычка. - Честно говоря, я и не задумывалась об этом до нынешнего момента. Я всегда так делала независимо кто передо мной: мужчина или женщина, молодой или старый.

Он сделал глоток пива и посмотрел на бутылку в руках. - Ты не трогаешь меня.

Так, он заметил.

- Ну... ты женат, - произнесла я сбивчиво, чувствуя, как мое сердце вот-вот рухнет нахрен вниз, ощущая себя уязвимой даже ночью.

- И таких много из них.

- Было бы неправильно...

- Почему ты так говоришь? Это неуместно?

Он поднял свою руку и очень медленно, мягко убрал прядь с моего лица, заправляя ее за уши. Я ощутила на коже прикосновение кончиков его пальцев. Закрыла глаза, чувствуя, как его руки скользят вниз по моей спине, купая меня в звездном свете.

Я не могла вспомнить, как говорить. Я чувствовала себя как будто в наркотическом опьянении. Это было, словно ощутить тепло солнца в холодный день. - Нет, - успела я только сказать тихо. Все перед глазами плыло.

- Тогда делай это, - сказал он низким голосом. - И позволь мне решать.

Я открыла глаза и посмотрела на него с трепетом. Напряжение между нами возросло, его черты лица казались такими темными и таинственным в свете луны.

- Это становится странным, - сказала я, пытаясь улыбнуться. - Поэтому я не хочу дотрагиваться до тебя.

Он усмехнулся. - Может, чем больше ты будешь ко мне прикасаться, тем менее странным тебе будет это казаться. Можешь начать с моих пальцев на ногах.

Я усмехнулась, благодарная за это. - Ты такой извращенец.

Он пожал плечами и допил пиво. Вокруг повисла почти осозаемая тишина. Интересно, обиделся ли он за мой отказ прикоснуться к нему. Я начала подозревать, что он ждет этого. Я стала спрашивать себя: почему все еще этого не сделала и чего я боюсь.

Я протянула руку и осторожно пальцами коснулась его виска. Я скользнула вдоль его гладкой кожи, ловя шелковистые пряди и заправляя их за уши. Я трепетала и подавляла порыв поцеловать его в губы. Я наслаждалась ощущением его волос между пальцев.

Его взгляд скользнул к моим горящим глазам, что только разожгло огонь. Я не могла отвернуться, не могла отдернуть руку. Я чувствовала, что тону.

Его полные губы слегка приоткрылись, от чего мне был виден кончик его языка. Я почувствовала влагу между ног, что не давало забыть мне о моих потребностях, нужде, желаниях. Я хотела оседлать его прямо здесь и сейчас, прямо на этой каменной стене, почувствовать его между ног и широкие плечи под ладонями.

Был только один выход из всего этого. Во мне вдруг заговорила полиция нравов, к голосу которой я никогда не прислушивалась. Он напомнил мне, что Матео был женат и немного пьян. Я должна лучше соображать, не поддаваясь этому проклятому увлечению.

Без предупреждения я вдруг выпалила, - Я надеюсь, что ты останешься довольным. У меня нет возможности прикоснуться к твоим пальцам ног. - Я рассмеялась как сумасшедшая - это было похоже на безумие.

Матео пару раз моргнул, не в силах прийти в себя от моей реакции. Он усмехнулся и пожал плечами. - Это стоило того, да?

- Да, - согласилась я, одарив его слабой улыбкой. - Еще бы. - Я пожала плечами и огляделась по сторонам. - И это был вопрос?

- О нет, дорогая Эстрелла, - сказал он. - Нет, вопрос мой будет сегодня про твои татуировки. Что они означают?

Я вздохнула с облегчением. Я привыкла к этому вопросу. Я начала с моей лодыжки, подняла ногу и закатила джинсы. - Это была моя первая татуировка, - сообщила я ему. - Это татуировка Луны из «Маленького принца». Я сделала ее в четырнадцать.

- Так рано, - заметил Матео.

- Да, - сказала я, но больше ничего не стала говорить. Я закатала другую ногу и показала точки вокруг лодыжки. - Это созвездие Возничего. - Я знала, что он не видел его. Посмотрев на небо, я кивнула в сторону горизонта. - Это там. Та яркая звезда Капелла, она часть его.

- Все твои татуировки созвездий? - спросил он, следя за моим взглядом.

- Большинство из них. У меня есть Солнечная система на спине. Пегас на моей шее, Скорпион на бедре, Близнецы на ребрах, Кассиопея, как штамп бродяги.

- Штамп бродяги?

- Хм, это то, что получаешь, когда ты молод и глуп. - Я повернулась к нему поясницей. - Прямо здесь.

Я показала ему свою новейшую татуировку на внутренней стороне правой руки. - Я сделала это перед приездом сюда, Стрелец... с черепами. Я сделала еще падающие звезды на груди и плечах. Плюс цитата - я люблю Оскара Уайльда. У меня есть русалка и корабль на бицепсе. - Я согнула руку для него. - И кленовый лист на заднице. - Я быстро сделала глоток пива.

Он рассмеялся, подняв брови. - Правда?

- Ага.

- Было больно?

- Не. У меня толстая прослойка жира. Болели шея и ребра. Но с задницей все было нормально.

- Я вижу. Но, наверное, странно представлять свою задницу человеку в лицо, да?

Я дерзко ему улыбнулась. - Не совсем. Она у меня красивая.

Он смотрел на меня еще несколько минут, затем улыбнулся и отвернулся. - Как я и говорил, ты восхитительна.

Я начала сдирать этикетку с бутылки пива. Когда закончила, свернула и бросила в траву. - Я бы хотела, чтобы все люди видели во мне интересного человека, как ты, - сказала я спокойно.

- Я уверен, так и есть, - сказал он с заплетающимся языком. - Это просто невозможно... не быть очарованным тобой.

Мое сердце, казалось, перестало биться. Я так сильно хотела спросить его прямо, был ли он в восторге от меня. Но я боялась ответа. Я не знала, что хуже, если б он сказал «да» или «нет».

- Ты сказал, что я могу задать тебе вопрос, - напомнила я ему мягко.

Он кивнул. - Так и есть. Я, как вы говорите, весь во внимании.

Я слушала какое-то время сверчков. - Ты скучаешь по семье?

Он опустил голову и посмотрел на меня. - Скучаю ли я по своей семье? Конечно, скучаю. Ты спросишь почему?

- Мне просто любопытно, - сказала я. - Я не леди. И не знаю, что приемлемо.

- Ты же скучаешь по своему брату, - предположил он.

Я кивнула. - Скучаю. Я хотела бы, чтобы он был здесь со мной.

- Ты можешь скучать по родным, но при этом не хотеть быть дома. Я хочу, чтобы моя дочь была здесь.

Мое лицо смягчилось. - Вот как? Хлоя Энн?

- Да, - сказал он, тепло улыбаясь. - Ей бы здесь понравилось. Она любит животных. Она любовалась бы полями, лошадьми и свиньями внизу. Я хочу дать ей все. Вы похожи. Она тоже любит приключения.

Пришло мне время спрашивать. - А как насчет твоей жены. Ты скучаешь по ней? Ты хотел бы, чтобы она была здесь?

В его глазах промелькнуло замешательство, и он закусил губу. Наконец, он поставил бутылку рядом с собой и безучастно посмотрел на свои руки. - Я мог бы сказать «да», как и положено хорошему мужу. Но я бы солгал, а я не хочу лгать тебе, Вера. - Он вздохнул, а мне стало интересно, почему он не скучал по ней, не хотел, чтобы она была здесь. - Как я и говорил прежде, с женщинами сложно. У нас с Изабель... сложные отношения.

- Ну, - произнесла я неловко, пытаясь продолжить расспрос, - какие отношения не сложные?

Он смерил меня взглядом. - Хорошие.

Дело в том, что я была с ним согласна. Вот почему я не была даже в отношениях. Удар, бац, спасибо тебе, чувак, и твое сердце растоптано. Последние отношения практически сломали меня. И я бы не хотела снова через это пройти. И так должно оставаться.

Я долго держала это в себе и поэтому сказала. - Я понимаю. - Я чувствовала, что он хотел бы знать больше, но я не готова была сейчас говорить о своей личной жизни.

- Вера, Матео! - услышали мы плохой английский Ангела.

Мы оба повернулись, чтобы увидеть, как он топает к нам с бокалом вина и глупой улыбкой на лице. Его белая рубашка была в красных пятнах от вина.

- Ангел, - отозвался Матео.

- Меня послали сюда, чтобы сказать вам кое-что, - он едва стоял на ногах, поскольку был пьян. До нас доносились громкие голоса, музыка и смех из бара. Их игры с алкоголем, похоже, перешли на следующий уровень, в то время как я была отрезана от остального мира.

В нашем собственном маленьком мире.

- Да, и что же? - спросил Матео с нетерпением. Он, казалось, был не в восторге от того, что нас прервали.

Глаза Ангела заблестели, и он быстро постучал ногтем по бокалу. - Сэмми... - он сделал паузу. - Сэмми просила передать, что вам пизда. И если я это сказал вам, то она мне покажет свою!

Затем он рассмеялся и, развернувшись, бросился назад в бар, продолжая проливать везде вино. Оттуда донесся взрыв хохота, все смеялись над выходкой Ангела.

Я посмотрела на Матео, нахмурившись. - Ничего себе, вы, испанцы, еще более испорченные. Вы подобрали по-английски неплохое слово?

Матео усмехнулся и спрыгнул со стены. - Погоди, пока у нас нет возможности поговорить по-испански, но я еще научу тебя всем плохим словам.

Я покраснела. - Мы должны найти для этого время перед отъездом. Лучше не тянуть до последнего.

Его улыбка была грустной. Он протянул ладонь, ожидая моей руки. - У нас еще две недели, - отметил он мягко.

Я вложила свою руку в его и позволила помочь мне встать. Мы шли рука об руку, пока не вышли на свет. Затем он отпустил мою руку, но прежде, чем сделать это, сжал мне ее.

Глава 10

- Вера, тащи свою задницу сюда!

Я открыла глаза и уставилась на темные деревянные панели потолка. Солнце пробивалось в открытые французские двери, как и крики, которые, черт возьми, прервали сон.

Я несколько раз моргнула и медленно села. Отключилась на диване, мой фотоаппарат лежал на животе, так как я пересматривала фотографии. Было непонятно, сколько сейчас времени, но я ушла с ужина немного раньше, надеясь побольше поспать.

После разговора с Матео я присоединилась к вечеринке, правда вначале мне потребовалось приблизительно двадцать минут, прежде чем вернуться туда. Я была возбуждена, как ад, и смотреть на Матео, как он пил пиво, знать, какие мягкие волосы у него, было абсолютной пыткой для меня. Я пошла прямо к себе в комнату, заперла дверь и вытащила вибратор. Обычно мои руки сделали бы свое дело, но это не то, что я рисовала в своем воображении.

К сожалению, даже после пяти оргазмов подряд, представляя, как Матео входит в меня глубоко, я все еще не могла найти успокоения, которого так жаждала. Я ворочалась всю ночь и практически спала на утренних занятиях.

После сна я до сих пор не была оживленной, вероятно, потому, что возбуждение и желание не проходили во мне. Я зарычала в отчаянии, а затем встала. Бросилась на железные перила и закричала, - ЧТО?! - мои волосы раздувало, как гриву льва.

Внизу на лужайке собралась группа людей, может быть, с десяток.

Я увидела Матео. Он стоял в стороне в джинсах, футболке и кроссовках. Боже, неужели не в костюме!

Перед группой стоял Эдуардо, который был одет в смехотворно узкие шорты, гетры и с футбольным мячом под мышкой. - Нам нужен еще один англичанин! - крикнул он в ответ.

Эти люди не понимали, что я ненавидела большинство видов спорта. Дайте мне теннис, дайте мне лыжи, верховую езду, но никогда не считайте меня, черт возьми, командным игроком.

Плюс, Матео был там. Его темно-зеленая футболка с V-образной формой выреза, его загорелые руки и джинсы – все это выглядело действительно сексуально. Я не могла видеть его задницу, но знала, что она была восхитительной.

Может быть, не мешало бы умерить свое сумасшедшее либидо, подумала я про себя, так как это разжигало и беспокоило меня снова и снова. Это либо поможет, либо только все усложнит. Казалось, я не могла это преодолеть, пока была здесь.

Я проворчала про себя и вернулась в комнату, натянула джинсовые шорты, в которых моя попка выглядела прекрасно, и мои конверсы. Не лучшая обувь для футбола, но ничего. Я быстро выпила залпом стакан воды, а затем побежала вниз по лестнице, чтобы присоединиться к ним.

- Хорошо, - сказала я, размахивая руками в воздухе. - Я здесь.

Я быстро посмотрела на Матео, прежде чем была немедленно втянута в команду англичан. Я увидела, как он обернулся и присоединился к своей команде, его крепкая задница смотрелась очень аппетитно в тех джинсах. Черт возьми.

- Вера! – отрезала Лорен.

О, Боже, она была здесь. Я медленно повернулась и посмотрела на нее.

Она смотрела на меня с презрением, разглядывая гневно мои сиськи. Было ли это потому, что на мне был топ American Apparel?

- Разве ты не должна носить спортивный лифчик, - сказала она, - или что-то более подходящее для спорта?

Я приподняла брови и сузила глаза. - Прости?

Уверена, что этот топ был открытым, но и большинство из моих рубашек были такими. Когда она стала такой консервативной? Не она ли должна была быть феминисткой?

Уэйн вышел вперед, одетый с ног до головы в Nike. Ему действительно было трудно не смотреть на мои сиськи. - Как капитан команды здесь, я думаю, что Вера одета прекрасно.

- Ты тоже? - Лорен издевалась, оборачиваясь, чтобы посмотреть на него, что отчасти напомнило мне, как делала Линда Блэр из фильма «Изгоняющий дьявола» своей головой. - Что это с вами, женатые мужчины? Святость брачных обетов ничего не значит больше, чем ли?

Выражение Уэйна стало таким, как у ребенка, которого наругали. - Прости?

- Я должен согласиться с Лорен, - сказал Тайлер, положив руку ей на плечо в знак утешения. – Твой топ отвлекает.

- Заткнись, ты, Брони, - сказала я. Он выглядел потрясенным, когда я услышала шепот Уэйна, - Что такое Брони?

- Идем, ребята, - крикнула Полли, прыгая с ноги на ногу. Хотя она была одета в плотную футболку, ее силиконовые сиськи выпирали, но Лорен пока не среагировала. - Это просто глупый футбольный матч. Давайте просто играть. Какая разница, что кто носит, я чертовски хочу ужинать.

Видимо та команда, которая выиграет матч, на следующей неделе собирается ужинать в хорошем ресторане города. Дело в том, что я не хочу ужинать с некоторыми из этих людей. Если бы я выиграла ужин сама, то да, это был бы приз. - Давайте послушаем про это на ужине! - закричал Уэйн и захлопал в ладоши, довольный, чтобы перейти к чему-то другому от того, что происходит с Лорен. – Ладно, команда. Пойдем, пойдем. - В то время как он махнул всем к нему подойти и занять позиции, я протянула руку и схватила за плечо Лорен.

- Что, черт возьми, у тебя за претензии ко мне? - прошептала я, развернув ее ко мне лицом. Серьезно, мне уже было достаточно ее ненавистного отношения. Она была в значительной степени единственным, что мешало мне в Лас Палабрас.

Она наклонилась ближе. От нее пахло ... нехорошо. – Ты мне не нравишься, - прошипела Лорен, широко раскрыв глаза, как будто она собиралась накинуться на меня.

- Почему? - спросила я. - Я ничего не сделала тебе.

- Ты сделала то, что и весь женский пол.

О, Боже, что, блять.

- Я не люблю женщин, которые используют секс, чтобы добиться того, что они хотят. Женщины выше этого.

- Какой секс? – спросила я, озадаченная и обозленная на все. - Я не занимаюсь сексом.

Она закатила глаза. - Ты понимаешь, что его жена может узнать все.

- Так нет ничего такого, что надо узнавать! – кричала я на нее. Было очень заметно, что у нас с Лорен происходит конфликт и остальные из нашей команды наблюдали за нами с нетерпением. Слава Богу, испанцы были еще дальше, и Матео не видел все это.

- Это ты себе продолжаешь так говорить, - сказала она. - Но я знаю таких девиц вроде тебя. Вы усложняете мою жизнь каждый день.

- Ты никогда не думала, - я ткнула в нее пальцем, - что это ты сама усложняешь себе жизнь?

Она уперла руки в бока. - Ты ничего обо мне не знаешь.

- Нет, - сказала я, заглядывая Лорен через плечо, и увидела, как Сэмми пинает мяч в нашу сторону. Я сделала шаг назад и наблюдала, как мяч врезается в затылок Лорен. - А ты знаешь.

Лорен закричала, и ее очки упали в траву.

- Извините, - крикнула Сэмми с ухмылкой на лице.

Я оставила Лорен, которая принялась искать очки, и побежала к команде, проклиная декольте.

После небольшой потасовки с Лорен остальная часть игры прошла довольно гладко. И хотя это должен был быть легкий дружеский матч, но Джерри, который был арбитром, решил отменить первую бизнес-сессию и продолжить игру. Все, кто не играл, подтянули плетеные кресла и наблюдали со стороны.

Я тоже должна была сидеть там, но вместо этого бегала вперед-назад - это Уэйн поставил меня на ворота. И все бы хорошо, если бы ты играл за испанцев, потому что ни один из англичан даже не приближался к воротам.

И Матео играл за испанцев.

И он был футбольным богом.

Одно радовало - я могла отлично видеть все поле (газон) и следить за Матео, который всегда был с мячом.

Даже при том, что мы играли на лужайке, как свора школьников, стойками ворот были два оранжевых конуса и Матео играл в джинсах, двигался он с грацией танцора, словно играл за сборную Мадрида. По большей части все с восторгом смотрели на него, нежели играли серьезно. И никого это не волновало - такое увидишь не каждый день.

Наиболее удивителен был взгляд Матео при этом. Это как впервые увидеть восход. Я вспомнила наш разговор, но Матео как всегда был очарователен, непринужденный. Как и положено бизнесмену. Но здесь, на поле, он просто гонял мяч, двигаясь как танцор - здесь он жил.

И, возможно, не к месту, мое сердце сжалось. Вы не сможете так просто отказаться от того, что любили, потому что другое не будет вас так радовать.

Как ни странно, при том, что Матео всегда был внимательным и задумчивым, он не показывал ничего из этого на поле. Он обходил людей, больше никаких извинений - мяч мог быть только у него. И я, как вратарь, полный ноль в сравнении с ним. Он ударил мяч в ворота, пытаясь забить.

Таким образом, я потратила немало времени, прыгая за мечом, но мяч никогда не попадал мне в руки. Все выглядело так, словно я прилагаю усилия, но на самом деле я позволила Матео добиться своего. Он так ослепительно улыбался после каждого гола, что это согревало меня и внутри, и снаружи, кроме того, я бы не смогла его остановить. Я бы не смогла ему помешать, даже если бы пыталась.

Естественно, что испанцы выиграли матч (кто же еще), и Джерри пообещал нам на следующей неделе устроить матч на поле у школы Акантиладо. По крайней мере, стойки ворот будут больше.

Когда все закончилось, я хотела поговорить с Матео, но его окружила толпа. Я подумала, не навеяло ли это ему тоску по минувшей славе.

Все было по-прежнему. Игра совсем не очистила мою голову и не вытеснила мои сексуальные фантазии. У меня была следующая бизнес-сессия с Клаудией, и у нас еще не было возможности встретиться.

- Отличная игра, - сказала Клаудия, подходя ко мне. Она предпочла сидеть и наблюдать, что было мудрым выбором. - Ты хочешь взять интервью или позвонить по телефону?

- У меня есть идея получше, - сказала я. - У тебя есть дома пиво? Или вино?

Она нахмурилась. - У меня есть вино.

- Отлично. Пойдем.

Минуту спустя мы сидели у нее на диване с бокалом белого вина. Она листала программку, пока я не сказала убрать ее, она нам не понадобится.

- Я просто хочу поговорить, - сказала я. - Не о бизнесе.

- Хорошо, давай. - Она немного расслабилась - сессии были самой тяжелой частью дня. - О чем? Все нормально?

Я кивнула и оглянулась на дверь Полли. Она была открыта, а комната пустовала.

- Ее здесь нет, - сказала Клаудия. - Что случилось, Вера?

Я вздохнула и покачала бокал в руке. - Ничего на самом деле. Мне просто нужно с кем-то поговорить, с тем, кто поймет меня.

- Я не Лорен, - сказала она серьезно.

- Знаю. - Я сложила ноги под себя. С каждым днем здесь становилось все жарче, я загорела. - Я разговаривала на прошлой неделе с Бэйкой, она считает, что это место... заставляет людей влюбляться. Или, по крайней мере, спать вместе.

Я наткнулась на понимающую ухмылку у нее на лице и искорки в глазах. - О, да, я вижу, что это правда.

- В самом деле? - спросила я заинтриговано. - Это произошло с тобой?

Ее лицо покраснело, и она смущено улыбнулась, глядя вниз. О, это становится интересным.

- Кто? - спросила я.

Она прикусила губу и смущенно посмотрела мне в глаза. - Рикардо.

- Рикардо! - воскликнула я. Рикардо очень высокий с крупным римским носом, что смотрелось очень мило. Тем не менее, это удивило меня. - Я бы подумала на Эдуардо, - призналась я ей.

Она еще больше покраснела. - Это был Эдуардо. Вторая ночь. Мы просто целовались, так что... Но он с Полли сейчас.

- Я думала он с Бэккой. А у Полли есть парень?

Клаудия пожала плечами. - Это меня не касается. Эдуардо хорош, но Рикардо еще лучше.

- Как это случилось? – спросила я, желая узнать грязные подробности.

Она стеснялась. - Ну, как это обычно бывает.

- Ты сделала первый шаг?

Пожала плечами. - Почему нет?

Клянусь, пожатие плечами и «почему нет?» были у испанцев ответом на все.

- Ну, тогда я думаю, что теперь можно и тебе сказать, что я влюблена в кое-кого.

Ее брови взметнулись. - Помимо Матео?

- Что?

- Вы же спите с Матео, нет?

- Что?!

- Нет?

- Нет, - воскликнула я, потрясенная. - Почему все так думают?

- Потому что вы всегда вместе, - ответила она просто. Сделала глоток вина. – Ваше влечение очень заметно друг к другу. Вот я и предположила, что вы спите вместе.

- Он женат!

- Да, но ты свободна.

Я категорически покачала головой. - Это неправильно. Я не хочу никого делить с другой женщиной. Я наблюдала, как мой отец уходит к другой женщине, и не могу допустить, чтобы его дочь прошла через это, - сказала я. - Или его жена, - быстро добавила я.

- Но это не значит, что у вас не может быть чувств к кому-нибудь другому.

- Именно это и означает.

- Может вам суждено быть вместе.

- Этого не будет. Мы не будем вместе. Мы просто друзья. И так должно оставаться, к тому же мои чувства не взаимны.

Клаудия встала с дивана и достала пачку сигарет из кармана джинс. - Если ты думаешь, что это не взаимно, то, наверное, еще не видела, как он смотрит на тебя.

Она прошла в небольшой внутренний дворик и села на стул. Я встала и пошла за ней - нервы мои были на пределе.

- Что ты имеешь в виду: как он смотрит на меня? - Спросила я, понизив голос на тот случай, если поблизости были люди. Я огляделась вокруг.

Она взяла пепельницу, пока я садилась. - Ты не видишь этого. Но я вижу. И думаю, остальные тоже видят. Он смотрит на тебя так... как будто ты его любимая еда.

- Любимая еда?

Она закурила. - Да. Ты его любимая еда во всем мире. Он хочет тебя иметь, съесть, поглотить. Он все время о тебе думает, жаждет тебя. Но он не может по той или иной причине. Возможно, ты вызвала расстройство желудка. Или может он на диете? Все, что он хочет - это ощутить вкус, но он не может сделать это. Вот как он смотрит на тебя.

Я сидела ошеломленная, пока на меня дул дым ее сигареты. Вот как Матео смотрел на меня? Он хотел меня съесть? Я была уверена, что это я так на него смотрю. Только вчера вечером я загляделась на мочки его ушей.

- И, да, - сказала она с легкой улыбкой на губах, наклоняясь ко мне ближе, - то есть так же, как и ты смотришь на него. - Она читает мои мысли. - Но ты лучше справляешься. Ты хочешь скрыть это. Но, мы заметили.

- Там ничего замечать, - сказала я, тыча в нее пальцем, - Мы не спали вместе. Он женат. У меня есть влечение к нему. Конец истории.

- Влечение? - переспросила она. - Вера, я думаю, что ты в него влюблена.

Так, стоп. Этого не будет. Не было раньше и не будет сейчас.

- Ты не можешь влюбиться за неделю, - сказала я гневно.

- Ты можешь влюбиться за секунду, - парировала она. – Сердце не считается со временем.

С этой отрезвляющей мыслью, Клаудия рассказала мне о своем экс-бойфренде, как они влюбились с первого взгляда, а теперь вернула разговор обратно на Рикардо и их подвиги. Я завидовала ей. Она могла обнять, поцеловать и переспать с Рикардо, и никто бы ей ничего не сказал. Ничто не мешало им быть вместе. Никаких запретов.

Я залпом допила вино и направилась к ресепшн, чтобы найти Кристину для моей следующей встречи один на один, мои мысли, сердце и гормоны были не на месте. И вот, Матео шел по дорожке мне на встречу.

Он разговаривал по телефону и улыбался.

Рубашку снял и перекинул через плечо, обнажая торс и руки.

Бог мой.

На мгновение время остановилось. Или, быть может, это во мне все замерло.

У него были мускулистые руки, широкие плечи и грудь, усеянная аккуратно подстриженными волосами - у него, без сомнения, было самое роскошное тело, которое я когда-либо видела. Он держал себя в отличной форме, словно и не бросал спорт. Матео походил на Дэвида Бэкхема, хотя, тон кожи у Дэвида так не завораживал. У него был потрясающий золотисто-бронзовый загар по всему телу. Я так сильно хотела просто прикоснуться к нему, поцеловать его грудь. Быть об заклад, что на вкус он был как победа.

И этот человек, по словам Клаудии, желал меня.

Как бы мне сильно хотелось ей верить.

Между тем, я просто стояла там и таяла. Я скрала зубы, когда он проходил мимо, и услышала, как Матео сказал в трубку. – Нет, дорогая, это было легко, я не травмировал себя. - Он сиял, рассказывая об игре жене. Дорогая. И он назвал их отношения сложными? Вот это было сложно.

Он подмигнул мне в знак признательности, и его улыбка стала шире. Я попыталась улыбнуться в ответ, но не вышло. Я просто смотрела на него, чувствуя себя глупо, глупо и странно отрешенно. В идеальном мире может я и была его любимой едой, но это не то, что подают каждый день. Я развернулась и пошла вниз по холму, чувствуя, как мое сердце пронзают иголки.

- Вера! - Я слышала, как он окликнул меня. Я остановилась, нервно поглядывая через плечо. Он по-прежнему держал в руках телефон и улыбался мне. - Я хочу задать тебе вопрос.

- Что? - ответила я, надеясь достаточно быстро.

- Кто твой любимый испанец здесь?

Серьезно?

И все же я не могла ему соврать.

- Ты, - сказала я, больше себе, чем ему. Затем я развернулась и пошла прочь так быстро, как только могла.

Глава 11

Словесные перепалки с Лорен, мой разговор с Клаудией и последняя встреча с Матео сделали мне полную неразбериху в голове и на сердце. Следующие четыре дня прошли как в мясорубке, выжимая меня, меняя мои чувства каждую минуту. Даже не помогло то, что внезапно жара охватила регион, и, казалось, не должно было быть сил думать.

Была одна вещь, я не любила. Это было не мое. Это было причиной, почему я не назначала свидание, я только трахалась, когда мне было нужно, чтобы спустить пар или повеселиться. У меня не было времени, чтобы мириться со сложными отношениями или впустить в свою душу и сердце кого-то, кто бы наступил на него. Любовь была страшнее, чем темный космос.

Так вот почему я знала, что не могла любить. Я просто желала Матео, и это было, как правило, хорошо, абсолютно нормально. Но теперь, все казалось настолько запутанным. Я не могла держать голову прямо и каждый раз пыталась подобрать новую стратегию, чтобы пройти через это, например, «отныне я не буду увлечена им» или «отныне я не буду говорить с ним», но постоянно что-то мешало.

Это был, как правило, Матео. Как можно было избегать его, если мы были вынуждены взаимодействовать почти каждый день, и было особенно тяжело, когда он все еще искал меня для ежедневного вопроса.

Это было также трудно, потому что каждый раз, когда он просил меня пойти на прогулку с ним, чтобы съесть завтрак, посмотреть вместе сплетни английского журнала, я не могла сказать нет. Я не хотела. Я хотела быть рядом с ним столько, сколько могла, хотя и знала, что не должна.

Действительно, я просто трахалась. И это было неправильно.

Например, когда он попросил меня подремать с ним снова после того, как мы закончили обед. Температура была изнуряющей, все с ума сходили. Я плохо спала из-за жары и устала. Поэтому я решила, что вздремнуть было хорошим делом, хотя, возможно, и нет.

Мы вышли на улицу во внутренний дворик, где он в очередной раз схватил несколько дополнительных подушек сиденья и пошел к дереву, где мы были в последний раз во время сиесты. Из-за жары он был в своих изношенных джинсах, кедах и черной футболке, это была уже обычная его одежда в течение последних нескольких дней. Я не жаловалась. Мне нравился Матео в деловых костюмах, но также нравился и в таком стиле, хулиганском. У меня было ощущение, что в глубине души, этот стиль был ближе ему.

Мне во всем нравился Матео.

Помимо этого, я не была влюблена в него.

Конечно.

- Готова для сиесты? - спросил он и опустился на землю, подложив одну из подушек под голову.

Я оглянулась, чтобы посмотреть, видит ли кто-то нас еще. Было несколько человек за столами - Полли и Эдуардо, Сара, Мануэль и Нира. Противницы секса и Брони нигде не было видно.

- Ты собираешься присоединиться ко мне?

Я уставилась на него, на его длинное тело, лежащее подо мной. То, что я действительно хотела сделать, так это оседлать его и сунуть руки под эти джинсы. Но я загнала эти непристойные мысли далеко-далеко.

Я опустилась на землю и комфортно устроилась. Мы лежали ближе друг к другу, чем мы были в первый раз. Я чувствовала, что, если я передвину руку хоть немного, то задену его. Я не могла не задаться вопросом, было ли это совпадением или нет.

- Ты собираешься на вечеринку сегодня вечером? - вскользь спросил он.

- Почему бы и нет? - Сегодня вечером была еженедельная вечеринка и на этот раз мы должны были увидеть фламенко шоу, в котором участвовали Сара и Нира, а Мануэль должен играть на гитаре.

- Ты кажешься усталой, - пояснил он. - Но я такой же. Правда, это не свойственно для такой жары до августа.

- Уверена, ты хотел бы жить на побережье, - сказала я.

- Да, - сказал он. - Но у меня есть квартира в Барселоне, поэтому я стараюсь ездить туда по выходным.

Ничего себе. Бьюсь об заклад, это было красивое место. Мое воображение сразу же начало представлять себе ее в постельных тонах, в стиле Дали, с видом на пляж с золотым песком. Матео был там, стоя на балконе, прозрачные шторы развиваются вокруг него. В моем воображении он был одет только в боксеры, банный халат наполовину расстегнут, океанский бриз движет его волосы.

- Ты должна приехать, чтобы увидеть ее однажды, - сказал он. Это вписывалось в мою мечту, и я появилась на картинке тоже. Я засмеялась, и изображение исчезло. - Да, я хотела бы.

Повисла тишина. Я чувствовала, что Матео хотел сказать нечто большее, но я не хотела, чтобы он сказал это.

- Итак, - сказала я, нарушая ее. - Раньше ты спрашивал меня, кто мой любимый испанец, мой первый питомец, мое любимые воспоминание из детства, какие мои мысли о глобальном потеплении и почему Джастин Бибер существует.

Он поднял руку и начал загибать пальцы. - И ты сказала мне, что это был я, естественно, хомяк по имени Чуб-Чаб, поездка на яхте друзей родителей, когда тебе было девять лет. Ты думаешь, что планета сердится, и мы все сдохнем, и что Джастин Бибер существует, потому что он является антихристом, и никто не будет подозревать антихриста, пришедшего из Канады. Правильно?

- Кажется верно. Итак, какой сегодня вопрос?

- Хм, - размышлял он. Матео опустил руку рядом с собой, его мизинец лежал прямо напротив моего мизинца. Я затаила дыхание, боясь пошевелиться, ощущение его кожи было тяжелей, чем я могла выдержать. Это было все, о чем я могла думать. Его палец на моем. Собирался ли он переместить его? Должна ли это я сделать? Будем ли мы просто лежать, вот так касаясь?

О, Боже, я схожу с ума.

- Вера? - спросил он.

Я сглотнула. - Да.

- О чем ты думаешь?

О тебе, все время о тебе, кричала я внутри.

- Прости, - быстро я ответила. - Я думала о Джастине Бибере.

- Да?

- Что ты там говорил? - Я надеялась, что он не станет расспрашивать.

- Я говорил, что хотел задать тебе вопрос сегодня вечером.

- Почему сегодня вечером?

- Потому что ты будешь пьяной.

Мое сердце забилось в груди. Что это значит?

Я осторожно вздохнула. - Почему ты не можешь спросить меня, когда я трезвая?

Он пожал плечами, но его палец все еще был на моем, сводя меня с ума. - Люди говорят правду, когда они пьяны. Более или менее.

- Ну, - смело сказала я. - Тогда спросишь меня сегодня, когда я буду пьяной.

- Хорошо.

Мы молчали некоторое время. Все, о чем я думала, что он собирался спросить меня, почему ответ нужен ему правдивым, и я должна быть пьяной? Мой разум начал быстро думать, как белка бегает в колесе, и тут мое сердце охватило надеждой. Может он собирается спросить меня, хотела бы я с ним завязать роман?

Нет, нет, это чушь. Несмотря на то, что сказала Клаудия, он меня не видел, как свою любимую еду, а даже если и так, то никогда не попробует.

О, Боже, я надеялась, что это не тот вопрос, потому что не думаю, что буду в состоянии противостоять.

А что потом?

Вдруг он почувствовал, как я задыхаюсь от страха, и приобнял. Я не могла пойти на вечеринку сегодня вечером. Я не доверяла себе на этот раз. Я не верю, что не буду делать то, о чем потом пожалею, и я не верю, что это не причинит мне боли.

Если сердце считается со временем, то мое не посчитается с болью.

- Расскажи мне о звездах, Эстрелла, - сказал он резко, прочищая горло, что отвлекло меня от мыслей в голове.

Я посмотрела на небо, на солнце, которое пыталось пробиться сквозь облака. - Э-э, но сейчас не видно звезд.

- Но давай сделаем вид, что видно, - сказал он. - Я знаю, что ты очень хорошо притворяешься.

Я нахмурилась и повернула голову, чтобы взглянуть на него. Он смотрел на небо, его авиаторы защищали глаза от света, облака отражались в них. Мне нравился его горбик на переносице, который он, видимо, получил от удара головой от кого-то в футболе.

Я внимательно наблюдала за ним мгновение, прежде чем рассказала о созвездиях, которые мы бы увидели ночью, если бы было ясно.

- Мы видели их в прошлый раз, - сказал он. - Я хочу услышать их истории. Расскажи мне историю о созвездии Льва.

- Ты имеешь в виду историю Геркулеса, или ...

- Нет, - сказал он. - Ту, что ты придумала.

- Уверена, история Геркулеса уже была придумана.

- Играть по правилам, Вера, - сказал он, его голос был таким гладким и шелковистым. - Для меня.

Я вздохнула и сдула прядь волос со своего липкого лица. - Хорошо. - А потом я продолжила придумывать историю про Льва, которая закончилась тем, что очень напоминало классического Диснея, Ламберт – кроткий лев.

Когда я закончила рассказ, то посмотрела на его реакцию. Он крепко спал, его грудь поднималась и опускалась.

Разве Матео просто использовал меня как помощь, чтобы заснуть? Почему я нашла в этом что-то привлекательное?

Я улыбнулась про себя, благодаря звезды за возможность смотреть на его красивое, временами невинное лицо, в то время как он спит, пока он не начал шевелиться.

Сiesta закончилась.

Я пыталась не пойти на фламенко шоу, я действительно пыталась. На самом деле, сразу после ужина, я побежала в квартиру, приняла душ и достала пижаму. Я приняла решение. Даже если Матео собирается спросить меня что-то смешное и абсолютно невинное, это не имеет значение. На данный момент в наших отношениях я не доверяю себе, когда нахожусь вблизи от него. Я могла сказать ему что угодно, когда напьюсь, и это щекотало мне нервы. За последние четыре или пять дней, с тех пор, как Клаудия сказала мне, что она предположила, что я спала с ним, я чувствовала на себе осуждающие взгляды. Я подозревала, что все ниточки тянутся к Лорен, и идти на вечеринку было рискованно.

Слова Лорен продолжали звучать у меня в голове, что его жена все узнает. О чем она должна была узнать? Я не знаю Изабель Казаллес, Матео не хотел говорить о ней, но ни одна женщина не хочет этого. Никто не любит измену.

Я легла в постель, голова все еще гудела от выпитого вина за ужином, когда раздался стук в дверь. Я проигнорировала его, но стук повторился.

Мне нужен был отдых, нужно было запереть коттедж.

- Что? - крикнула я с нескрываемым раздражением. Когда ответа не последовало, я подошла к двери и распахнула ее достаточно, чтобы выглянуть наружу.

Клаудия, Рикардо, Сэмми, Бэкка и Дэйв - все ютились возле моей двери с коварными улыбками на лицах.

- Какого хрена? - сказала я, заметив, как Дэйв окинул меня взглядом, остановившись на моих голых ногах.

- Что ты делаешь?

- Одевайся!

- Идем на вечеринку!

- Ты не можешь прятаться вечно.

До меня доносились их пьяные голоса. Мужчины уже выпили.

- Ребята! - я пыталась перекричать их. - Я в пижаме, разве вы не видите?

- Вижу, очень хорошо, - прокомментировал Дэйв, откровенно рассматривая меня. Я недовольно уставилась на него. - Заткнись.

- Пожалуйста, Вера, - сказала Сэмми. - Ты же часть вечеринки.

- Нет, - сказала я. - Я читаю интересную книгу. И действительно очень жарко, - добавила я еле слышно.

- А пиво холодное, - сказала Клаудия, - и мы компания получше, чем книга. Я насторожено на них посмотрела. - Я и не знала об этом.

- Иди в задницу, - сказала Сэмми, махая мне. Сегодня вечером она выглядела, как крошечная черника: синий камзол с короткой синей юбкой из замши, туфли на платформе. Черт, похоже, она взяла с собой больше обуви, чем я. Она упала на диван и похлопала рукой рядом с собой. - Эй, идите все сюда. Если Вера не идет на вечеринку, то мы перенесем ее сюда.

Ну, это уж слишком, началось. Правда, я все же надела спортивные брюки, но насчет бюстгальтера не стала заморачиваться. На мне была розовая мачка из тонкого материала, и можно было сквозь нее видеть мои соски, но здесь были только девушки. И Дэйв. Дэйв с его ухмылкой и татуировками. Последний раз, когда мы виделись - мы целовались. Я задалась вопросом, какого черта он здесь делает.

Вскоре в дело пошли пиво, вино, граппа. Джерри посыпал Дэйва и еще пару человек в Акантиладо пополнить запасы алкогольных напитков. Мне не нужны были подачки, но они же сами предлагали.

Пока Сэмми и Дэйв спорили, чья музыка будет играть (Lana Del Rey или The Clash), Бэкка, Клаудия, Риккардо и я - все сидели на полу и раздавали карты, играя в «Королей». У меня было такое чувство, как будто я снова оказалась в колледже, что было забавно. Просто у меня не было там много друзей и меня никогда не приглашали на вечеринки. Только сейчас я осознала, чего была лишена.

Когда мы достаточно напились, что алкоголь стукнул в голову - даже самые ленивые начали танцевать по всей квартире.

Наша компания росла. Сначала Сара просто вернулась домой с Нирой и Мануэлем на буксире, желая отпраздновать их выступление. Мы позвали их к себе, хотя я и была в одной пижаме. Затем Клаудия позвала Эдуардо, который пришел с Полли и Хорхе, потом Антонио, Ангел, Уэйн и Матео.

Да. Матео.

Я ошибочно полагала, что моя квартира выдержит натиск испанцев. С минуту я смотрела, как он закрывает за собой двери: он был одет в белую льняную рубашку и черные брюки, но ночь была жаркой, и он закатил рукава - это был конец. Я же была пьяна и одета неподобающе и была большая вероятность, что я в него влюблюсь.

Но учитывая, что он женат и из другой страны - это только разобьет мое сердце. Я со многими спала, но ни к кому не привязывалась. Но я хотела быть с ним, желала его и если бы я спала с ним, это бы уничтожило меня, я знала, что он был женат.

Он сразу меня заметил. Как только он закрыл дверь, то поймал мой взгляд и не отводил глаза. Я заметила то, что не видела раньше, и это напугало меня до глубины души. Нужно было уходить. Я должна была прекратить это. Он направился ко мне, пытаясь обойти Полли, Сэмми и Клаудию, которые двигались по кругу. Он шел, чтобы задать свой вопрос, и я должна быть с ним честной.

Пришлось действовать быстро.

Я протянула руку и схватила Дэйва, что стоял рядом. Я взяла его под руку и улыбнулась, прикрыв глаза. Затем я положила руку ему на затылок и притянула к себе для поцелуя.

Некоторое время он молчал, застигнутый врасплох, прежде чем сдался и принялся целовать меня. Я знала, что мне нужно сохранять трезвую голову, чтобы держать ситуацию под контролем. Это казалось затруднительным - управлять кем-то, когда не знаешь, зачем ты это делаешь.

Мне нужно было перевести дыхание, и я отстранилась. Вечеринка была в самом разгаре: люди смеялись, разговаривали, разливали напитки. Я могла видеть Клаудию, которая приближалась к нам с хмурым взглядом на ее ангельском личике. Я знала, она хотела предупредить меня, что Матео здесь. Но я и так знала, что он здесь - поэтому я это

и делала. Этот спектакль предназначался для него и, учитывая, что он женат, его это не должно было волновать. А если это не так, то лучший способ отделаться от парня - это переключиться на другого.

Так говорят.

Я отвернулась от Клаудии, схватила Дэйва за руку и повела его в свою спальню. Я совершила ошибку: до того, как открыть дверь - я обернулась. Я сказала себе, что хотела посмотреть, заметил это кто-нибудь, но на самом деле я хотела посмотреть на реакцию Матео.

Я рассчитывала на это, все шло к тому, чтобы он оставил меня.

Но это была неправда. Все, что я успела заметить - это как он встал позади дивана. Он смотрел на меня с недоверием и еле сдерживаемым... гневом. Будто я пьяная ударила его ногой в живот.

Ну... думаю, я ответила на его вопрос.

Я ему небезразлична.

И поэтому я все должна сделать правильно. Верно?

Я привела Дэйва в свою спальню и закрыла за нами дверь. После оттолкнула его и сняла пижаму и его шорты, пока он на меня пялился совершенно голую. Какое-то время он рассматривал меня и мои татуировки. Я подошла к нему и толкнула на кровать. Вытащила презерватив из ящика.

Я разделяла его в одно мгновение: у него были тату, но меня не заботило, сколько их и что они означают. Я думала о Матео: как он спрашивал, что означают мои, как он слушал мои детские истории и мою сказку о Лео.

Больше всего я хотела, чтобы на месте Дэйва был Матео. Но это было невозможно и так будет всегда. Не в этой жизни. Вот и приходится это делать.

Дэйв был пьян, и это заняло больше времени, чем я ожидала. Но секс был лучше, чем с португальцем. Это помогло мне отвлечься, заполнить пустоту у меня внутри. Он не был плохим парнем. Просто он не тот, кого я хочу.

После всего, мы, должно быть, заснули, потому что когда проснулись, в доме было тихо. Мы чувствовали себя неловко после секса и прежде, чем открыть дверь, он оделся.

В квартире было пусто. Всюду валялись пустые банки из-под пива и бутылки.

- Черт, - выпалила я шепотом на тот случай, если Сара еще не спит. – Им, наверное, стало скучно без нас.

Он мне ухмыльнулся. - Они знали, что пропадут без нас.

Я решила проводить Дэйва до двери. Не была уверена, как к этому относиться, не знала, хочу ли я повторить это, не знала, что сказать. Мне просто хотелось спать, и он вряд ли бы остался на всю ночь.

Я открыла дверь, но он остановился на пороге и смотрел на меня с добродушной улыбкой, потом сказал, что ему было хорошо, по-другому быть не могло. Я отметила, что в каком-то смысле мы были очень похожи.

- Ну, спокойной ночи, - сказала я ему, скосив глаза на дверь. - Увидимся завтра.

Он улыбнулся мне, по-мальчишески мило, даже с растрепанными волосами и пирсингом. - Увидимся.

Он побежал вниз по лестнице, черные шипы его волос подпрыгивали. Я наблюдала за ним, даже, когда он свернулся за угол, я могла услышать, как он бежал по тротуару, как он зашел в дом, а я все стояла там теплой звездной ночью.

Я глубоко вдохнула воздух, наполненный сверчками и звездами, и уже собиралась идти назад.

- Вера, - позвал меня тихий, беспристрастный голос снизу.

Я замерла, узнав голос, и медленно развернулась, чтобы столкнуться лицом к лицу с Матео, как если бы он шел откуда-то домой вниз по склону. Частично его освещал свет из столовой.

Я не знала, что сказать или сделать. Я просто смотрела на него сверху вниз, чувствуя, что мир уже никогда не станет таким, как раньше.

Его темные глаза смотрели прямо в душу.

- Ты должна больше себя ценить, - сказал он, сверкая глазами.

Затем он так же быстро исчез. Ушел в ночь.

Я затаила дыхание, боясь пошевелиться или говорить, или что-либо делать. Боясь позволить себе чувствовать. Потому что за этим последует стыд, и я стану проклинать себя.

Глава 12

Я не разговаривала с Матео весь следующий день. Он даже не хотел встречаться со мной взглядом.

Он задолжал мне два вопроса. Я чувствовала вину за то, что убежала.

На утро грандиозного футбольного матча мы узнали, что все мероприятия отменили. Нас загрузили вместе с футбольной одеждой в микроавтобус и отправили на экскурсию в Акантиладо с англоговорящим гидом. После экскурсии по городу мы прибыли на футбольное поле начальной школы, где и должен был состояться матч. Позже победители вернутся в город, чтобы отпраздновать победу.

Казалось, это должно было меня порадовать - возможность выбраться в город, но ничто не могло сделать меня счастливой. Я хотела бы вернуть все назад: узнать вопрос Матео и не спать с Дэйвом.

Но нет такой вещи, как машина времени. Я не могла отменить любую из моих ошибок, потому что если бы могла, то поверьте, я бы начала с Лас Палабрас. Я бы уехала далеко-далеко.

Мы уселись в один из трех микроавтобусов: я рядом с Клаудией, Эдуардо, Бэккой и Сэмми, и подальше от Дэйва с Матео. Водитель был старый испанец по имени Питер, которого мы все называли просто Петр Первый: его часто можно было найти в баре, иногда на кухне за готовкой, но чаще всего, по словам Сэмми, с бутылкой вина. Я не стала ей ничего говорить.

Как только мы остановились у крупных булыжников, разбросанных вокруг площади города Акантиладо, мы пошли к фонтану - ожидать другие два микроавтобуса, Питер гнал как сумасшедший. Клаудия осторожно толкнула меня в бок. - Ты в порядке?

Я кивнула и натянуто улыбнулась. Я не говорила с ней с тех пор, как она видела нас с Дэйвом. На короткое мгновение мне показалось, что она считает меня шлюхой, но потом я посмотрела на Рикардо, чья рука покоилась на ее коленке, и поняла, что она сама не прочь пойти на это.

Только они не заходили далеко. Ничего не было.

- Все будет хорошо, - сказала она негромко, чтобы нас никто не мог слышать. - Вот увидишь. Испанские мужчины либеральные.

Я нахмурилась, неуверенная, куда она клонит. Прежде чем я успела спросить, прибыли другие два микроавтобуса с Джерри, который сразу же начал рассказ о фонтане - он называется «Фонтан молодости». Все сели вокруг него.

Я не стала садиться. Его и так облепили.

Я напряглась, увидев Матео, но тот развернулся к Клаудии. Тогда проводник, которого Джерри представил как Луиса: высокий мужчина в шортах и сандалиях с носками, помахал нам, велев следовать за ним.

Я шла позади Клаудии и Рикардо. Было мило видеть их, держащихся за руки, и мне было завидно, что я не могу быть с тем, с кем хочу.

Я вздохнула, совершенно подавленная. Переспать с Дэйвом совсем не помогло мне не думать о Матео. Слишком большая пропасть: его жена, разница в возрасте, разное гражданство. Никогда. Единственное, что радовало, через неделю он уезжает. Я бы хотела ускорить время.

Мы шли по извилистым улицам города, и я начала фотографировать, чтобы как-то отвлечься. Здесь было чертовски здорово и так не похоже на то, что я видела раньше. Улицы были кривые, с проходящими по ним желобами, что навеяло мне мысль о Средневековье, когда люди выбрасывали дерьмо прямо из окон. Прямо на улицу.

Здания в основном были из гранита с темными, деревянными балконами. Луис рассказывал нам о том, что здания были сохранены и все новые дома должны соответствовать внешнему виду старых и быть не выше, чем в три этажа. Дальше улица показалась более жилой, с узкими железными балконами и растениями в горшках на них. Порой ржавый фонарь добавлял готической атмосферы. Я начала представлять, на что это похоже жить здесь: каждое утро идти на рынок, чтобы купить овощей, спать на внутренних двориках тапас-баров, пить сангрию. Испания стала мне казаться более реальной, более живой, чем родной дом.

Мы остановились у нескольких магазинов с открытыми дверьми. Это был мой шанс купить испанские сувениры. Вариантов было много: изящная расписная керамика, крупные деревянные бочки выстроились в ряд и были переполнены миллионом сортов орехов и специй, бутылочки сливочного масла и банки с инжиром. Эдуардо прибежал к нам с футболькой, на которой было написано: «Испанский триатлон: есть, пить, трахаться», и соответствующими картинками.

- Ты должна купить это! - сказал он мне с красными от изумления щеками.

Мне удалось рассмеяться. - Я обожаю такие штучки. Я рада, что ты первым делом подумал обо мне.

Далее к нам подошла синеволосая Нира с оттопыривающейся сумкой и протянула мне небольшой пакет, наполненный чем-то похожим на белый шоколад.

- Это туррон, - сказала она с сильным акцентом и добродушной улыбкой. - Я купила это в Англии. В таком же особенном месте, как это.

Я поблагодарила ее за любезность, и она отошла к другим, Клаудия сказала мне, что это испанское лакомство из яиц, меда и миндаля. Мне тут же захотелось его попробовать, но я напомнила себе, что это сувенир и нужно сохранить его.

Покончив с покупками, мы прошли вниз по улице, вслед за Луисом, пока не оказались перед старой церковью. Перед ней предстала огромная, бронзовая статуя свиньи с аномально большой грудью. А Луис продолжил рассказывать, что церковь была построена в 1300 году (что было для меня запредельным, мы считали старым зданием в Ванкувере, которому только сто лет), Клаудия, Рикардо, Эдуардо, Полли и Сэмми подошли к свинье и начали гладить ее. Естественно, я должна была сфотографировать это. Я подумала, что нам пора уходить, когда Эдуардо натянул на свинью купленную футболку (до сих пор не могу поверить, что он ее купил) и оседлал ее, как ковбой. Недовольные этим местные отчитали нас. Многие попали под раздачу.

Эдуардо быстро извинился, а потом буркнул себе под нос: «Шлюха», и мы успели скрыться в церкви.

Внутри было тихо как в могиле, даже, несмотря на голос Луиса, который рассказывал про гранитную кафедру и готический процессионный крест, изготовленные в 16 веке. Со своими шестью футами роста Матео легко выделялся в толпе. Он стоял рядом с Луисом у алтаря и иногда кивал. Поскольку Испания была католической страной, я подумала, что Матео был верующим. Не то, чтобы это было важно, но меня всегда восхищали люди, которые вот так просто верят. Затем это заставило меня задуматься о Матео еще: какая у него сестра, где он жил, были ли родители рядом. Мы говорили обо мне каждый день, но я почти ничего не знала о нем.

Может поэтому меня к нему так тянет? Потому что он был загадкой для меня? Или может еще что-то так сильно тянет меня к нему?

Я не осознавала, что очень пристально смотрела, пока глаза Матео не встретились с моими. Я замерла, как олень в свете фар, ожидая, что на тебя обратят внимание. Его глаза метались по углам, он едва заметно мне улыбнулся.

Я пыталась отвернуться. Я сглотнула, когда он повернулся ко мне, делая вид, что увлечен скульптурной резьбой на опорных балках. Это не было преувеличением – они действительно были захватывающими. Я так и осталась стоять, Луис поблагодарил всех за внимание, и мы ему поапплодировали. Я притворилась, что занята, пока церковь не стала пустой.

Я обернулась. И ошиблась.

Матео стоял в футе от меня на красной ковровой дорожке: он засунул руки в карманы и в эту минуту смотрел на меня, я смотрела в его дымчато-карие глаза.

- Вера, - сказал он, и я вздрогнула от звука его хрипловатого голоса, - могу я поговорить с тобой? Пожалуйста?

- Да, - сказала я, ничего не выражаящим тоном, хотя заготовила целую речь на случай, если он возьмется читать мне лекцию. Она была что-то вроде: «а почему тебя так волнует, с кем я сплю, ты женат, и это не должно тебя заботить?» Будто бы он этого не знал.

- Я просто хотел, чтобы ты знала, - сказал он, делая шаг вперед и останавливаясь, - что я остаюсь еще на неделю.

- Окей.

Он прочитал все по моему лицу. - Я сказал своему партнеру, что мне еще нужна дополнительная помощь с английским.

Хорошо, что последнее было неправдой. За исключением отдельных слов, Матео практически свободно говорил на английском. Ему не хватало уверенности, когда дело касалось работы, но учитывая мое убогое владение французским, меня восхищало и это.

Матео должен быть перфекционистом. Или может он просто не хотел возвращаться домой.

Или, может быть, это было что-то еще.

Стоп, сказала я себе. Перестань думать об этом. То, что он ищет с тобой общения, может означать, что он просто видит в тебе друга. В конце концов, он...

И в этот момент я остановила себя. Я не собиралась больше напоминать себе, что он женат. Я это знала с начала нашего знакомства. Было слишком поздно притворяться, что я не знаю, что делаю. Я была влюблена и одержима похотью: вся логика, разум улетучились - я слушала сердце, а не разум.

- Я тебя, похоже, смущил, - сказал он, пристально меня рассматривая. Он махнул рукой. - Может чуть-чуть.

Я смогла улыбнуться. Я была немного смущена. - Я в порядке. Рада, что ты остаешься.

- Ты? - спросил он неуверенно. - Ты рада этому?

Он сделал еще один шаг в мою сторону. Ветер принес запах его одеколона, который дразнил меня. - Я сожалею о той ночи, - сказал он, наклонив голову. - Я был немного пьян и груб.

Я уставилась на него. - Ты не был груб.

Он поднял бровь, на его лбу появились морщины. - Я не должен говорить тебе, как... вести себя.

То, что я сказала следующим, удивило меня саму. - Может быть, мне надо было услышать это.

Казалось, он затаил дыхание. Карие глаза в обрамлении черных ресниц изучали меня. Он искал своего рода правды в моих глазах, и я надеялась, он нашел ее. Я занервничала.

Мы не отрывали друг от друга глаз, шли секунды в этой холодной и пустой церкви. Что он от меня хочет? Что он обо мне думает? Чего он ждет?

- Может быть, - сказал он медленно. - Но это не мое дело, чтобы учить тебя. Только дураки советуют, что делать.

Я не могла скрыть улыбки на лице. Я почувствовала облегчение, напряжение ушло. Мне стало легко. Я каждый раз замирала, когда наши глаза встречались.

Прежде чем мы успели что-то еще сказать, открылись главные двери, вошли две сгорбившиеся дамы с цветами в руках. Они окинули Матео подозрительным взглядом, а затем прошли вниз по проходу.

- Думаю, нам лучше уйти? - Мы направились к выходу, я была благодарна, что не пришлось ничего больше говорить.

У нас было свободное время до игры, примерно около часа. Питер отвез наши вещи на поле после разъяснений Джерри, как туда добраться. Все остальные разбрелись по городу, кроме Клаудии и Рикардо, которые ждали нас у церкви, возле статуи свиньи.

- Мы хотим знать, не захотите ли вы выпить с нами перед игрой, - заявила Клаудия с довольной улыбкой на лице, когда посмотрела на нас.

Матео положил мне руку на плечо. - Ты на самом деле доверяешь Вере? Мы все испанцы. Она может подсыпать наркотики в наши напитки и действовать нечестно во время игры.

- Или использует нас в своих целях, - предположил Рикардо, подмигивая мне.

- Эй, - сказала я, чувствуя тяжесть руки Матео. - Даже если бы мне удалось раздобыть наркотики - это не помогло бы англичанам выиграть. Есть еще пара игроков из вашей команды плюс испанский футболист, который стоит сотни англичан.

Они, казалось, были довольны таким ответом. За последние дни я узнала легкий и быстрый способ завоевывать сердце испанца - расхваливать их футбольное эго.

Мы вчетвером пошли по извилистой улице обратно к главной площади. По дороге мы встретили несколько человек из нашей программы, но все, казалось, уже

объединились в свои группы. Мы нашли тапас-бар со столиками на улице. Клаудия и Рикардо сели по одну сторону стола, мы с Матео по другую. Затем Матео встал, чтобы купить всем нам напитки.

- Не стоит, - сказала я, потянувшись за кошельком. Это было странно полагаться на него после такого перерыва.

- Вера, заткнись, - Клаудия перегнулась через стол и взяла меня за руку. Она улыбалась. - У него есть деньги, пусть он и заплатит.

Я посмотрела вслед Матео, который направился к бару. Все в нем буквально кричало, что он богат: один его пиджак, наверное, стоит сотни, если не тысячи долларов. Даже в потертых джинсах и простой футболке он смотрится сексуально. Все за столом понимали, что Матео был не так прост.

Подняв брови, я посмотрела на Клаудию. - Подожди, ты велела мне заткнуться?

Она рассмеялась и подняла руки к лицу. - Ты научила меня этому! Я только учились у лучшей. - Она достала сигарету и посмотрела на Рикардо. - Эй, помоги Матео с напитками.

Он закатил глаза и с неохотой встал. Она подкурила сигарету, выпуская дым в сторону, а затем повернулась ко мне с сияющими глазами. - Я так рада, что вы помирились.

- Я не уверена, что мы ссорились...

- Ты борешься, - сказала она уверено. – День, когда мы не видим Матео и Веру вместе, означает, что ты борешься.

- Это так?

Она кивнула. - Я уже говорила, что они очень либеральные.

Я поджала губы. - Я до сих пор не знаю, что это значит.

- Матео, - произнесла она медленно, - похож на большинство испанских мужчин. Они очень страстные, очень привлекательные. Когда они видят, что ты готова, то набрасываются на тебя. Матео сдерживается в отличие от большинства. Может тому виной спортивная выдержка. Но вот, что я тебе скажу. - Она наклонилась немного ближе. - Когда он играл за Атлетико, то был известен своим буйным нравом. Пылкий он.

Я проворчала что-то, неуверенная во что верить. Конечно, я видела его «горячую кровь», когда он был в гневе или во время нашей первой деловой сессии по телефону, но тогда я не обратила на это внимание. К тому же, как можно скрыть горячий нрав, он обычно такой спокойный и собранный? Если бы было так легко изменить себя, я бы это сделала давным-давно.

Больше Клаудия ничего не говорила, вернулись Матео и Рикардо с пивом и снова уселись. Матео бросил на стол меню.

- На тот случай, если ты голодна, - сказал он.

Я подняла его и начала читать. Там был перевод на английский язык под испанскими словами.

- Что это, черт возьми: шахматный сэндвич из мамы (прим.: испанцы перепутали буквы, должно было быть *mom and cheese sandwich*, что означает сырный сэндвич по маминому рецепту, а написали *tat and chess sandwich*)? - спросила я, читая по слогам.

Клаудия принялась хихикать. - Иногда наш перевод не самый лучший. Каждый должен поучаствовать в программе Лас Палабрас.

Матео ткнул пальцем в меню. - Возможно, вам следует заказать чоризо? Или сепия с Али корюшкой. - Его взгляд скользнул по моему озадаченному с гримасой отвращения лицу и улыбнулся. - Острые чоризо на гриле - это каракатицы, приготовленные на гриле с чесноком и майонезом. Я не знаю, из чего сделаны мама и шахматы.

Я снова посмотрела на него, наслаждаясь этим моментом. Мне было трудно его представить страстным и пылким... или нет? И когда я представляю нас в постели - он не холодный. Он был великолепен телом и с бушующей страстью. Животной страстью, спрятанной под костюмом.

Он склонил голову на бок и окунул меня насмешливым взглядом. - Что ты так смотришь? У меня что-то на лице?

- Только нос, - сказала я и отвернулась, сделав глоток пива.

Он потер нос и скривил гримасу.

У нас было немного времени перед игрой, мы успели выпить только одно пиво. Я бы не хотела вот так сидеть и пить. Рядом с Клаудией и Рикардо я чувствовала себя как на двойном свидании с близкими друзьями. Будто мы с Матео встречались. Мы могли просто сидеть и смеяться, наслаждаться обществом друг друга.

Но, как оказалось, у нас было мало времени.

Мы прибыли к школе Акантиладо, которая была в плачевном состоянии. Мы пришли последними, я чувствовала себя легко благодаря тому, что не ела мам и шахматный сэндвич. Джерри помахал нам, подгоняя.

- Хорошей игры, - пожелала я Рикардо и Матео, Клаудия направилась к обочине.

Матео схватил мою руку, и я смотрела в шоке, как он подносит ее к губам и быстро целует. Он улыбнулся, подняв взгляд от моих костяшек. - Я постараюсь не убить тебя, - сказал он с насмешкой. Затем повернулся и побежал через поле к Рикардо.

- Вера! - крикнул Уэйн. – Давай!

Блин! Можно меня оставить в покое? Я чувствовала поцелуй Матео, и мне нужно было время. Его у меня не было. Меня снова позвали.

Я зарычала и бросилась к моей глупой команде.

Я быстро переоделась в шорты и спортивный топ, не тот, что был на мне в первую нашу встречу с Лорен. Я уверена, что она только и ждет, чтобы позлословить о том, как неприлично с его стороны было поцеловать мою руку.

Такое футбольное поле (подобие футбольного) было у нас дома, что должно было меня успокоить, но нет, потому что я не играю в футбол. После быстрого разговора с Уэйном, который заключался в: «Вера, иди на мяч. Если будет казаться, что он летит влево, иди налево», и «Сэмми, когда мяч летит в твою сторону, просто отойди и пусть Эд примет его», меня отправили на ворота.

Тыфу. Стоя там, с огромным расстоянием между столбами, я знала, что это будет неравная игра и даже не притворялась: я знала, что, в конце концов, получу израненные колени и грязную одежду. К довершению всего, пришли зрители и начали выстраиваться по краям поля. Оказалось, что наша игра стала главным событием в Акантиладо. Даже Матео выглядел как-то иначе: он был одет в белые шорты и такую же майку. Я еще раз отметила, что у него отличный вкус. Ноги его также были покрыты бронзовым загаром и мускулистые.

Джерри достал свисток и дунул в него, сигнализируя к началу игры. Первый тайм, а это сорок пять минут, шел, как и предполагалось. Матео и испанцы (звук как название группы) завладели мячом, а англичане пытались изо всех сил остановить их. К сожалению, это не значило много, и Матео удавалось довести мяч ко мне. В Атлетико он был защитником, но поскольку здесь он лучший игрок, то был тем, кто делал все.

Каждый раз, когда он ударял - я кидалась за мячом, нужно было играть. И каждый раз я пропускала. Мяч от другого я бы не пропустила, но он был хороший. Он носился как на пожаре, как на крыльях летал. Он излучал уверенность и физическую силу. И это давалось ему без труда. И может, так и было. Мне показалось, он не видит во мне ярого соперника. Он радовался после каждого гола, и я делала все, что могла, пока не прозвучал второй свисток, сигнализирующий об окончании тайма, в то время как я летела в воздухе за мячом.

Я упала в траву лицом, груди болели. Это было неприятно, казалось, я должна была радоваться, что цела.

- Ты в порядке? - услышала я тихий голос Матео прямо надо мной.

Я отмахнулась от него и пробормотала что-то в траву.

Я ощущала его руки на талии и легкое давление. Потной. Замечательно. - Вот и хорошо, Эстрелла, - сказал он. - Ты не перестаешь меня удивлять каждый день.

Я повернулась на бок и посмотрела на его красивое лицо, капли пота стекали по нем в траву. - Спасибо.

- Давай, - сказал он, помогая мне встать. Он посмотрел вниз на мои выпачканные в траву ноги. – Тебе надо наколенники.

- Судя по всему, мне еще нужно было надеть спортивный лифчик, - сказала я сухо.

- Жить буду.

Он подал мне руку, а потом убежал прочь спортивной трусцой.

Перерыв был небольшой. Я сделала глоток воды и съела сэндвич, который откуда-то притащила Сэмми. Ее светлые волосы растрепались как у сумасшедшего ученого, и она вспотела. Хотя Уэйн и предупредил ее, чтобы Эд принимал мяч, но она никого не слушала и хотела сама попробовать свои силы в качестве защитника. Но ей мешал кто-либо из другой команды: Ангел, например. Глядя ей вслед, я подумала: «Бедная Сэмми».

Я съела сэндвич (неплохо, но хотелось больше сыра), а потом вернулась к игре. Казалось, вся начальная школа собралась здесь, была куча детей, наблюдавших за нами, детей, которые, без сомнения, сыграли бы лучше нас.

Шел второй тайм, испанцы оставили нас позади, когда произошло невозможное.

Несчастный случай.

Дерьмо.

Ничего хорошего.

Я не могу точно сказать, что случилось: Матео бросился к Эдуардо, который поймал мяч. Он сделал обманное движение влево, затем вправо. Но не успел, когда Эд кинулся вперед, задев ногу Матео.

Он упал на землю, громко закричав, как в агонии, и схватился за колено.

Это было ужасно для меня. Я бросилась к Матео со всех ног, через все поле. Я упала на колени рядом с ним, нас уже окружила толпа потрясенных зевак.

- Вызовите врача! - закричала я, неуверенная нужно ли это, но Матео корчился от боли, и я хотела ему помочь.

Я снова посмотрела на Матео. Он лежал на спине, обхватив колено, его лицо исказилось от боли. Я чувствовала его боль как свою. Я готова была на все ради него, но что я могла сделать.

Глава 13

Дальше последовал отменный поток брани, я едва разбирала, что он кричит. Матео полностью потерял над собой контроль. Он скрючился на земле: кричал, ругался, вопил, вся ярость, скопившаяся в нем, выплеснулась наружу. Его лицо было красным, кожа покрылась каплями пота, на лице отражались гнев и боль... и я почувствовала, как гнев одерживает верх.

Вскоре прибежала полноватая женщина со стянутыми на затылке волосами и засуетилась над нами. Это, кажется, была школьная медсестра. Подошел Джерри и присел рядом, он заговорил так быстро, что я толком ничего не разобрала. Это только потом я поняла, что он говорил по-испански. Это естественно, но меня поразило его хладнокровие.

Я почувствовала, как Клаудия оттащила меня в сторону от Матео. Это же еще не трагедия - просто больное колено, но все можно исправить. Не так ли?

Я уже собралась, когда Матео потянулся ко мне и схватил за ногу.

- Пожалуйста, - сказал он приглушенным голосом, в котором слышалось отчаяние.
- Останься.

Я смотрела на него сверху вниз, чувствуя, как мое сердце отбивает твист, и кивнула. Клаудия отпустила меня, а Джерри велел всем собраться и поехать с Питером обратно на базу. Я слышала, как Лорен говорит: «Ну, и кто выиграл?», как будто это было частью игры.

Джерри повернулся к Матео и похлопал его по плечу. - Испанцы выиграли. Не беспокойся, Матео, ты получишь свой ужин.

Матео не оценил шутку. Он смотрел на Джерри, стиснув зубы от боли, и часто бормоча какие-то ругательства.

- Что случилось? - спросила я Джерри, не желая беспокоить Матео. Медсестра ушла, предположительно за лекарствами.

- Еще когда он играл за Атлетико, у него были проблемы с мениском, - сказал Джерри. - Я полагаю, сейчас то же самое. Большая нагрузка на ногу. Это та же нога, если мне память не изменяет. Я просто надеюсь, что это несерьезно. - Он посмотрел на Матео, который закрыл глаза. - Даже слабый удар причиняет невыносимую боль.

- Ты много знаешь про его травмы, - заметила я.

Он улыбнулся. - Я ирландец, - сказал он так, словно это все объясняло. - Мы любим футбол, хотя я и болею за Ливерпуль. Я участвовал в отборочных играх по выходным и очень близко подошел к лиге. Матео был одним из лучших в своей команде. Меня охватывал восторг от его игры, я был не очень хорошим рефери. Он играл жестко, слишком жестко.

- Иди на хрен, - выругался Матео. - Я играл так, как должен был, как я всегда играю. - Он практически выплюнул эти слова. Он закрыл глаза и зарычал, а потом снова стал кричать.

- Что он говорит? - спросила я Джерри.

В его глазах стояло сожаление. - Он злится. И он ненавидит себя. В остальном он очень творчески подошел к матчу.

Время тянулось бесконечно, но медсестра в конечном итоге вернулась, приведя с собой мужчину, возможно учителя физкультуры. Они опустились рядом с ним, и мне пришлось отойти. Матео бросил на меня умоляющий взгляд, но я просто кивнула, чтобы он знал, что я никуда не собираюсь. Я стояла рядом с Джерри и смотрела, как они помогли Матео сесть и начали задавать вопросы, обследовать колено. Потом они дали ему какую-то таблетку запить. Это продолжалось какое-то время, затем они наложили тугую повязку на колено, которое сильно опухло, и достали лед. После, с помощью Джерри, они помогли Матео подняться. Он смог выстоять на левой ноге около минуты, прежде чем сморщился. Вместе они проводили его к стоянке, где нас уже ждал Питер, который успел вернуться.

Завязался спор относительно того, что делать дальше. Блондинка продолжала что-то говорить, но Матео твердил: «Нет, нет, нет» и качал головой, отмахиваясь от нее. Наконец она сунула пузыrek с таблетками в руку Джерри и закатила глаза. Затем она и тот другой вернулись на поле, чтобы забрать вещи.

- Что происходит? - спросила я Джерри, в то время как Питер помогал Матео уснуться на заднее сиденье.

Джерри посмотрел на них через плечо. - Он не хочет ехать в больницу в Саламанке. Он собирается позвонить своему врачу в Мадриде и назначить прием на этой неделе.

- Встреча в Мадриде? - спросила я, чувствуя, как мое сердце уходит в пятки. Он уезжает?

Он покачал головой. - Нет, в Саламанке. Это не слишком далеко. Я сказал, что его отвезет Питер. Спортсмены зачастую бывают переборчивы в том, что касается лечения травм. Кроме того, он - Матео Казаллес. Его поход к врачу может стать общественным достоянием. Для него будет унизительно, если узнают, что он получил травму, как он сказал... здесь.

Я нахмурилась. Я знала, что он был прав. Получить снова травму, играя с англичанами на детском поле, это подмоет его репутацию. Все будет по-прежнему, пока он не уедет. Мне кажется смешным, что совсем недавно я избегала встреч с ним. Я почувствовала облегчение, когда узнала, что он продлил свое пребывание здесь еще на неделю.

Джерри сел с Матео, а мне пришлось сесть на пассажирское сиденье, хотя я очень хотела быть с ним рядом, положить его голову на колени. К счастью, мы довольно быстро добрались до базы, и вскоре уже помогали ему выйти из фургона перед толпой взволнованных англичан и испанцев.

- Может, вы с Питером отведете его в номер? Мне еще нужно закончить кое-какие дела, - сказал мне Джерри на фоне обеспокоенного бормотания. - Миньонам необходим вожак.

Он такой придурок.

Но, конечно же, я согласилась, тем более, я сама это планировала. Матео хотел, чтобы я осталась, и я останусь до тех пор, пока он сам не велит мне уйти. Джерри вложил мне в руки таблетки, затем развернулся, чтобы разобраться со своими «приспешниками», а я взвалила на себя Матео с правой стороны, Питер - с левой. Мы еще никогда не были настолько физически близки, как сейчас. Даже после футбольного матча от него по-прежнему хорошо пахло: запах океана в сочетании с его потом опьянял. В другой ситуации я бы по-другому реагировала.

Квартира Матео находилась на первом этаже, что облегчило нам задачу. Он пробовал идти самостоятельно. Сделал пару шагов, чему я порадовалась, но потом пришла боль, и его начало трясти.

Мы с Питером подвели его к кушетке и заставили лечь. Питер схватил подушку и подложил ему под колено, говоря нам, что медсестра велела держать его приподнятым, много не двигаться, приложить лед и принять обезболивающее. Он сказал, что должен идти помочь с ужином, но обязательно еще вернется.

И он вышел, закрыв за собой дверь. Мы с Матео остались наедине, и тут я поняла, что никогда не была в его квартире. Хотя он и делил ее с американцем из Калифорнии, кажется, его Марком зовут, или Марти, или что-то в этом духе, здесь чувствовалась неповторимая аура Матео - изысканность, спокойствие. Я стояла рядом с диваном и оглядывалась, подмечая все, что могло принадлежать Матео: пара серебряных запонок на журнальном столике, рядом с журналом «Нэшнл Географик», белый халат в ванной и полупустая бутылка виски на кухне.

- Ты будешь моей медсестрой, Эстрелла? - Спросил Матео, глядя мне в глаза. Улыбка у него вышла чуток кривая, но так хорошо было его снова видеть, чувствовать аромат его духов.

- Любимая фантазия мужчин, конечно же, - сказала я, садясь в кресло напротив него.

- Ты, да, - сказал он, все еще улыбаясь.

Мой желудок несколько раз перевернулся, хотя я не была уверена, что он знает, о чем говорит. Я вытащила таблетки из кармана. - Оксикодон и ацетоминафен, - прочла я вслух. - Я принимала их в старшей школе, чтобы словить кайф. Мама пьет перкоцет от мигрени. - Я улыбнулась ему. Матео поднял бровь.

- Школьная медсестра является торговцем наркотиками, да уж, - сказал он с напускной серьезностью. - Бедные дети.

Вот так сидя с ним рядом, можно было забыть, что совсем недавно он корчился от боли. Я поддалась вперед в своем кресле. - Я могу для тебя что-нибудь сделать? Воды? Почитать? Или тебе нужно... позвонить? Врачу, возможно, жене...

- Нет, - тихо сказал он, облизывая губы. - Я просто хочу, чтобы ты осталась здесь со мной.

Я кивнула, чувствуя, что млею от его голоса, искренности его слов. - Я останусь.

- Ты пропустишь ужин.

- Я могу сходить за ним, уверена, они позволят мне принести его сюда. Ты пропустишь ужин, - сказала я ему, чувствуя разочарование. - Вы, ребята, выиграли игру. Джерри сказал, что принимает испанцев сегодня вечером.

Он нахмурил брови и посмотрел на меня, слегка прищурившись. - Не смотри на меня так.

Я вскинула подбородок и снова выпрямилась. - Как так?

- Как ты делаешь это прямо сейчас. С жалостью.

Я с опаской сглотнула. - Извини. Просто... очевидно, я неважно себя чувствую.

Он закрыл глаза и отвернулся от меня. - Ты не обязана. Это была моя вина. Я хотел доказать, что могу сделать это, что все еще могу играть. Понимаешь? Я хотел быть таким... как раньше. И я думаю, что очень хотел произвести на тебя впечатление.

- Произвести на меня впечатление? - Это похоже на сон, он произносит слова, которые я и не надеялась от него услышать. - Почему ты хочешь произвести на меня впечатление?

Я и не думала, что наберусь наглости спросить его об этом. Может, я в шоке. Хотя его глаза все еще были закрыты, он улыбался уголками губ. - Потому что ты моя, Эстrellla.

Я не знала, что сказать. То, как он произносит «моя», заставляет меня чувствовать такие вещи, которые я бы не хотела чувствовать. Что-то повисло между нами, то, чего не было раньше, может, всему виной лекарства или это был только вопрос времени. Я не знала.

Он, казалось, не замечал этого и после минуты молчания открыл глаза, чтобы посмотреть на меня. Сейчас в них был оттенок грусти. - Я могу задать тебе вопрос, давно хотел спросить? - Его голос стал низким, немного хриплым.

Ох, люди. Вновь вопросы. Но теперь я не была пьяна, чего нельзя сказать о нем.

- Конечно, - сказала я, стараясь не выдать внутреннего напряжения.

- Ты счастлива?

Я выдохнула. Это вовсе не то, что я ожидала. - Счастлива ли я?

- Да. Вера Майлз счастлива?

- Здесь и сейчас или...?

- По жизни.

Мне нужно было подумать. Это непростой вопрос. Счастлива ли я? Я вспомнила свою жизнь, мои надежды и мечты или их отсутствие.

Мне трудно было признаться, потому что я хотела, чтобы люди думали, что я счастливый человек, который встает каждое утро полный надежд. Но я не стала врать.

- Нет, - сказала я, глядя ему в глаза. - Я не счастлива.

- Почему? - тихо спросил он.

- Потому что... - я опустила глаза и обвела мою новую татуировку по контуру. - Я одинока.

Я никогда не признавалась в этом даже себе. Это было странное чувство. Сюрреалистично. Будто очнулась от долгого сна.

- Но ты говорила, что тебе нравится быть одной.

Я кивнула. - Так и есть. Я предпочитаю быть одна. Но это не значит, что я не хочу, чтобы меня кто-то любил. - Глаза начало щипать, будто слезы готовы пролиться. Я закусила губу, не решаясь сказать больше. - Это не значит, что я не могу кого-то полюбить.

- Почему у тебя никого нет? - спросил он живо.

Я пожала плечами. – Так не легче. Так безопаснее. Я долгое время встречалась с парнем в школе. Знаю, это было давно, но... я была в него влюблена, так мне казалось. Он злился на меня. Часто. Совершал надо мной эмоциональное насилие и заставлял думать, что я заслужила все, что он со мной делал. Он трахал меня. Трахал, пока не сломал. Достаточно, что мне пришлось обратиться к психологу. - Я села и сделала глубокий вдох. Глаза продолжали щипать. - Я знаю, это был мой выбор, и почти каждая девушки проходит через это в средней школе, но... боль меня испугала. Я уже чувствовала себя одинокой, когда мои родители и сестра предали меня. Это заставило меня думать, что никто меня не любит, и я никого больше не полюблю.

Мои слова звучали все тише. Я чувствовала, что обнажила душу. Никогда раньше я этого не чувствовала, даже голая и в неудобном положении. Я никогда не была так честна с самой собой.

- Ты не права, знаешь, - сказал Матео, наконец.

- В чем?

- Что ты никогда не любила, - сказал он, медленно и размежевенно, - и что никто не хотел бы, чтобы ты любила его.

Я почувствовала тяжесть в желудке. То, как он смотрел на меня, слова, которые говорил... часть меня хотела убежать. Другая часть хотела принять его внутрь, заснуть в его объятиях, почувствовать тепло. Вместо этого я прокашлялась и спросила. - А ты счастлив, Матео?

- Нет, - сказал он с деликатной улыбкой. - Я не счастлив.

Я была и удивлена и не удивлена этим признанием. - Но у тебя все есть. У тебя есть карьера, жена, ребенок. Деньги.

- И все же я не счастлив.

- Я не понимаю.

- И надеюсь, что никогда не поймешь. – Он вздохнул и уставился в потолок. - Я люблю Хлою Энн - она яркая звезда в моей вселенной. Я люблю Изабель, но... не так, как должен. Иногда я задаюсь вопросом, почему так, и от этого я постоянно чувствую вину. Подумать только, все эти годы... я спрашиваю себя об этом? Я стараюсь не зацикливаться. Мне не нравится моя работа, но я ничего не могу с этим поделать. Я слишком стар, в смысле, посмотри на меня и мое гребаное колено, слишком стар, чтобы снова вернуться в игру. - Он поджал губы. – Все, что я знаю - это то, что надо что-то менять. Что-то нужно делать.

- Что? - прошептала я, заметив, что наклонилась еще ближе к нему.

Наши глаза встретились. - Создать новую вселенную. - Он снова облизал губы. - Ты можешь сделать то же самое.

Мое сердце замерло. Я открыла рот, чтобы хоть что-то сказать, но тут же закрыла.

- Страшно, не правда ли? - спросил он.

Я кивнула. Когда снова обрела дар речи, сказала. - Я уже говорила тебе, что боюсь открытого космоса.

Он усмехнулся. - А я говорил тебе, что для меня это слишком. Но с тобой, Вера, мне кажется, я могу дотянуться до звезд.

- Это глупо, - сказала я, пытаясь вернуть нам здравомыслие. Реальность обрушилась на меня.

- Да. Но это правда. - Он выдохнул. - И теперь, когда мы сумели загнать друг друга в депрессию, я обещаю, больше никаких вопросов, по крайней мере, сегодня.

Я никуда не ушла. Но скоро всему этому придет конец, напомнила я себе.

- Но мне нравятся твои вопросы, даже самые трудные.

Мне нравится, что ты ищешь меня, что у тебя есть повод поговорить со мной, закончила я мысль про себя.

- Тогда, возможно, у меня получится тебя удивить еще раз. Но сейчас, мне кажется, стоит отдохнуть. Ты не возражаешь?

Я посмотрела на часы на микроволновке. - Ужин через час.

- Тогда ложись со мной спать до ужина.

Я подняла бровь. - Ты знаешь, как это звучит?

Он кивнул. - Конечно, я же это сказал.

Но где мне спать? Не могу же я спать на диване. Я бы прижалась к нему, такому беспомощному. Я не смею к нему приближаться. Я не доверяла себе.

Я поднялась на ноги. - Это не то же самое, когда мы спали под деревом, - сказала я ему. - Мне нужно еще принять душ и переодеться. Я вернусь с ужином.

- Так скоро меня покидаешь, - сказал он резко.

Я рассмеялась и пошла к двери. - *Hasta la vista, baby.*(До встречи, малыш.)

- Никакого испанского, - пробормотал он, не вставая с дивана.

Я вышла на улицу и захлопнула за собой дверь. И только сейчас вздохнула полной грудью. Яостояла так несколько минут, набирая в грудь побольше воздуха. Затем отправилась к своему коттеджу, потирая плечи, как если бы вдруг внезапно упала температура. Конечно, дело было в другом.

***

Вечером того же дня я вернулась к Матео с ужином, вся на нервах. Я не знала, что происходит между нами и что делать, если он все еще в эмоциональном возбуждении.

Или я все это напридумывала.

Но мне не нужно было об этом беспокоиться. Когда я вернулась с едой, у Матео уже сидели Джерри и Марк (или Марти), они разговаривали. Матео настоял, чтобы я осталась у него на ужин - я так и сделала, но Джерри приняллся расспрашивать его о времени в Атлетико, и я решила оставить их.

Матео спросил меня, когда я уходила, смогу ли я поехать с ним к врачу в Саламанке, и прежде чем я успела сказать «да» или «нет», встярал Джерри, напомнив ему, что мне предстоит работа и что Питер будет рад отвезти его.

Все решили за меня.

Глава 14

Матео потребовалось три дня, чтобы он смог ходить без чьей-либо помощи или костыля и еще два дня, чтобы ходить не хромая. Разрыв сухожилий был первой степени, что означало, его восстановление будет быстрым: было удивительно наблюдать, как он, совсем недавно корчившийся от боли, делает первые неловкие шаги по земле. Врач сказал ему, что это благодаря тому, что Матео держит себя в хорошей форме и еще совсем «молодой», что немного ему польстило.

Поскольку Матео в течение длительного времени был в неподвижном состоянии, то теперь его все чаще можно было найти сидящим в кресле, и хотя у нас были общие сессии, и мы могли просто поговорить, мы больше не совершали долгие прогулки по проселочным дорогам и не болтали на моем балконе. Всегда кто-то был поблизости... и вроде бы как нам нечего было скрывать. Но все же, было такое чувство, что мы прятались.

Погода становилась хуже день ото дня: все чаще шли проливные дожди, которые ручьями стекали вниз по склону, образуя трясины. Джерри сказал, что однажды здесь не было осадков целое лето.

Я провела ночь в квартире Клаудии: бездельничали с Полли и Беатрис, пили вино и листали женские журналы. Я привезла целую кипу из дома, и в начале дня мы с Эдуардо прошли тест. И по версии Cosmo Эдуардо у нас оказался, внимание, «шлюхой».

- Я не могу поверить, что нас уже не будет здесь на следующей неделе, - уныло простонала Полли, бросив в Беатрис журналом Glamour. Беатрис была настолько увлечена сплетнями испанского журнала Diez Minutos, что даже не увидела этого, пока он не ударил ее.

Мне потребовались доли секунды, чтобы понять, о чем толкует Полли. - Подожди, ты о чем?

Она откинула назад челку и посмотрела на меня. - Да. Так и есть. На следующей неделе все мы будем дома.

- Ничего себе, как время быстро пролетело, - сказала Клаудия. Она оглядела всех нас и печально улыбнулась. - Я буду скучать по вам, ребята.

Я отрешенно кивнула и пробормотала то же, что и она, но не это было главное, конечно, я буду скучать по ним, по этому месту - я не могла свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увижу Матео. На следующей неделе я уже буду лететь домой. Дом. Вернусь к маме, Джошу и Мэrsи - в свою холодную, мертвую вселенную, где не будет Матео, который заставляет меня чувствовать себя живой.

Моя грудная клетка болезненно сжалась. Сама мысль, что я его больше не увижу, была невыносима. Все эти дни я держала дистанцию, чтобы уберечь себя от боли, но это не помогло. Сердцу не подвластно время и боль.

Теперь я знала, что надо было цепляться за каждый миг, за каждую секунду. Но боюсь, уже слишком поздно.

Голос Беатрис вывел меня из раздумий. Я подняла на нее глаза, она читала журнал, раскрыв рот. Затем посмотрела на меня.

- Что? - спросила я.

Она что-то пробормотала и показала журнал сначала Клаудии, потом Полли. Та звзизнула, Клаудия поморщилась, а потом прикрыла рот ладонью.

- Что там?! - снова спросила я, уже громче. И потянулась, чтобы вырвать его, но она сама мне его отдала.

Я взяла журнал из ее рук. С начала, все, что там было написано, показалось мне бредом (он же испанский) и картинки красивые: улыбающиеся женщины за обедом. Но когда мой взгляд упал на нижнюю часть страницы, наверное, я ахнула.

Я чуть не подавилась.

Там было фото Матео, заснятое ночью. Он натянуто улыбался, одетый в серебристо-серый костюм с галстуком, был начисто выбрит. Он держал за руку женщину. Одетая в не менее дорогое черное платье, она широко улыбалась: это была блондинка с коротко стриженными волосами и темными глазами.

Под фото я различила слова: Матео и Изабель Казаллес на фоне «Sin Horquillas», насколько я знала, это название его ресторана.

Просто... черт побери. Блядь, убейте меня прямо сейчас.

Помимо того, что его жена была красавицей со скандинавскими чертами: высокие скулы со стрижкой как у Мии Фэрроу и... она действительно существовала. И теперь обрела лицо. Стала реальной.

А я была влюблена в ее мужа. И этот человек рассказывал мне, что не любил ее.

Человек, который был бы просто воспоминанием менее чем через неделю.

- Ты в порядке? - спросила Полли, в ее голосе слышалось беспокойство. - Ты ведь знала, что он женат, не так ли?

Я тупо уставилась на нее, но кивнула. Я посмотрела на Беатрис. - Когда это сфотографировали? О чём статья?

Беатрис забрала журнал. Чему я была только рада. Я не хотела видеть этого снова.

Она просмотрела его. - Ничего особенного. Лишь то, что в прошлом месяце его ресторан в Барселоне отпраздновал двухлетнюю годовщину с большим размахом. Этот журнал освещает все, в особенности экс-звезду футбола. К тому же Изабель королевских кровей.

- Какого хрена? - воскликнула я.

- Ух, - выдала Полли.

Я заметила на лице Беатрис лукавую улыбку. - Вы о ней мало говорили, да?

- Матео не любит.

- Ну, я не виню его, - сказала она.

Я уставилась на нее. - Почему? Она стерва? - Ко мне пришла надежда, если бы она была психованной сучкой, то это позволило бы мне ощущать себя лучше за свои чувства к ее мужу.

- Не совсем, - произнесла Беатрис медленно. - Люди говорят, она довольно милая и приятная. Вежливая. Хотя с тобой, вероятно, она бы не была такой. Понятное дело.

Черт. - Так она из королевской семьи?

- Вроде того, - Беатрис пожала плечами. - Мать Изабель, Палома, была в очереди наследников на Испанский престол, но затем мать Паломы, Пенелопа, отказалась от этого. Я не знаю почему. Что-то политическое в то время. Кажется, ее бабушку до сих пор называют герцогиней, хотя, наверное, это просто формальность.

- Вау, - сказала я. Здорово. Что получается: она красива, обходительна, к тому же королевских кровей. Я никогда не смогу составить ей конкуренцию.

- Да, - сказала она, изучая меня. - Вокруг них всегда ходят слухи и разговоры.

Я не хотела спрашивать, но мои глаза выдали меня.

Беатрис продолжила. - Все видят приятную и красивую Изабель, но ей далеко до совершенства. Поговаривают, что Матео хотел вернуться в Атлетико. На тот момент ему было только тридцать, и он был в отличной форме, на пике, как вы говорите. И колено не сильно беспокоило. Но Изабель уговорила его бросить все. И отказаться от образа жизни, который она считала диким.

- Диким?

Она ухмыльнулась. - Ах, да. Наши игроки известны своим диким нравом и безрассудством. Многоекса, драки, пьянство. И Матео не был исключением. А с ее статусом светской львицы и бабушкой герцогиней - это было неприемлемо. Команда дала ей прозвище Йоко Оно за кражу Матео.

Я и забыла, что Беатрис была спортивным репортером, и неудивительно, что она так много знает. Я посмотрела вниз, на свои руки. - Но он уехал с ней. Затем женился на ней.

- Знаю. Для всех это было сюрпризом. Я думаю, что Матео был растерян после травмы и не знал, что делать. Она появилась в нужный момент и сказала, что делать. Вскоре они поженились, и у них появился ребенок. Она помогла с рестораном. Ее брат - шеф-повар, вот она его и пристроила.

Все это имело смысл того, о чём говорил Матео, он просто не обращал внимания на все это. Восемь лет забвения. Неудивительно, что футбольный матч и травма вызвали у него такую реакцию. Я только могла предположить, что он чувствовал, заново переживая боль и унижения - в тот момент его жизнь изменилась, появилось что-то, чего раньше не было.

Внезапно у меня появилось непреодолимое желание пойти и найти его. Я не знаю, что сказала бы или сделала бы, конечно же, я бы не говорила о том, что мне рассказала Беатрис. Но я хотела, чтобы он знал, что он не один. Что я понимаю его, и все будет хорошо. Мне нравился настоящий Матео в джинсах и ботинках, Матео как бизнесмен в дорогих костюмах, Матео как звезда футбола в майке и шортах. Мне нравился спокойный Матео, остроумный Матео, страстный Матео, горячий Матео.

Мне все в нем нравилось.

Нет. Я любила всего его.

Я любила Матео Казаллеса.

Я медленно обвела всех взглядом, глаза были полны слез: Полли, Беатрис, Клаудию, которые смотрели на меня обеспокоенно и молчали.

Мне не пришлось ничего говорить.

- О, милая, - прошептала Клаудия и, подойдя ко мне, обняла, вскоре к ней присоединились и остальные. Я дала волю слезам, зная, что скоро мне придется рас простраться с любовью, так и не познав ее, Клаудия и Полли плакали, зная, что им придется расстаться с Рикардо и Эдуардо.

Часы стали тикать громче. Отсчитывая время до расставания.

***

- Я не хочу возвращаться домой, - кричала я в трубку.

- Это ты сейчас так говоришь, все изменится, когда ты будешь дома, - сказал Джош, по-видимому, дожевывая пачку чипсов. - Кроме того, если ты не вернешься в ближайшее время, твой английский испортится. Я думал, вы там только на английском и говорите.

- Они предупреждали нас, что это произойдет, - сказала я, осознавая, что по-другому с ним разговариваю, иначе произношу слова.

Я отстранила телефон и посмотрела на время. Я сидела в своей спальне и разговаривала с Джошем: на мне было красное длинное платье, которое я случайно прихватила. Это было утром после того, как я увидела статью в журнале и последовавших за этим слезами, и теперь все испанцы и англичане идут на ужин в ресторан Акантиладо. Я хотела поговорить с братом, прежде чем на всю неделю отключить телефон. Сказать нужно было многое. Но я не сказала и половины из того, что собиралась.

- Когда ты вернешься, - сказал он, - я встречу тебя в аэропорту.

- Говоря о том, что встретишь меня, ты, конечно же, имеешь в виду, что я буду сидеть на раме твоего велосипеда?

- Нет, - сказал он с гордостью. - Я приеду за тобой на трехлетнем Фольксвагене Гольф.

- И откуда ты его взял? Кража машин на Ист-Сайде?

- Не угадала. Я купил его. У меня теперь машина.

- Что? - Мой брат всегда хотел машину, которая просто необходима в нашем городе, но ему никогда не удавалось накопить достаточно денег с его работой. - Как так получилось?

- Я не говорил тебе про конкурс? - сказал он самодовольно. - Я выиграл.

- Бог ты мой, - закричала я. - Удивительно. И быстро. И сколько, черт возьми, ты выиграл?

- Тысячу долларов. Плюс мои сбережения - этого оказалось достаточно.

Моя улыбка потускнела немного. Я знала, что у него есть какие-то сбережения, но я собиралась предложить ему потратить их на путешествие. Я знала, что Джош чувствует дома себя как в ловушке - в этом мы с ним похожи. Я хотела взять его с собой в программу. Испытать вкус жизни. Может любви, девушек в штанах для йоги, кажется, не впечатляют его татуировки.

- Рада за тебя, - сказала я. - Это значит, у меня тоже появилась машина.

- Ты, кажется, не рада.

- Не хочу возвращаться домой.

- Ох, Вера...

- Не хочу! И вы не сможете заставить меня!
- У тебя нет денег.
- Я могу показывать фокусы. Испанским мужчинам, они, вроде как нравятся.
- Это отвратительно. Не хочу это слушать.
- Я серьезно, Джош. Я не хочу возвращаться домой. Я на все готова, чтобы оставаться здесь.
- Ты такая девчонка, - упрекнул он меня.
- Ты не понял. - Я со вздохом выглянула в окно, где солнце клонилось к горизонту. Люди собирались к ужину. Мое сердце было готово выскочить из груди, когда я смотрела на них - все мои друзья. - Это место меняет тебя: твои привычки, взгляды, отношение к людям. Оно затрагивает... глубокие струны твоей души. И не имеет значения, откуда ты и сколько тебе лет. Все мы, люди, обременены проблемами.
- Я скажу, как есть - это звучит безумно. Ты кто такая и что сделала с моей сестрой?
- Я знаю, как это звучит. Девушка по имени Бэкка, она бы тебе понравилась, говорила мне об этом в первые дни, я ей тогда не поверила. Но так и произошло, как она сказала. Ты сближаешься здесь с людьми, как никогда прежде. Они становятся частью твоей жизни, твоей... Вселенной. - Мой голос дрогнул на последних словах.
- Окееей, - сказал он медленно. - Думаю, теперь я должен повесить трубку.
Я что-то проворчала, чувствуя себя иностранцем, говорящим на другом языке. - Прекрасно. Люблю тебя.
- И я тебя. До встречи во вторник. Тебя встретит горячий парень на автомобиле.
- Ох.
Повесив трубку, я положила телефон в сумочку и выбежала за дверь.

***

На этот раз, вместо того, чтобы взять три микроавтобуса, мы обошлись одним, похожим на тот, что привез нас сюда из Мадрида. Он не мог отвезти нас прямо в город, но ресторан в любом случае должен быть где-то на окраине. Повезло испанцам, их привозили уже сюда на прошлой неделе по случаю победы в футбольном матче.

Я не смогла сесть с Матео в автобусе, поскольку возле него уже был Мартин или Марти (я решила, что они стали ближе после травмы), так что я сидела с Бэккой. Я чувствовала себя так, будто одна зашла в паб, где все выпивали. Несмотря на это, у всех было отличное настроение, они радовались возможности выбраться на ночь из Лас Палабрас и отпраздновать окончание программы. У нас осталось только две ночи здесь.

Мы с Матео не сводили друг с друга глаз, пока он медленно сходил с автобуса, будучи осторожным из-за колена. Я толком не видела его сегодня.

Он выглядел... потрясающе.

На нем снова был один из его костюмов. Черный, гладкий. Белая рубашка с расстегнутыми первыми двумя пуговицами, без галстука. Темные волнистые волосы были аккуратно зачесаны назад, он был гладко выбрит. Я хотела провести пальцами по его лицу, вниз по его груди, к животу, потом я бы расстегнула его ширинку. Я хотела упасть на колени и сделать что-нибудь безумное, чтобы он запомнил меня.

Конечно же, в эти сладострастные мысли он поднял голову и посмотрел на меня. Щеки мои горели, и я бросила на него быстрый головокружительный взгляд.

- Вера, - сказал он, его лицо просияло. - Ты прекрасна.

Он положил руки мне на плечи и наклонился, чтобы поцеловать в обе щеки. Меня охватило желание и похоть, он был так близко. Его шероховатая щека прижалась к моей, от его запаха я почувствовала слабость, его губы мягко коснулись моей кожи, я закрыла глаза.

Это не было похоже на то, как здоровались со мной другие испанцы. Он медлил.

Когда он, наконец, отстранился, я почувствовала, как краснею. Он посмотрел на меня с грациозной улыбкой. Затем убрал волосы с моих плеч. - Ты горишь, как и закат солнца.

Я сжала ноги, нервничая. Он даже и не подозревал.

Именно тогда я увидела Бэкку и Сэмми, которые ждали нас в стороне. Я прочистила горло, и мы поспешили к ним. Сэмми была одета в облегающее фиолетовое платье-карандаш, они смотрели на нас слегка ошеломленно.

- Смотрю на вас, - проворковала она, - какая замечательная пара.

Я бросила на нее испепеляющий взгляд. – Эй, как дела у Питера и остальных? - предостерегла я.

Она растянула губы в тонкую линию и улыбнулась. Мы не были парой, и даже предположить такое было невозможно. Я снова посмотрела на него, он не отводил от меня взгляда, в его глазах отражались последние лучи заката. Они были не просто добрые...

Мы прошли квартал, наслаждаясь красотами вечернего города, уже зажглись фонари, отбрасывая причудливые тени на узкие улочки. Когда мы, наконец, пришли в ресторан, я чувствовала, что мы были чересчур разодетыми. С виду заведение не представляло ничего особенного, а сама вывеска с названием «Horno de Lena» (прим.: с испанского – «Дровяная печь») свисала с шеи жуткого манекена. Сэмми сразу же стала хихикать над названием, а Бэкка сказала ей подрасти.

Мы зашли внутрь и мое мнение поменялось. Нас повели вниз по лестнице, которая, какказалось, была высечена из стены, пока мы не оказались под землей, что было похоже на темницу или подвал. Тут была всего одна комната с лестницей в другой части помещения. От пола до потолка был выложен старый камень, даже поддерживающие арки были сделаны из той же серой породы. В одной части было видно печь, встроенную прямо в камень, а с другой стороны - бар. Здесь стояли квадратные столики, искусно оформленные белыми скатертями и канделябрами.

Джерри, который смотрелся абсурдно в темно-синем костюме, сказал нам, что лестница ведет на задний дворик, на тот случай, если кто-то захочет глотнуть свежего воздуха или выкурить сигарету. Мы вольны были выбирать с кем сидеть.

Я видела как Рикардо, Клаудия и еще несколько курильщиков сели ближе к бару. Она помахала мне, указывая на несколько пустых мест.

Я посмотрела на Матео. - Не хочешь поужинать со мной сегодня вечером?

Он усмехнулся. - Только если мы сделаем вид, что я плачу?

- Естественно. И я сделаю вид, что плачу.

Мы пошли и сели с Сэмми, Бэккой, Полли, Эдуардо, Нирой, Мануэлем, Хорхе и Эдом. С одной стороны Матео, с другой Клаудия, все же лучше чем Сэмми, которая непременно бы пристала ко мне с расспросами.

На ужин было три смены блюд, ко второму заходу – это была аппетитная паэлья - меня переполняли эмоции. Я то и дело смотрела на англичан и испанцев, при этом в моей груди поднималось странное щемящее чувство, поскольку успела их полюбить. Я бы ни за что не поверила, если бы мне сказали, что встречу здесь настоящих друзей. Они все стали моей семьей за этот месяц. Я нисколько не преувеличивала, когда говорила Джошу, что готова убить, чтобы только остаться здесь. Я уже не представляла своей жизни без них. Я не представляла, как жила раньше без них.

На первый взгляд ничего не изменилось: они улыбались, и только в глазах можно было прочесть печаль, как и у меня. Нам остались считанные дни быть вместе, прежде чем мы скажем «до свидания».

Я чувствовала, что должна что-то сказать человеку рядом со мной. Мы сидели ближе, чем обычно в Лас Палабрас, и я могла ощущать тепло его тела, и это невзирая на сырость. Мы разговаривали со всеми, но при каждом удобном случае я смотрела на него, стараясь запомнить каждую черточку лица, разговаривала так, будто больше никогда его не увижу.

Я выпила совсем немного. Вместо Heineken - это местный аналог Колумбийского пива, я заказала Aguila. Матео рассмеялся, когда я сказала, что по вкусу оно как моча, и это совершено не нравится моим вкусовым рецепторам. Затем мы переключились на вино, и Матео, который в этом разбирается, признался, что оно в тысячи раз лучше того, что мы пили на курорте.

Сколько раз я порывалась коснуться его руки или прошептать что-нибудь на ухо. Я хотела положить ему руку на внутреннюю поверхность бедра и погладить, прикусить

мочку его уха. Я хотела взять его лицо в ладони и поцеловать с той непринужденностью, как делали это Рикардо и Клаудия, Полли и Эдуардо, и многие другие.

Внутренний голос нашептывал: «У вас осталось мало времени, у вас осталось мало времени», а я продолжала бездействовать, снова и снова. Я ерзала на стуле, играла с салфеткой, теребила волосы, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей.

Я проиграла. Когда все покончили с десертом и перешли на разговоры, Матео заметил это.

Он о чем-то увлеченно беседовал с Хорхе, когда вдруг наклонился к моему уху и прошептал, шею обдало горячее дыхание - Ты в порядке?

Я сглотнула ком в горле и кивнула.

То, что было дальше, удивило меня.

- Ты боишься находиться рядом со мной? - спросил он мягко, его губы коснулись моей мочки. Возможно, случайно. А может, и нет.

Я напряглась. Я знала, что нужно сказать. Надо было ответить «нет» и прекратить это. Но в его голосе было столько искренности, желания и чувств, что я не могла ему соврать.

- Прямо сейчас боюсь, - сказала я достаточно громко, чтобы он услышал. Но здесь было много людей, которые громко смеялись и разговаривали, и нас бы вряд ли кто-нибудь услышал.

Я должна была вдохнуть свежего воздуха.

Я быстро поднялась на ноги, оттолкнула свой стул и пошла к лестнице. Я с облегчением вздохнула, когда открыла дверь и увидела, что дворик был совершенно пуст. Здесь было очень красиво.

Это был каменный двор, обнесенный высокой стеной, увитой виноградной лозой и светящимися гирляндами. В центре был небольшой фонтан с херувимами, а по углам были разбросаны гигантские терракотовые горшки с фиолетовыми и синими цветами. Там стояло несколько столов с пепельницами, пустые пивные бутылки, сваленные в кучу - будто кто-то собирался отнести их вниз, но забыл.

Я закрыла глаза и вздохнула. И хотя мы были в городе, воздух здесь был чистый, и приятный аромат наполнял его по сравнению с подвалом. После тех дождливых дней тепло оживило меня, внесло определенную ясность в мой алкоголь, успокоило гормоны в крови и несчастное сердце.

Но это не продлилось долго. Я услышала, как открылась и закрылась дверь, и я знала, кто стоял позади меня.

- Вера, - сказал Матео хрипло.

Я медленно повернула голову, чтобы взглянуть на него через плечо. - Да?

- Ты уверена, что у тебя все хорошо?

Что я должна была сказать? Он все сам понимал, должен был. Все знали, что я чувствую, а он нет?

Я села за ближайший столик и тут же пожалела, что не взяла с собой выпить.

Не успела я подумать об этом, как дверь снова отварилась. Хорхе вышел за Матео с полупустой бутылкой из-под пива.

- Джерри собрался раздавать награды, - сказал он осторожно, понимая, что лишний сейчас. - Он хочет вас видеть.

Я подумала, что Матео намеревался что-то сказать, но он этого не сделал. Он продолжал смотреть на меня, ожидая ответа на свой вопрос. Он не замечал Хорхе: отодвинул стул и сел напротив меня.

В тишине было слышно потрескивание проводов над нами. Я чувствовала на себе взгляд Хорхе, с неохотой он поставил напиток перед Матео и пошел прочь. Часть меня хотела, чтобы он вернулся, чтобы развеять напряжение и отвлечь Матео. Другая часть, эгоистичная, радовалась, что Хорхе оставил нас в покое. Одних.

Я отвернулась от Матео и перевела взгляд на Aguilę, затем устремила в прохладу ночного воздуха. После недели общения, шуток и невинных прикосновений я заметно нервничала от того, что мы остались наедине. Не то, чтобы я боялась его, я боялась себя. Как вести себя с ним за ужином, чтобы не выйти за рамки дозволенного.

Он женат, женат, женат - говорила я себе, наблюдая, как капля воды падает с бутылки на стол. У него есть жена красавица, любимая дочь - у тебя нет ни того, ни другого.

Я могла лишь повторять это много раз.

- Вера, - сказал он заплетающимся языком. - Вера, посмотри на меня. - Его голос был властным и глубоким, такого я раньше не слышала.

Я перевела взгляд на его губы. Я хотела что-то сказать, но смогла только втянуть губу, вероятно, стерев всю помаду.

- Покажи мне снова звезды, - сказал он. Его глаза пронзили меня, его лицо было опасно красиво.

Я посмотрела на ясное небо, чтобы увидеть звезды, но он подошел ко мне и взял за руку. Его прикосновение было теплым, как и его пальцы - это было подобно джакузи холодной ночью. Легкая дрожь пробежала вниз по моей спине.

- Не те звезды, - сказал он, подавшись вперед. Его губы были влажные и чуть приоткрытые. - Твои звезды. Из-за них я называю тебя Эстреллой.

Я сглотнула, чувствуя, как бешено стучит сердце. Я развернулась к нему спиной и подобрала волосы.

Раздался скрежет, когда он вставал, что пробудило во мне новую волну паники.

Нет. Не паники.

Предвкушения.

Я слышала, как он встал позади меня. Я затаила дыхание, гадая, что он собирается делать.

Одними пальцами он провел от шеи прямо к позвоночнику, где начиналась моя татуировка. Я закрыла глаза, приятные ощущения расползлись вниз по спине, я стала влажной. Иисус, мне нужно лучше держать себя в руках.

- Что это за звезда? - поинтересовался он мягко. Я могла утонуть в его голосе.

- Водолей, - прошептала я, словно по секрету. Наверное, так и было.

Его палец скользнул вниз, вдоль татуировки Пегаса, оставляя огненный след. - А эта?

- Пегас.

- Почему Пегас?

Я сделала паузу, подбирая слова. Хер с ним. Мы должны быть честны друг с другом. - Потому что я хочу быть ближе к звездам. А это лучший способ.

Какое-то время он молчал. Я хотела развернуться и посмотреть на него, но мне не хотелось, чтобы он убирал руку. Я уезжаю через три дня. Он собирался вернуться в семью. Единственное, что у меня было, это его пальцы на моей коже.

Он наклонился, обдав мою шею горячим дыханием. - Ты боишься, что любовь подрежет тебе крылья?

Его слова утонули во мне, заставив мою кровь бурлить. Любовь. Было слишком опасно обсуждать это с ним. Не сейчас. Вообще никогда. Я задышала прерывисто, отодвинулась подальше от его губ и развернулась к нему лицом.

- Нет, - сказала я, глядя ему прямо в глаза. - Я боюсь потерять любовь.

Его лицо смягчилось. Он посмотрел на мои губы, его красивые длинные ресницы отбрасывали тени на его смуглую кожу.

- В этом мы похожи, - прошептал он, и на долю секунды мне показалось, что он собирается меня поцеловать, чтобы положить конец напряжению между нами, тоске, что съедала меня изнутри. Но он выпрямился, избегая смотреть на меня, и взял свое пиво со стола.

Я смотрела, как он сделал длинный глоток и поставил бутылку обратно. Затем пошел к ресторану.

- Знаешь, я не могу больше притворяться, - выпалила я неожиданно для себя.

Я была на пределе.

Он остановился и так продолжал стоять, спиной ко мне. Не было ясно: собирается он идти дальше или собирается развернуться. Я затаила дыхание.

Не поворачиваясь, он сказал. - Нет. Мы не можем. У меня к тебе последний вопрос.

Это не то, чего я ждала. Вопросы становились все опаснее.

- Что? - тихо спросила я.

Он медленно повернулся. - Что такое любовь? По-английски.

Я подняла бровь. - Любовь по-английски, это любовь?

- А по-испански?

Я была в восторге от его гипнотических глаз, что едва помнила себя. - Amore?

Он покачал головой, едва заметно. - Нет. Любовь по-испански - это ты.

Затем он развернулся и пошел обратно.

Это полная ерунда.

Я встала со стула и побежала за ним. Схватила его за руку и дернула, принуждая повернуться ко мне лицом. Я сжимала в пальцах его пиджак и смотрела на него.

- Что это значит? - кричала я в гневе. - Ты говоришь мне, что я являюсь «Любовью» на твоем языке? А затем бросаешь меня здесь?!

Он пристально смотрел на меня, словно был в трансе. - А что бы ты хотела, чтобы я сделал? - прошептал он.

Я готова была расплакаться. Мое лицо исказилось от боли и смятения. - Я не знаю. Ничего.

- Как на счет этого, - спросил он. Он запустил руку мне в волосы и стал перебирать пряди. Мурашки побежали по моей коже. - Или этого. - Он сделал то же самое другой рукой, держа мою голову в ладонях.

Мысли покинули меня. Эмоции вытеснили все. Желанием. Потребностями. Мои мысли кружились, как Галактика.

Он сделал еще шаг ко мне, упираясь, как мне показалось, эрекцией в мое бедро. Я не могла дышать. Он запрокинул мою голову назад так, что я могла заглянуть ему в глаза, его губы были всего в нескольких дюймах от моих.

- Ты можешь сказать мне остановиться, - прошептал он. - Я так и сделаю. Но, пожалуйста, не говори мне, чтобы я останавливался.

Я и забыла, что означают эти слова.

Я наблюдала, как в замедленной съемке он приблизил свои губы к моим. Наши рты встретились, и я закрыла глаза, меня охватило блаженство. Его поцелуй был сладким. Мягким. Теплые, влажные губы. Поцелуй был сдержаный и это при том, что это он целовал меня. Он зажег меня, подобно петарде или бомбе, поднимаясь по моим бедрам, пока все мое тело не запыпало, желая получить большего.

И он дал это мне. Матео сильней притянул меня к себе, поцелуй стал более глубоким. Его язык, мягкий как шелк, проник в мой рот. Я хотела почувствовать его внутри, только сейчас понимая, насколько изголодалась. Я так хотела его, всего его, каждую клеточку. Я хотела, чтобы поцелуй никогда не кончался, потому что это было самое прекрасное, что я когда-либо чувствовала. Это был самый жаркий поцелуй, который когда-либо был у меня и это при том, что я занималась сексом втроем, с девушкой-моделью. Матео своим поцелуем перевернул всю мою жизнь.

Я обняла его за талию, чувствуя под пальцами шелк его рубашки, напряженные мышцы живота. Жар внутри меня стал невыносим, каждое движение его языка заставляло меня извиваться и исходить влагой, заставляло желать большего, чем я могла получить прямо сейчас.

- Вот и они.

Голос Джерри прозвучал громогласно.

Матео и я уставились друг на друга: грудь вздымалась от нехватки воздуха, рот был приоткрыт, затуманенные страстью глаза, пытаясь понять, что произошло, и какую линию мы только что пересекли.

Мы вместе посмотрели на Джерри. Он обвел нас с головы до ног с преувеличенной досадой. - У вас еще будет время вернуться на курорт, - выругался Джерри. - Вы пропускаете церемонию награждения. Вера, там возможно есть награда и для тебя. Но вы так и не узнаете, если не спуститесь вниз. Давайте ребята, будет весело.

И махнув нам, он развернулся и пошел вниз по лестнице. Будто то, чему он только что стал свидетелем, не было катастрофой всей моей жизни, сравнимой с большим взрывом.

Мои глаза приклеились к двери, я боялась посмотреть на Матео. Что мы только что сделали?

Я откашлялась и пригладила волосы. - Нам лучше зайти внутрь.

- Подожди, - сказал Матео, беря меня за руку, и притянул ближе. Я почувствовала, как мир ускользает от его прикосновений, и снова потерялась в глубине его глаз. - Все не может быть так.

- Я не думаю, что может быть как-то иначе, - сказала я. Мое сердце пропустили через мясорубку.

- Да, можно все изменить, - сказал он. Его голос звучал твердо, брови сошлись над переносицей.

- Ты женат, - сказала я беспомощно, готовая расплакаться.

- Все кончено.

Я отрицательно покачала головой. - Нет. Нет, это не так. Еще не все кончено. Не для вас. Это просто поцелуй, ты легко можешь обо всем забыть. Ты можешь сказать, что это была ошибка. Это не твоя вина.

- Я хочу тебя, - сказал он, его хватка стала крепче. - Я с самого начала хотел тебя, но никогда не думал, что это возможно.

- Это невозможно! - вскрикнула я, ударив его кулаком в грудь.

- Ты не знаешь всего, - прошептал он.

- Ты женат! - заорала я. - Я не хочу делить тебя с другой женщиной!

- Ты и есть другая женщина! - кричал он. Его слова проникали мне в самую душу. Он приподнял мое лицо. - Ты уже есть, нравится тебе это или нет. Ты околдовала меня, Вера. Ты заставила меня забыть мои обеты. И все, что тебе нужно было, это быть рядом.

- Он сглотнул и уставился на меня. - Разве ты не знаешь, что я чувствую к тебе?

Я должна была уйти. Я не могла позволить ему сказать мне большее.

Я развернулась на каблуках и побежала к двери, переведя дыхание только тогда, когда оказалась внутри. Я бы могла добежать до Лас Палабрас, но подозревала, что это только бы принесло больше проблем. Я должна была идти вниз, к толпе, которая ждала нас.

Мое сердце так неистово билось, я думала, что упаду в обморок и скачусь вниз по лестнице. Я спустилась в подвал, ощущая приятное дуновение холодного воздуха. Я ожидала увидеть, как все уставятся на меня, но вместо этого все взоры были обращены к центру, где стоял Джерри и протягивал листок Ангелу в номинации: «За улучшение английского».

Пока все аплодировали и выкрикивали слова поздравлений, я пробралась на свое место в кресло. Бэкка посмотрела на меня и нервно улыбнулась.

- Что это было? - тихо спросила она.

Я плотно сжала губы, голова раскалывалась. Я не могла говорить. Но надо было что-то ответить... а я не знала с чего начать. Молчать было неправильно.

Мгновением позже пришел Матео и сел позади меня. Клянусь, я перестала дышать, а сердце остановилось. Это было слишком - он сидит рядом со мной, учитывая то, что только что произошло. Я все еще могла ощущать вкус его губ, чувствовать тело под пальцами.

В моей голове звучали слова: «Ты и есть другая женщина», они прокручивались снова и снова.

Это было чересчур. Возможно, я должна была почувствовать отвращение к себе.

- И награду за «лучшую улыбку» получает Вера Майлз!

Желчь ушла вниз. Что за черт? Я посмотрела туда, где стояла моя пустая тарелка, и увидела Джерри с листком бумаги, который махал мне.

Лучшая улыбка? Как я могла выиграть в номинации «лучшая улыбка»? У меня было такое чувство, что я никогда не улыбалась, никогда в жизни.

- Ты выиграла, - прошептал мне Матео в самое ухо, я почувствовала его дыхание, от чего застыла на месте. - Иди.

Не знаю как, но я поднялась. Я вылезла из кресла и, обойдя стол, направилась к центру, где Джерри быстро меня обнял. Он протянул мне бумагу и велел улыбаться фотографирующему нас Мануэлю. Я думала, что улыбалась бы в любом случае. Я не могла осознать, что моя улыбка принесла мне награду.

Я должна была получить награду злодея вместо этого.

Глава 15

- Вставай, соня.

Я застонала и открыла один глаз. Спальня была наполнена светом. Я медленно повернулась, убирая волосы с лица, чтобы увидеть Клаудию, сидящую на краю кровати. Я даже не слышала, как она пришла.

- Сколько сейчас времени? - спросила я, чувствуя, как пересохло в горле, и потянулась за стаканом воды, не вставая с постели. Во рту было кисло.

- У нас есть десять минут, чтобы собраться на завтрак, - сказала она.

- Тьфу, - выплюнула я после того, как осушила стакан. - Я не могу просто поспать целый день? Они знают, что я больна.

Она окинула меня взглядом. - Нет, ты не можешь. Это наш предпоследний день. Ты прекрасно себя чувствовала, когда ложилась спать.

Что верно, то верно. Я вспомнила, как получила награду от Джерри «за лучшую улыбку», я была поражена и почувствовала подступающую желчь. Я не знала, были всему виной мои нервы, страх или еда, но вдруг я бросилась в ванну к унитазу. Это отбило у меня всякую охоту веселиться со всеми, и уж точно у меня не было желания видеть Матео, тогда Клаудия отвела меня к Питеру, чтобы тот отвез меня на курорт. Я легла сразу в постель и потрясенная проворочалась всю ночь.

Все о чем я могла думать - это как сильно я не желала быть другой женщиной. Я не могла больше притворяться, что меня волнуют чувства Изабель - правда заключалась в том, что мне было плевать на нее. Все, что я знала о ней - это то, что она неправильно с ним поступила, и что он ее не любил. Но я помнила, чем стал для меня развод родителей, и у меня не было никакого желания заставлять проходить через это Хлою Энн.

Но как сказал Матео, похоже, у меня нет выбора. Мое сердце затрепетало, когда я подумала о его словах. Что я околдовала его. Что я светилась.

Что я заставила забыть его свои обеты.

Как можно чувствовать боль в животе и блаженство одновременно?

- Ты собираешься вставать или мне наполнить еще один стакан и вылить тебе на голову? - сказала Клаудия, щекоча мне пятки.

- Что ты делаешь? - спросила я. Затем медленно приподнялась и выдохнула, словно затаила дыхание на всю ночь.

- Как ты себя чувствуешь, в действительности? - спросила она меня. Она ничего не сказала о Матео и последнем вечере, за что я ей была благодарна.

Я печально покачала головой. - Я не знаю. Сама не знаю, как я себя чувствую.

- Что произошло на террасе? Я умираю, как хочу курить, но больше мне хочется послушать тебя.

Я скрестила ноги под собой и посмотрела на свои руки, сложенные вместе. - Он поцеловал меня.

Я бросила на нее быстрый взгляд, чтобы оценить реакцию. Она растянула губы в широкой улыбке.

- Не нужно улыбаться, - сказала я. - Это нехорошо.

- Нехорошо? Вера, да что с тобой?

- Что со мной не так? Господи, с чего же мне начать?

- Он плохо целуется?

- Нет, - сказала я, вспомнив его губы, и по моему телу пробежал электрический ток. Я слегка коснулась губ кончиками пальцев. - Это был лучший поцелуй в моей жизни.

- Но что-то не так.

- Он женат.

- Он? - она с издевкой разинула рот. - Я и не знала. Ты никогда мне об этом не рассказывала.

Я бросила на нее свирепый взгляд. - Ты считаешь это пустяком?

Ее глаза блуждали по комнате в раздумье. Наконец, она сказала. - Нет. Но я вижу вас вместе и сразу видно, что между вами происходит нечто особенное. Это не глупость... или как там это слово... интрижка? Это настоящее.

- Он сказал, что я заставляю его забыть свои обеты, что я и есть другая женщина.

Ее глаза полезли на лоб. - Он это сказал? Bay. Матео... все больше меня удивляет.

- Вот поэтому я и не знаю, что и думать. Я просто не хочу выходить из этой комнаты сегодня.

- Из-за него?

- Так будет лучше.

Она мягко улыбнулась. - Нет, Вера, не будет. Ты и сама знаешь.

- Тогда что ты предлагаешь мне делать? - Я знала, что она права и ненавидела ее за это. Меня не спасали ни стены этого дома, ни стены, возведенные вокруг моего сердца.

- Хочешь совет? - спросила она. Я кивнула. Она поднялась с кровати и уставилась на меня. - Я скажу, хрен с ним. Пойди на это. Дело сделано. Ты уезжаешь через несколько дней. Вы могли бы провести еще несколько дней вместе. Чтобы не жалеть потом. Иди с ним. Вскоре он останется только в твоей памяти.

Мои глаза наполнились слезами. Я кивнула и шумно выдохнула. Ущерб уже был нанесен. Я не могла избегать его, оставить его, не могла смириться, что никогда больше не коснусь звезд. Или я могла пойти на это: узнать холод открытого космоса, снова почувствовать, что живу. Если он хотел все забыть и дальше идти так же по жизни, но я хочу помнить все, что делало меня живой.

Я смотрела на нее, чувствуя себя раздетой. - Это неправильно, но я счастлива от мысли, что такой человек как он захотел такую девушку как я.

- Я говорила тебе, что время не властно над сердцем, - сказала она, направляясь к двери. - Сердце не понимает, что правильно, а что нет. - Она остановилась в дверях. - Джерри ждет. Я займу место, но тебе лучше поспешить.

Она покинула комнату и закрыла за собой дверь. Стены сомкнулись вокруг меня.

***

За завтраком чувствовалось напряжение. Я попыталась поймать взгляд Матео, но он сидел с Уэйном, Эдуардо и Полли. Сегодня весь свод правил отменили, и каждый сидел с тем, с кем хотел.

Верная своему слову, Клаудия заняла мне место, и я сидела с Рикардо и Бэккой. Бэкка показала мне фотографии на телефоне, что объяснило, почему сегодня все не в настроении. После того, как я уехала, пьянка и тусовка вышли на новый уровень. Часть меня жалела, что я уехала, но другая знала, что поступила правильно. Я бы закончила, как и Сэмми, которая на одной фотографии стояла с Карлосом Лягушатником, а уже на другой висела у него на шее.

Я едва притронулась к завтраку, всему виной были нервы. Я чувствовала, как под кожей все вибрировало, а колени дрожали. Время от времени я поглядывала на Матео, надеясь поймать его взгляд, но он не сводил глаз с Уэйна.

Как только Джерри обновил расписание, я уже стояла там - смотрела поверх людей в надежде, что у меня будет общая сессия с Матео.

Так и было. Бизнес-сессия после обеда, как и наш первый сеанс вместе.

Сиеста.

Дрожь прошлась по моей спине от этой мысли.

Время пролетело незаметно и нельзя сказать, что я была недовольна. У меня была беседа один на один с Сарой, Мануэлем и Пако - все прошло отлично. С Сарой мы говорили о ее работе, с Мануэлем - о музыке, с Пако - о вопросах иммиграции в Испанию. Все было уже не так, как в самом начале месяца. Теперь мы все свободно общались, как старые друзья.

Я не увидела Матео за обедом. Он пришел к концу и сел за столик у двери вместе с Лорен. Я уже начала было думать, что он игнорирует меня. Может быть, он пожалел о прошлой ночи и решил, что не хочет иметь со мной ничего общего. Я бы не удивилась, учитывая ситуацию, в которой он оказался, мысли медленно разрывали меня на части.

Я все еще размышляла, сидя на солнышке: не достать ли непрочитанную книгу «Игра престолов», когда появился Матео.

Мое сердце остановилось, и я медленно подняла голову.

- Я искал тебя, - сказал он, держа руки в карманах. Облегающая серая футболка и джинсы теперь стали его повседневным нарядом. Он не помыл голову, и теперь черные

пряди спадали на его лицо, умоляя, чтобы к ним прикоснулись. Его глаза светились, как звезды.

- Правда? - спросила я.

- Я волновался за тебя после вчерашнего.

Я неловко улыбнулась. - Да, ну... мне уже лучше.

- Хорошо, - он протянул мне руку. Я заметила, что он не надел Rolex, а участок, где они были раньше, покрывал слабый загар. Но он по-прежнему носил обручальное кольцо.

- У нас назначена сессия сегодня. Хочешь прогуляться со мной?

Я уставилась на кольцо на его пальце. Думала, что это значит. И что он значит для меня. Я осторожно протянула ему руку. Он помог мне подняться, моя длинная юбка мягко обволакивала ноги.

- Я хочу прогуляться с тобой, - сказала я. - Может быть, мы найдем дерево, под которым сможем спать.

Его глаза засияли, и он сжал мою руку, заставляя дрожать. - Может быть.

Затем сразу отпустил ее, но другого я и не ожидала. Пока мы шли вниз по холму к проселочной дороге, он все ближе придвигался ко мне, наши руки почти соприкасались. Я знала, на что был похож его поцелуй, и все еще удивлялась тому, что происходило между нами. Этот человек разрушал меня по крупицам.

Мы побрали прочь по дороге от Акантиладо: мы почти не говорили, просто наслаждались обществом друг друга, пушистым ветерком и теплом. В воздухе гудели цикады и порхали бабочки. Поля затянула дымка. Лето не сдавало позиций.

- Скажи мне, Вера, - произнес он. - По чему ты будешь больше всего скучать, когда покинешь Испанию?

- По тебе, - выпалила я автоматически. Это была правда и от нее никуда не денешься.

У него была очень красивая улыбка. - Я рад это слышать. Но ты и по Испании будешь тоже скучать, да?

Я кивнула. - Определенно. Думаю, я буду больше скучать по этому месту, чем по дому. Это место... заставляет чувствовать себя живым. Оно придает как бы сил.

- Испания хорошо на тебя влияет, - сказал он. - Все отражается на твоем лице. Мне кажется, ты была бы счастлива здесь.

Моя улыбка немного приутигла. - Я тоже так думаю...

- Порой твой дом не там, где ты родился, - заметил он.

Я не знала, что ответить, все так и есть.

Матео вдруг схватил меня за руку. Он оттянул проволоку в изгороди, чтобы я смогла пройти. Я осторожно, чтобы не споткнуться, шагнула вперед, и мы рука об руку пошли по ярко освещенному полю, усеянному цветами. Здесь раскинулся живописный дуб с зеленой кроной.

Мы подошли к дереву, трава щекотала мои босые ноги, я подобрала юбку и стала рассматривать поле, Матео. Ствол утопал в траве и цветах, не было даже чистого клочка, чтобы сесть.

- Лучшего дерева не найти для отдыха, - сказала я.

Он пожал плечами, на его лице играли причудливые тени. - Оно выглядело лучше издалека.

Он не отпускал мою руку. Прежде чем я успела что-либо сказать, он схватил и вторую мою руку и сжал. Затем опустил подбородок и пристально посмотрел на меня. Все внешние приличия, которые мы еще соблюдали мгновение назад, быстро исчезли. Я чувствовала, как росло напряжение между нами, оно стало осязаемым. То, что между нами было, невысказанное.

Он заметил это. И с каждой минутой, пока Матео держал мою руку, пока смотрел на меня заискивающе, напряжение усиливалось.

- Вера, - сказал он мягко, и я знала, что мне никогда не надоест слушать его. Я опустила глаза, не в силах больше вынести его страстный взгляд. - Ты так и не дала мне сказать вчера, что я чувствую.

Щебетали цикады, словно подстроившись под ритм моего сердца. Легкий ветерок растрепал его волосы.

- Я знаю, - проглотила я комок. Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. - И я боюсь это услышать.

- Почему? - спросил он. - Потому что ты не чувствуешь то же самое.

Я подняла взгляд, чтобы заметить, как с болью в глазах он ищет мои глаза.

- Нет, - сказала я, стараясь выдавить испуганную улыбку. - Из-за того, что я делаю.

Я ожидала от него ответной улыбки, но он только хмурился, а страсть в его взгляде достигла опасного предела. Одной рукой он погладил мою щеку, а другую положил на затылок. Он держал меня так, пронизывая своим взглядом, и я не смела пошевелиться. Не смогла бы. Я находилась полностью в его власти.

- Моя жизнь была хаотичной, - сказал он тихо. - Раньше у меня была более динамичная жизнь. Затем я попал в аварию. И встретил Изабель. Она привела в порядок мою жизнь. Она направляла меня, говорила что делать, а я был слишком растерян, чтобы возражать. Ты, Вера, ворвалась в мою жизнь. И перевернула ее. Ты снова пробудила меня к жизни и показала мне звезды. - Он соблазнительно опустил веки и сильнее притянул меня к себе. - Ты излучаешь яркий свет, - его голос был низкий и грубый, что заставило волосы на моих руках подняться. - Я хочу быть с тобой.

Я почувствовала, как задрожали мои колени.

В следующую минуту он поцеловал меня. Жестко. Страстно. Настолько, что я едва могла дышать. Его язык проник мне в рот, наполняя каждую клеточку моего тела теплом, я чувствовала себя парящей.

Я обхватила его голову, чтобы устоять на земле, мои пальцы затерялись у него в волосах, сжимая их. Я потянула его пряди, и он простонал, не отрываясь от моих губ, жар между нами только усиливался.

Я почувствовала, как ускользает от меня мир, не осталось ничего, кроме желания.

Желание охватило нас, приближая к зияющей бездне.

- Эстрелла, - сказал он, оторвавшись от моих губ, и стал спускаться к моей шее. - Я никогда никого не желал так же сильно, как тебя.

Я застонала, когда его губы переместились на чувствительный участок за ухом. - Я говорила, что ты можешь взять меня. Я твоя, - сказала я, затаив дыхание.

- Ты - моя звезда, - прошептал он. - Ты - моя Эстрелла. - Он прошелся губами по моей ключице, медленно, в том месте, где было тату. - Я не думал, что зайду дальше этого. Я боюсь, что стал слишком нетерпелив и жаден, теперь, когда ты со мной, здесь и сейчас.

Прежде чем он еще что-нибудь успел сказать, я схватила его рубашку, потянула вверх и отбросила к дереву. Я прижала ладонь к его твердой загорелой груди, чувствуя, как быстро бьется его сердце. Затем запустила пальцы в короткие волосы на его груди и потянула, улыбаясь, когда он издал еще один стон. Бог ты мой, я еще никогда не имела дела с подобным мужчиной, таким зрелым и мужественным. Я почти чувствовала себя девственницей.

Но мне не хотелось так себя вести. Я положила руки на его джинсы и быстро расстегнула пряжку ремня и молнию. Вместо того чтобы стянуть их сразу, я скользнула одной рукой внутрь и прикоснулась к нему. Если бы на мне были трусики, то они тут же стали бы влажными от ощущения его члена в моих руках. Он был твердым как цемент и достаточно большим, что только меня порадовало.

Он закатил глаза и выдохнул со стоном. - Ты такая жадная.

Я закусила губу, затем посмотрела на него смущенным взглядом и начала спускать штаны. - Какая есть. - Я посмотрела вниз и опустилась на колени в траву. Я стащила штаны и запустила руку ему в трусы. Я была права, они не походили на Бэкхема, на нем были черные боксеры, из-под которых торчали кости таза. Я быстро пробежалась языком по ним, чувствуя соленый привкус.

- Это пытка, - сказал он приглушенным голосом. - Пытка.

- Bueno. - Усмехнулась я. Затем медленно стащила их, пока его член не вырвался наружу. Зрелище было впечатляющее: прекрасная длина, толщина, подстриженные волоски. Я взяла в руки его яички, чтобы почувствовать их тяжесть. Мне нравилось это делать. Также я заметила полоску, не тронутую загаром. Он должен загорать обнаженным.

Иисус, я чувствовала жар в своей руке.

Вдруг, мне ничего не хотелось больше, чем то, чтобы он вошел в меня на полную длину, и я знала, что он хотел того же. Но сначала рот. Я взяла его член в руку и поднесла к моим влажным губам, вторую руку я положила ему на задницу. Я не сразу осознала, что тороплюсь, поскольку могла думать лишь о том, что он тоже этого хочет.

- Быстрее, - прошептал он на своем испанском языке. Я не собиралась его поправлять. Он мог говорить на своем родном языке все, что хочет. - Быстрее, пожалуйста.

Я оторвала губы и посмотрела на него с кокетливой улыбкой. - Это делает тебя другим?

Его глаза горели, когда он снимал с себя остатки одежды, пока не остался абсолютно голым: с удивительно гладкой и загорелой кожей с упругими мышцами. Я оставалась на коленях и с благоговением смотрела на него, а он на меня.

- Я привык все держать под контролем, - сказал он. Затем Матео опустился на землю и снял мою майку через голову и в секунду расстегнул бюстгальтер. Его взгляд задержался на моей груди, прежде чем он толкнул меня назад в траву, подминая под себя, и задрал мою юбку. Я наблюдала, как его глаза расширились при виде моих раздвинутых ног без трусиков.

- Прекрасно, - сказал он, проводя по внутренней части моего бедра. Пара рук и я почувствовала, что счастлива как никогда, особенно, когда его пальцы нашли мои складки и проникли внутрь. - Прекрасная Эстрелла.

Я закрыла глаза и запрокинула голову, чувствуя себя так невероятно наполненной. И как бы это ужасно не звучало: здесь я была на виду и уязвимая как никогда с Матео. Я знала, что так будет не всегда. И последствия будут болезненными. Сейчас в траве с его пальцами на моей промежности я знала, что никто не сможет нас остановить.

Он принял водить пальцами, и я почувствовала, как сжимаюсь вокруг них, желая получить большего.

- Подожди, - сказала я с приглушенным стоном. Я указала на сумочку, которую бросила на землю. На мгновение меня посетила мысль, что презерватив мог повредиться при падении, но я не могла остановиться. Я могла думать только о сексе. - У меня был презерватив в сумочке.

Он удивлено приподнял бровь. - Могу заверить тебя, я здоров.

Я дала ему многообещающую улыбку. - А я на таблетках. Но я предпочитаю лишний раз перестраховаться. - И в особенности, когда ты мало знаешь про парня и расстанешься с ним через пару дней. Никто не хочет подцепить ВИЧ или остаться с ребенком в качестве сувенира.

Матео кивнул, понимая мое беспокойство, и надел презерватив на свой член. Боже, он был великолепен, прекрасен. Особенно, когда он погладил себя, его губы растянулись в блаженстве. Вот черт.

- Ты собираешься меня трахать или как? - спросила я, лаская свой клитор, который набух.

Он резко открыл глаза и хитро улыбнулся. - Я говорил, что люблю все держать под контролем, - он убрал мою руку и положил ее на свою задницу, а затем стал направлять свой член в мои глубины. Я раздвинула ноги сильнее, чувствуя, как он медленно и восхитительно погружался.

Его язык дразнил мои соски, в то время как одна рука мяла грудь, другой он держал мою голову. Я не верила в происходящее, когда его рука спустилась от моих сосков к киске - я задыхалась и стонала, когда его губы нашли мои. И чем неистовее становились его движения, тем неистовее был поцелуй.

Я была близка к оргазму и вцепилась ему в ягодицы так крепко, чтобы он смог проникнуть глубже, мои туфли на каблуках заерзали по его мокрой пояснице, он застонал мне в рот и перевернулся на спину, не сводя с меня глаз. В них было безумие и похоть, которая сводила его с ума.

- В Испании мы трахаемся и занимаемся любовью одновременно, - буркнул он. - Ты должна смотреть на меня, Вера. Ты должна оставаться для меня, оставаться со мной.

Это было ново для меня. Зрительный контакт во время секса. Он сделал его слишком интимным, слишком... значимым. Я никогда этого не хотела, до этого момента.

Я сглотнула, чтобы набрать воздуха, и взглянула ему в глаза. Мы смотрели друг на друга. Я наслаждалась интимным моментом, стараясь увидеть больше - Вселенную, нашу Вселенную, которую мы создали. Я заглянула так глубоко, что это было похоже на наркотическое опьянение.

В моем мозгу горел образ нашей любви. Голубое небо позади него; темные волосы, прилипшие к его лбу; золотая трава по обе стороны; моя татуированная кожа под его бронзовой; солнечные лучи, согревающие нас.

«Я никогда не забуду это, - сказала я себе. – Никогда».

И тогда это произошло. Оргазм в сочетании с той интимной близостью, что у нас была с Матео. Все мои чувства к нему хлынули потоком в мое сердце, душу. Я была преисполнена любви: большой, жгучей, яркой; она заполнила меня до краев и готова была разрушить те стены, которые я возвела, и стало понятно, что они не вернутся снова.

Секунду спустя я вернулась, неожиданно. Оргазм накатывал волнами, насыщая каждый уголок моего тела. Я выкрикнула его имя, и мой крик повис в воздухе. Слезы брызнули из моих глаз, когда все закончилось, я уставилась в голубое небо, где по-прежнему висела луна.

- Эстрелла, - он продолжал вбиваться в меня, пока сам не кончил. – Моя Эстрелла.

Я уже оправилась и наклонилась, чтобы посмотреть на него, когда он достиг пика. В его глазах тоже стояли слезы, на его красивом лице отразились шок и изумление, из его уст вырвался стон, а лицо исказила гримаса удовольствия. Он прикрыл глаза, чтобы запомнить этот момент, издал низкий, примитивный крик. Его тело прекращало содрогаться, и я сильнее сжала его своими ногами.

Он приподнялся на локтях, грудь его покрылась испариной, и потянулся к моему виску. Он погладил меня по щеке, вытирая слезы - я даже не знала, что все еще плакала. Наши взгляды все еще были прикованы друг к другу, мы думали об одном.

Он мягко улыбнулся и недоверчиво усмехнулся. Он принял водить по моему лицу пальцем, как будто пытался запомнить каждую черточку для скульптуры. Матео остановился на моих губах, а затем поцеловал меня, страсть еще не угасла между нами.

- Вот это настоящая сиеста, - сказал он тихо, словно мы были здесь не одни.

Я хихикнула и улыбнулась, положив руки ему на грудь, ощущая гладкость его кожи, упругость мышц и тепло солнца. - Эта сиеста мне намного больше нравится.

На мгновение солнце скрыла туча.

Его улыбка стала грустной, и он вздохнул. - Я не могу позволить тебе уйти, Вера.

Вдруг я почувствовала всю тяжесть мира, нашего мира. - Я не думаю, что мы сможем остаться здесь навсегда. У меня сессия с Лягушатником, то есть с Хосе Карлосом.

Он протянул руку и провел вниз по моей щеке, так нежно, как будто крыльями бабочки. - Я не могу позволить тебе покинуть Испанию. Я не могу... не могу позволить тебе оставить меня. - Он глубоко вздохнул и плотно поджал губы.

Я чувствовала, как разбивается мое сердце. - Я хотела бы остаться...

- Тогда оставайся, - сказал он. - Сделай выбор.

Я кинула на него удивленный взгляд. - Но это невозможно.

- Ты все время говоришь, что это невозможно, - сказал он. - Тебе не хватает веры. Ты веришь в звезды, но не в нас.

- Нет нас. Ты... черт побери, я не хочу больше ничего говорить.

- Я женат, знаю. Но...

- Нет, - вскрикнула я, и мои руки сжались в кулак. - Я даже не хочу об этом говорить. Это меня убивает, Матео. Я даже не хочу об этом думать, потому что ничего из этого не выйдет. Я не могу остаться здесь. У меня нет денег. Я не могу позволить себе оставаться в этой стране столько, сколько захочу. Я должна ехать домой. Ты должен вернуться к семье. К своей дочери. К своей жене. В свою Вселенную.

Он нахмурился в замешательстве. - Я говорил тебе, что мы создадим новую. И я хочу, чтобы ты была в ней. В центре.

В его глазах было столько веры в свои слова, столько осуждения, что это причиняло мне боль.

- И что ты предлагаешь?

- Я не знаю, - его голос был полон отчаяния. - Я не знаю. Но... если бы ты осталась, мы что-нибудь придумали бы.

- Матео, - медленно произнесла я, чувствуя страх и безнадежность. Я не хотела бросать его, но и его любовницей я себя не представляла. Почему все так сложно? Матео говорил, что в настоящих отношениях не бывает просто? И у нас был полный пиздец в этом отношении.

Но Матео был охвачен страстью. Теперь он был полон жизни, к чему мы оба стремились все эти годы.

Он прислонился лбом к моему, нос к носу, и закрыл глаза. - Ты принесла свет в мою жизнь. Когда ты уйдешь, останется лишь черная дыра внутри меня. Ты заберешь мое сердце с собой. - Его дыхание углубилось, и он посмотрел мне в глаза. - Вера, я люблю тебя.

Теперь я чувствовала, что потерялась в космосе. Я не могла ни о чем думать, только о его словах.

Он убрал волосы с моего лица. - Я люблю тебя. - Затем он поцеловал меня в лоб: долго, его губы были теплые и сладкие. Я хотела большего, у меня словно выросли крылья.

Но я не могла. Я отдохнула и сказала. - Ты не можешь, - прохрипела я. - Ты не знаешь меня.

Он улыбнулся. - Я тебя знаю.

- Прошло мало времени.

- Я не оглядываюсь на время, - уверено сказал он. - Если я говорю, что знаю, значит так и есть. Теперь я знаю, что такое любовь. И я люблю тебя. И я не представляю, как вернусь к той жизни, что была у меня прежде, потому что это была и не жизнь вовсе. А существование. Я просто проживал дни, чувствуя, как она проходит мимо меня. - Он положил свою большую ладонь мне на сердце. - Ты заставила меня не жить день ото дня. Ты заставила меня дорожить ими.

- И теперь мы оба должны отпустить это, - сказала я с такой убежденностью, какую только смогла в себя найти, хотя и чувствовала, как разбивается мое сердце от этих слов.

На его лице отразилась боль, и я поразилась этой несправедливости. Почему он не был свободен? Почему я не могла быть старше или он моложе, почему мы не могли встретиться с ним в другое время? Как бы было чертовски хорошо.

Было бы чертовски хорошо.

Я закрыла глаза и почувствовала, как снова подступили слезы.

- Тише, - сказал он мягко. - Не плачь, или я тоже буду плакать.

Я старалась. Я пыталась сдерживать их. Но стоило подумать о будущем, и меня охватила тоска. Хлынули слезы. Я начала всхлипывать. Матео перевернулся и притянул меня к груди. Поцеловал меня в макушку и положил подбородок так, что я могла рыдать у него на шее и груди.

Он держал меня, ничего не говоря, просто позволяя мне выплакаться. Мы вот так лежали в траве, пока не высохли слезы. Мы знали, что, несмотря на все наши проблемы, нас ждали раздраженные англичане и испанцы на курорте.

Было тяжело уходить. Было тяжело одеваться и собираться прожить этот день, а потом следующий и следующий. Я, как и Матео, боялась этого.

Но мы должны были. Мы оба знали, что надо.

Он схватил меня за руку, и мы вместе двинулись с поля к курорту. Какая-то часть меня надеялась, что там что-то поменялось, и мы сможем побывать вместе чуть дольше сегодня. Но как только показались остальные, он отпустил мою руку.

Мы снова были по отдельности. Спрятав наши чувства.

Теперь это было тайной.

И у нас не было времени.

Глава 16

Остаток дня прошел как обычно, но было такое чувство, как будто вся моя жизнь изменилась. Я проживала этот день сессий, не слушая и не видя. Я снова и снова воспроизвела в голове этот образ: мы с ним на траве, он сверху и невероятно голубое небо за ним. Я все еще могла почувствовать его тяжесть, тепло между ног, ощутить его внутри себя. Я знала, что он имеет полное право быть у меня внутри, чтобы наша кожа соприкасалась.

Еще перед ужином он снова нашел меня на лужайке, где я сидела в оцепенении, скрестив ноги, и смотрела в пустоту, пытаясь осмысливать все эмоции, которые ускользали от меня все эти годы.

Ничего не говоря, он протянул руку и поднял меня на ноги. Но одной его руки на моей мне было больше недостаточно. Я хотела получить всего его, не меньше. Но как бы мне не хотелось поцеловать его, обнять, снять с него одежду и скакать на нем - я не могла. Не сейчас, не здесь. Если на поле у нас была одна Вселенная, то здесь другая.

- Я подумал, что возможно ты захочешь поужинать со мной, - сказал он с улыбкой. Глаза его светились счастьем, и я задалась вопросом: он натянул маску, поскольку смирился, или просто хочет отлично провести время, которое нам отпущено.

Я хотела сделать то же самое, но сердце воспротивилось.

- Я уже и не могу представить ужин без тебя, - сказала я ему.

Взгляд его смягчился, уголки губ дрогнули. Он кивнул и отпустил мою руку, переместив ее на поясницу, направившись к столовой.

Столовая была переполнена. С одной стороны собрались все англичане, с другой - испанцы. Джерри налил себе большой бокал вина, он стоял с Уэйном, и, казалось, его ничего не заботит.

Как обычно Клаудия заняла для нас место вместе с Рикардо.

Я была уверена, что стоит ей только посмотреть на нас с Матео, и она обо всем догадается. Мне казалось это таким очевидным, как будто я была одета в футболку «Я трахалась с Матео Казаллесом», а он - «Я люблю Веру». Ничего подобного. Клаудия сама казалась возбужденной и еще даже не коснулась вина.

- Ты в хорошем настроении, - заметила я, - особенно если учесть, что вскоре мы все должны будем сказать друг другу «прощай».

- А ты такая несчастная, - сказала она.

Матео приподнял бровь, услужливо наливая мне вино в бокал. - Несчастная? А как по-твоему быть счастливой - носиться как пчелка?

Я улыбнулась в ответ. - Все не могут быть счастливы.

Он фыркнул. - Вера, это ужасно. Ты не должна быть несчастной.

- Вот и хорошо, - сказала Клаудия. - Хотя ты права, я ужасно буду по вам скучать. Но я не хочу даже об этом думать, поэтому давайте так и сделаем, хорошо?

- Согласна, - сказала я.

Они с Рикардо обменялись ликующими взглядами. - Рикардо, - медленно проговорила она со светящимися глазами, потом повернулась к нам, - его перевели в Мадрид по работе.

- Да здравствует Валенсия, - сказал он с широченной улыбкой.

- В Валенсии красиво, - сказал Матео.

- Да, но Клаудия в Мадриде, - ответил Рикардо. - В любом случае моя аренда заканчивается - это время перемен. Думаю, я буду любоваться Мадридом - он хороший.

- Мадрид хороший, даже слишком. - Матео и не заметил, как втянулся.

Говорили о несчастье. Я знала, что для Клаудии это радостная весть, и я действительно была рада за нее. Но то, что они могли быть вместе и теперь перебирались поближе... чертовски задело. Я знала, что Матео чувствует то же самое. Он положил свою руку мне на бедро и легонько шлепнул, не переставая улыбаться счастливой парочке.

- Это потрясающая новость, - успела я сказать, подражая тону Матео. - Очень рада за вас, ребята.

Я никогда не была хорошей лгуньей. И Клаудия могла раскусить меня за ужином, только заглянув мне в глаза. Когда мы закончили, то должны были разойтись для

подготовки презентации нашей группы, но она оттащила меня в сторону и попыталась допросить. Я сказала, что мне просто грустно из-за расставания. Она знала, что я вру, но была хорошей подругой, чтобы не допытываться.

С презентацией выступали испанцы. В моей группе были еще Тайлер (тьфу), Хорхе и Эдуардо, Тайлер помогал другим с выступлением и все. Их презентации должны быть посвящены работе, но при этом они были вольны делать все, что угодно, и Эдуардо сделал викторину в стиле Космо.

Ее называли «Какой ты испанец в Лас Палабрасе?», и его презентация проходила в виде викторины, которая и разъясняла суть его работы. Там были «сексуальная маньячка», гордо провозглашенная категория «хочу все знать», «тайный», «свободный духом», «подлиза», «пьяное животное», «кофеин», «сумасшедший», «английский спорщик» и «знаменитость», которая, конечно же, досталась Матео. Пройдя викторину, я стала «секс-маньячкой» - это уж слишком. Так и подмывало сказать, что это было подстроено.

Испанцы тратили на презентацию четыре-пять минут, это означало, что мы проторчим здесь около двух часов. Как бы я не любила своих испанских друзей, некоторые были настолько скучные, что я заснула в кресле.

Пока не настала очередь Матео, он выступал предпоследним. Мы не говорили с ним об этом, ну знаете секс и все такое, так что я понятия не имела о чем она.

Я пребывала в шоке, когда он вытер насухо доску на стене и стал указывать на людей, попросив их называть созвездия. Беатрис назвала Деву, и он в точности изобразил ее, в том числе соединяющие линии. Ангел назвал Большую Медведицу, и Матео изобразил и ее. Эд велел ему нарисовать Ориона, что было не так просто, как вы думаете, и он сделал это в совершенстве, не отрывая руки. Пока он рисовал, то рассказал историю каждого из них, мифы. Когда дело коснулось Льва, он повторил мою историю робкого львенка Ламберта, потом усмехнулся и принялся рассказывать подлинную.

Когда он закончил, то положил маркер и показал нам руки.

- Ибо человек всегда может ориентироваться по звездам, - сказал он голосом учителя, обводя всех нас взглядом по очереди как профи. - Но я не верю в это. Звезды не только помогают нам в пути, но осмелюсь сказать, что все мы здесь стали жертвой какой-то небесной судьбы. Возможно, мы все были обречены встретиться, чтобы быть здесь друг с другом, но именно нам решать, светить или нет. Звезды можно достать. Они не являются неприкасаемыми. И они не управляют нами. Я просто взял концепцию звезд и сделал их своими. - Он взмахнул рукой, указывая на звездную стену. - Я просто создал свою собственную Вселенную в этой комнате, здесь. Когда мы все разъедемся, я призываю вас сделать то же самое. Создать собственную Вселенную, сделайте собственные звезды, напишите свою историю и создайте свою судьбу.

Я была поражена тем, что он так быстро впитал знания, которые получил на практике, что не сразу заметила, что он сошел со сцены, а все ему хлопали.

Я вышла из оцепенения. Затем встала и принялась очень громко хлопать, поощряя аплодисменты. Я встретила несколько любопытных глаз. Мне казалось, что люди замерли, но это неважно. Я видела как Матео сел впереди меня, и могла бы поклясться, что его лицо стало красным от неловкости - восхитительно.

Когда прошла последняя презентация, я оттащила его в сторону и притянула его голову для поцелуя. Я смогла сдержаться, чтобы не схватить его за руку.

- Это было удивительно, - хмыкнула я, ощущая каждого, проходящего мимо нас, вероятно, все направлялись к бару.

Он довольно улыбнулся. - Я рад, что ты так думаешь.

- Где ты узнал все это?

- Я нашел National Geographic в стопке журналов на столике в холле, - сказал он. - Думаю, я хотел произвести на тебя впечатление. Снова. Менее болезненным способом в этот раз.

Я не могла убрать с лица улыбку. - Ну, ты произвел на меня впечатление. Оба раза.

И час назад, в поле, у меня был лучший секс в моей жизни, и я бы сказала ему об этом, если бы не Уэйн, околачивающийся совсем рядом.

Я посмотрела на Уэйна, и тот выдавил неуверенную улыбку. - Мне жаль встrevать,

Матео! Я подумал, что, возможно, мы могли бы закончить начатое ранее. - Он посмотрел на меня. - Скучное дело дрянь. Ты не возражаешь, Вера?

Конечно, я, черт возьми, только за. День заканчивался, а у меня осталось куча всего, что я хотела бы сделать и сказать Матео, пока тот еще был здесь.

Я видела, как Матео нахмурил лоб, решая, что сказать Уэйну: «да» или «нет».

Я вздохнула и положила руку на плечо Матео, сжимая его. Я должна принять решение за него. - Увидимся завтра, хорошо?

Лицо его вытянулось, глаза забегали.

Если Уэйн и заметил, то ему было все равно. - Спасибо, Вера, - произнес он медленно.

Я натянуто улыбнулась и поспешила к судьбоносной лестнице. Все были в баре: слушали музыку, танцевали, смеялись - этого уже не будет завтра, я решила, что не пойду. Я не могла притворяться. Я пошла прямо домой, переоделась в мальчишеские шорты с футболкой и скользнула под одеяло.

Это будет завтра. Очень скоро.

Я легла на спину и уставилась в потолок, иногда до меня доносились через открытое окно смех и музыка. Меня же окружали холодные, серые стены. Слишком много чувств пробирались ко мне, как крошечные насекомые, прилетевшие со стороны отеля. Мне ненавистна была мысль, что эта моя предпоследняя ночь в этой кровати, в этой комнате, которую я уже считала своей. Я боялась того, что ожидает меня дома, за пределами Испании, смогу ли я снова чувствовать вдали от этого места. Я завидовала Клаудии и Рикардо, которые могли быть вместе. Я чувствовала себя одинокой, лежа вот так в постели, и знала, что еще будет немало таких ночей.

И я была зла. Я была зла на Матео за то, что набросилась на него и что сделала это так поздно. Я злилась на несправедливость в жизни: как она могла подарить мне человека, с которым я ощущала всю полноту чувств, но он не может быть только моим. Меня не волнуют слова Матео, что он хочет быть со мной. Этого не могло случиться, и он только обманывает себя, думая иначе. Если он осознает, что это невозможно, то разозлится.

Я не знаю, как долго так пролежала, позволяя чувствам терзать себя, пока полностью не оцепенела, но это было достаточно долго, чтобы услышать, как музыка стихла. А затем раздался стук в дверь.

Я встала и осторожно открыла дверь, просунула голову, ожидая увидеть снова здесь вечеринку в моей гостиной. Вместо этого я увидела Сару в одном халатике, которая открыла дверь Матео в ночи.

- Я сожалею, - он извинялся перед ней, хотя его глаза уже были на мне. - Я пришел, чтобы поговорить с Верой.

Сара смотрела на меня, ожидая ответа, не говоря ни слова. Я кивнула ей. Она слабо улыбнулась нам обоим и вернулась в свою комнату.

Я должна была злиться на него за то, что разбудил ее, но я еще никогда в жизни не радовалась так кому-то. Я стояла, дрожа от предвкушения, пока он закрывал двери. Сердце бешено колотилось. Было такое чувство, что оно рухнуло с пятиэтажки.

Я успокоила свои нервы и отступила на шаг от двери, пропуская его в свою комнату. Повернулась, чтобы закрыть дверь и прежде чем успела сделать это, он запустил руки мне в волосы и обнял за талию. Я прижалась к нему, его рот жадно искал мой.

- Вера, - прошептал он мне в рот, его губы были теплые, со вкусом корицы. - Я не мог не прийти.

- Я рада, что ты пришел, - сказала я, затаив дыхание, это еще мягко сказано. Я замерла, когда он принялся целовать мне шею. Его рука пробралась мне под футболку и обхватила грудь, я чувствовала, как его пальцы перекатывают мои соски и снова, до тех пор, пока жар между ног не достиг пика.

- Я такая чертовски влажная для тебя, - сказала я, проводя языком по его уху. Я не знала, был ли он готов к грязным разговорам, но решила его испытать.

Он даже не дрогнул. - Позволишь мне попробовать.

Он стянул свою футболку через голову, а его язык проложил дорожку вниз к моей груди, спускаясь к животу. Он встал на колени, дернул мои шорты вниз и швырнул их

через комнату. Затем взял мою правую ногу и положил себе на плечо. Я положила одну руку на дверь, чтобы удерживать равновесие, а другую запустила ему в волосы. Он работал языком у меня между ног, медленно лизал внутреннюю поверхность моего бедра, дразня меня. Его щетина была невероятно грубой для моей чувствительной кожи, щекоча ее.

Наконец, его язык добрался до центра, как я и сказала – я была вся мокрая. Он пробовал меня на вкус, весь такой ненасытный. Оргазм был уже близко, когда он отстранился. Я уставилась в его темные глаза: они горели, а рот блестел в холодном свете.

- Я хочу проникнуть глубже, - сказал он, не отводя глаз. Он поднялся и взял меня на руки. Я тихонько взвизгнула, когда он пересек залитую лунным светом комнату и бросил меня на кровать.

Я приземлилась на задницу, мои груди подпрыгнули, и он схватил меня за бедра и грубо толкнул к краю кровати, ногами по обе стороны от его головы. Боже, мне нравился доминирующий Матео.

Он вернулся к своему занятию, приподняв мою попку и не сводя с меня глаз. Его длинный язык проник внутрь и принял лизать меня. Я автоматически вцепилась в простыни, мне приходилось сдерживаться, чтобы не кончить слишком рано, но потом я расслабилась, как только решила хер с ним.

Волна захлестнула меня, я широко открыла рот и тихо застонала, моя голова моталась из стороны в сторону. Я почти ощущала оргазм, бля, настоящий экзорцизм вне тела. Я едва оправилась, когда он поцеловал меня в губы и тот же язык проник в рот.

Он наклонился над моим обнаженным телом, убирая волосы с моего лица.

- Ты в порядке? - прошептал он, глядываясь в мое лицо.

Я кивнула. – В порядке. – Мои губы медленно растянулись в улыбке. – Я знала, что так будет. Но только один раз.

Он покачал головой и испустил тихий смешок. – Нет. Нет, это не все. Я буду с тобой, пока могу.

Уголки моего рта опустились от нахлынувшей меланхолии. Я коснулась его подбородка, провела по щетине и спине. – Даже странно, что мы не занимались этим раньше.

- Да, - прошептал он, целуя меня в лоб. – Но хорошее дело требует времени. Я жалею, что так мало времени проводил с тобой – вернуть бы сейчас все назад. Все к этому шло. Делало нас ближе. Я видел то, что хотел.

Я положила руку ему на затылок и притянула ближе, захватив его губу, затем принялась мягко, нежно покусывать. Я сняла его рубашку, затем штаны, и он быстро надел презерватив. С лунным светом у него за спиной он выглядел, как произведение искусства, силуэт из прекрасно сложенного величия и мышц.

Мы оба лежали на кровати, когда он повернул меня на бок и вошел сзади, одной рукой он держал мою у нас над головами, и я переплела наши пальцы. Он не ошибался насчет испанцев: они трахались и занимались любовью одновременно. Он был горячим и пылким, и я не могла насытиться им, он стонал у самого моего уха. И в тоже время мне было уютно с ним, с каждой минутой мы приближались к краю, я ощущала, как падаю в бездну любви с ним.

Мы пришли к финалу вместе, оргазм накатывал волнами, выбивая меня из реальности – две звезды. Жаль, что он надел презерватив, так бы я смогла полностью его прочувствовать. Я хотела большего, всего его.

Я была ненасытной.

Мы поспали всего несколько часов, пока луна не исчезла с неба. В остальное время мы занимались любовью в надежде, что ночь никогда не кончится.

Но, в конце концов, взошло солнце, и петух с далекой фермы напомнил нам, что наш последний полноценный день вместе наступил.

***

На следующий день, последний день, времени у нас было в обрез. Ранним утром

Матео поцеловал меня на прощание и вернулся в свою комнату. И хотя Сара видела нас вместе, все же необходимо было соблюдать осторожность. Она не могла ничего доказать, лишь потому что видела, как он входит в мою комнату (возможно, она даже слышала наше животное совокупление), и хотя я доверяла Саре, нас мог заметить кто-то еще.

И вот, в последний день, мы должны были притворяться, что между нами ничего не происходит. Мне казалось, что это будет нетрудно сделать, в конце концов, я последний месяц только и делала, что притворялась. Но это было не так. Я кожей чувствовала его присутствие, сердце мучительно ныло, когда он был так близко и в то же время так далеко. Мы лишь обменивались понимающими взглядами в дальнем конце комнаты и хитро улыбались, предчувствуя воссоединение.

Все это было неправильно как-то. У меня остались еще вопросы к Матео, и я отдала ему сердце, совсем пропав. Может так будет лучше в итоге, но куда бы я ни глянула, везде видела печаль в глазах испанцев и англичан от предстоящего расставания. Нам всем было плохо: все чувствовали боль внутри, было такое ощущение, что уже не будет так, как раньше.

Каждая сессия, что у меня была, была пропитана горечью и радостью. Беатрис была необыкновенно возбуждена: она переплела свои изящные пальцы с пальцами Ангела, который без умолку продолжал болтать о том, что он теряет; Антонио, который продолжал заставлять меня смеяться над его шутками, и тут я осознала, как сильно буду скучать по ним.

За обедом я сидела с Матео, Полли и Эдуардо. В середине Джерри встал и начал петь акапельно. Все были в шоке - насколько хорошо мог петь такой лох, как Джерри, некоторые даже прослезились. Песня была на испанском, и Матео рассказал мне, что это известная прощальная песня. Я это уже поняла по приглушенной интонации и сладкому, чистому звуку.

Трудно было постоянно не пялиться на Матео. Мне нужно было постоянно напоминать себе, где я нахожусь. Наш столик был в задней части комнаты: мы сидели спиной к стене и время от времени держали друг друга за руки под столом. Прикосновение к его коже успокаивало меня. Это напоминало мне, что он был реален и сейчас был здесь, но скоро уйдет.

После обеда Джерри отменил последнее свободное время и раздал ручки и листовку с программным логотипом на ней. Он дал нам полчаса на то, чтобы обойти комнаты и взять номера телефонов. Потом мы все должны были выйти на газон для общей фотографии.

С ручкой в руке я сразу же посмотрела на Матео. И попыталась сглотнуть. - Я думаю, мы должны обменяться данными.

Он кивнул мне с сияющими глазами. - Конечно.

Он написал адрес и легонько постучал по нему пальцем. - Это частный дом. - Затем он записал свой номер телефона. - На него можно звонить и из-за границы. Ты можешь писать мне в любое время.

Это поразило меня, как удар молнии. Сообщения. Мы собирались видеться каждый день, но ни хрена подобного - только сообщения.

- Все будет хорошо, Вера, - сказал он низким голосом. - Помни мою презентацию, которая тебя так впечатлила.

- Ты говорил, что мы можем написать нашу собственную судьбу, - сказала я, чувствуя себя слишком измученной, чтобы вот так сразу поверить в это.

- Я говорю, - сказал он осторожно, - что это еще не конец истории. Не так, как я вижу это.

- Эй, я хотел бы узнать ваши данные, ребята, - сказал Эдуардо, подходя и прерывая нас. - Facebook, если он у вас есть.

Я сделала шаг назад от Матео, осознавая теперь, что мы стоим слишком близко, и посмотрела на него, что он ответит.

Матео натянуто улыбнулся ему. - Я не зарегистрирован на Facebook, если ты можешь в это поверить. Я слишком стар для этого.

- Я могу в это поверить, - сказал Эдуардо мягко. Хотя Матео и принял шутку - я заметила, как тень мелькнула в его глазах.

Я обменялась данными с Полли, которая, казалось, тоже переживает

эмоциональное потрясение от расставания с Эдуардо. Мы ходили по залу и обменивались электронной почтой, Facebook и номерами телефона. Я давала почти все.

Даже Лорен.

Мы не собирались подходить друг к другу, но я столкнулась с ней, когда выходила из туалета. Я хотела отступить, чтобы пропустить ее без лишних разговоров. Но я не могла.

- Эй, - позвала я ее, когда она проходила мимо.

Она медленно обернулась и посмотрела на меня едким взглядом. Через стекла ее очков, я смогла рассмотреть красные, опухшие от слез глаза.

- Ты в порядке? - спросила я неуверенно. Я ничего не могла с собой поделать.

Она шмыгнула носом и покачала головой. Затем, словно вспомнила, с кем разговаривает, она выпрямила спину, а выражение лица стало жестким. - А ты в порядке?

- переспросила она.

- Нет, - честно призналась я.

Она посмотрела на меня довольная. - Хорошо. Ты и сама знаешь. - Она повернулась и толкнула дверь в туалет. Я слышала, как она пробормотала про себя, когда уходила: «Конечно, вы могли бы создать свое собственное дело».

Ага. Понеслось про мою сексуальную жизнь, в этом и была вся Лорен: шлюха - позор для феминисток. Я вспомнила первый совет Габби, когда она привезла меня к автобусу. «Не влюбляйся», - сказала она тогда. Она точно знала, что происходит в Лас Палабрас каждую программу. Это заставило меня задаться вопросом: почему здесь не снимают реалити-шоу.

Когда мы сумели обуздать чувства, то все собрались на лужайке для общей фотографии. Это был чистый хаос. Эдуардо, Сэмми, Ангел и Карлос Лягушатник улеглись на травке, подражая моделям 70-х на фоне пентхауса, в то время как остальные прижимались друг другу и смеялись.

С одной стороны от меня была Клаудия, с другой Матео. Он обнимал меня, как будто мы были парой. Я почувствовала, как мои щеки заливают краска, и была уверена, что до смешного широко улыбалась. Только когда камера прекратила снимать, я поняла, что он обнимает Эда с другой стороны - думаю, чтобы это выглядело не так подозрительно.

Это не имело значение. Мы все собрались здесь. И это та фотография, которую я бы хотела видеть у себя на стене, чтобы смотреть на нее каждый раз, когда почувствую себя одинокой. Я буду смотреть на нее и понимать, что за один месяц у меня появились семья, друзья, и я познала любовь. Возбуждение на моем лице говорило само за себя. Я получу снимок в течение нескольких дней, и я уже предвкушала радость и боль, который он принесет.

Последние бизнес-сессии были отменены и Джерри сказал, что мы можем делать все, что захотим, но должны были вернуться к ужину в шесть. Чуть позже вечером испанцы пригласили певцов, чтобы таким образом отблагодарить англичан за обучение.

Я чувствовала, что должно быть наоборот - это я должна была благодарить испанцев за то, что научили меня жить и любить.

Но я всегда могла оставаться с Матео. Как только Джерри дал нам свободное время, мы устремились друг к другу, чтобы хоть несколько часов побывать вместе. Мы шли к его коттеджу: Сара и Нира вернулись в свой. Мы пошли в его квартиру, но там уже был Марк/Марти с ребятами, распивающими пиво. Они пригласили нас присоединиться, но нам было не до этого.

Мы пошли обратно вниз по дороге, к столовой. Матео взял несколько подушек с кресла и помахал мне ими. – Как в старые добрые времена, - сказал он. Он подошел к дереву и бросил их на землю.

Нам не хватило уединения, чтобы заняться тем, чего мы на самом деле хотели, но, по крайней мере, хоть что-то было.

Мы улеглись на землю, как можно ближе друг к другу. Он лежал на спине, глядя в небо, а я перевернулась на бок, подперев голову рукой. Я просто хотела смотреть на него так долго, как смогу, упиваясь его отличительными чертами, которых не было у других: на его длинные темные ресницы, как они слиплись на концах, на шелковистый блеск его черных бровей, крошечные белые шрамы, бронзовые скулы, соль на висках.

- Тебе нравится то, что ты видишь? - спросил он, повернув голову на бок, чтобы видеть меня.

Я усмехнулась, чувствуя порхание бабочек в груди. - Всегда.

Легкость между нами исчезла. Это стало опасным, снова.

Я прочистила горло, чтобы взбодриться. - Помнишь, как ты сказал, что собираешься задавать мне по вопросу каждый день? И ты сказал, что я получу ответ на свой вопрос в конце?

Он поджал губы в притворном раздумье. - Да, я, кажется, припоминаю что-то такое.

- Ну, мой двадцатый вопрос. Прямо сейчас.

- Но у нас же сиеста?

Я лукаво улыбнулась. - Мы можем устроить сиесту сегодня вечером. Вместе... со всем остальным.

Он кивнул. - Справедливо. Спрашивай.

Итак, я задала свои двадцать вопросов и получила двадцать ответов. Были вопросы сексуального характера: как и когда он потерял девственность (в четырнадцать с Барбарой Лопес, после уроков в тренажерном зале), был ли у него когда-нибудь секс втроем (два раза в двадцать с лишним лет, после футбольных матчей), самая извращенная вещь, которую он когда-либо делал (мастурбировал, наблюдая, как его товарищ по команде занимается анальным сексом), самый необычный его секс (в парке аттракционов Тибидабо в Барселоне). Когда я достаточно возбудилась от таких вопросов, то перешла на личные: его первым питомцем был золотистый лабрадор по кличке Педро, его любимым предметом в школе была физкультура (ну конечно) и история (а это интересно). Лучшее воспоминание из детства - рыбалка с отцом у Гибралтара. Заметив, что он не рассказывает про мать, я спросила, как ее зовут. Сандра, и она умерла от рака, когда ему было только три года, отец женился во второй раз и у него есть только сводная сестра - Лючия.

- Твое любимое воспоминание? - спросила я, когда закончились вопросы.

- Мое первое любимое воспоминание – день, когда родилась Хлоя Энн, - сказал он, улыбаясь своим воспоминаниям. - Меня не пустили туда, и я расхаживал весь день по коридору, сходя с ума. Это было нелегко. Но когда я увидел ее красное лицо... то не мог ей налюбоваться. Я пообещал себе, что сделаю все, чтобы она была счастлива, беречь ее, чего бы мне это не стоило. И я сделал это.

Он был раздосадован, слышалось напряжение в его голосе, а взгляд был устремлен вдаль. Я смотрела на него, не желая нарушать молчание.

Наконец он повернулся ко мне и сказал. - Ты хочешь услышать о моем втором любимом воспоминании?

Я кивнула.

- Это, - сказал он, указывая на меня. - Все это, вся ты. Здесь.

- Это еще не воспоминание, - прошептала я.

- Но станет. Послезавтра это станет воспоминанием. - Его глаза стали полны грусти. - Ты и я, мы станем лишь воспоминанием.

Меня убивали. Черт. И самое обидное, что это правда. Я больше всего хотела, чтобы сейчас он шептал мне ушко обнадеживающие слова, что ничего не изменится. Но я только обманывала саму себя.

- Я хочу поцеловать тебя прямо сейчас, - тихо сказала я, желая коснуться его.

- Так сделай это, - сказал он с серьезным лицом, - и я буду с радостью страдать от последствий.

Но я не могла. Встречаться тайно - это одно дело. Но другое дело у всех на виду, особенно с тем, кто в Испании очень часто появляется на публике: сплетни, пересуды.

Поэтому я просто смотрела на него, а он смотрел на меня, и мы лежали на траве в последнюю сиесту в Лас Палабрас.

Глава 17

Я не знала, как другие провели эту ночь. Это было полнейшее безумие, эмоциональный срыв со слезами, еще хуже, чем любой эпизод «Анатомии страсти».

Все началось с представления после ужина. Мануэль играл на гитаре, Нира сольно танцевала фламенко в платье, Джерри пел еще одну песню. Вскоре к ним присоединились Сара, Беатрис, Антонио, Карлос Лягушатник, а Хорхе стоял за ними и громко хлопал в такт музыке.

После этого никто не мог сдержать слез, правда, кто-то рассмеялся после того, как Ангел вручил англичанам крошечные фигурки бронзовой свиньи с выгравированной на них надписью «Акантиладо». Он пожал мне руку и всем остальным, сказав лично каждому, со слезами на глазах, что испанцы благодарили нас за проделанную работу и что по нам будут ужасно скучать.

Я сжимала в руках холодный металл свиньи и смотрела на Матео, сидящего рядом со мной, думая, что скоро его потеряю.

Он улыбнулся мне. - На память о нас.

Моя нижняя губа дрогнула. Я посмотрела через стол на Клаудию и Рикардо, которые улыбались мне, в их глазах также наворачивались слезы.

Как я уже сказала, здесь все плакали. С наступлением ночи все стало только хуже, полилась сангрия. Все были пьяны. Я видела Лорен и Тайлер, обнимающихся и плачущих одновременно (что было непривычно), Антонио спрятался в туалете и вытирая слезы свитером Карлоса Лягушатника, Ангел не терял времени и признался в любви Сэмми, к счастью, она ответила тем же, затем последовал долгий, но неловкий поцелуй.

Ко мне подходили люди и говорили, что им жаль, что они так и не узнали меня лучше, другие говорили, что никогда не забудут меня. И чем больше я поглощала сангрии и пива, тем чаще стала замечать, что порю ту же чушь. У всех были красные носы и потекшая тушь. Мы давали обещания.

Мое сердце разрывалось между тем, чтобы оставаться там со всеми и тем, чтобы побывать с Матео. Когда я не смогла больше ждать, то направилась к нему - он о чем-то разговаривал с Эдом и Хорхе у двери.

- Ты просил меня более подробно рассказать тебе о звездах, - сказала я Матео с нажимом.

Он кивнул Хорхе и Эду, сдерживая улыбку. - Простите меня, джентльмены.

Мы вместе вышли в темноту ночи и скрылись в моей спальне.

Мы рухнули на кровать: наша страсть отгоняла нашу грусть, губы и руки жаждали удовольствий, которые мы могли дать друг другу. Я забыла про слезы, отложила все мысли в сторону и решила просто жить. Это был простой, первобытный секс.

- Ты еще видишь звезды? - спросила я, когда он вышел из меня, его большой палец ласкал мой клитор, доводя до безумия.

- Только тебя, - простонал он мне на ухо. - Моя Эстрелла.

Несколько часов спустя, когда мы были, наконец, удовлетворены, наши вспотевшие и пресыщенные тела устроились под одеялом. Я положила голову на сгибе руки и водила пальцем по волосам на его груди, спускаясь ниже, к его прекрасному, но истощенному члену. Я пыталась жить этим моментом, но он ускользал от нас, как и стрелки на часах, и я знала, что завтра вечером этого не будет, я буду спать в самолете.

Я больше никогда не смогу пережить такое.

Я тихо плакала до тех пор, пока из моей груди не вырвались рыдания. Я была полностью разбита.

Матео нежно поцеловал дорожку слез и сильными руками прижал к груди. Я слышала, как громко бьется его сердце, чувствовала запах океана и мускуса. Он провел рукой по моей спине и поцеловал макушку.

- Будут ночи, когда ты будешь чувствовать себя одинокой и потерянной, - прошептал он в мои волосы. - Когда я буду чувствовать себя одиноким и потерянным. Когда это произойдет, я хочу, чтобы мы оба вспоминали этот момент, возвращались мыслями обратно в эту комнату. Где мы не одиноки. Где мы друг друга нашли.

Я проглотила ком в горле. - Я надеюсь, что этого будет достаточно.

- Этого никогда не будет достаточно, - сказал он.

Я заснула в его объятиях.

***

Мимо проносились сухая местность, золотые поля, старые каменные амбары и облупившиеся стены. Стало попадаться больше заправок, домов, дворов, больше заборов. Больше движения, людей, бетонных дорог. Мы приближались к Мадриду, моя любовь и жизнь оставались позади.

Мы сидели в конце автобуса, и я положила голову на плечо Матео. Я поняла, никого это не заботит. Все испанцы и англичане были погружены в собственные чувства либо пытались справиться с похмельем. Некоторые, такие как заплаканный Эдуардо, которого уже стощнило в пакет, казалось, имели дело и с тем, и другим. Испанцы и не собирались сдерживать эмоции. Я буду скучать по ним.

Не было такого, за чем бы я не скучала...

В то утро мы оба пропустили завтрак, потому что нам было не до этого. Времени и так не оставалось. К десяти часам мы все собирались у автобуса и в последний раз посмотрели на Лас Палабрас. Ну, если мы снова не вернемся. Но даже у Бэкки блестели глаза и каждый раз, приезжая сюда, она прощалась снова и снова. И я могла бы вернуться в Лас Палабрас снова. Но только бы новые люди.

И не было бы Матео Казаллеса.

Когда мы приблизились к городу, водитель, Маноло, решил включить радио, чтобы попробовать поднять настроение людям. К сожалению, Lana Del Rey с песней «Летняя грусть» пришла не к месту. Совершенно неподходящая песня.

«Поцелуй меня крепко перед тем, как уйти», - пел ее нежный голос. Слова были слишком реальны и звучали резко, напомнив о доме. Снова полились слезы, рухнула еще одна платина.

Я встала. - Выключите эту гадость. - Я крикнула Маноло и в гневе села на место. Кажется, кто-то аплодировал. Радио выключили и все, что мы могли слышать, это всхлипывания вокруг.

Я услышала, как Матео тихо хихикнул. Я подняла на него глаза, надеясь, что не сильно залила его пиджак. - Что? - спросила я.

- Я буду скучать по твоим выходкам, - сказал он с едва заметной улыбкой.

Вскоре автобус проезжал мимо университета и многолюдных, шумных, жарких летних улиц города. Движение было невероятно интенсивным, и даже при том, что это могло означать, что я опоздаю на свой самолет, я наслаждалась каждой секундой, когда мы стояли в пробке, словно нам предоставлялась возможность побывать вместе еще чуть-чуть.

Однако затем мы снова продолжили движение.

Время неслось с каждым оборотом колеса. Паника охватила меня и душила. Не будет второго шанса.

Я убедилась, что на нас никто не смотрит. Быстро схватила Матео за подбородок и поцеловала. Поцелуй вышел жесткий, и я едва могла дышать. Слезы снова потекли по щеке к месту соединения наших губ. Соль и печаль.

Я отстранилась, не отпуская Матео, пытаясь сказать то, что раньше не говорила. Его глаза блестели от слез, он собирался мне сказать то же самое. Мы смотрели друг на друга, пока автобус не остановился перед всем знакомым входом в офис Лас Палабрас.

Приехали.

Месяц истек.

Все было кончено.

Мы вышли из автобуса и взяли наши сумки, и началась официальная церемония прощания. Некоторые, как Дэйв, Полли и Бэкка, отправились в бар поесть, пока было время. Другие, быстро попрощавшись, поспешили к встречающим их родным. Немногие, такие как я, Матео, Клаудия и Риккардо, задержались у автобуса. Только они были почти дома. Риккардо хотел поехать в квартиру Клаудии, Матео нужно было домой. Я плохо представляла, где это, но знала, кто будет его ждать.

И я улетала домой. Как бы мне хотелось умереть.

- Когда у тебя рейс? - осторожно спросила Клаудия.

Я разговаривала сквозь боль. – Примерно через два часа или около того. Думаю, мне лучше как можно скорее вызвать такси.

Матео подошел к обочине и, сложив два пальца, громко свистнул, да так, что едва не лопнули барабанные перепонки. Вернувшись ко мне, он сказал. – Говоря об испанском языке, я предполагаю, что никогда не учил тебя бранным словам.

- Puta cona, vete a la mierda, punta, tonta, bastardo, pendajo, chinga tu madre (долбанная шлюха, пошла на хуй, дура, сволочь, тварь, твою мать), - выпалил радостно Рикардо.

- Рикардо! - Клаудия предупреждающе толкнула его в грудь.

Я еще умудрилась рассмеяться, но звучало это фальшиво. Затем к тротуару подъехало такси, и Матео быстро махнул водителю подождать минуту.

Мы так и стояли.

Вот и все. Это был конец.

Заебись.

Я не готова была прощаться.

Я никогда не буду готова попрощаться.

Я так и стояла, глядя на этих троих. Я боялась, что если пошевелюсь, то это будет конец. Я бы вечно так стояла на оживленной улице Мадрида, полной рабочих, спешащих на обед, мне не хотелось прощаться. Мы могли бы уйти и быть счастливы, сохранив любовь и понимание. Если я продолжу стоять там, то больше никогда не буду чувствовать себя одинокой.

Клаудия первой заключила меня в объятия. Она крепко меня обняла, глядя по волосам, улыбка постепенно сходила с ее губ. - Пиши мне каждый день на Facebook, телефонные звонки для меня тоже не проблема. Я люблю тебя, девочка.

Я стиснула челюсть, стараясь держаться. Я могла только кивать и улыбаться. Глаза жгло.

Следующим был Рикардо. Он ничего не сказал. Просто расцеловал меня в обе щеки и похлопал по спине - и все. Но я заметила слезы в его глазах, и этого было достаточно, чтобы задрожал мой подбородок.

Он вернулся к Клаудии, обнял ее и отвел подальше, чтобы оставить нас с Матео наедине.

Теперь я не сдерживала слезы, нос щипало. Я быстро смахнула их рукой и почти улыбнулась при мысли, как я сейчас выгляжу: волосы спутались и прилипли к моему мокрому лицу, нос весь красный и сопливый.

Глаза у Матео были грустные, и он подошел ко мне с распростертыми объятиями. Он прижал меня к себе, обнимая так сильно, как только мог. Я ухватилась за его пиджак, как за спасательный круг, не заботясь о том, что помну его, и крепко держала. Я не могла дышать. Я не слышала, бьется ли мое сердце. Я чувствовала себя, как в ловушке, полной боли, и единственная причина, по которой я не упала на землю и не разбилась, его руки.

Потом я сорвалась на громкий плач, давая выход эмоциям. Я хотела побывать с ним еще, но мое тело воспротивилось, исстрадавшись, и я решила: будь, что будет.

Но так не могло продолжаться. Не здесь. Не сейчас. И уж точно не с ним.

С этим было покончено. С этой маленькой жизнью, что была у меня в течение месяца, было покончено.

Теперь это была просто память.

- Вера, - хрипло произнес Матео мне в ухо, сжимая все крепче. - Не переставай верить в нас.

Затем он расслабился и отпустил меня, сделав шаг назад.

Я судорожно глотала воздух, пытаясь выровнять дыхание. Я уставилась на него, отметив печаль на его лице и сжатую челюсть. Я по-прежнему не могла говорить.

Он поднял руку, чтобы попрощаться.

Мне удалось махнуть в ответ.

Собрав всю силу воли, которая у меня оставалась, я развернулась и пошла к машине. Водитель взял мой рюкзак, бросил его в багажник и жестом предложил сесть на заднее сиденье.

Я приказала себе не оглядываться.

Но все же сделала это.

Матео все еще стоял там, подняв руку. Затем он положил ее на свое сердце.

Мое дыхание сбилось, и я с трудом заставила себя сесть на сиденье. Дверь захлопнулась - барьер между мной и мужчиной, которого я люблю и которого никогда не увижу снова.

Мы тронулись, и я смотрела назад, пока Матео совсем не исчез из виду.

Глава 18

Ванкувер

Я сошла с ума.

Совершенно свихнулась.

После восемнадцати часов без сна, трех пересадок и беспрерывного потока слез, я, наконец, приземлилась в Ванкувере, как зомби, лишенный чувств и онемевший. Это пришлось кстати, несмотря на плохую еду авиакомпании и пиво Даунинг, которым я пыталась приглушить чувства - это не принесло мне никакого психического успокоения. Я продолжала чувствовать эту боль, разъедавшую мой мозг, однако жизнь продолжалась, но я была слишком напугана, чтобы это понять.

Сыграл свою роль и культурный шок. Что удивительно - я всю свою жизнь прожила в Ванкувере. Мне вдруг показалось, что все надписи сделаны на китайском, а английский язык слышался с канадским диалектом. Все было стерильно, выглядело современно и скучно. Люди, которые натянуто улыбались и не смотрели вам в глаза. Когда я выхватила свой рюкзак из багажа и вышла на улицу, чтобы подождать брата - меня поразил влажный воздух и темно-серое небо. Был июль. Шел дождь.

К счастью, как и обещал мой брат, вскоре к обочине подкатил черный VW Golf.

Джош выбрался с водительского сиденья и поднял руку. - Я здесь!

И, наконец, я впервые улыбнулась, как мне казалось, за долгое время. Джош. Несмотря ни на что, я чертовски по нему скучала.

- Бля, ты загорела, - сказал он, обходя машину, чтобы обнять меня. Подойдя ближе, он скривился. - Но выглядишь дерымово.

- Вот спасибо, - произнесла я, отдавая ему свой рюкзак. Он бросил его в багажник и заключил меня в медвежьи объятия.

Я почему-то думала, что он изменится за эти шесть недель, но он выглядел так же, как всегда. Джош был довольно неуклюжим подростком, пока ему не исполнилось девятнадцать. Затем он перестал расти (потому что рост его составлял 16 футов), накаченные мышцы, лицо прояснилось, а заикание исчезло. У него были голубые глаза отца и темно-коричневые волосы нашей мамы, вместо черных. Кольцо в губе, которое он не всегда носил, руки были в татуировках и не только они, благодаря моему влиянию. Я знала, что Джослин думает о нем, как о «плохом, красивом парне», но от этого описания моего брата, если честно, мне хотелось блевать. Джош и был в некотором смысле плохим мальчиком, симпатичным, но не больше.

- Хорошо, что ты дома, - сказал он. Затем отстранился и нахмурился. - Я так полагаю, что это чувство не взаимно.

- Я очень устала, - это все, что я могла сказать.

Мы мало разговаривали на протяжении всей поездки через весь город, которая заняла сорок пять минут. Я не могла говорить. У меня в груди образовалась дыра, и она разрасталась. Это было худшее эмоциональное похмелье в моей жизни. На самом деле это было похоже на жизненное похмелье. Как будто ты умираешь? Такое же чувство, когда кончается жизнь: боль потери за все переживания, через которые мы прошли?

Джош пробормотал что-то насчет того, что ему неловко от того, что придется остановиться, чтобы заправиться. Он хорошо мог угадывать чувства других людей. Но я не слушала, только смотрела в залитое дождем окно его нового автомобиля. Здания здесь выглядели такими простыми и скучными - нет истории, все однообразное. Все куда-то торопились, топая по лужам. Хотя в Ванкувере было много красивых растений, они выглядели темными и мрачными на фоне неба. Даже вид на горы Норт-Шор, которые возвышались над городом, как правило, захватывали дух, но сегодня они ничего во мне не всколыхнули. Я была всего лишь оболочкой.

Мне нужно поспать.

Когда мы подъезжали к задней подъездной дорожке нашего дома, Джош сказал, что мама готовит сюрприз, который в действительности не был таковым. Она заказала суши. Моя мама никогда не готовит, попросту не умеет, и в этом не было ничего необычного - мы по несколько раз в неделю заказывали суши с доставкой на дом (мол, ешь суши, иначе помрешь с голода в Ванкувере). Я знала, что он просто пытается меня

подбодрить, поэтому улыбнулась ему и снова достала телефон. Режим «в самолете» был отключен, и телефон не был в роуминге, я лихорадочно принялась просматривать сообщения в надежде, что Матео написал мне по электронной почте.

Ничего не было.

Я вздохнула и отложила его в сторону. Джош это заметил, когда парковался, и кивнул на мою сумочку. - Я следил за обновлениями на Facebook. Думал, ты будешь все выкладывать. Но ни пьяных лиц, ни испанского флага, обернутого вокруг вас, или потягивания сангрии я не заметил. Ничего.

Я пожала плечами. - У меня совсем не было времени, чтобы зайти на Facebook. - Кроме того, этой жизни и вовсе не было, пока я была в Лас Палабрас.

Наш дом был довольно-таки милым, в три этажа, с небольшой лужайкой и высоким сплошным забором, скрывавшим нас от чужих глаз. Но сумма за него была выставлена абсурдно огромная. Моя мать, считавшая себя настоящим агентом по продаже недвижимости и все такое, собиралась караулить его как можно дольше, чтобы «сорвать свой куш». На рынке недвижимости стоимость на него то поднималась, то опять опускалась, потом опять поднималась - это выглядело так, словно они цены не могли ему сложить.

Джош взял из моих рук рюкзак и с легкостью закинул его на спину. Сказывались тренировки в тренажерном зале. - Ты и слова не сказала о Германе.

Я приподняла бровь. - Герман?

- Мой автомобиль. Он же немец?

- Автомобиль разве не женского рода?

Он закатил глаза. - Ты гомофобка.

- Посмотрим, как ты будешь говорить «я собираюсь покататься на Германе» или «мне нравится заправлять Германа»?

Он пожал плечами, пока мы шли по гаражу мимо маминого Volvo. - Я не гомофоб. Кроме того, в сериале «Рыцарь дорог» автомобиль Хассельхоффа был мужского рода. Да, и в фильме «Влюбленная малютка» это был Хэрби.

- Ладно, ладно, - сказала я, отмахиваясь от него. Мы шли вверх по лестнице к главному входу. Он выглядел так же, как и всегда, знакомо, но стал каким-то чужим для меня.

Моя мама была на кухне, с бокалом вина и телефоном. Увидев меня, она одарила меня по-настоящему счастливой улыбкой, но затем повернулась спиной и продолжила разговор. По напряжению в голосе я поняла, что она разговаривает с клиентом.

Моя мать была красивой женщиной, даже для ее возраста. Хотя она была крошечной и набрала много лишнего веса в нижней части за последние годы, на ее лице не было морщин, а глаза за квадратными очками были молодыми. У нее были длинные темно-каштановые волосы, которые она всегда собирала в пучок. Я знала, она делает это для того, чтобы, как она считала, выглядеть по-деловому и тем самым подчеркивала свои высокие венгерские скулы.

Она была одета так же, как всегда, ее шкаф был переполнен строгими костюмами, и сегодня на ней был цвета военно-морского флота. Это вызвало в воображении образ Матео в столовой Лас Палабрас, одетый в серебристо-серый костюм, который сидел, как влитой. В моих мыслях он улыбался мне, обнажив ряд белых зубов на фоне смуглой кожи.

Так, что захватывает дух.

Чувство потери охватило мое сердце. Все, связанное с ним,казалось таким далеким. Ничего нельзя вернуть.

- С тобой все в порядке? - спросил Джош, положив руку мне на плечо.

Я кивнула, успев заметить, что на глаза снова наворачиваются слезы. - Часовые пояса.

Теперь мне пояса служат оправданием. Я то же самое сказала и маме за ужином, когда она заметила угрюмое выражение на моем лице. Почему-то мама все еще настаивала, чтобы мы ужинали в столовой, хотя во времена еще до развода многие разбредались по комнатам со своей тарелкой.

- Жаль, что Мерси здесь нет, - сказала мама, изящно поднося кусочек тунца ко рту.

- Они с Чарльзом собирают средства.

Ну конечно. Будущий муж Мерси, Чарльз, был приезжим и работал на одного из крупнейших застройщиков в городе. Его компания всегда ставит на сбор средств или другую благотворительность, сама же я думала, что это был лишь способ уйти от налогов.

Я пожала плечами. Было что-то сверхъестественное, если Мерси оставила бы своего жениха ради меня. Смешно, но эти шесть недель заставили меня осознать, кто в моей жизни стоит моего внимания.

После ужина я сказала Джошу и маме, что иду спать в свою комнату. Было только семь, но опять же, часовые пояса. Но сейчас дело было даже не в этом. Я ощутила, как моя бессонница дает о себе знать, я едва чувствовала под собой ноги, когда шла по коридору в свою комнату.

Я достала ноутбук из сумки и запустила его с шумным вентилятором, чтобы загрузить фото, и оглядела свою комнату. Плакаты Mr.Bungle, Deftones, Nine Inch Nails, Soundgarden, Pearl Jam, Nick Cave, Bad Seeds и Depeche Mode - все смотрели на меня, а несколько располагались у меня в компьютере. Я оформила их в рамки, поэтому это не напоминало увлечение подростка. На комоде у меня лежали украшения из дерева, ретро-фенечки и фамильные драгоценности, которые я насобирала. На небольшой рабочий стол были свалены стопки журналов, твердые обложки книг в жанре фэнтези и мои учебники. На потолок я прикрепила карты звездного неба и звездочки, которые сияли в темноте.

Мой взгляд упал на созвездие Пегаса и Льва, и я вдруг снова увидела Матео, услышала его сильный акцент, когда он делал презентацию с такой легкостью и уверенностью, как он покраснел в конце, когда я аплодировала.

Полный отстой.

Вроде бы это было совсем недавно, а уже просто память. Что я буду помнить до конца жизни.

Я вздохнула, ожидая, что снова польются слезы, когда поняла, что их во мне не осталось, то подошла к кровати, рухнула на нее и сразу же заснула.

***

Проснувшись следующим утром, я на какие-то несколько секунд ощутила блаженство, думая, что все еще была в Лас Палабрас, но потом на меня свалилась реальность. Я моргнула несколько раз, чувствуя сырость. Дождь с шумом ударял в оконное стекло, частично скрывая небо.

Я вздохнула и некоторое время еще лежала, гадая сколько сейчас времени. Моя сумка была на столе, там, где я ее и оставила. При этом я была поражена внезапно нахлынувшей эйфории. Мой телефон. Кто знает, может, было сообщение. Мне нужно услышать Матео, я как наркоман нуждаюсь в новой дозе.

Я встала с кровати и бросилась к столу в той же одежде, в которой была в самолете. Которая была на мне, когда Матео обнял меня на прощание.

Стоп, сказала я себе. Тебе не пережить этот день, если ты берешься за все с плохим настроем.

Я убрала свои непослушные волосы за уши и достала телефон. Я получила сообщение от Мерси: «С возвращением», хотя она не умерла бы, если поставила восклицательный знак в конце. Было еще одно от Джослин, в котором она спрашивала, как я съездила. И это все, что было.

Я почувствовала почти физическую боль.

Я достала из бумажника листок бумаги, который Матео дал мне. Он сказал, что я могу отправлять сообщения в любое время. Я могла бы отослать его, но боялась, что телефон не был его личным. Что, если его жена очень любопытна и всегда проверяет его вещи? Что, если его жена безумно ревнича и после месячного отсутствия теперь не сводит с него глаз?

Что, если она узнала?

Я была расстроена. Я чувствовала, как с каждой минутой все, что было в Лас Палабрас, отдаляется, то, что произошло между нами, потихоньку ускользало, это как будто очнуться от сна, но продолжать идти.

Я была плохим человеком. Это не было новостью, но теперь я это действительно знала. Я не была белой вороной, а была черной дырой. Я влюбилась в женатого мужчину, спала с женатым женщиной. Он сказал, что я заставила его забыть свои обеты, и это сделало меня счастливой. Люди, как мне было противно.

И все-таки, это до сих пор делало меня счастливой. Я была очень счастлива. Это он подарил мне счастье.

Боже, я была подобно персонажам из мультфильма «Луни Тюнз». Внушая это себе, я пошла к своему телефону, чтобы проверить электронную почту, в надежде получить хоть что-то от него.

Но ничего не было. Никаких признаков того, что Матео когда-либо существовал, кроме как в моей голове.

И так начался мой новый день. Я медленно собралась, приняла душ, мои волосы обрадовались новому шампуню и кондиционеру. Я надела свежую одежду, которая недавно была постирана. Хотя горничная в Лас Палабрас раз в неделю относила нашу одежду в прачечную, я подолгу носила одно и то же. Я впервые за шесть недель наложила макияж, с ума сойти, ярко зеленые тени.

Каждую свободную минуту между душем, одеванием и макияжем, я проверяла телефон. От постоянного ввода пароля мой чертов большой палец атрофировался. И когда я наложила себе миску безглютеновой каши (у моей мамы была аллергия на глютен, а мои хлопья Froot Loops были несвежими), то получила письмо. Я чуть не запрыгала от радости.

Это был Эдуардо, он создал группу о программе и теперь просил поделиться впечатлениями от пребывания в Лас Палабрас: что кому понравилось. Странно было снова смотреть на эти имена, стоя в стерильной кухне моей мамы - мои воспоминания тепла и света шли в противовес серости и сырости. Это было похоже на два разных мира, которые никогда не пересекутся.

Через минуту появился первый комментарий от Уэйна. Затем еще и еще. Мне не было интересно, что привлекло внимание Карлоса Лягушатника в первый день - я просто хотела услышать Матео. Но он так ничего и не написал.

Я реально не знала, что делать с собой. Мне не хотелось даже распаковывать вещи, чтобы не признавать, что это действительно конец. Но я не могла больше держать рюкзак, полный грязной одежды. Я взяла его, и мое сердце сжалось при виде турона Нирры и бронзовой свиньи, подаренной испанцами. Я аккуратно взяла их и положила на тумбочку, как будто это были птенцы. Теперь это была святыня Испании.

Да. Может, это и было странно.

Я сидела на постели уже несколько часов, обрабатывая фотографии на своей цифровой зеркальной камере, когда Джош просунул голову в мою комнату. Моей мамы не было весь день, так что на этот раз я была рада компании.

- Ты дома! - воскликнула я.

Он посмотрел на меня недоуменно. - Да, только что освободился. Медленный день какой-то.

Я могла по запаху определить, где он был: смесь гамбургеров и табака.

- Ты в порядке? - спросил он.

- Ты еще спрашиваешь.

- Ты, кажется, не очень рада меня видеть.

Я пожала плечами. Я, наверное, просто привыкла, что меня окружали люди двадцать четыре часа, семь дней в неделю.

- Что ты делаешь? - спросил он, облокотившись о дверной косяк. Он взглянул на мой рюкзак, на одежду, разбросанную по всему полу. - Уже сдалась?

Не ставь крест на нас. Последние слова Матео звучали у меня в голове. Я не могла. Но почему же он не связался со мной? Может, я должна написать ему. Он сказал, что это его личный номер.

- Вера, - позвал Джош громко. - Спустись на землю, сестра.

- Извини, - сказала я рассеяно, выключая камеру, и закрыла объектив.

- Слушай, - сказал он, - я собираюсь вечером в бар «Мэт» с несколькими приятелями. Ты пойдешь?

Тьфу. «Мэт». Тот стремный бар был популярен. Все равно... я собиралась выйти из

дома, чтобы проветрить голову. Я не могла поверить, что ни с кем не разговаривала целый день.

Пришло еще сообщение от Клаудии и письмо от Сэмми, позже я влезла в узкие джинсы и натянула топ с глазами Фредди Меркури прямо на сиськах. Письма от девчонок подняли мне настроение, хотя Сэмми и прислала мне в письме изображение члена.

«Мэт» находился в той части города, что походила на декорации фильма «Ходячие мертвецы». Это было слишком далеко, чтобы идти пешком, а на такси дорого, к тому же Джош не собирался пьяным садиться за руль, поэтому мы сели в автобус. Было странно сидеть там и смотреть на людей вокруг. Хотя Мадрид и был шумным городом, там было больше жизни и дружелюбия. Больше улыбок.

- Почему у тебя такой вид, как будто ты замышляешь массовое убийство? - спросил Джош, наклоняясь, в то время как автобус проносился вниз по Бродвею. – Я чего-то не знаю?

- Они были правы, знаешь, - сказала я, - когда говорили, что Ванкувер не для развлечений.

- Может быть, но... ты же знаешь, что и здесь можно повеселиться?

- Люди в Испании были настолько... я не знаю... рады нас видеть. Дружелюбнее. Разговорчивее.

- В Ванкувере всегда было так. Он не слишком отличается от других крупных городов.

- Он изменился.

- Нет, Вера. Ты изменилась.

Он был прав. До недавнего времени я была счастлива здесь. Сегодня ночью это стало еще очевидней. Мы заняли стол в углу, возле грязной стойки бара, и пока мы ждали его друзей - я огляделась. Все было как всегда: пьяные телки, самоуверенные типы, пиво Pabst Blue Ribbon со льдом за три доллара, но теперь я сравнивала с Испанией. Там мужчины пляются только, если пьяны, или чрезвычайно самоуверенные подойдут к женщине. Все это выглядело забавно: из колонок доносились музыка, но никаких дружеских улыбок и кокетливых разговоров.

Друзья Джоша мало чем отличались - я знала это, но, по крайней мере, когда они были рядом со мной, разговаривали, то старательно пытались не смотреть на Фредди Меркьюри. Ну, не все из них. Я знала долговязого Бреда с самого детства. Фила я знала со школы. Я была для них практически сестрой.

Потом был еще Адам, парень, которого я встречала только несколько раз прежде. Он был довольно горячим, я бы отдалась ему: зелено-голубые глаза, широкая челюсть, колючие русые волосы, крепкого телосложения, поэтому я бы обычно не возражала, когда он уставился на мою грудь. Впрочем, сейчас это чувствовалось каким-то неправильным. Он смотрел плотоядно, хотела бы я, чтобы Фредди осадил его взглядом.

- Как Испания? - спросил Адам. – Наверное, тебе было не до веселья. Ты была на Ибице?

Я покачала головой, вертя в руках банку пива. – Нет, я была только в одном месте, в Акантиладо, помогала изучать английский.

- Какой отстой.

Я смерила его взглядом - Уж будь уверен, это не так.

Он откинулся в кресле и криво усмехнулся. – Как будто я не знаю, что такое преподавание? Это отстой. А вовсе не отпуск. Ты должна была увидеть какую-то культуру или что-то еще.

Я с шумом выдохнула. - Там много культуры.

- Так что это были за учения? С детьми?

- Нет, со взрослыми.

- Они что, были умственно отсталые?

Я посмотрела на него, готовая к обороне. – Нет, это были успешные люди. У всех был базовый уровень знания английского. Они хотели улучшить свой разговорный язык. Пополнить свой словарный запас и обрести уверенность в деловом общении.

Он пожал плечами. - Не знаю, что еще может звучать так же скучно.

Я закатила глаза. – Все, что угодно. Я встала со своего места и взглянула на Джоша, который смотрел на меня со странным выражением на лице. - Хочешь пить?

Он кивнул, а Адам сказал. - Возьми и мне, красотка.

Я протянула ладонь и пошевелила пальцами. Он был сбит с толку. - Дай мне денег, - сказала я, - и я принесу тебе выпивку.

Он хмыкнул и достал немного денег, бросая мне через стол. Он широко улыбнулся Джошу. - Черт, Джош, старшая сестра вернулась из Европы и вдруг ее от меня воротит.

Я странно на него посмотрела и взяла деньги со стола. Меня от него воротит? Я даже не знаю его. Я сстроила ему глазки и несколько раз прошлась по его обоженному лицу, как раньше делала, но теперь все было по-другому. Адам - мальчишка, а я не хотела мальчишку. Я хотела мужчину, мне нужен был мужчина и один в частности.

Я пошла в туалет, чтобы проверить телефон - нет ли сообщений и писем. От Матео ничего.

Я почувствовала, как сжимаю в руке телефон, губы поджаты. Я засунула его обратно в сумочку и пошла к бару. Стоя в очереди, кто-то разлил пиво мне на ботинки, и я подумала, может мне уже достаточно этого места. Когда из колонок зазвучала песня «Летняя грусть», завизжали девчонки - тогда я все поняла. Я купила Джошу и Адаму пиво и поставила на стол.

- А где твое пиво? - спросил Джош.

- Я иду домой, - сказала я ему.

Он начал вставать, но я вытянула руку. - Нет, я в порядке. Оставайся. Это часовые пояса. Нужно идти спать. - Прочих я одарила быстрой улыбкой. - Спокойной ночи.

Я развернулась и пошла, до меня доносились крики Джоша: «Вера!», затем Адам сказал: «Отпусти ее, у нее, наверное, ПМС».

- Да пошел ты, - проворчала я под нос. Выйдя, я наступила на одну из луж - в них отражался свет. Было не холодно, но я обняла себя и опустила голову, ускоряя темп. Я прошла несколько кварталов, оставляя позади наркоманов, их сменили бомжи, затем было общежитие, которое находилось по дороге к моей автобусной остановке.

Я не могла не остановиться. У них был небольшой бар и компьютерный столик прямо у окна. Из комнаты лился теплый свет, освещая фотографии Ванкувера и Британской Колумбии на красной стене. Там были девушка-индианка и парень-немец: они выпивали и болтали с путеводителем в руках, робкие улыбки. Были и две азиатские девушки, сидящие за компьютером с бумажными стаканчиками кофе и что-то печатающие. Высокая белокурая пара с рюкзаками говорили с молодой женщиной за стойкой регистрации, она показывала карту города.

То же было и со мной шесть недель назад в Лондоне. Предчувствие чего-то нового впереди. Все эти люди внутри испытывают то, что изменит их навсегда.

И вот я стою на темной, мокрой улице одна.

Просто воспоминания.

Никаких сообщений.

Глава 19

Я стала одержимой.

Это не было для меня чем-то новым, меня с легкостью затягивало. В двенадцать лет я впервые посмотрела Индиану Джонс (да, знаю, поздно спохватилась), и я стала одержима не только Харрисоном Фордом, но и археологией. Я решила, что буду археологом, а не астрономом и хотела прожить жизнь, таскаясь по джунглям и пустыням в поисках приключений. Я решила, что изобрету машину времени, чтобы попасть в 1980 год, когда Харрисон Форд был моложе и не таким сварливым, хотела женить его на себе и увезти назад в будущее.

В шестнадцать я была одержима Ником Кейвом и всем, что с ним связано. Я вступала в фан-клубы в чатах, скачивала тексты и анализировала, собирала интервью, и раз за разом перечитывала, жадно глотая слова. Я пошла в няни, хотя не самый большой любитель детей, но мне нужны были деньги, чтобы ездить по Америке, следуя за ним на гастроли. Само собой разумеется, я так и не скопила средств для этого, но мне удалось заработать достаточно, чтобы купить пластинки для несуществующего проигрывателя и редкие концертные афиши.

А когда мне было двадцать три я отправилась в Испанию на месяц и стала искушением для женатого мужчины и теперь зациклилась на том, что не получаю от него сообщений. Прошло два дня, как я ушла от Джоша, и теперь походила на бомбу замедленного действия. Я переписывалась с Клаудией и даже с Полли, которая стала мне ближе после программы – казалось, мы с ней попали в похожую ситуацию. По крайней мере, Эдуардо ей писал. Я говорила и с другими: Сэмми, Бэккой и даже Мануэлем, с которым мы болтали о нашей любимой рок-группе.

Но не с Матео.

Я так и проводила время, надеясь, что все могло измениться через десять минут, две минуты, тридцать секунд.

- Ну, ладно, - сказал Джош одним солнечным утром, склонившись над миской Фрут Лупс. - Время рассказывать. Почему ты все время проверяешь свой телефон?

Заметил, я быстро засунула телефон назад в карман. Открыла рот, чтобы заговорить, но он поднял руку. - И не говори, что это часовые пояса.

Я закатила глаза. - Это ничего не значит. Я просто жду сообщение от друга.

Он сузил глаза, засунув ложку с кашей в рот, и принялся жевать задумчиво. - Это был просто друг?

Я просто смотрела на него безучастно.

- Вера, ты не моргаешь.

Я моргнула. Несколько раз.

Он покачал головой. - Поверить не могу.

- Что?

- Я никогда не видел тебя такой из-за парня, - сказал он.

Он не просто какой-то парень, хотела сказать я. Он мой мужчина.

Во всяком случае, был.

Любопытно.

- Я действительно не хочу об этом говорить, - сказала я, не забывая часто моргать, пока ела.

- Уверена? Потому что ты дергаешь ногами под столом и у тебя бешеные глаза.

Я перестала дергаться. Затем перевела разговор на искусство Джоша, потому что мы оба любили говорить об этом. Но как только мы встали, чтобы сложить тарелки в раковину, я схватила телефон, чтобы проверить. Моя выдержка мне отказала.

Я получила письмо!

Я изогнулась на сиденье и закусила губу под пристальным взглядом.

Дерьмо. Это не было от Матео. Это было из Лас Палабрас. И там было приложение.

Испытывая волнение, я скачала приложение и открыла.

Я тяжело вздохнула, с болью в горле. Это была групповая фотография, сделанная в последний день.

Издалека - это были размытые, улыбающиеся лица на фоне голубого неба. Я

пальцами провела по своему лицу и Матео.

Мы были там. Мои щеки были румяными, лицо свежим и сияющим – как будто я излучала свет. Матео обнимал меня. Видя его лицо на экране, я чувствовала себя странно, словно он каким-то образом знал, что я смотрю на него как одержимая. Я не могла это объяснить. И тот факт, что он выглядел более красивым, чем в моих воспоминаниях, не помог.

- Я вижу, - сказал Джош, и я резко развернулась, понимая, что он стоит у меня за спиной, словно инквизитор, заглядывая мне через плечо. На долю секунды меня охватило дежавю, я вспомнила, как Матео сделал то же самое, когда я писала Джошу.

- Это групповой снимок, - сказала я. Затем быстро уменьшила масштаб, чтобы было видно всех нас.

- Ты выглядишь очень счастливой, - сказал он с любопытством. Было видно, что он еще хотел что-то сказать, но развернулся и пошел по коридору в свою комнату, оставив меня с фотографией. Я долго смотрела на нее в одиночестве и тишине, вспоминая их лица, голоса, акценты, смех. Рот наполнился слюной, и я сглотнула.

В конце концов, я встала и распечатала фотографию с маминого высокотехнического офисного принтера, на глянцевой бумаге размером 8X10 и затем повесила над туроном и свиньей. Мое святилище росло.

Наваждение продолжалось. Кажется, это единственное, что не давало моему сердцу разбиться.

***

На следующий день к ужину появились Мерси и Чарльз, я решительно стиснула зубы, чтобы не проверить почту. Он сказал, что это его личная почта, но на всякий случай я хотела, чтобы это выглядело по-деловому - насколько возможно.

Привет, Матео!

Хотелось написать тебе, чтобы убедиться, что твой английский идет в ногу со временем. Замечательно снова вернуться в Ванкувер, хотя дождь льет больше, чем обычно, и это о многом говорит. Солнечные дни напоминают мне о Лас Палабрас! Вот. Просто хотела поздороваться. Надеюсь, ты рад вернуться в семью.

С наилучшими пожеланиями, Вера Майлз.

Не лучшее письмо, которое я когда-либо писала, мне нужно было это сделать. Еще минут пять я раздумывала, отправлять его или нет, прежде чем закрыла глаза и нажала отправить. После этого я ничего не могла поделать. И конечно теперь моя одержимость выросла вдвое.

Я решила быть храброй и оставить телефон дома, собираясь на ужин. Мерси и Чарльз заранее позаботились о выпивке, мы собирались поехать в Fish House, что в Стэнли Парке.

- ВиВи, - сказала Мерси, используй мой ник, широко распахнув руки. - Я думала, что ты будешь более загорелой.

- Рада видеть и тебя, - сказала я, мы быстро обнялись. - Неделя дождей высосала из меня все краски.

- Ты должна сходить в мою студию загара, - сказала она, сравнивая свои загорелые руки с моими. Это было не совсем справедливо, так как у меня были татуировки, которые только подчеркивали мою бледную кожу.

Мы с Мерси были в чем-то похожи. Природа щедро одарила нас сиськами и попкой, но она много занималась пилатесом, что сделало ее выше и стройнее. Она выпрямляла темно-золотистые волосы, я не могла понять, крашеная она или нет, поскольку не видела ее натуральный цвет много лет. В двух словах, она была похожа на Дженнифер Энистон, правда одевалась проще. Только дорогое кольцо на безымянном пальце и бриллиантовые серьги не вписывались в картину.

Я подошла, чтобы быстро обнять Чарльза.

- ВиВи, - сказал он со своим снисходительным акцентом. Проведя время в Лондоне, я узнала, что его акцент называют «Би-би-си по-английски». Я знала это потому, что много его передразнивала.

- Хорошо выглядишь, Чак, - сказала я, зная, что он ненавидит это прозвище так же сильно, как я ВиВи.

Мы вышли через гостиную на балкон - моя мама по такому случаю купила итальянское вино. Так мы сидели с ним и болтали об Испании, я словно перенеслась через континент и Атлантический океан. Вера, которая сидела и разговаривала, при этом потягивая вино, была лишь тенью.

Перед тем как отправиться в ресторан, я зашла в комнату, чтобы взять сумочку и оставить телефон на столе. Мерси заглянула мне за спину, и я ожидала комментарии от нее насчет того, какая грязная у меня комната, но тут она увидела фотографию из Лас Палабрас на стене.

- О, это что-то новое, - сказала она. - Это из Испании? - Она пересекла комнату и посмотрела на нее.

- Ага, - сказала я с напряжением в голосе, желая, чтобы она не смотрела на нее и не надумывала себе ничего, как делала это обычно. Мне не хотелось, чтобы кто-то говорил про этих людей.

- Кто этот красивый мужчина, который обнял тебя? - спросила она удивленно, указывая пальцем на Матео. Я хотела убрать его куда подальше.

Теперь к ней подошел Чарльз и тоже уставился на него, как посетители в зоопарке.

- Он выглядит знакомым, - размышил Чарльз, хмурясь.

Я ничего не могла с собой поделать. - Он играл за «Атлетико», - сообщила я ему с гордостью. - Матео Казаллес.

Я долгое время не произносила его имя вслух. Нереально долго.

Чарльз кивнул. - Это все объясняет. - Он был ярым поклонником футбола и часто брал Мерси с собой на игру в пять утра, болеть за Манчестер. Наверное, она ныла, пока он не прекратил.

- Он женат, - сказала Мерси с гримасой отвращения на лице. Я подняла брови, поражаясь, как она могла видеть кольцо, но она просто показала мне телефон. Она уже успела забить его имя в Google и открыла, блин, страничку в Википедии.

Дерьмо. Я даже не подумала загуглить его.

Я посмотрела на фотографию, с трудом сглотнув. Он был облачен в форму своей команды, кричал на кого-то на поле - все та же смуглая, загорелая кожа, непослушные волосы и горящие глаза. Он ошеломил меня.

Теперь я была действительно рада, что оставляю телефон здесь.

Мерси спрятала улыбку и положила телефон в дизайнерскую сумочку. Она развернулась и уставилась на Чарльза, как будто он что-то сделал. - Пока мы женаты, ты не станешь ездить за границу, чтобы изучать языки. Тебя там всегда будут окружать девицы.

Стоп. Моя сестра назвала меня девицей?

- Девица? - повторила я мрачно. Как было в пятидесятых?

- Ох, ВиВи, - сказала она с лукавой улыбкой. Затем схватила Чарльза за руку и вывела из комнаты.

Как только они ушли, я показала им палец. Матео, наверное, не одобрил бы такое антисемейное поведение, ну и ладно.

***

За ужином я чувствовала себя одиноко. Забавно, как можно ощущать себя в полном одиночестве, находясь в окружении семьи, родных. Даже на берегу залива под солнцем и с Джошем рядом со мной я чувствовала себя невидимкой в темном, защищенном от света месте.

Мои пальцы зачесались заглянуть в телефон, проклиная себя за то, что оставила его дома. Я хотела проверить, ответил ли он, просто хотела посмотреть в сети он, черт возьми, или нет. Я сходила с ума, чувствуя отчаяние, которое ломило мне кости. Я знала, что это неправильно так переживать за людей, которых любила и о которых заботилась - я даже не потеряла их, они были живы и живут своей жизнью. И сидя с мамой, сестрой и Чарльзом, помогло мне осознать, что я не была частью чей-то жизни.

Я думала позвонить завтра папе и напроситься в гости, в Калгари. Он и Джуд всегда были приветливы и теперь, когда моя программа закончилась, и у меня не было практики - я была свободна на все лето. Я подумала, что должна вернуться в кафе на работу и еще немного заработать, прежде чем начнется учеба.

Да уж. Я не ждала этого с нетерпением. Ни работы, ни учебы. Я задавалась вопросом, сколько времени потребуется, чтобы я стала прежней. Испанская Вера не принадлежит Ванкуверу.

Когда мы, наконец, вернулись домой, я практически побежала в свою комнату - нервы были натянуты, сердце так и подпрыгивало с каждой пройденной ступенькой. Я закрыла за собой дверь и взяла телефон.

И там было оно.

В отправителях стояло имя Матео.

Он ответил.

Я схватила телефон и принялась лихорадочно жать кнопки.

Дыши, сказала я себе, пока беспокойство не вышло из-под контроля. Я почувствовала головокружение, взволнованность, нервозность и отвращение - все сразу.

Я на мгновение закрыла глаза, глубоко вздохнула и затем открыла электронную почту.

Вера.

Хорошо, что ты мне написала. Я думал, что ты игнорировала мои письма, и не хотел докучать тебе по телефону, но теперь вижу, что писал не на тот адрес. Я перепутал «VerastarS» с «Verastar5». Теперь меня немного волнует, что обо мне думает VerastarS.

Звучит так, словно ты рада вернуться. Я хотел бы сказать то же и о себе, но это не так. Я ужасно скучаю по Лас Палабрас, а больше всего скучаю по тебе. Мне трудно сказать, судя по твоему письму, чувствуешь ли ты то же самое. Ты была особенной. Я хочу поговорить с тобой, услышать твой голос. Мой английский быстро ускользает. Я смотрю в небо, но не вижу звезды в городе.

Дай мне знать, если ты когда-нибудь захочешь поговорить по телефону. Дай мне время, и я позвоню тебе. Я полагаю, что у меня на 8 часов вперед, но все равно особо не сплю без тебя.

С любовью, Матео.

(Человек, с которым у тебя были сиесты в Испании).

Я думала, что умру от счастья. Кровь вскипела в моих жилах, меня переполняло чувство эйфории. Я перечитывала письмо снова и снова, убедившись, что это была правда, это было реально - я ничего не пропустила. С каждым разом я становилась счастливее.

Матео пытался со мной связаться, но он не смог разобрать мой куриный почерк. О боже, мне не верится, что Матео думал, что я его игнорирую. Мое письмо было таким прохладным и официальным по сравнению с его. Тьфу, я чувствовала себя такой дурой.

Он почти не спал без меня. Если бы я могла прижать телефон к груди и танцевать по комнате, как героиня Диснея, то так бы и сделала. Ладно, я просто сделала это.

После того, как я перестала крутиться, как сумасшедшая, быстро написала ему ответ. Я подсчитала, что у него около четырех утра и напомнила себе, что не стоит сразу ждать ответ. Я сказала ему, что он может позвонить мне завтра утром, после восьми, у него как раз будет четыре часа, идеально подходящие для окончания работы. А если он сильно хочет, то может позвонить мне сегодня вечером - я бы ждала допоздна.

Я действительно на это надеялась. Если он проснетя около шести, то еще может набрать мой номер - всего через два часа.

Не зная, что еще сделать, я схватила бутылку вина из маминой коллекции, взяла ее к себе в комнату и открыла. Я поставила два любимых альбома Пола Саймона: «Graceland» и «Still Crazy After All These Years», и танцевала, как влюбленная дурочка. В какой-то момент в дверь постучал Джош, я смущалась за то, что устроила вечеринку, а его не пригласила. Он нервничал, и я подумала, что он собирается вызвать людей в белых халатах, чтобы забрали меня.

Приближалась полночь, и я уже была в депрессии. Теперь бутылка вина была на дне моего желудка. Я пыталась быть оптимисткой, надеясь, что он попробует связаться

со мной завтра, но когда я ложилась в постель, зазвонил телефон.

Я была в не себе от счастья.

Очень длинный и иностранный номер высветился у меня на дисплее.

Я смотрела на него еще немного, прежде чем пулей нажала ответить.

Я только надеялась, что мой голос не дрожал.

- Алло, - прохрипела я. - Вера на связи.

- Вера, - донеся на другом конце богатый, красивый голос Матео.

Этого оказалось достаточно, чтобы мое дыхание сбилось. Навернулись слезы, задрожал нос.

- Матео, - сказала я, запыхавшись.

- Привет, - сказал он так тепло, близко и это несмотря на расстояние. - Извини, я не слишком поздно звоню?

Это было смешно, он говорил медленнее теперь.

- Нет, вовсе нет, - сказала я. - Я ждала.

- О, хорошо.

Повисла тишина, и я почувствовала, как улыбаюсь, не зная, что сказать.

- Ты знаешь, что мне это напоминает? - спросил он.

- Что?

- Когда у нас была деловая сессия по телефону в Лас Палабрас.

Я тихо рассмеялась. - Вроде того. Но мы не должны следовать сценарию.

- Нет, но у меня есть вопросы к тебе.

- Правда?

- Да, что на тебе одето?

Я усмехнулась. - Ты это серьезно?

Он засмеялся. - Да, но я хочу спросить другое сначала. - Я услышала его вдох, а голос стал ниже, мягче. - Как ты на самом деле? Так приятно слышать твой голос, Вера.

Мне все еще нравится, как он произносит мое имя. Я задрожала от его слов, чего со мной не было уже несколько дней.

- Я тоже рада тебя слышать, - сказала я ему. - Все в порядке.

- Просто в порядке?

- Я в порядке только от того, что ты позвонил... в остальном... - Я не была уверена, как сильно хотела признаться ему, что чувствовала себя одиноко и потеряно после возвращения из Испании.

- Если это поможет, то я не в порядке, - сказал он. Матео старался, чтобы его голос звучал легко, но я слышала, что каждое слово давалось ему трудно. Где-то на другом конце сигналили машины. Я представляла солнечные улицы Мадрида.

- Это не поможет, но все же, - призналась я.

Я почти слышала, как он улыбается. - Я понимаю. Я... Я не знаю. Все какое-то другое. Я чувствую себя чужим в родном городе, в моем собственном доме. Я смотрю на Изабель и не могу понять, о чем она говорит. Я иду и делаю свою работу, но меня словно нет здесь. Я не узнаю людей на улице. Единственная отдушина - Хлой Энн. Она остается на месте, в то время как мир закружился.

Я прикусила губу. - Такое чувство, что я приехала в чужую страну.

- Я начинаю думать, что Лас Палабрас был в другой стране. Мы с тобой, ну, я говорил, что хочу построить новую вселенную. Но вот я вернулся в старую. Я знаю, что... изменился в некотором смысле, и не совсем уверен, что хочу быть тем, кем был раньше.

Я выдохнула, чувствуя, как млею. - Я ощущаю то же самое.

- Тогда мне жаль нас обоих.

Мы затихли. Не было неловкости. Это было так комфортно, естественно, просто слушать дыхание друг друга - знать, что мы живем. Я услышала гудок автобуса.

- Где ты? - спросила я.

- Я иду по улице Calle Toledo, - сказал он, я слышала, как он дышит.

- Как твое колено?

- Лучше, - сказал он. - Болит по утрам, но это все. Теперь я должен держаться подальше от мяча и все будет в порядке, - он говорил немного удрученно, как если бы игра в футбол снова входила в его планы. Я вспомнила, как он радостно смотрел на поле, уверенный, что все под контролем. Он не испытывал ничего подобного от управления

рестораном. Хотя мы никогда об этом не говорили, но мне не показалось, что Матео хоть немного разбирается в еде или кухне, кроме того, что он говорил, что было на вкус как дерьмо, а что не было.

- Ты едешь в офис?

- Да, - сказал он. - Я провожу много времени на работе. Мне кажется, что мой партнер решил, что я немного сошел с ума. Я сказал ему, что пытаюсь наверстать упущенное. Это крошечная комната в центре города, и я знаю, что он хочет, чтобы я работал дома. Но я не могу.

- Почему? - спросила я, хотя уже догадывалась.

- Потому что там Изабель, - сказал он. - Я не могу стоять и смотреть на нее.

Мою грудь сдавило, и я попыталась сделать вдох. - Ты собираешься ей рассказать?

- Я не знаю, - сказал он. - Это было бы правильно? Мне просто нужно... больше времени. Подумать.

- О чем?

- О моей новой Вселенной. Я никогда не бросался в омут с головой, не подумав.

Даже месяц с тобой я провел, взвешивая все плюсы и минусы.

Это было нечто новое для меня. - Понимаю.

- Там было только два «против».

Я кивнула, зная, о чем он. - Думаешь, она знает?

Он вздохнул. - Я не знаю. Не думаю. Мы долгое время были отдалены друг от друга. Она много ходит на вечеринки. Обычно я не против, но в тот вечер отказал. Ей не понравилось это. Но я не думаю, что она что-то подозревает.

Я не думаю, что она что-то подозревает.

Вот и дерымовая реальность.

- Вера?

- Да? - прошептала я, чувствуя отышку. - Извини.

- Это слишком?

Я скрутила губы. - Да.

- Я не чувствую вины, - сказал он. - Ты не замужем. - Он вздохнул, сделав паузу. - Мы оба взрослые. Если бы я только мог выбирать, все было бы иначе. Но... я люблю тебя. И я не хочу отказываться от тебя, как бы эгоистично это не звучало.

- Знаю, - сказала я, пытаясь вцепиться в него покрепче. Он меня любит. Кто мог еще так красиво говорить и при этом заставлять меня чувствовать стыд?

- Ты все еще моя Эстрелла, - сказал он. - Правда?

- Да. - Это я. И как звезды я была недоступная, неприкосновенная и так далеко.

По крайней мере, я так думала.

- Вера, - сказал он. Иногда мне кажется, что ему просто нравится, как звучит мое имя. - Когда я снова тебя увижу?

Я чуть не рассмеялась. Он сказал это так, словно у нас было первое свидание, и мы планировали следующее. - Матео, - сказала я, - это не смешно.

- Я не шучу. Нет, я серьезно.

Я не знала, что сказать.

- Как насчет следующего месяца?

- В августе? - спросила я в полной растерянности.

- Да, - сказал он. - У тебя есть некоторое время до начала занятий, так ведь?

- А как же деньги?

- Я вышлю тебе.

- И где, черт возьми, я должна остановиться?

- Ты не должна расстраиваться, Вера.

- Ну, я отчасти расстроена, - сказала я. - Ты меня дразнишь.

- Я не дразню, - сказал он хриплым голосом. - Я говорю тебе на полном серьезе. Ты не поймаешь меня на слове?

- И где я остановлюсь? - повторила я. - В твоем доме?

- Я сниму для тебя номер в отеле.

Я посмеялась над искренностью в его голосе. - Номер в гостинице. Идеально.

- Я не понимаю...

- Я не буду твоей любовницей, Матео! - Кричала я в телефон. - Я не собираюсь лететь на месяц в Испанию и скрываться в отеле, пока ты будешь обманывать свою жену.

- Но в Лас Палабрас...

- Там было другое, и ты это знаешь, - горячо продолжала я. - Мы это знали. То, что мы делали, было неправильно. Мы можем потом пожалеть о том, что сделали. Я не могу просто поехать и стать твоей любовницей. Я не могу скрываться, пока ты будешь вести двойную жизнь. Я не стану этого делать.

Повисло неловкое молчание: мое сердце громко билось, кровь стучала в голове, но я едва обращала на это внимание. Я не знала, сколько прошло времени, пока не услышала щебетание птиц совсем рядом.

Наконец, он мягко сказал. – Я сожалею, Вера. Мне очень жаль. Ты права насчет всего. Я думаю... я не могу нормально думать. Нет, все не так. Это просто... я как слепой без тебя. Я просто хочу чувствовать, то, что раньше чувствовал. Я совсем отчаялся и не говорю. Я полный мерзавец. Прости меня, пожалуйста.

Тьфу. Я положила руку на грудь и прижала ее. Он казался таким чертовски потерянным, это не было похоже на Матео, которого я знала. С другой стороны, я тоже не была той Верой, которую знала.

- Это нормально, - попыталась я его успокоить. - Я прощаю тебя. Я просто не знаю, что делать.

- Я думаю, единственное, что мы можем сделать... это продолжать общаться?

Я наклонилась и выключила свет, оседая назад под одеяло. - Я бы с удовольствием.

- Итак, - сказал он после паузы. - Что на тебе одето?

- Ох, иди в задницу, - пожурила я его, произнося слова со своим лучшим испанским акцентом.

- Иди в задницу, - заявил он радостно. - Мне это нравится. Мне нравится твое произношение, все очень хорошо. Как насчет того, чтобы поговорить про этот путь...

Итак, через неделю после Лас Палабрас, Матео учил меня, как правильно ругаться на испанском до пяти утра, пока на небе не начали исчезать звезды.

Глава 20

По сравнению с предыдущим месяцем июль тянулся медленно. В некотором смысле это было хорошо, так как каждый прожитый день отдалял меня все дальше и дальше от испанской Веры. Становилось все труднее воссоздавать воспоминания в деталях - это заставляло меня забывать разговоры, забывать о себе. Каждый день приближал меня все ближе и ближе к старой Вере Майлз, но я не хотела назад, поэтому было лучше, чтобы месяц тянулся медленно.

Была только одно, что поддерживало меня на протяжении всех дней - это Матео. Конечно, я наслаждалась летом, погодой и великолепными пляжами, дожди прекратились. Я поехала в Калгари увидеть отца и Джуд, и это был приятный маленький побег, папа до сих пор баловал меня. Я снова вернулась на работу в кафе, только на неполную ставку, поэтому я брала выходные, когда могла. Я даже мимоходом встретилась с Джослин, когда та приезжала в город - все завершилось попойкой на Гранвиль-стрит и моими слезами, я слишком много выпила. Я не могла винить ее в поспешном отъезде в Саскачеван после всего этого.

Но при всем этом я каждое утро ждала звонка от Матео. Он был занятым человеком, по-прежнему собирался открыть ресторан в Лондоне, для этого ему и нужен был английский, поэтому мы не могли каждый день разговаривать по телефону. Но мы переписывались так часто, как могли, и отправляли письма, когда SMS-сообщений было недостаточно.

Порой мы часами болтали обо всем на свете. В другое время мы смотрели фильмы вместе, пытаясь синхронизировать на компьютере наши DVD-диски. В другой вечер мы пробовали секс по телефону, что было абсолютно ново для меня. Я никогда не спрашивала, где он был, когда мы вели эти грязные разговоры, и старалась не слишком много об этом думать. Он удовлетворял себя, говоря на неистовом испанском языке, и это так чертовски возбуждало, что через несколько секунд я кончала. Мой вибратор, безусловно, заставлял меня кричать. Но никто бы не хотел кричать, когда живешь с матерью и братом.

Мы дошли до предела, но все же это выглядело так естественно.

Так что, в некотором смысле, я была удовлетворена. У меня была здоровая сексуальная жизнь в ее фантастическом виде, я могла поддерживать с ним связь, слышать его голос, разговаривать, наслаждаться обществом друг друга. Это было похоже на следующий этап отношений, на более медленную, далекую версию того, что у нас было в Лас Палабрас.

Но в другом я была абсолютно несчастна. Я много раз слышала его шепот, что онкусает мои соски, не нуждаясь в том, чтобы сделать это физически. Это было не раз, но он мог бы сказать, что любит меня и что ощущает боль, что не может обнять меня.

Он был для меня единственной радостью, но через некоторое время мне этого становилось недостаточно. Как только я приземлилась в Крэйзивилле, моя депрессия вернулась. Хуже всего, я должна была выбрать курсы на учебный год и уже думать о будущем, где нет места человеку, которого я люблю.

В один чрезвычайно жаркий и влажный день, я чувствовала, что довольно близка к истерике. Это спровоцировало то, что мы с Матео поссорились в предрассветные часы. Не было даже конкретной причины, я просто была очень озлобленной и грубой, и он не сдержался, выпустив сердитого испанского жеребца. Я не видела такую его сторону часто, и это заставило меня понять, что я не могу включать стерву без причины и отрываться на нем.

Лишеннная сна и еще больше разозлившаяся из-за нашей ссоры, я провела утро, слушая тяжелую музыку из альбома «King for a Day» группы Faith No More. Он был на повторе, поэтому я убирала свою комнату снова и снова.

- Так, ладно, все, - заорал Джош, внезапно появившийся в дверях. Он подошел к док-станции для iPod и убавил звук, а затем прислонился к столу и уставился на меня, сложив руки на груди. - Это должно прекратиться.

Я в миллионный раз посмотрела на забрызганное окно и нахмурилась. - Что?

- Это. Тяжелая музыка.

- Ну и что? Не будь ненавистником, как Паттон.

- Я не ненавистник. Но ты чертовски сводишь меня с ума, Вера, - сказал он, потирая затылок. - Я скажу как есть, ты меня немного беспокоишь.

Я переключилась на него. Полностью развернулась к нему, оставив средство для чистки окон на подоконнике. - О чем ты говоришь? - спросила я, сердце восстанавливала ритм.

Он указал на музыку. - Ты каждый день слушаешь тяжелый рок. И сколько не убирай, всего не уберешь. Я разговариваю с тобой, но ты и половины не слышишь. Ты только тень моей сестры.

Неприятно было слышать это от него. Неужели это так очевидно? Я открыла рот, чтобы возразить, но он продолжил.

- Позже в тот же день, а иногда и по утрам, ты уже самая счастливая. Ты как глупая, со стеклянными глазами, чертова кукла, ты улыбаешься, и это здорово. Но ты все еще не здесь. Потом у тебя снова случается приступ ПМС, - он поднял руки вверх. - Послушай, я знаю, что мы не рассказываем друг другу всего. Я знаю, что ты старше, и у тебя свои проблемы, у меня - свои. Но ты знаешь, что можешь всегда поделиться со мной. Знаешь, иногда это трудно, просто проживать жизнь? Такое чувство, что ты все еще в Испании.

Запершило в горле. Мои глаза щипало. Он был прав. Я не вернулась из Испании вообще.

Он протянул руку и закрыл дверь. - Ты не должна мне рассказывать, что там случилось, но... Я думаю, для нас так будет лучше.

Мой брат был прав. Я действительно ему ничего не сказала. Только то, что скучаю по друзьям, и он знал, что эта поездка значила для меня. Но когда дело дошло до Матео, я не произнесла ни слова. Джош даже не знал его имени.

Он был единственным в семье, кому я могла по-настоящему доверять, на кого могла положиться. Он всегда меня поддерживал, когда другие отворачивались. Я задолжала ему правду, как бы глупо это не звучало, в конце концов.

Тяжело вздохнув, я села на кровать и похлопала рядом с собой.

- Садись, - сказала я. - Сейчас будет фигня в духе Николаса Спаркса.

Он неохотно сел, прекрасно зная, что я ненавижу Николаса Спаркса: книги и фильмы. Я все ему рассказала: с того момента, как я села в автобус в Мадриде и до того, как смотрела в зеркало заднего вида такси на Матео.

Джош потерял дар речи и сидел с широко открытыми глазами. Я встала и налила себе воды, в горле пересохло от разговоров, а потом рассказала ему о последнем месяце, о наших телефонных звонках и как это отразилось на мне.

- Ну вот, - сказала я, громко выдыхая. - Вот и вся история. Все это грязная, постыдная правда. Ты теперь меня ненавидишь?

Он нахмурился, бросив на меня недоуменный взгляд. - Почему я должен тебя ненавидеть?

- Потому что, - сказала я. - Я спала с женатым мужчиной.

- Но ты любишь его, - серьезно сказал он. - И я никогда не видел тебя такой раньше. Ты не любила, Вера. Ты держала всех на расстоянии.

- Я это делала?

Он кивнул. - Возможно, ты не осознаешь этого, но ты так и делала. Мне, кажется, ты просто замкнулась в себе. Для всех моих подруг это не характерно, но для тебя это словно зуб вырвать. И этот чувак, Матео, он смог до тебя достучаться... я не знаю. Я знаю только, что это хорошо.

Хм. Новое узнаешь о себе.

- То есть, я не завидую тебе. - Он встал и потянулся, вытягивая руки над головой. - Потому что, если вы двое когда-нибудь снова будете вместе, даже если вы просто будете продолжать то, что делаете сейчас и разговаривать по телефону, будут последствия. В какой-то момент это все дермо вылезет наружу. Так всегда бывает.

- Как у папы с Джуд, - печально сказала я, глядя вниз на цветок лилии у меня на пальце, рассеяно обводя линии.

- Да, - сказал Джош мрачно. - Как у папы с Джуд. - Он повысил голос. - Но это крайний случай. У них это продолжалось много лет. Он просто обманывал маму, хотя я и уверен, что они больше не любили друг друга. Все, что я помню, это ссоры, как мама и

папа ненавидели друг друга и жили вместе только из-за нас. И в итоге она узнала... все остальное мы знаем.

Я не могла делать вид, что не думала об этом каждый раз, когда мое сердце вздрогивало от радости. Словно я не позволяла себе быть счастливой все это время, потому что знала, на чужом несчастье счастья не построишь.

- Я должен сказать, - продолжил он, - хотя, это ни в коем случае не извиняет папу, он реальный мудак. Полный. Но... я вижу, как он счастлив с Джуд, и, отчасти, я его понимаю. Но они выбрали не тот путь. Он должен был разойтись с мамой в ту же минуту, как только влюбился в Джуд... или, по крайней мере, ну ты знаешь... Не нужно было сохранять видимость, ну ты понимаешь, о чем я. Последствия были бы в любом случае, но они могли бы сберечь нам нервы - не нужно было ничего скрывать.

Я подняла на него глаза и увидела, что мой брат за минуту стал серьезным. Может быть, мы оба выросли за последнее время. - Я просто не понимаю, как что-то, вроде любви, может быть неправильным.

Он пожал плечами. - Я не думаю, что это может быть неправильным, если идет от чистого сердца. Я полагаю, вы могли бы прятаться и держать все в секрете, пока они не узнают. Но не ты. В том, что ты чувствуешь, нет ничего плохого, Вера... Мир не делится на черное и белое. - Он прочистил горло. - А теперь, если не возражаешь, я должен идти и вывести все дерьмо из моего организма. - Прежде чем уйти, он подмигнул мне.

За закрытой дверью, я снова вернулась к своим мыслям, почувствовала себя немного лучше, поговорив с Джошем. Это помогло мне понять, что я больше не одинока. К сожалению, разговоры не решали проблему. Я и правда не могла идти по этому пути, каждый день был борьбой между сердцем и разумом, между правильным и неправильным, между мечтами и реальностью.

Я должна взять все под контроль.

Сегодня вечером я не отвечаю на его звонки.

И следующим.

И следующим.

***

Прошло три дня после нашего разговора с Матео, после разговора с братом. Я надеялась, дура, что, если буду игнорировать его звонки, сообщения, письма, то он перестанет для меня существовать. Это не работало. Я была просто разбита. Я представила мысленно Изабель и сложила свои страдания и мысли в коробку, но я не была уверена, как долго смогу их сдерживать. Я не была такой же сильной, как Матео.

В третью ночь, Джош, уставший от моей хандры, снова пригласил меня со своими друзьями. В этот раз мы шли в «Cambie», в один из моих любимых баров. Он находился под номерами гостиницы, и здесь было дешевое пиво. Там были большие столы для пикника, так что мы часто сидели с кучей людей, которых даже не знали. Кухня не была слишком плохой, а еще там был бильярд и игровые автоматы. Хуже всего были туалеты: двери кабинок едва спасали от подглядывания и редко закрывались. Очевидно, в мужской уборной все должны были мочиться в длинное углубление.

Тем не менее, мне здесь нравилось. Дешево и сердито, без претензий, и не больше одной драки за ночь. Плюс летом вы могли сидеть в просторном дворике и пить, и вас не будут донимать наркоманы, клянчивающие деньги.

К сожалению, когда мы пришли, бар был переполнен, и мы едва разместились в конце стола. Другую половину занимала свадьба, невеста с заячьими ушами и вуалью выглядела паршиво. Это заставило меня внутренне сжаться. Не то, чтобы она была пьяна и навеселе, или выходила замуж за богатого, и, не смотря на ее пьяные выходки, она выглядела совершенно счастливой и влюбленной.

Я ревновала. Я не была по-настоящему счастлива, только влюблена.

Я знала, что это будет странная ночь. Я быстро пила свое пиво, через каждые десять минут предлагая Джошу. Я слышала, как жених говорил о люксе для новобрачных, и мое сердце заполнилось пустотой и холодом. Со мной рядом сидел Адам, он стучал пальцами по столу и потирал нос. Я видела, как он зашел в туалет с Джошем, и

внимательно за ними следила. Мы оба бросилинюхать кокайн еще в средней школе, но я знала, что он сделал это по случаю.

Мне было мало, поэтому я купила себе еще одну бутылку и продолжила пить всю ночь напролет. Вскоре бутылка на столе стало больше, и я заметила, как почти флиртую с Адамом. Я думаю, что возвращается старая Вера.

Я стрельнула сигарету у друга Джоша, Бреда, и, шатаясь, вышла в теплый ночной воздух. Я чувствовала, что медленно теряю себя, осушаясь как пустые стаканы. Я плохо соображала, что делала, мне просто нужно было излечить сердце, отвлечься от раны в груди, чтобы это прекратилось. Все, о чем я могла думать, так это о Матео: где он сейчас, был ли он с женой. Они в постели? Он целовал ее? Был ли он снова в нее влюблен? Каждая мысль была подобна кинжалу, который снова и снова вспарывал мне живот, мои плечи поникли, пока я стояла там, на улице, окутанная сигаретным дымом.

Я думала, что игнорируя его, могла заставить все это уйти. Но я не могла. Становилось только хуже.

- Эй, - услышала я Адама, когда он подошел ко мне. – Могу я затянуться?

Я слегка улыбнулась ему, пытаясь разогнуться от боли. Я передала ему сигарету, и его палец коснулся моего. Я ничего не почувствовала. Он продолжал смотреть на меня, часто мигая, крылья носа дергались, когда он затягивался.

- Так как ты? - спросил он. - Как себя чувствуешь прямо сейчас?

Я поджала губы. - Пьяной. Я чувствую себя пьяной.

Он улыбнулся. Получилось несколько хищно. - Хорошо. В этом нет ничего плохого, чувствовать себя свободным.

Я пожала плечами. – Кажется, нет.

Я потянулась за сигаретой и чуть не упала. Он поймал меня за руки, крепко удерживая на месте. - Только посмотри, как ты собираешься идти, - сказал он.

Я тупо кивнула. Он взял меня за руку и повел вверх по улице, по вонючему, темному и грязному переулку.

Вдруг он выбросил окурок, прижал меня к кирпичной стене и засунул свой язык мне в рот. От него несло пивом и никотином. Пребывая в шоке, я позволяла ему целовать себя. Я даже целовала его в ответ. Мне хотелось почувствовать чьи-то объятия, что я кому-то нужна.

К сожалению, это был не просто поцелуй. Он щупал меня, больно тиская мою грудь и пытаясь стащить с меня джинсы. В голове раздавался звон колокольчиков, прорываясь через опьянение, эмоциональный барьер. Это нехорошо.

- Адам, - сказала я, - стоп.

- Что случилось с девушкой, которая флиртовала со мной? - сказал он, кусая мою шею так сильно, что я подумала, он высасывает из нее кровь.

- Я не шучу, - сказала я. Затем попыталась освободиться от его объятий, но он схватил меня за горло и толкнул обратно к стене - я ударила головой. Моргнула, ко мне подступил страх. О, боже. Что, если он не отступит?

- Ты не шутишь, - прорычал он. - Все знают, что ты шлюха, раздвигающая перед всеми ноги. А со мной что не так? Недостаточно хорош для твоей блэдской задницы?

- Пожалуйста, Адам, - сказала я, пытаясь вдохнуть сквозь сжатое горло. Он что, черт возьми, под кайфом? - Мне жаль, если ты подумал, что я тебя провоцировала...

- Ты такая лгунья, - сказал он, затем поцеловал меня снова, пытаясь стащить с меня джинсы. - Блядь, шлюха думает, что слишком хороша для меня.

- Ты пьян. Пиздец.

- Ты моя.

Я не могла двигаться, хватка на горле была железной. Я открыла рот, чтобы закричать, но он быстро закрыл его второй рукой, на мгновение оставив мои джинсы. Его руки блуждали назад вперед, лицо покраснело, рот изогнулся в усмешке. Никогда не видела ничего уродливее.

- Заткнись и наслаждайся, - сказал он. - Я знаю, что ты хочешь. И с чего вдруг ты стала ломаться. Сучки не меняются.

- Какого хрена ты делаешь? - Я услышала Джоша позади Адама. Оглянулась через плечо, чтобы увидеть, как брат бежит к нам. В считанные секунды он положил руку на плечо Адама, отрывая от меня.

Я хватала воздух ртом, опускаясь вниз по стене, пока не оказалась на земле, и наблюдала за тем, как Джош врезал Адаму по лицу.

- Что за черт? - закричал Адам, держась за нос.

- Это, блять, моя сестра, ты, ублюдок, - закричал Джош, теперь уже ударив сбоку. Я никогда не видела брата дерущегося и не подозревала, что он на это способен. Но сейчас он был так разъярен, что казалось, убьет Адама.

- С первого дня все к этому шло, - кричал Адам, пытаясь защититься руками от Джоша. - Она этого хотела.

- Нет, - сказал Джош, указывая на меня, дрожащую на земле. - Она, блять, этого не хотела.

- Все знают, что она шлюха.

Джош ударили его еще раз - этого было достаточно, чтобы Адам упал на землю с глухим ударом. Затем он подошел ко мне и бережно взял за руки, поставив на ноги. - Ты в порядке? - спросил он, глядя на меня.

Я покачала головой, не в силах говорить из-за застрявшего в горле кома.

Он обнял меня. - Идем, я отведу тебя домой.

Я слабо кивнула, и он повел меня к дороге, ловить такси.

Оказавшись в машине, он снял свою кожаную куртку и накрыл мне плечи.

Мы молчали несколько кварталов, путь нам освещали неоновые лучи ночных города.

- Вера, - тихо сказал он, - я всего лишь твой брат. Я не Мерси или мама. Я не собираюсь учить тебя, как жить. Но так больше продолжаться не может.

Я посмотрела на него, видя, как тени играют на его лице. - И что делать? - спросила я раздраженно. - Ты думаешь, я просила об этом?

- Нет, - сказал он быстро. - Я знаю, что нет. Я знаю, кем ты была и кем стала. Но... я чувствую, что ты становишься той, кем вовсе не хочешь быть. Пропиваешь свою печаль и загоняешь себя в такие стрессовые ситуации, с которых потом выбираешься в одиночестве. Ты должна лучше к себе относиться.

Ты должна больше себя ценить, звенел в моей голове голос Матео.

Я издала всхлип, воспоминания о том, как он поймал нас с Дэйвом, болью отозвались у меня в голове. Матео. Он так хорошо меня знал. А я отталкивала его, потому что это было слишком тяжело. Он заслуживает лучшего.

Джош заключил меня в объятия. И не отпускал в течение всей поездки.

Вернувшись в свою комнату, пошатываясь, я закрыла за собой дверь и набрала номер Матео. Я нуждалась в нем больше, чем когда-либо.

Он долго не брал трубку. - Да, это Матео. - сказал он медленно, почти вопросительно. Я знала, что звоню не в подходящее время, но он видел мой номер и теперь притворяется.

- Матео, - меня душили слезы, грудь сдавило.

- Si, - сказал он.

- Я так сожалею. Я так сожалею, мне очень жаль, что я так поздно звоню, но мне просто необходимо тебя услышать... - я замолчала и разразилась рыданиями.

Где-то там я услышала женский голос. - Quien es? (Кто это?) - Я затаила дыхание.

- Si, - сказал Матео напряженным голосом. - Te llamare de Nuevo, estoy teniendo el desayuno. (Я перезвоню тебе, у меня завтрак).

Затем он повесил трубку. Я понятия не имела, о чем он говорит. Я почувствовала, как страх сжимает меня холодными тисками - может зря я позвонила. Я легла в кровать и, перевернувшись на бок, свернулась в клубочек. Я пыталась представить, как он меня обнимает, его губы на моем лбу, добрые понимающие глаза, но не смогла. Я просто не могла. Он был прав. Этого никогда не будет достаточно.

Я была в полудреме с залитым от слез лицом, одеяло промокло подо мной, когда раздался звонок. Это был Матео. Я скажала телефон в руках, боясь выронить.

- Матео? - я тихо плакала.

- Вера, Вера, - его голос дрожал. - Вера, моя Эстрелла, что случилось?

Я еще некоторое время не могла ничего сказать. Наконец, я выдавила. - Я скучаю по тебе. Я так по тебе скучаю.

- Я тоже по тебе скучаю. Ох, Эстрелла, моя звезда. Ты не представляешь. Понятия

не имеешь как. Я беспокоился о тебе, ты не отвечала на мои звонки и письма. Я думал, что ты разлюбила меня. Мое сердце было разбито.

Я сжала кулаки на груди. - И мое тоже. Это так тяжело. Я больше так не могу.

- Пожалуйста, пожалуйста, Вера, не говори так. Всегда есть выход.

Здесь не было. Был только один путь. И каждый раз, когда я об этом думала, то чувствовала себя виноватой.

- Ты мне нужен, - сказала я ему. - Я слишком сильно в тебе нуждаюсь, слишком сильно по тебе скучаю. Я думала, если игнорировать проблему, она просто исчезнет.

- Проблему?

Я облизала сухие губы. - Да. Проблема в нас.

- Можно иметь и хорошие проблемы, - тихо сказал он. - Пусть лучше будет такая проблема, чем бы тебя вообще не было у меня. Разве ты не чувствуешь то же самое?

Я не была уверена. Все, что я знала – мне было постоянно больно, и его голос был единственным, что позволяло мне отвлечься. - Я чувствую то же самое, - сказала я ему. Затем глубоко вздохнула, пытаясь выровнять дыхание. Что за ебнутая ночь.

- Я рад этому.

Я едко рассмеялась. - Я не знаю. У меня сердце шлюхи.

Я услышала шум двигателя. - Где ты сейчас? Я сожалею, что позвонила тебе. Я знаю, что это... рискованно.

- Это хорошо, что ты мне позвонила, - сказал он. - Я просто завтракал. Сейчас еду на работу.

Я не стала спрашивать, с кем он был, поскольку знала, что это была его жена. - Что было за завтраком?

- Много мамы и шахматы.

Я растянула губы в широкой улыбке. - Мое любимое.

Проснувшись на следующее утро, я чувствовала себя лучше, чем накануне. Это было хорошее начало.

Глава 21

Ровно через семь недель после того, как мы с Матео расстались на залитых слезами улицах Мадрида, я получила телефонный звонок, который изменил мою жизнь.

Было 3:30 утра, когда раздался мой телефон, вырвав меня из сна без сновидений. Я схватила его и посмотрела на экран. Это был Матео.

Мое сердце ухнуло, голова лихорадочно стала работать - было что-то неправильное в том, что он звонил мне в середине ночи. Я не знала, сколько времени было в Испании, но ему должно быть известно, что я уже сплю.

- Привет, Матео? - отчаянно прошептала я в трубку, не желая разбудить весь дом.

- Вера, - сказал он заплетающимся языком. Мою кожу кольнуло от звука знакомого голоса. Мы не говорили с ним уже несколько дней, только переписывались.

- Что случилось? Ты в порядке?

- Я... кажется, да.

Я села и с трудом сглотнула. - Звучит не очень.

- Просто... - он замолчал на несколько минут.

- Что?

- Я подал на развод сегодня.

Я положила руку на грудь, чтобы убедиться, что сердце на месте. - Что? - И тихо заплакала. Я была поражена, ошеломлена, мой мозг замкнуло. - Я не понимаю.

- Больше так нельзя. Мы знаем это. И она знает.

- Вот черт, - сказала я. - Извини. Я... я просто в шоке. Я не знаю, что сказать. Она была... расстроена?

- Конечно, - сказал он. - Она не хотела развода, но я не могу заставить себя полюбить ее. Думаю, что в глубине души она тоже меня не любит. Мы были вместе только из-за Хлои Энн.

Дерьмо. Это было так реально.

- Когда ты... когда все закончится? - тихо спросила я.

- Ну, я не знаю. Все зависит от ситуации. Она пошла на это. Однако я не согласен с постановлением судьи о совместной опеке.

- Они думают, что ты плохой отец? - я знала, как Матео любит дочь.

- Вовсе нет. В Испании мать всегда получает опеку. Я должен обратиться в суд для совместной опеки. Я бы мог отдать ей полную, но не слишком доверяю ей в том, что касается посещений. Она может спрятать от меня дочь, и я никогда больше ее не увижу. Я видел, как это было у нескольких моих друзей, я не смогу этого вынести.

Это так тяжело. Я слишком молода, чтобы иметь разведенных знакомых и не знаю, как это бывает. На секунду мой возраст дал о себе знать. Но были вещи куда посеребрее, чтобы беспокоиться о нем. У Матео были проблемы, и я должна быть рядом, но с другой стороны боялась, я не знала, что делать.

- Ты должен платить элементы Изабель?

- Нет, - сказал он. - У нее были деньги и до брака. Судья требует выплаты элементов, если мать не обеспечена финансами. Я уверен, что Изабель не сильно пострадает, если не получит от меня ни копейки: ее родители и родственники позаботятся о ней лучше, чем я. Но ради Хлои Энн я буду платить больше, чем положено. Я дам ей столько, сколько смогу.

- Я сожалею, - тихо сказала я, чувствуя его боль. - Могу только представить, как тебе сейчас тяжело.

- Не жалей, - сказал он. - Да, это будет трудно. Но я буду бороться. Я верю, все получится. Я хотел этого, Вера. И я хочу тебя.

Кровь в моих венах закипела.

- Ты не делаешь это ради меня, - прохрипела я, больше утверждая, чем спрашивая. - Пожалуйста, скажи, что ты это делаешь не для меня.

- Моя Эстрелла, - сказал он. - Я сделал это для себя. Даже если ты не согласна с тем, что я не посоветовался с тобой, это все равно должно было случиться. Восемь лет - большой срок, чтобы понять, что ты несчастлив.

Я затаила дыхание, которое застряло у меня в глотке. - Ты собирался меня о чем-то спросить?

- Приезжай жить со мной.

Я слышала отчаяние в его голосе, которое проникло мне в сердце сквозь стальные ворота, выпуская бабочек. Я закрыла глаза, отдавшись ощущениям, что этот человек любит меня и хочет меня так сильно.

Но одна за другой бабочки падали. Мое сердце снова закрылось.

- Я не могу, - удалось мне сказать. - Ты же знаешь, я не могу.

- Я буду ждать тебя здесь. Я буду заботиться о тебе. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

- Моя учеба, - сказала я. - Мой диплом. Я просто не могу бросить все сейчас. У меня еще один год.

В комнате повисла тишина.

- Может, через год, - продолжила я, хватаясь хоть за что-то.

- Нет, - сказал он категорически. - Я не могу ждать год. За этот год ты можешь стать чей-то звездой. Я не могу этого допустить. Ты принадлежишь мне, и только мне.

- Я буду ждать тебя, - сказала я слабым голосом, чувствуя себя так, словно попала в фильм про Вторую мировую войну.

- Тебе двадцать три года, - сказал он хрипло. - Я ни в коем случае не прошу ждать меня. Вера, ты мне нужна. Я люблю тебя. Будь это в моих силах, ты была бы здесь уже сегодня вечером.

Мои пальцы сжались в кулак возле груди, сердце кольнуло. Бог ты мой, как я сильно его хотела: просто быть в его объятиях, чувствовать биение его сердца, целовать его красивое лицо. Блять, это медленно меня убивает. Все это время, каждый день, с тех пор как мы расстались, я медленно умираю.

- Может быть, ты мог бы приехать сюда? - сказала я, сдерживая слезы. - Ты мог бы открыть новый ресторан...

- Ты же знаешь, я бы в мгновение ока, - заверил он меня. - Но я не могу оставить свою дочь здесь и не могу взять ее с собой. Я должен остаться в Испании. В Мадриде, - тихо сказал он. - Тебе бы здесь понравилось. Ты могла бы найти работу, если захочешь, или я позабочусь о тебе. Мы могли бы создать Вселенную. Это было бы так красиво. Пожалуйста. Пожалуйста, подумай об этом.

У меня не было выбора, кроме как думать об этом. Любовь всей моей жизни зовет меня в Испанию, чтобы быть с ним. Это было все, о чем я могла думать - до этого дня я умирала.

- Матео, я люблю тебя, - сказала я ему. - Пожалуйста, помни об этом.

- Я знаю, - сказал он. - Но я не хочу, чтобы ты любила меня на расстоянии. Я хочу, чтобы ты любила меня здесь, в моих объятиях.

Бабочки снова запорхали: их крылья задевали ребра, оставляя после себя след из пузырьков шампанского. Этот чертов мужчина. Этот очаровательный, красивый, страстный мужчина. Он вселял в меня надежду снова и снова - это опасная и безжалостная вещь.

- Не ставь на нас крест, - продолжал он, разжигая пламя. - Я не смогу.

- Я позову тебе на дниах, - сказала я, снова обретая дар речи. - Пока.

Он отключился. Мой телефон молчал. Я осталась одна, но на этот раз с бабочками и хаосом в голове.

Ждут, чтобы выпустили.

***

Следующим утром я встала рано и пошла по коридору, чтобы поговорить с Джошем. Я хотела застать его, прежде чем он уйдет на работу. Я не сомкнула глаз после звонка Матео и провела остаток ночи, перебирая в голове все плюсы и минусы. Я не могла поверить, что на самом деле это происходит.

- Джош? - позвала я, осторожно касаясь ручки. - Ты не спишь?

За дверью я услышала его ворчание. Моя мама собиралась в своей комнате, и я хотела, чтобы ее дверь оставалась закрытой. Я рискнула и слегка приоткрыла дверь, просовывая голову. К моему удивлению, здесь не воняло табаком, как было раньше.

Он открыл дверь, прищурившись на меня одним глазом, его волосы растрепались.

- Поспиши тут с тобой, Вера, - проворчал он.

- Ты одет?

- На мне есть одежда, если ты это имеешь в виду.

- Мне нужно с тобой поговорить, - сказала я. Он посмотрел на меня и одарил хмурым взглядом.

- Ладно, - сказал он, впуская меня в комнату.

Я закрыла за собой дверь и скинула со стула порно-журналы. Нахмурилась, подбирав их, и помахала ему. - Люди до сих пор покупают это? Я имею в виду, что в интернете полно порно. Бесплатного порно.

Он сел на кровать и пожал плечами. - Я старомодный, что еще могу сказать?

Я закатила глаза. - Фу.

- Так в чем дело? Я полагаю, ты пришла сюда не для того, чтобы обсудить порно с родным братом.

Я поморщилась. - Нет, конечно, я не такая извращенка. - Я вздохнула, понимая, что меня заносит. - Так... Матео разводится.

Его глаза на лоб полезли. - Вот дермо.

- Это точно, - сказала я. - Он позвонил мне вчера вечером, чтобы сказать об этом.

- Черт! Ну... я полагаю, все хорошо, верно? Я так думаю. Как я и говорил – это правильно. Не будет больше лжи.

- Да, но что теперь будет с его дочерью? Посмотри, кем я стала.

- Я думаю, что принять развод ребенку гораздо легче, чем подростку. Тебе было тринадцать. Я думаю, ты пережила это хуже, чем я в свои одиннадцать.

- Это моя вина.

Он нахмурился и криво усмехнулся. - Вера, это не решает проблемы, но я бы не назвал тебя разлучницей. Просто так случилось. Очевидно, он был несчастен. Черт, не лучше ли быть счастливым?

- Но какой ценой?

- Послушай, Вера, я знаю, что ты будешь винить себя во всем и все такое, но, честно говоря, все к лучшему. Ты знаешь об этом, и это не делает тебя плохим человеком. Дерьмо, есть и похуже люди в мире, которые делают обидные, злые вещи. Вы просто влюбились друг в друга - это не грязь. Это жизнь. Так бывает. Матео не влюблялся, чтобы расстроить жену и получить развод. Вы не знали, что все этим закончится. Ты не какая-то роковая женщина, ищащая женатого мужчину, как в одном из ваших фильмов. Не мучай себя. Все будет хорошо.

Я прочистила горло. - Он позвал меня жить с ним.

Теперь он был ошеломлен. - Извини, что?

- Он просит меня переехать в Мадрид, жить с ним. Сейчас.

Он сухо рассмеялся. - Ты не можешь.

- Знаю.

- У тебя же учеба.

- Знаю.

- Ты не можешь ехать туда.

- Он будет ждать меня.

Он закусил губу и кивнул. - Понимаю.

- Да.

Повисла гнетущая тишина, мы обдумывали всю эту ситуацию.

- Так, - сказал он, - ты собираешься сказать ему «нет»?

Я отрицательно покачала головой. - Нет.

- Вера...

- Я не сказала ему «да». Я просто... мне нужно было поговорить об этом. Мне нужно будет найти работу из-за этого.

- Ну, я могу помочь тебе с этим. Но главная причина, по которой ты не можешь поехать, это твоя учеба. Почему бы не подождать до окончания?

- Я не хочу ждать, - сказала я. - Ожидание угнетает меня.

- Так драматично.

Я подняла руки вверх. - Какой смысл мне оставаться здесь? Я ненавижу каждую

минуту в университете. Да, я хочу закончить обучение, но это можно сделать и в Мадриде. Я просто... чувствую, если не сделать это сейчас, то все потеряю, а я не могу этого допустить.

- Я вот думаю, если ты не можешь быть безрассудной и рискованной в двадцать три года, то когда же сможешь? - задумчиво пробормотал он.

Я кивнула. - Я не беспокоюсь об учебе. Что такое дополнительный год? Я знаю себя. Я знаю, что, так или иначе, получу свой диплом. Проблема не в этом.

- А в чем тогда?

- Остается много неопределенностей. Что, если ничего не получится?

- Тогда ты вернешься домой.

- Но... - Я едва могла об этом думать. - Я не думаю, что переживу это. - Я поймала его взгляд. - И не говори мне, что я драматизирую. Я даже не знаю, достаточно ли наши отношения сильны, чтобы перебраться туда и начать новую жизнь. Только ради него.

- А как насчет твоей подруги Клаудии?

Я выдохнула через нос. - Да, слава богу. Но, несмотря на это, у нас не то же самое. Что, если отношения, которые были у меня в Лас Палабрас, могли выжить только там? Что, если здесь они не имеют будущего?

Он запустил руку в волосы, от чего его прически выглядела еще хуже. - Послушай, Вера. Ты в него влюблена, а он - в тебя. Очевидно, ваши чувства достаточно сильны, чтобы иметь будущее. И большое расстояние - это хреново. В любом случае я тебя поддержу. Я только хочу, чтобы ты мне пообещала одну вещь.

- Что? - я посмотрела на него с любопытством.

- Если ты решишь остаться здесь, пожалуйста, перестань плакать и хандрить из-за него.

- Если я здесь останусь, то только это мне и останется.

- Вот ты и получила свой ответ.

Дерьмо. Чертов Джош, и когда он стал таким умным? Он был прав. Я боялась рискнуть из-за неопределенности, рискнуть ради любви, переехать в другую гребаную страну к парню. Я знала, что это было бы лучшим решением в моей жизни. Если бы я сказала Матео нет, то разбила бы и его, и свое сердце. И я была бы несчастна в течение очень долгого времени, а остальную часть своей жизни я бы задавалась вопросом, не совершила ли ошибку.

Я не хотела прожить жизнь с сожалениями. Я буду сожалеть лишь о том, что не сделала этого. Вот, что я говорила себе, когда регистрировалась в Лас Палабрас. Я не хотела в тридцать лет оказаться замужем за каким-то чуваком и думать о том, как могла бы измениться моя жизнь, если бы я просто следовала зову своего сердца.

Потому что мое сердце, которое уже страдало, осталось в Испании.

Я сделала глубокий вдох и встала. - Ну, я решила лететь в Испанию.

Джош улыбнулся. - Я полагаю, что снова потеряю свою гребаную сестру.

Я надулась, невзирая на бабочек у меня внутри. - Иди ты.

- Я просто пошутил, - сказал он. - Может, когда-нибудь я загляну в гости.

- У него есть сестра, которой двадцать пять.

- О, женщины старшего возраста - моя слабость, - сказал он с иронией.

Я взяла журнал и бросила в него.

Он рассмеялся и поднял его. Несколько мгновений он смотрел на него пустыми глазами, прежде чем отложил его в сторону и взглянул на меня. - Когда ты собираешься сказать маме?

О, боже.

Почему, черт возьми, я думала, что могу улететь в Мадрид, не поговорив с мамой? Блять. Она убьет меня.

Я не могла пошевелиться. Джош встал и положил руку мне на плечо. - Эй, дай мне знать, когда соберешься ей сказать, я поддержу тебя, ладно? А теперь вали отсюда, я хочу спать.

Я слабо кивнула и вышла из комнаты. Я слышала маму, она была в своей комнате в конце коридора. Я решила поговорить сначала с Матео и получить билет на самолет, а потом и ей сказать. Она уже оплатила мое обучение, и разговор предстоял нелегкий, когда так много было поставлено на карту.

В конце концов, я больше поставила на карту. Мне просто надо было дать ей это понять.

***

Все происходило быстро. Как только я привела мысли в порядок, то поговорила с Матео. Радость, которую я услышала в его голосе, согрела мое сердце. Я была очень взволнована и возбуждена, но такая чертовски счастливая. Он чувствовал себя хорошо, что поступает правильно. Матео купил мне билет на Iberia Airlines с пересадкой: из Ванкувера в Нью-Йорк, затем в Мадрид, на двадцать пятое августа.

Естественно, я должна была поговорить с Клаудией. Она тоже была взволнована и почти так же возбуждена, как и я. Было так хорошо ощущать себя желанной, что за тобой скучают. Я чувствовала, что смогу начать новую жизнь там, в конце концов.

Новая Вселенная.

Потом я позвонила Джослин, чтобы дать ей знать. Я не знала, как она отреагирует, может, посчитает меня сумасшедшей. Я писала ей о Матео, а когда она приезжала в Ванкувер после того, как я только вернулась из Испании, то у нас были слезные разговоры о том, что наши отношения обречены. Она никогда меня такой не видела и опасалась, что я вернусь в Саскачеван. Но новость, что я переезжаю в Испанию, она восприняла на удивление хорошо.

- Делай то, что сделает тебя счастливой, – сказала она.

- Матео делает меня счастливой, - пошутила я.

Она вздохнула. - Такое романтическое имя. Матео Казаллес. Вера Казаллес тоже неплохо звучит. Как будто имя испанской королевы.

Я вздрогнула при упоминании испанской королевской семьи. – Ну, никто еще не выходит замуж.

- Нет, я полагаю, нет, - сказала она. - Тебе только двадцать три и вся жизнь впереди, и я не удивлюсь, если он больше не захочет жениться, снова иметь детей.

Это больно. Я уже говорила, что Джослин может быть действительно тупой?

- Я имела в виду, что мы мало знаем друг друга и, наверное, должны какое-то время пожить вместе, прежде чем это произойдет. Или ты знаешь, о чём говоришь.

- Ох, извини, Вера. Но ты не должна исключать этого, когда поедешь туда. Я полностью поддерживаю твоё решение лететь в Испанию за любовью, хотя я не так часто вижу тебя, но хочу уберечь твоё сердце.

Разве она не понимала, что слишком поздно для этого?

Закончив разговор, у меня выдалась минутка, прежде чем она напишет мне на Facebook или где еще. Самое время поговорить с мамой.

К сожалению, я выбрала день, когда у нас была Мерси. Они с мамой на кухне были заняты выпечкой. Джош взял дополнительные смены на неделе, так что не будет лучшего момента, если мне нужна его поддержка.

Я чувствовала, как в груди образовался камень. Тьфу. Это будет нелегко.

Я пошла к Джошу в комнату и бросила на него взгляд. «Пора».

Он кивнул и вышел за мной, и мы пошли по коридору. Можно было подумать, что я собираюсь на войну.

Мы зашли в кухню. Мама потягивала вино, глядя на Мерси поверх очков. На ней был стильный фартук, который, вероятно, она принесла из своей квартиры, ее волосы были зачесаны назад в одну из тех причесок, что заставляла меня чувствовать себя дикарем, когда я пыталась сделать то же самое. Она терла пармезан в миску, рядом стояла кастрюля с безглютеновой лазаньей.

Я встала с другой стороны стола и прокашлялась, они посмотрели на меня и Джоша.

- Что такое, дорогая? - спросила мама.

О, она не будет называть меня дорогой через минуту.

Я посмотрела на Джоша. Он кивнул мне ободряюще.

Я чувствовала себя плохо, была вся на нервах, желудок скрутило.

- Мне нужно вам кое-что сказать, - сказала я, мой голос был не громче шепота.

Мерси положила сыр и подняла вопросительно голову.

Я боялась смотреть им в глаза и поэтому смотрела в одну точку. Я прочистила горло. - Я решила переехать в Испанию.

Повисла тишина. Я рискнула и подняла глаза.

Моя мать подняла бровь. - Ладно. Ну, я думаю, мы можем обсудить это.

Мерси посмотрела на нее, пытаясь прочитать выражение ее лица. Она втянула воздух и сказала. - Конечно, Вера. Я видела, ты была по-настоящему счастлива там.

- Тебе нужно больше работать, - сказала мама. - Но это не должно мешать учебе.

- Я собрала много денег за год, - сказала Мерси. - Это трудно, но выполнимо.

- Когда ты хочешь лететь? - спросила мама. - Следующей осенью? Я не думаю, что ты будешь работать следующим летом. У Мерси свадьба и все такое.

- Да, моя свадьба.

О-о, мой брат.

Я чувствовала, как Джош толкает меня.

Я сглотнула. - Я собираюсь на следующей неделе.

Мерси уронила терку. Она с грохотом приземлилась, что эхом раздалось по кухне.

- Что? - зашипела моя мама.

- Ты шутишь, - сказала Мерси, качая головой. Она посмотрела на Джоша. - Что с ней случилось? Это что, шутка?

- Нет, - сказал Джош. - Я к этому не имею отношения, я здесь для поддержки.

Ну, спасибо тебе, Джош. Но теперь уже поздно. Они уже зарядились. Мне было интересно, как долго я смогу держать в тайне наше с Матео общение.

- Ты этого не сделаешь, - сказала мама, ставя бокал. - У тебя учеба. Господи, Вера. Включи мозги. Я иногда удивляюсь тебе и твоим фантазиям.

- Я не собираюсь в этом году учиться.

- Этому не бывать, черт возьми, - прорычала она, по-настоящему начиная злиться.

- Я беру годовой отпуск. Или, может быть, два. Или, может быть, я поступлю в Мадридский университет. Уверена...

- Ты снова подсела на наркотики? - спросила Мерси, сложив руки вместе и поджав губы, как будто это как-то влияло на ее жизнь.

Я посмотрела на нее. - Нет, я не наркоманка. Я просто лечу в Испанию.

- Ты не можешь и не полетишь, - решительно сказала мама. - Подожди, еще отец твой узнает об этом.

- Могу. И почему ты всегда звонишь папе, когда что-то не так, а не когда все хорошо?

- Потому что с тобой всегда что-то не так, - съязвила мама.

Так. Ладно, не плачь, не плачь. Сказала я себе. У нее острый язычок и я знала, что так будет.

- Мама, - позвал Джош.

- Я разочарована, Джошуа, - сказала она ледяным тоном, что у нее получалось лучше всего. - Ты на самом деле поддерживаешь ее?

Он сглотнул, но кивнул. - Да. Она взрослый человек и может делать, что хочет.

- Нет, - вставила Мерси. - Она не может. Учебу оплатили мама с папой. Она практически ничего не заработала в своей программе. Она не сможет попасть в Испанию, даже если захочет. - Сказала так, словно это уже сложившийся факт.

- У меня уже есть билет на самолет, - сказав это, я знала, что разворчу змеиное гнездо. И этого уже не остановить.

- Как, черт возьми, ты купила билет на самолет? - спросила мама. Она занервничала и посмотрела на Мерси, словно искала правды.

- Мне купили.

- Кто? - спросила она.

- Человек, которого я люблю.

Тишина. Я слышала, как гудел холодильник. Где-то залаяла собака. Кровь застучала у меня в жилах.

Мама выглядела растерянной. - Что за парень?

Мерси вдруг вскрикнула. - Бог мой! - и прикрыла рот рукой.

Она все поняла.

- Что? - снова подала голос мама. - Что я пропустила?

- Это футболист! - заорала Мерси. Она указала на меня пальцем. - Ты влюблена в того футболиста!

Я видела краем глаза, как мама открыла рот. - Футболист? – Но все мое внимание было приковано к Мерси, поскольку в ее взгляде было заметно отвращение.

- Вера, он женат! - кричала она. – О, боже, ты связалась с женатым мужчиной?

- Что?! - завизжала моя мама.

- Он разводится, - сказала я неуверенно, как будто это поможет мне. Это не так. Ущерб нанесен.

- Бог ты мой, Вера, - сказала мама, схватившись за голову, словно сейчас упадет в обморок. Ее лицо вдруг побледнело. - Вера, ты просто глупая идиотка. Да что с тобой? Что с тобой не так?

- Я не идиотка, - беспомощно возразила я.

- У тебя был роман с женатым мужчиной! - Мерси вышла из себя. Она покачала головой и хлопнула в ладоши. - Я не верю... я просто не верю.

- Не драматизируй. Все не так.

- Ну да, конечно, не так. Мы знаем, как это бывает. Ты не могла не раздвинуть ноги, да?

- Заткнись, Мерси, - фыркнул Джош.

- Вера, - прошептала мама, держась за край стола. - Пожалуйста, скажи, что это шутка.

Я покачала головой. - Нет. Я лечу к нему в Испанию. И буду жить с ним. Я люблю его. - Она ахнула. Я продолжила. - Это не шутка, это действительно происходит.

- Ты просто шлюха, - выпалила Мерси. - И это после всего, что папа сделал маме? После всего, во что превратилась ваша жизнь? А как насчет меня? Я выхожу замуж в следующем году, замуж, и ты, такое эгоистичное блудное отродье, взяла и связалась с гребаным женатым мужчиной, каким-то испанским мерзавцем и думаешь, что это в порядке вещей?

Я не могла дышать. Мое лицо покраснело и вспыхнуло. Я почувствовала приступ паники, приводящий меня в ужас. Я боялась, что если сделаю еще шаг, то ударю сестру по самодовольному лицу.

- Эй, всем нам нужно успокоиться, - сказал Джош повелительным тоном.

- Иди на хрен, Джош, - сказала Мерси. - Ты ее покрывал, но сейчас тебе лучше не вмешиваться.

Меня не волновало, если бы Джош ушел. Причинить мне еще большую боль, чем сейчас, было невозможно. Я знала, что это будет нелегко, но, черт побери, не думала, что их слова так сильно ранят.

- Вера Элизабет Майлз, - сказала мама неожиданно жестко. Я устало на нее посмотрела, внезапно снова испугавшись. Мне не нравился этот тон мертвого равнодушия и разочарования.

Она резко вдохнула через нос. - Если ты покинешь этот дом, не закончив учебу, то больше никогда не получишь от меня ни копейки на обучение. И ты больше никогда не вернешься в этот дом.

- Мам! - крикнул на нее Джош. - Ты с ума сошла?

- Замолчи, Джошуа, - отрезала она, ее глаза сверкали. - Я не ожидала от тебя такого. Ты поддерживаешь сестру в ее самых идиотских начинаниях.

Ладно. Оказывается, может быть еще больнее. Мои внутренности скрутило, боль была почти физической, как будто мое тело жарили на открытом огне. Но она ведь несерьезно? Она просто погорячилась, приняла слишком близко к сердцу из-за отца и Джуд, правда?

Я с трудом сглотнула и уставилась на нее. Она смотрела прямо меня. Во взгляде не было никакой любви.

- Ты меня слышишь? - продолжила она с каменным выражением лица. - Если ты сейчас выйдешь за эту дверь на следующей неделе, то больше не вернешься сюда. Ты не получишь деньги на учебу. Ты получишь полную свободу. И я не думаю, что отец поможет тебе, он не захочет. Понимаешь? И если ты хочешь быть чертовой разлучницей, которая променяла свое будущее ради человека, который не может сдерживать себя, то ты

будешь страдать от последствий. Такие вещи не остаются безнаказанными в жизни.
Надеюсь, ты это поймешь, дорогая.

Дорогая меня убила. Навернулись слезы, застилая глаза, жгучие. Я кивнула, не в состоянии их сдерживать и, развернувшись, быстро пошла в свою комнату, мое сердце стучало где-то у горла, из легких вышел весь воздух.

Я закрыла за собой дверь и так стояла несколько минут, пытаясь осознать, что только что произошло, пытаясь собраться. Я чувствовала, что готова расклепиться в любой момент.

Я стояла на пороге новой жизни, неизвестного и единственная вещь, которая была бесспорной, состояла в том, что если я когда-нибудь решу вернуться, то возвращаться некуда.

Я рухнула на пол.

Я сделала свой выбор.

Глава 22

«Позор нам, обреченным с самого начала. Пусть Бог помилует наши маленькие, грязные сердца», пел мне тихо на ухо Трент Резнор. Я не знала о чем песня, которую я слушала на высоте 35000 футов над землей, смотря в окно на облака и горизонт, жизнь казалась мне куда более сложной. А сейчас мимолетной. Возможно из-за того, что в любой момент можно было упасть и разбиться. Возможно, потому что это заставляло тебя понять, насколько ничтожной была на самом деле твоя жизнь, и музыка была саундтреком к твоему прозрению.

Может всему виной удручающая песня, которую ты слушаешь. Я вздохнула, переключившись на следующую, пилот велел пристегнуться - мы садились в Мадридском аэропорту Барахас.

Я, как и раньше, не стала пристегиваться, а откинула голову на сиденье и смотрела в окно, как облака расступались перед самолетом. У меня было огромное дежавю, которое имело смысл, так как я приземлялась в Лондоне в конце мая с таким же нервным ознобом. Но в этот раз это было нечто большее, чем просто нервы: мое сердце, душа и жизнь находились на грани.

Последняя неделя в Ванкувере стала самой ужасной в моей жизни. Моя мама даже не смотрела на меня, и я больше не видела Мерси. Джош был моим спасительным кругом. Он был буфером между мной и миром разочарования, ненависти. Брат заставлял меня чувствовать себя любимой, что не могли дать мне другие.

Я была очень занята, пытаясь выяснить, нужно ли мне было подать заявление для разрешения на работу и на пребывание в Испании дальше положенного. Может канадец, работающий в Испании, и обычное дело, но не на такой большой срок. Сейчас самое главное было - просто попасть туда.

Разумеется, мама сказала все отцу, и он не был в большом восторге. Думал, что я совершила ошибку. Но он сказал, что если я когда-нибудь вернусь, то могу жить с ним в Калгари. Я действительно надеялась, что этого не произойдет, но было приятно знать, что он это предложил.

Я не хотела возвращаться в Канаду с клеймом шлюхи. Я все время думала об этом. Что, если семья Матео и друзья меня ненавидят? Что, если пыл угас, пока я отсутствовала? Что, если он решил остаться с женой ради дочери? Что, если он забыл нашу любовь и теперь думает, что вообще никогда не любил меня?

Я была настолько погружена в раздумья, к тому же сказывалась бессонница, что я даже не дрогнула, когда мы вошли в зону ужасной турбулентности при посадке. Мужчина рядом со мной вцепился в кресло так, что костяшки пальцев побелели, его тело напряглось, а я по-прежнему боялась потерять любовь.

Вскоре мы приземлились, и пока остальные выходили из самолета, с облегчением вздохнув - я приросла к месту, парализованная страхом. Я просто не могла этого сделать. Внезапно на меня нахлынуло осознание, каким поспешным было мое решение. И это был не просто голос матери у меня в голове, нашептывающий, что я рисую и совершаю огромную ошибку. У меня было пятьсот канадских долларов на банковском счете и не было возможности вернуться домой, если что-то пойдет не так. Когда ко мне подошла стюардесса и спросила все ли со мной в порядке, я ответила: «Могу ли я остаться в самолете и вернуться домой?». Она вежливо рассмеялась и, смерив меня взглядом, велела подниматься.

Я шла по аэропорту как в замедленной съемке, все было так знакомо и одновременно чуждо. Было приятно снова слышать испанскую речь, что вызвало у меня трепет, и хотя я не говорила по-испански, и в отличие от Лас Палабрас английский язык не перебивал его, это заставило почувствовать себя снова живой. Это был взрыв эмоций: «Эй, я сделала это, я здесь».

Мне было не по себе от всех этих страхов. Матео сказал, что встретит меня, когда я буду получать багаж, и мои нервы были на пределе. Изменился ли он? Какой я перед ним предстану? Осталась ли страсть? Неловкость? Я буду плакать?

Он все еще чувствует что-то ко мне?

Я ощущала себя как перед болезнью. Пройдя таможню, я нырнула в дамскую комнату и уселась, стараясь дышать и успокоить нервы. Я сосчитала до десяти и

поправила макияж, убедилась, что не растрепанна. Я выглядела нормально, немного с широко раскрытыми глазами, но в целом хорошо. Я надела платье с длинными рукавами, волосы заплела в косу - просто хотела выглядеть более презентабельно, когда прилечу.

Ладно. Время пришло.

Я вышла из туалета и отправилась в путь, мои глаза бегали по оживленному месту в поисках высокого испанского красавца. Я его не видела. Казалось, прошла вечность, прежде чем я получила большой чемодан, который мне дал Джош и рюкзак, затем двинулась дальше. Я была поражена тому, как вся моя жизнь уместилась в эти два предмета. Все остальное я была вынуждена оставить позади, Джош должен был позаботиться о том, чтобы мама ничего не выбросила. Не то, чтобы она собиралась, но, учитывая, как остро она на все среагировала, я не исключала такой возможности.

Я положила сумки на тележку для багажа и огляделась. Я ненавидела это ощущение, когда мне казалось, что он где-то рядом и наблюдает, но я не могла его видеть.

Через пять минут я по-настоящему начала паниковать. Что, если он не приехал за мной?

- Ты Вера? - Я услышала мягкий голос, совсем рядом.

Я обернулась и увидела девушку: высокая как модель, длинные, густые каштановые волосы и зеленые глаза. Она была одета в майку-борцовку зеленого цвета, которая не скрывала ее загорелой кожи, и мешковатые штаны, что попросту висели на ней.

- Да, - сказала я, неуверенно улыбаясь.

- Я - Лючия, - сказала она, обнажая белоснежные зубы. И протянула свою руку. - Сестра Матео.

- О, - медленно протянула я. Почему она здесь? Где был Матео? Затем пожала ей руку, черт, теперь я знала, кто передо мной. Иисус, где мои манеры? - Привет, - сказала я быстро. - Извини. Я только с самолета... хм, и ожидала увидеть Матео.

- Он приехал бы, но срочно умчался на встречу с адвокатом, - сказала она с понимающей улыбкой. - Он попросил меня прийти и встретить тебя.

- Как это мило, - сказала я, чувствуя себя ужасно. У меня не было безупречной репутации, ну, то есть, если он попросил ее приехать, то она знала обо мне. И она должна была поехать в аэропорт, чтобы забрать меня.

- Не беспокойся об этом, - сказала она, махнув рукой. - Тебе нужна помощь? - Она указала на тележку. - Я припарковалась недалеко, но придется пройтись.

- Нет, все нормально, спасибо.

- Уверена?

Мне нужно было что-то сказать. - Мне не нужна помощь. Я справлюсь.

Она улыбнулась и перебросила длинные волосы через плечо. Я уловила запах женских духов, но не поняла каких. Она шла чуть впереди меня, ключи от машины позывали в ее руке. Я поразилась, с какой легкостью она ходит в обуви на шпильках с ремешками.

- Мне нравятся твои туфли, - сказала я, когда мы вышли на улицу с серым небом и душным теплом.

- Mango, - ответила она. - Скоро начнутся осенние распродажи. Mango, Zara, Blanco - у них лучшие предложения. Можно купить кожаную куртку всего за сорок евро. Сорок! Из натуральной кожи. - Она посмотрела на меня через плечо. - Ты любишь ходить по магазинам? Мне нравятся твои татуировки.

- Э-э, спасибо, - сказала я, застигнутая врасплох ее дружелюбием. Наверное, это логично, поскольку ее брат был просто душкой. А еще я подумала, что если бы познакомилась с Лючией в другой ситуации, то была бы встречена враждебно, не так приятельски.

Я толкнула тележку вперед, пытаясь поспеть за ее длинными ногами. - Да, я люблю шопинг. У нас имеется Zara дома. У них красивые платья.

Она пожала плечами. - Более или менее. Это испанский магазин, да? Но мне кажется, что тебе больше понравится Blanco. После того, как ты обживешься с Матео, мы зайдем туда. - Она подняла ключи и щелкнула электронным замком, пока звук открывающегося замка не послышался где-то среди автомобилей. Она махнула мне

рукой, следовать за ней.

Вау. Это был серебристый двухдверный... Мерседес. Очевидно, что я не так хорошо знаю автомобили, но этот выглядел дорогого.

- Хороший автомобиль, - заметила я.

- Тебе он нравится? Мой друг купил его для меня, - сказала она.

- Отличный парень, - прокомментировала я, медленно кивнув.

- Да, - сказала она, глядя на меня с благодарной улыбкой. - Он любит баловать меня. Ты с ним тоже скоро встретишься. - Она открыла багажник и подняла мой рюкзак, напрягая мышцы рук. Вместе мы забросили тяжелый чемодан.

- Сейчас поедем, - сказала она, захлопывая багажник. - Я отвезу тебя в ваш новый дом.

Ух ты. Я знаю, что переехала сюда к нему, но сообщение, что это мой дом - резало слух. Мой дом. Это, черт возьми, казалось сюрреалистичным. Как будто я сошла с самолета, встретила подругу и поехала домой. Это не казалось неправильным. Это выглядело так легко.

Выехав с парковки, она лукаво мне улыбнулась. – Похоже, ты в шоке.

Я сглотнула. - Да.

- Мой брат много тебе не говорил, да?

- Не совсем. Но я и не спрашивала о многом.

- Я вижу, - сказала она, вытаскивая банку с леденцами Altoids из бардачка. Она предложила один мне, и хотя я не была поклонником сильной мяты, но понимала, что мне, вероятно, стоит освежить дыхание после двенадцатичасового перелета. Я поместила леденец в рот, и мой мозг взорвался от этого вкуса.

- Да, - сказала я. – Это все решилось в последнюю минуту. Я была слишком занята мыслями, чтобы попасть сюда, и совершило не думала о том, что будет дальше. Матео рассказывал мне о своей новой квартире после... гм, ну ты знаешь. Но ты права, я не думала, как мы будем жить здесь.

- Это тебя беспокоит? - спросила она, немного поджав губы, а между бровями пролегла тонкая бороздка.

Да, это сильно меня волновало. Но наверняка она думает совсем не о том. - Нет, - сказала я ей. - Просто...

- Не волнуйся, я все понимаю, - сказала она. - Я могу только представить, каково это уйти из дома, чтобы приехать сюда. Конечно, мы были удивлены, когда узнали о вас с Матео. Мы заметили, как он изменился, когда вернулся из Лас Палабрас. Он рассказал нам о тебе только, когда подал на развод, ну...

Ну ты и шлюха, закончила я у себя в голове. Это произошло на автомате, слишком часто мне доводилось слышать это.

- Это было совершенно неожиданно, - продолжила она с легкой улыбкой. – Но, в конце концов, это сделало Матео счастливым. В любом случае, мы все знали, что он не был счастлив с Изабель. По крайней мере, я знала. Она всегда была нужна ему только для престижа и только. - Она бросила быстрый взгляд на меня, словно желая убедиться, что я не то же самое для него. - Как я уже говорила, он выглядел счастливым, когда говорил о тебе. Все произошло так быстро, и я подозреваю, что не все было так легко, но что я могу сказать, Матео знает, как лучше для него, и мы все поддерживаем его.

Слишком много информации сразу. - Так что, ваши родители не злятся на него?

Она пожала плечами. - Папа не понимал этого первое время. Но моя мама все знала. Я думаю, что похожая ситуация произошла с ней, когда она встретила папу. Никто из нас не видел Матео таким... как... - она постучала пальцами по рулю, раздумывая, - как будто он вернулся в «Атлетико». Ты пробудила в нем жизнь. Это было так приятно наблюдать, поэтому мы и не сильно волновались о том, что изменило его. - Она покосилась на меня и улыбнулась. - Я вижу, что ты хорошая девушка. Ты очень отличаешься от тех, что у него были, так что не удивляйся, если некоторые люди будут косо на тебя смотреть. Просто ты гораздо моложе, и у тебя татуировки. Это ассоциируется с определенными типами людей. Но знай, ты мне нравишься.

Я почувствовала, как гора свалилась с плеч, и это несмотря на то, что я должна была занервничать после всего того дерьяма, что она мне сказала. - И ты мне нравишься.

- Отлично. Матео говорит, что я иногда, как заноза в заднице, но, как мой брат, он

имеет на это право.

- Вы близки друг с другом? - Это прозвучало, как утверждение, хотя он не говорил о ней часто.

Она махнула рукой. – Более-менее. Между нами всегда была разница в возрасте, может, поэтому мы не так близки, как должны быть. Но мы прилагаем все усилия.

Самое смешное было то, что она была ближе к Матео, чем я. Я закусила губу.

- Но дело не только в этом, - продолжила она ободряюще. - Когда я была подростком, он уже разъезжал с командой, поэтому мы не часто виделись. Тем не менее, он хороший брат. И отец тоже. Возможно, не самый лучший муж.

Я посмотрела на нее, ощетинившись. Она улыбнулась мне. - Не правда ли? Если ты не можешь относиться к этому с улыбкой, тогда жизнь становится слишком серьезной. Может, разводы здесь не так популярны, как в Америке, но они то и дело встречаются. Это жизнь. Просто так получилось, да?

Я кивнула, с трудом сглатывая. - Да. - Если только и другие люди отнесутся так же легко. - Так я могу спросить, что там сейчас происходит? Я имею в виду развод?

Она прикусила губу и пожала плечами, выехав на трассу. - Это нелегко. Изабель не хочет совместной опеки.

- Почему?

- Я думаю, она пытается отомстить единственным доступным способом.

- Используя их dochь?

- Да, - сказала она. - Вот, до чего они дошли. Я не совсем уверена, знает ли Изабель что-нибудь конкретное о тебе или о том, что ты здесь, но она точно знает, что существовала другая женщина. Конечно, ей больно, и она унижена, как бы она ни была любая женщина.

Я почувствовала тяжесть в груди и холод. Все это по моей вине.

- Она кричала, что не хочет, чтобы он когда-либо виделся с Хлоей Энн, - она смахнула пальцами с бледно-розовыми ногтями слезы, ее голос стал на октаву выше. - И я могу больше не увидеть свою племянницу. Родители любят свою внучку. Но Изабель это не волнует. Ее даже не волнует, что для Хлои Энн лучше общаться с отцом. Они близки, ты знаешь. Матео все сделает для нее. Я знаю - это единственная причина, почему он так долго жил с Изабель.

Дерьмо. Это было слишком. Несмотря на то, что Матео сказал, что был несчастен до того, как я появилась в его жизни, и ему хотелось перемен, новую Вселенную, если бы не я - этого не было. Я сделала это. Его сестра могла потерять племянницу, ее родители могли лишиться внучки. Матео мог лишиться света в жизни, счастливых моментов. Все из-за меня. Потому что я хотела его. Я была молода, влюблена и эгоистична.

- Не будь так строга к себе, - сказала Лючия, шмыгая носом, как будто бы услышала мои мысли. - Матео выиграет. Нет никаких оснований ему отказать. Суд увидит, что он отличный отец. Это просто долгий процесс, потому что Изабель делает так. Она даже судится за его деньги. Испанские женщины всегда борются. Но, в конце концов, у Матео все будет хорошо. Он уважаемый человек.

- Я начинаю думать, что мне не стоило так скоро приезжать сюда, - начала я осторожно, слова больно жалили.

- Возможно, - сказала она. - Но предаваться любви с другой женщиной - не означает быть плохим родителем. Это не должно быть помехой.

- Даже если эта женщина из Канады, на пятнадцать лет моложе, с татуировками и пирсингом?

Она так долго изучала меня своими красивыми глазами, что я побоялась столкновения с микроавтобусом. – Мы любим канадцев, - наконец сказала она. – Все будет хорошо.

После этого отрезвляющего разговора, я спросила ее о вещах, которые не заставляли меня чувствовать себя плохим человеком. Она рассказала мне о своей работе в области маркетинга в крупной компании сотовой связи; что жила с родителями с тех пор, как ушла от своего последнего бойфренда - ей было некуда деваться. И не смотря на автомобиль, она не была уверена, готова ли для перемен. Когда я спросила, почему она не переедет в свое собственное жилье - она сказала, что не в восторге от этой идеи.

Мы выехали на самую красивую улицу, которую я когда-либо видела. Она была

широкой, с классическими постройками и большим количеством зелени и цветов. По тротуарам ходили нарядно одетые люди, множество магазинов и тапас-баров. Даже в этот серый день здесь была жизнь.

- Это район Саламанка, - сказала Лючия. - Мой бывший парень живет вниз по улице. Мне здесь нравится, тебе повезло, что Матео выбрал это место. Это дорогой район.

- А где вы с родителями живете?

- Мы живем к северу от города. Мой новый парень сейчас живет на Ибице, и это не так уж плохо. Если он попросит переехать к нему, я возражать не стану.

Она сделала несколько кругов по кварталу. Лючия вглядывалась в дома, пока мы ехали вниз, в сторону другой дороги. - Извини, - сказала она. - Я только однажды была здесь. Но теперь вспомнила.

Наконец она припарковалась у здания кремового цвета с почти парижским фасадом. - Вот и приехали.

Я уставилась на него из окна автомобиля. Он был великолепен. Я буду здесь жить?

Мы вышли из машины, Лючия забросила мой рюкзак на спину, помогла мне с чемоданом, и мы вошли через стеклянные двери. Пол был из белой мраморной плитки, и стояла черная стойка для консьержа. Лючия кивнула мужчине за столом, который просматривал газету, и мы пошли к лифту.

- Он здесь только днем, - сказала она, нажимая кнопку. - Ночью вам придется использовать свою ключ-карту, чтобы попасть в здание.

В лифте было тесно, как в аду, мы едва там поместились с моими вещами, пол устилал красный бархат, видавший лучшие дни. Я предполагаю, не все здание было так же отремонтировано, как фойе. Мне это нравилось. Я все больше чувствовала себя усталой и измученной.

Мы вышли на шестом этаже, и я последовала за Лючией вниз по длинному коридору, по гладкому полу из твердых пород дерева с золотой ковровой дорожкой посередине. Каждую дверь в квартире обрамляла затейливая лепнина. Вы не найдете в Ванкувере ничего подобного, только не в этом времени.

- Сколько лет этому зданию? - спросила я.

Она пожала плечами и пока искала ключи, ее блестящие волосы упали на лицо. Мы остановились у одной из дверей в конце коридора, свет лился через большое окно. - Матео должен знать. Может, лет двести, плюс-минус. Здесь здания не такие старые, как в других городах Европы.

- Для меня оно старое, - сказала я пораженная.

Она вставила ключ в замок, и мы вошли в мой новый дом.

Я глубоко вдохнула. Он был великолепен.

Пол был деревянным, как и в коридоре, но светлее, кленовым. Стены были текстурированы в сливово-белый цвет. Потолки были очень высокие, с железными люстрами, которые свисали с них так же, как в Лас Палабрас, но эти были покрашены в тот же цвет, что и стены. Я медленно прошла в прихожую, любуясь картинами на стенах: кухня была слева - большое, просторное помещение с хромом и гранитом, пригодное для шеф-повара. Помимо того была гостиная с телевизором с плоским экраном и мягким белым кожаным диваном. Большое окно занимало всю дальнюю стену от пола до потолка, заливая все светом. Снаружи доносились приглушенные звуки, отсюда можно было увидеть улицу.

- Это удивительно, - сказала я, затаив дыхание и вглядываясь в окно. Затем бросила на нее взгляд через плечо. Она стояла возле кухни, мой рюкзак все еще висел у нее на плече - кто-то прислал ей сообщение.

Решив все обследовать, я посмотрела направо и увидела еще один коридор с комнатой в конце. Это была небольшая ниша, едва обставлена: здесь был небольшой письменный стол с ноутбуком и открытый шкаф для хранения документов. Несколько бумажек залетели под ковер. Множество коробок было сложено вдоль стен. Видя все это - доказательство того, что Матео собирается начать новую жизнь, мое сердце успокоилось.

Я не единственная, кого поразили такие перемены.

Я направилась в холл, бросив через плечо. - Ты не знаешь, когда Матео вернется?

Затем открыла дверь справа от нее, рассматривая то, что выглядело, как

маленькая спальня для гостей, со вкусом, но не жилое.

- Он написал мне, - сказала она, - через час или около того, он так надеется.

Я кивнула и открыла дверь слева от меня. Последняя. Главная спальня. Она была великолепна: большая кровать с пушистым белым одеялом, необычайно большие окна с видом на улицу, огромный антикварный комод, встроенный шкаф (хороший повод отправиться по магазинам с Лючией) и, как я и надеялась, огромная ванная комната.

- Так, - сказала Лючия. Я повернулась к ней, она положила рюкзак на диван. – Теперь, когда ты здесь, я боюсь, что мне придется уехать, пока движение не стало совсем плохим.

Мы пошли назад, я так боялась одиночества, что решила сама устроиться.

Она быстро меня обняла и чмокнула в щеку. - Мы ведь скоро увидимся, да?

- Я надеюсь.

Она сдержанно улыбнулась. - Теперь это твой дом, Вера. Ты с моим братом. Мы будем видеться так часто, что скоро это нам обеим надоест.

Лючия развернулась и пошла к двери. Затем она остановилась и сказала, - я забыла отдать тебе вот это, - и положила ключ и ключ-карту на кухонном столе.

А потом она ушла, оставив меня одну в моем новом доме.

Все вокруг погрузилось в тишину, я знала, что нужно сначала принять душ, а потом заняться распаковкой вещей. Вместо этого я легла на кушетку и закрыла глаза.

Глава 23

Звук ключей, шумящих в двери, разбудил меня.

Мои глаза быстро открылись, сердце екнуло. Я села на кровать и повернулась, чтобы взглянуть на дверь, моргнув несколько раз. Мне нужно было вспомнить, где я. Дом Матео. Мой дом. Я заснула на диване, мое тело и разум устали от моих путешествий.

Боже мой, это был Матео у двери?

Мне не пришлось долго гадать.

Дверь открылась, и он зашел.

У меня перехватило дыхание от волнения.

Время как будто замедлилось.

Сердце бешено забилось.

Воздух стал заряженным, наэлектризованным.

Все те обычные вещи, которые на самом деле случаются с тобой, когда Матео Казаллес заходит в комнату.

Он выглядел невероятно. Резко очерченный стального цвета серый костюм, который демонстрировал его широкие плечи, белая рубашка под ним с не застегнутыми верхними пуговицами, показывающие углубление его горла, и без галстука. Серые мокасины без носков, что можно было увидеть кусочек загорелой ноги. Массивный портфель в его больших руках.

Без обручального кольца.

Я остановилась на мгновение, ощущив его вес, прежде чем посмотрела ему в лицо.

У него была ценность нескольких дней – щетина вдоль его крепкой челюсти, волосы были немного больше уложены, чем я раньше видела, слегка зализанные назад. Я предпочитала его волосы неряшливыми, но это подчеркивало его большой нос и высокие скулы. Были небольшие темные круги под глазами от недосыпаний, но взгляд в его глазах более чем компенсировал это. Он был полон удивления, изумления и намека на тоску и желание, что заставило меня думать, возможно, я все-таки была его любимой едой.

- Вера, - сказал он низким голосом, неуверенно, как будто я была привидением. Затем пнул дверь ногой и медленно направился ко мне, положив портфель на рабочий стол, а его глаза ни на секунду не отрывались от моих. Мы были прикованы взглядами, заряжая воздух между нами.

Я медленно встала на ноги, уставившись на него, чувствуя чуть-чуть неловкость, которая появляется тогда, когда вы не видели кого-то долгое время, того, о котором вы мечтали, который владеет вашим телом и разумом. Это было похоже на первое свидание, когда один человек узнает другого, задумываясь о том, чувствовали ли они одинаково, размышляя, что и как делать.

По крайней мере, таким образом себя чувствовала я.

Матео был не из тех, кто много анализирует.

Он вдруг двинулся прямо ко мне, у него было такое безумие в глазах, что на какой-то миг я подумала, что он может проглотить меня.

Он обнял меня и заключил в тугие, жесткие, почти болезненные объятия, держа меня так, как будто я могла быть оторвана от него. Меня окутал его пьянящий запах, та смесь свежего океанского бриза и чувственного мускуса, его накаченная грудь прижалась ко мне. Я издала приглушенный крик, мое тело одолевал голод, а сердце отчаянно нуждалось в нем. Я могла бы стоять посередине арктической тундры, но все, что меня заботило - пока я была в его объятиях, то чувствовала себя дома.

- Я не могу поверить, что ты здесь, моя Эстрелла, - прошептал он в мои волосы. – Я не могу в это поверить. Я молился, а не мечтал.

- Я молилась за то же самое, - сказала я, мои пальцы прижались к его, боясь потерять контакт.

Он отступил немного и приподнял мое лицо своими руками, смотря на меня глазами, в которых полыхало чистое напряжение. - Но ты реальная.

Он крепко поцеловал меня, наши губы упивались страстью друг друга, наши языки слились воедино, сладкие и пряные. Тот демон желания вернулся, сжимая меня до тех пор, пока это не причинило боль, заставив меня хотеть, нуждаться, желать только его в

этот момент. Мы вцепились друг в друга, прижимаясь до жара в наших пальцах, как будто не могли стать ближе. Я никогда так сильно не желала его члена внутри меня, той физической связи между нами, чтобы чувствовать его, так глубоко и плотно.

Как только я об этом подумала, мои руки сразу начали действовать, они уже достигли его брюк, расстегивая молнию на них, скользя в его трусы и вытаскивая член, длинный, твердый и тяжелый в моих руках. Иисус. Я почти кончила только от прикосновения к нему.

Он застонал от моей хватки, и это только заставило меня трепетать еще больше, мои трусики намокли. Они должны были упасть теперь.

Мы ласкали друг друга неистово, поцелуи Матео становились более глубокими, его язык трахал мой рот, и я почувствовала, как мои колени теряли устойчивость. Я чуть не упала на пол, но его руки удержали меня. С пламенем в глазах, он опустил меня на ковер, пока я не оказалась на спине. Я задрала свое платье и освободилась от трусиков, в то время как он успел снять только брюки и трусы. Матео попытался расстегнуть свою рубашку, но проворчал. - Черт с ней, - и опустился на меня.

Его голова сразу же расположилась между моих ног, и я вцепилась в его волосы, уже извиваясь. - Боже мой, я скучал по этому вкусу, - простонал он, вибрация возле моего клитора заставила меня задыхаться и жестко потянуть его за волосы. Прошло немного времени, прежде чем его язык привел меня к оргазму. Я не видела звезд, я была ими.

Не было никакого перерыва или передышки. Пока мое тело качалось на волне наслаждения, дрожа от экстаза, он направил свой член к моему входу.

- Я хочу тебя вот так, прямо сейчас, - сказал он непреклонно. - Я чист. Ты доверяешь мне?

Конечно, я доверяла. Я не собиралась надевать презерватив на него в любом случае. Если я не доверяю ему сейчас, то не должна быть здесь. К счастью, я была религиозной, когда дело доходило до таблеток.

- Да, - сказала я, почти умоляя. - Пожалуйста, войди в меня.

Его руки находились на ковре по обе стороны от меня, а его ответом был единственный толчок, входящий глубоко, расширяя меня. Я ахнула, и он медленно выскользнул. Затем снова вошел. Затем вышел. Наслаждаясь этими прекрасными минутами. Я уставилась на него, когда он двигал своим скользким членом в белой рабочей рубашке. Я не могла держать свои руки при себе. Я начала играть со своим клитором, но вскоре моя рука была заменена.

- Это моя работа, - буркнул он, его пальцы заскользили вперед и назад между моим клитором и его членом.

Вскоре, его толчки стали все быстрее и быстрее, и он так владел мастерством контроля, входя в меня только прямо, чтобы я не могла кончить раньше него. Мы оба закричали, издавая стоны и дергаясь от спазмов, бесконечная волна удовольствия захлестнула нас, мой рот был широко открыт, а глаза закатились. Когда он начал замедляться, то остался внутри меня, целуя мое лицо нежно и во всех местах. Мои глаза, мой нос, мои щеки, мой подбородок. Наше дыхание, в конце концов, нормализовалось, но я не хотела, чтобы он выходил пока. Я обняла его ослабевающую спину и притянула к себе, лицом в изгиб моей шеи.

Я мечтала о том, чтобы владеть им так снова. Это то, что заставляло меня двигаться дальше теми ночами, когда я чувствовала себя одинокой, слабой и нелюбимой.

Слеза скатилась по моей щеке.

Я, наконец-то, дома.

***

Я проснулась перед рассветом, мир был мрачно-синим. После ночи секса на полу, на диване, у стены, в постели, в душе - я думала, что просплю несколько дней. Но, несмотря на всю бешенную деятельность, я бодрствовала, мои внутренние часы все перепутали благодаря смене часовых поясов. Я посмотрела на Матео, крепко спящего

рядом со мной, такого загорелого и темного на фоне белой простыни. Я все еще едва могла поверить, что он был здесь.

Я хотела провести пальцами по его носу, почувствовать его мягкие губы, его твердую челюсть, подбородок, скулы, но мне не хотелось будить его. Я была несколько удивлена его выносливостью прошлой ночью. Я была с ребятами своего возраста, которые обессиливались после двух энергичных раз, не говоря уже о пяти. Я хотела вымотать Матео, пока он не смог бы продолжать - это была моя новая цель.

Я улыбнулась про себя от этой мысли и медленно встала с постели. Свет снаружи уже превращался из мрачного в лазурный, а через тонкое стекло окон было слышно пение птиц. Единственное, чего не хватало этой квартире, был балкон. Было бы неплохо начинать день на улице.

Я натянула свои трусики-шортики и футболку, так как мы спали голыми, и вышла на кухню, чтобы сделать себе кофе. У него была необычная кофе-машина, которая нашла бы моим навыкам бариста хорошее применение, но я знала, что это будет грязно и шумно. Я порылась в шкафах, полных еды, которая выглядела нетронутой, и, наконец, нашла банку растворимого кофе. В то время как закипал чайник, я прислонилась к рабочей поверхности кухни и обняла себя руками. Квартира была прохладной утром, это было хорошо, учитывая, что Мадрид, по-видимому, переживал сильную жару. У меня так быстро прошел вчерашний день, что я едва успела почувствовать это.

Я выпила три чашки кофе, черного, мое сердце отбивало удар снова и снова, и только обратило взгляд на мое окружение, мой новый дом. Это должно было занять некоторое время, чтобы привыкнуть, особенно со сменой часовых поясов. Я знала это по Лондону, поскольку первые несколько дней были проведены, как в тумане, и я делала такие вещи, которые, оглядываясь назад, едва могла вспомнить. Я задумалась, буду ли оглядываться на этот конкретный момент и помнить все, о чем я думала, все, что чувствовала: возбуждение, нервозность, надежду и страх.

Однако по сравнению со вчерашним днем, я ощущала себя намного лучше теперь, когда была с Матео. Он заставил уйти многие страхи, хотя были еще некоторые мрачные опасения, скрывающиеся глубоко в моем сердце. Я волновалась, что не смогу вписаться здесь - да, я хорошо ладила с испанцами в Лас Палабрас, но это был город Мадрид, и в некоторой степени совершенно новой игрой, о которой я ничего не знала.

Я беспокоилась, что его друзья и семья не примут меня, хотя Лючия была милой, и по ее словам, их родители принимали меня и Матео, но я не знала этого наверняка. Что касается его друзей, я вообще не имела ни малейшего понятия. Им должно быть около тридцати. Что, черт возьми, они думали обо мне? Я по-прежнему любила вечеринки, пойти и напиться, ходить на концерты, где дышали вам в лицо перегаром и толкались люди в толпе. Я не потягивала мартини в модном лаундж-баре, сплетничая о скучном девчачьем дерзме. У меня не было детей или даже домашнего животного. Я не имела престижной карьеры или хорошо оплачиваемой работы или работы в целом. Блять, я даже не говорила по-испански.

И конечно, мое самое большое беспокойство, которое было по поводу развода и все, что с ним связанное, в частности, Хлоя Энн. Я переживала, что девочка обидится на меня за то, что я сделала ей, что забрала у нее папу. Я переживала, что Изабель и ее полукоролевская семья озлобятся и придут за мной, за другой женщиной, за подлой разлучницей. И больше всего я переживала, что этого станет слишком много для Матео и меня, чтобы продолжать дальше. Мы пережили Лас Палабрас, видя друг друга каждый день, мы пережили отношения на расстоянии, в которых мы не виделись, но это будет завершающим испытанием. Если мы сможем пережить мой переезд в Мадрид и быть вместе с Матео, пока все это дерзмо происходит вокруг нас, тогда мы сможем по-настоящему пережить все.

Я просто не представляла, как все срастется. Я должна начать жить сегодняшним днем, не волнуясь слишком много о будущем, или сойду с ума. Я уже сделала все правильные шаги - теперь пришло время посмотреть, куда они приведут.

Со временем Матео вышел из спальни, натянув на себя боксеры, и стоял в коридоре, глядя на меня сонными глазами, почесывая голову. Как обычно, он маневрировал между тем, чтобы быть сексуальным как черт и совершенно очаровательным.

- Я видел замечательный сон, - сказал он с зевотой. - Что ты приехала, чтобы жить со мной в Мадриде. Теперь я вижу, ты в моей кухне, пьешь мой хреновый кофе, и мне необходимо спросить... я еще сплю?

Я улыбнулась в ответ. Я не знаю, почему была обеспокоена кофе, когда при одном только его виде мое сердце превратилось в ракету. – Мне наверно тоже снится сон. Некоторые вещи кажутся слишком хорошими, чтобы быть правдой.

Он подошел и поцеловал меня в лоб. – Мне нравится, что ты здесь, моя сияющая Эстрелла. – Затем метнулся к холодильнику и открыл его, а я уловила момент, чтобы полюбоваться его задницей. - Ты на моей кухне, как видение.

- Ну, ты мне тоже нравишься на кухне. Особенно, когда стою здесь, - сказала я, поглаживая столешницу с коварным блеском в глазах. Я подпрыгнула и села на нее, раздвинув ноги и жестом показав на свою киску. - И когда ты прямо здесь. - Я ожидала, что он будет смеяться. Не думала, что у него появится сразу интерес, особенно после той ночи, которая у нас была, но он закрыл дверь холодильника и направился ко мне с самодовольным выражением на лице.

- Ты хочешь еще? - пробормотал он, потянувшись к моему нижнему белью. Я подняла бедра, и он стащил его вниз к моим ногам. Я скинула трусики на пол, когда он вытащил свой член из боксеров, уже толстый, твердый и готовый.

Я прикусила губу, удивляясь, как, черт возьми, мне так повезло. - Конечно, я хочу еще. А как насчет тебя?

- Вера, - прошептал он возбуждено, наталкиваясь на меня, мои ноги вокруг его бедер, его руки в моих волосах. Он пристально смотрел мне в лицо, моргая, как будто не веря своим глазам. - Я никогда не смогу насытиться тобой, никогда. Я мог бы трахаться каждый день, по несколько раз, всю оставшуюся часть моей жизни, и мне по-прежнему будет мало. - Он поцеловал меня, мягкую и влажную, затем скользнул пальцем в меня. Я задохнулась от вторжения, сразу же, желая большего.

- Tu cono es mi hermosa prision, - задыхаясь, сказал он.

Я улыбнулась и отстранилась, пытаясь посмотреть на него. - Что ты сказал? Что-то о моей киске?

- Только хорошее, и только правду, - сказал он, лениво улыбнувшись. Затем продолжил трахать меня прямо там, на столешнице, мои ноги были обернуты вокруг него, а ногти впились в его задницу.

Это было доброе утро.

***

Моя первая неделя в Мадриде пролетела в мгновение ока. Может быть, смена часовых поясов как-то повлияла на это, но все было похоже на один большой сон, заполненный только сексом и едой. Если мы не были в квартире, чтобы наверстать упущенное время, то исследовали Мадрид. Мы ели в большом количестве тапас-баров, которые находились в очень новых и ярких частях города. Это было совсем не то, что я могла ожидать. Я думала, что когда окажусь с Матео, то он будет угождать меня на широкую ногу в необычных ресторанах, модных барах, где все сделано изо льда, и официанты не улыбаются, в залах для элиты.

Вместо этого, мы практически бродили по бедным районам. Когда я завела разговор об этом, он сказал мне, что ему особо не интересны такие места, так или иначе, и он думал, что мне было бы более комфортно в непринужденной среде. Честно говоря, я решила, что он, вероятно, пытается избежать встречи со знакомыми его в скором времени бывшей женой, и не могла винить его за это. Я наслаждалась, живя в счастливом пузыре, который принесла мне первая неделя, и с опасением ждала реальности, которая придет, врезавшись в нас однажды.

В солнечную субботу город по-прежнему изнемогал от жары и был странно пуст, большинство местных жителей сбегали на Майорку или прибрежные пляжи, и я, наконец-то, смогла встретиться с Клаудией. Она работала дольше обычного, так как многие из ее коллег были в отпуске, и у нас не было шанса, чтобы потусоваться. Рикардо теперь жил с ней в Мадриде, будучи в ожидании перехода на другую работу.

Мы с Матео спустились к площади Пласа-Майор, где должны были встретиться с ними в кафе на открытом воздухе, у которого был хороший ассортимент пива на разлив. Это то, что мне требовалось, когда была такая погода, патио и пиво. Хоть и быть липкой никогда не было весело, но я всегда злоупотребляла солнцем и высокой температурой, когда могла, благодаря мягкой и дождливой погоде Ванкувера. Вы никогда не услышите от меня жалобы на жаркую погоду.

- Будет приятно увидеть их снова, - сказал мне Матео, когда мы ждали, чтобы перейти улицу. Когда путь был свободен, он схватил меня за руку и повел по дороге. Именно такие мелочи, как это, заставляли визжать меня внутри и вызывали порхание бабочек. Я любила, когда он держал меня за руку или обнимал за талию на публике.

Это особенно что-то значило для меня, потому что я часто видела взгляды, которые другие люди кидали на нас, видя делового мужчину с девушкой, покрытой татуировками. Мужчины смотрели завистливо, а женщины - с отвращением. Хорошо, что хоть Матео, безусловно, не выглядел на свои тридцать восемь, так что на самом деле это было не так скандально, людям просто нужна была какая-нибудь причина, чтобы пообсуждать. Также помогло то, что Матео начал одеваться попроще, как делал это в Лас Палабрас - его фирменным «деловым» видом были джинсы и блейзер - и я была уверена, что хорошо выглядела. Это не было напряжно для меня, особенно летом - я обожала сарафаны.

- Посмотрите, кто это, англичанка и испанец! - Я услышала, как Клаудия завопила на всю площадь. Конечно же, это была она с Рикардо, они вылезали из своих кресел с широкими улыбками на лицах. Клаудия выглядела сияющей, ее кожа была сильно загорелой, одетая в простую зеленую кофточку с V-образным вырезом и белую юбку. Рикардо был гладко выбрит, в шортах и игровой футболке.

Я обняла ее, и мы обменялись легкими поцелуями в щеки.

- Ты отлично выглядишь, - сказала я, осматривая ее с головы до ног.

- И ты тоже. Как Мэрилин Монро, - сказала она. Я была одета в белое платье ретро-стиля с вишнями на нем. Я не была уверена, выглядела ли как Мэрилин или просто как Рокабилли. В любом случае, сиськи определенно были загоревшими.

В то время как она приветствовала Матео, я поздоровалась с Рикардо. - Ты должна простить меня, - сказал он, быстро чмокая. - Наш английский не был так хорош с тех пор, как мы вернулись из Лас Палабрас.

- Говори за себя, - Клаудия предупредила его с улыбкой. Она посмотрела на меня, ее глаза блестели. - Я получила повышение на днях, буду отвечать за международные счета.

- Поздравляю! - Сказала я ей.

- Это фантастика, - сказал Матео, небрежно сунув руки в карманы. Он был одет в черные до колен шорты, кеды (без носков) и простую белую футболку-поло, его лицо было покрыто щетиной вместо бороды, благодаря жаре. - Я едва мог составлять предложение до того, как Вера приехала.

- О, это не так, - сказала я. Мне хотелось напомнить ему, что мы говорили на английском по телефону почти каждый день, пока я не оказалась здесь. Но, несмотря на то, что Клаудия уже знала о нас, что-то заставило меня держать рот на замке. Может быть, потому что теперь я, наконец-то, здесь, и мы вместе, все то время до сегодняшнего дня было частью настоящих отношений. Это был роман - короткий, далекий, прежде чем он признался и подал на развод, но, безусловно, не безобидный.

Мы сели с ними, и как в тот раз в Акантиладо, Матео с Рикардо пошли нам за напитками. Я наблюдала, как его высокая, широкоплечая фигура исчезла в темноте бара, не в силах оторвать глаз от него.

- Ну, посмотри на себя, такая влюбленная, - дразнила Клаудия.

Я закатила глаза. - На себя посмотри.

Она отмахнулась от меня. - Может быть, месяц назад, когда Рикардо впервые попал сюда. Теперь я уже устала от его писанья на сиденье унитаза и не закрывания крышки.

- Тогда я уверена, что это будет и со мной в ближайшее время, так что позволь мне увидеть это своими глазами, окей?

Она улыбнулась и изучала меня в течение нескольких секунд, пока допивала свое пиво. Затем улыбнулась, шире на этот раз, пока я не увидела ее клыков, и воскликнула. - Я так рада, что ты здесь! Я никогда не думала, что ты на самом деле сделаешь это, если быть честной.

- Я тоже, - призналась я. - Пока не оказалось, что это единственное, что я могу сделать.

- Ну, - сказала она, протянув и накрыв своей рукой мою на мгновение. - Я рада, что ты решилась. Это должно быть таким изменением для вас все же. Как вы справляетесь?

- Я, честно говоря, не могу жаловаться, - сказала я со скромной улыбкой.

Она пригрозила мне пальцем. - Я знаю этот взгляд. У тебя был такой в последний день в Лас Палабрас.

- Я плакала тогда.

- Мы все плакали. Но помимо твоих слез у тебя был такой же взгляд. Совершенно удовлетворенный. Как будто ты только что отлично пообедала.

- Удовлетворенный. Это хорошее слово, - сказала я, откинувшись в кресле. Я подняла свою голову к солнцу, радуясь моим темным очкам. Голуби ворковали снизу, гуляя среди булыжников. Я мечтала именно об этом так долго, находиться на солнышке, быть там, где была жизнь, быть снова со своими друзьями и любовью. Мне нужно было впитать это в себя, как лучи.

- Когда наступает осень? - спросила я ее, держа закрытые глаза и лицо к небу. - Точнее, когда заканчивается лето?

- Ты устала от жары? - спросила она. - Слабая канадка.

- Вовсе нет, я люблю ее, - сказала я ей. - Но я знаю, что времена года сменятся в ближайшее время. Мне нравится наслаждаться такой погодой - летом и солнечными лучами - так долго, как смогу.

Она всматривалась в свою руку, как будто ее загар мог что-то сказать ей. - Я думаю еще две недели. Тогда это начнет заканчиваться. В октябре ты сможешь почувствовать разницу.

Я не осмеливалась думать так далеко наперед.

Вскоре Матео с Рикардо вернулись с нашими напитками, и мы провели весь день, просто расслабляясь под солнцем, отгоняя жару ледяным пивом. Я гудела - лето гудело, лучше и быть не могло. И нет, не как пчела. Мы без увеличения просидели там в течение многих часов, и разговаривали, как это было в старые времена. Ближе к концу я уже начала чувствовать себя виноватой за то, что им нужно была приспособливаться к моему языку, так что я заставила их говорить по-испански в конце, чтобы помочь мне изучить его. Я терялась, но через некоторое время начала что-либо понимать.

Однако через некоторое время пришла пора расставаться. Мы пригласили их выпить - они бы были нашими первыми гостями - но Клаудия выглядела немного пьяной и жаловалась на головную боль, поэтому мы запланировали это на другой день, и Рикардо повел ее домой.

Когда мы шли обратно в квартиру нашей походкой, блуждающей по камням тротуара, Матео жестом указал на другой бар. Я была слишком пьяна, но не было сил, чтобы продолжать идти, особенно сейчас, когда солнце только начало садиться.

Было довольно людно, я полагаю из-за того, что был субботний вечер, в конце концов. Это оказался небольшой бар и имел деревенский дух. Несколько тарелок пататас бравас - картофель с пряным апельсиновым соусом - с кальмарами и оливками выстроились вдоль бара. Матео положил свою руку на мое плечо и попросил меня заказать ему пива, а сам пошел в туалет.

Я подошла к стойке и прислонилась к ней, пытаясь привлечь внимание бармена, поскольку он былвлечен разговором со старым другом. Молодой парень, где-то за двадцать, шел ко мне. Я могла видеть его приближение уголком глаза, и пока смотрела на него, то заметила, что он был на самом деле довольно милым. У него были рыжевато-коричневые волосы, падающие на глаза, бронзовая кожа, зеленые глаза и подбородок с ямочками.

Он проговорил мне что-то на испанском, но я могла только улыбнуться и ответить.
- Los sientos, je ne parle pas Spanish. - Тогда я расхохоталась над своей пьяной попыткой

сказать что-то на испанском. Каким-то образом мне удалось получить смешанность французского и английского языка.

Парень тоже рассмеялся. - Ты американка?

- Канадка, на самом деле, - сказала я.

Он кивнул, как будто это было лучше, и шагнул чуть ближе. - Круто. Так что ты делаешь в Мадриде?

Я улыбнулась ему, стараясь быть вежливой и очаровательной, но, не давая ему неверное представление одновременно. - Я здесь живу.

- О, правда? - спросил он. - Могу я угостить тебя выпивкой?

Я отрицательно покачала головой. - Нет, спасибо.

Он, казалось, не обиделся, как бы сделали парни у меня дома. - Так ты живешь одна?

- Она живет со мной, - услышала я, как сказал Матео грубым голосом позади меня, его рука легла на мое плечо. Я взглянула на него и была удивлена, увидев холодный стальной взгляд в его глазах, мышцы на его челюсти напряглись. Он смотрел на парня, как будто собирался зарядить кулаком по его лицу.

Юноша посмотрел на нас двоих несколько раз, затем всплеснул руками и пробормотал что-то с улыбкой на лице. Он повернулся и ушел в глубины бара.

- Что он сказал? - Спросила я.

Матео ничего не говорил несколько секунд. Я могла видеть пульсацию вены на его шее. Он был зол... или, может быть, это было что-то еще.

Может, Матео был ревнивым?

- Матео, - сказала я.

Он медленно оторвал взгляд от парня, который уже давно скрылся из виду, и посмотрел на меня. Вместо того чтобы выглядеть злым, он был встревоженным, почти безумным. Его хватка вокруг моего плеча усилилась.

- Прости, - мягко сказал он, его голос преодолевал что-то, чего я не поняла. - Пойдем со мной.

Я моргнула, озадаченная, и указала большим пальцем на бармена. - Ты не хочешь пива.

- Я просто хочу тебя, - прошептал он. Затем схватил меня за руку и повел обратно в сторону туалетов. Он пнул дверь в женский туалет и просунул голову внутрь. Затем завел меня туда, закрывая дверь за собой.

- Что... что? - спросила я, все еще немного смущенная, когда он привел меня в кабинку для инвалидов и запер нас обоих там. - Хм, Матео.

Он схватил мое лицо и начал целовать меня, жадно и лихорадочно. Дыхание было высосано из меня и заменено на огонь. - Я - единственный человек для тебя, - проворчал он. - Поэтому собираюсь войти в тебя и сделать так, чтобы ты кончила с особой силой.

Ну, ладно тогда.

Мужчина был ревнив. И я бы соврала, если бы сказала, что мне не нравилось это.

Он задрал мое платье, пока оно не оказалось на моей талии, и застонал при виде меня без трусов - я знала, что это было хорошей причиной, чтобы не носить нижнего белья. Внезапно он подхватил меня и прижал к стене, доставая член, в то время как я захватила его бедрами. Он вошел в меня, жестко и быстро, и я ахнула при трении.

Он трахал меня неумолимо, его страсть и потребность, заполняющая воздух, как статическое электричество, присутствовала в каждом прикосновении его тела. Он сошел с ума от своей похоти, а я сошла с ума для него.

Когда он закончил, у нас перехватило дыхание, затем мы привели друг друга снова в приличный вид. Я разгладила его воротник, поправила волосы, где тянула за них; он спустил платье обратно на мои бедра, заправил волосы за уши. Мы улыбнулись друг другу, двое глупых влюбленных дураков, и открыли дверь кабинки.

Там стояла женщина, как будто ждала, пока мы закончим.

У нее уже появилось отвращение на лице, но когда она взглянула на Матео, то ее глаза расширились, как будто она только что увидела самого крупного паука в мире.

- Матео? - закричала она в яром неверии.

Ох, ебать. Я слегкнула и начала изучать ее. Ей, вероятно, было где-то под сорок, темно-каштановые волосы, подстриженные в стильный боб. Красная помада, очки

секретарши на глазах, кошачий взгляд, желтая, украшенная драгоценными камнями туника поверх белых капри. Утонченная. Постарше. И она, очевидно, знала, Матео.

И вдруг я не смогла дышать. Это не могло быть хорошо.

Прежде чем Матео смог что-либо сказать - он, на самом деле, был слишком ошеломлен, чтобы говорить - она положила одну руку на свое бедро, и склонила голову, разглядывая нас обоих очень внимательно, неверие начало стираться. Она указала на меня и посмотрела на Матео. - Mateo, no creo que esta es tu esposa.

Я поняла, esposa. Это означало жена.

- Соня, - сказал он, обретя дар речи. Он прочистил горло. Затем посмотрел на меня, и я увидела абсолютный страх в его глазах. Это задело меня. - Вера, это Соня. Я ее давно знаю. Она переехала в Париж. Я не знал, что она вернулась в Мадрид. - Он подчеркнул эти слова, чтобы сообщить мне, что эта женщина не знала о разводе, по крайней мере, я так поняла.

Ох, это так выглядело нехорошо. Теперь я краснела от стыда, словно помидор. Я должна была выбраться оттуда.

Я кивнула ей и быстро улыбнулась, правда она не сделала этого в ответ. - Приятно познакомиться с вами, - сказала я. Затем пронеслась мимо нее и бросила Матео извиняющийся взгляд через плечо. - Мне нужно подышать свежим воздухом.

Я выбралась из туалета и бара в ночной воздух. Некий холодок поселился в нем, несмотря на жаркий день.

Лето заканчивалось раньше, чем я думала.

Глава 24

На следующий день было воскресенье. В этот день Матео решил, что я должна, наконец-то, познакомиться с его маленькой Хлоей Энн. Я была очень нервной, особенно из-за того, что случилось с Соней в баре. После того, как я вышла на улицу, Матео объяснил своей подруге, что они с Изабель разводились. Он ничего не говорил обо мне, я думаю, это и так было понятно. И хотя Соня была его подругой - бывшей девушкой одного из его приятелей - а не Изабель, он сказал, что почувствовал исходящую от нее ненависть.

Это, безусловно, испортило настроение на вечер и заставило меня осознать, как бы это тяжело ни было, что мы не можем пока еще быть нормальной парой, так или иначе. Мы бродили вокруг забавных ресторанов и баров не только из-за меня, а потому, что он не хотел столкнуться с такими людьми, как Соня. Клаудия и Рикардо были первыми друзьями, с которыми мы встретились в течение длительного времени, я еще не видела его родителей, и казалось, что очень многое скрывалось.

Когда я подняла эту нависающую над нами тему, чувствуя, что наши отношения были так изолированы, как когда-то, он мне сказал, что пойдет забирать Хлою Энн, и мы могли бы взять ее в зоопарк, одно из ее любимых мест.

Он позвонил Изабель, и я нагло слушала их разговор, в основном потому, что я ничего не понимала. Было несколько напряженных моментов, ладонь Матео прижалась ко лбу, глаза плотно закрылись. Наконец, казалось, что она согласилась, и он вздохнул с облегчением.

Я, однако, была как комок натянутых нервов. Это была его дочь, и мы говорили о ней. Но я знала, что она понятия не имела, кто я такая. Матео сказал мне, что Изабель знала о другой женщине, которую он встретил в отеле Лас Палабрас, но она не знала, что я здесь, живу с ним, так что Хлоя Энн определенно не знала обо мне.

- Что ты ей скажешь? - спросила я позже, когда он схватил свои ключи с крючка на стене, собираясь уходить. – Кем ты представишь меня Хлое Энн?

Он одарил меня мягким взглядом. - Я скажу ей, что ты - мой друг из другой страны, Канады, и что ты очень хорошая.

Я проглотила комок в горле и сложила руки на груди. – Вот как? Я имею в виду, разве ты не думаешь, что она скажет Изабель обо мне? Не кажется ли тебе, что, может быть, тебе следует рассказать ей обо мне? Я имею в виду, что Соня... это снова произойдет, тебе не кажется?

Он кивнул и выдохнул, его плечи внезапно поникли. Он выглядел побежденным. Он уставился на свои ноги за мгновение до того, как посмотрел на меня с тихим отчаянием на лице. - Вера, я просто хочу, чтобы ты увидела Хлою Энн. Я хочу, чтобы она увидела тебя. Вы самые важные девочки в моей жизни. Так что... я хочу попросить тебя. Ты можешь сделать мне одолжение?

Я не могла сказать ему «нет». - Какое?

- Сегодня, когда я приведу ее сюда, можешь ли ты спрятать свои татуировки? Заплети волосы. И я буду называть тебя Эстреллой.

Я почувствовала, как у меня все рухнуло внутри. Я нахмурилась, чувствуя себя взволнованной. - Ты хочешь, чтобы я скрывала, кто я? Притворилась кем-то другим?

Его губы изогнулись в сочувственную улыбку. - Нет, Вера. Просто... ты так прекрасна, так полна жизни. Ты самобытна. Ты права, мне нужно рассказать Изабель о тебе. Но я также хочу, чтобы ты увидела Хлою Энн, и мне не хочется, чтобы Изабель услышала это от нее.

- Я не думаю, что мне это нравится.

- Пожалуйста? В последний раз.

- Она все равно, наверное, скажет, что встретила папину подругу Эстреллу, какая разница?

- Пожалуйста.

Я вздохнула, запустив руку в волосы от досады. - Хорошо.

Он подошел и крепко, но быстро меня обнял. - Спасибо тебе. Я скоро вернусь.

И затем он ушел.

Я прислонилась спиной к стене в прихожей, мои ноги растянулись передо мной, едва удерживая меня. Это становилось настолько сложным, и это только продолжит быть сложным до тех пор, пока... ну, я не знала, когда это закончится. Все не могло встать на свои места за минуту, когда пара разводилась. Казалось, от того, что я видела, сам развод был легкой частью, а все реальное деръмо - это то, что приходило потом, деръмо, которое продолжалось в течение многих лет.

И тогда я поняла, почему Матео хотел скрывать меня, держать в тайне. Лючия уже сказала, что то, что он со мной, не повлияет плохо на судью, и в то время как это может быть правдой или не быть, очевидно, что это не то, о чем думал Матео. Он боялся, что, если Изабель узнала бы, что я живу с ним, то это повлияло бы на его шансы получить совместную опеку над Хлоей Энн. И я знала, что если бы просто была какой-то другой женщиной, вероятно, это не было бы уж такой большой проблемой.

Но это была я. Я вся была в татуировках, пирсинге, то, как я одета, кем была, что я на пятнадцать лет моложе. Я была уверена, что Изабель могла внушить бы то, что хотела; все, что ей нужно было сделать - это указать на меня и назвать опасной, преступницей, угрозой для ее ребенка.

Впервые за всю свою жизнь я почувствовала долю сожаления по поводу всех моих татуировок.

Но Матео любит тебя такой, какая ты есть, сказала я себе. За все те вещи, которые делают тебя такой.

Я знала, что была права. Я знала, что если бы была кем-то другим, старше, без татуировок, какой-то ханжой, стильной и скромной, то Матео не влюбился бы.

Было так жаль, что причины, по которым Матео влюбился в меня, были те же самые, которые могли быть использованы, чтобы разбить его жизнь.

С тяжким грузом на сердце я пошла в спальню и переоделась в узкие джинсы и футболку с длинным рукавом, на которой был изображен Фредди Меркьюри. Я зачесала назад волосы и собрала их в пучок. Сделала смоки айс, но, к сожалению, это только подчеркнуло мой возраст. Не было на самом деле ничего такого, что могло бы как-то исправить это. К счастью, пятилетнему ребенку каждый взрослый выглядел одинаково - старым.

В то время как я ждала, что он вернется, я начала расхаживать по квартире, пытаясь отвлечься от мыслей, от этого ужасного чувства страха, которое уже начало расти в моем животе после того, как мы увидели Соню вчера вечером. Вероятно, неделя секса и веселья закончилась, и теперь все должно было стать очень реальным и серьезным. Я говорила с Джошем только один раз, когда добралась сюда, но у меня было чувство, что мне снова нужен будет его совет. Я не могла обременять этим Матео. У него уже было достаточно, о чем беспокоиться.

Вдруг мой сотовый зазвонил, вытряхивая меня из своих мыслей. Это был Матео.

- Эй, где ты? - спросила я.

- Прости, - сказал он шепотом. - Ты не можешь сама добраться в зоопарк?

Черт, что происходит?

- Что? Почему?

- Пожалуйста, - сказал он. – Так будет лучше. Поверь мне.

Я резко выдохнула через нос. - Прекрасно. Как я туда доберусь?

Он дал мне инструкции, которые казались гораздо сложнее, чем мне бы хотелось. Я схватила свою сумку и направилась к двери.

Почти час спустя, после того, как я вышла на неправильной станции метро, я шла пешком по жаре всю дорогу до зоопарка, который находился в красивом парке. После того, как я заплатила, чтобы пройти, то увидела табличку про выставку панд. Очевидно, это была одна из наиболее популярных достопримечательностей, и Хлоя Энн была одержима пандами. У меня был соблазн схватить одно из чучел, которые я видела продаются в киосках, но подумала, что, вероятно, это будет немного нездорово: случайная женщина, дающая ребенку игрушку.

Я смотрела в оба, ища их, проявляя интерес к достопримечательностям, запахам, крикам детей, семьям. Это было немного странно находиться в этой атмосфере, настолько благоприятной и нормальной.

Со временем я заметила Матео в толпе. С Хлоей Энн на плечах это было не сложно. Я стояла там и смотрела, не показываясь, просто хотела понаблюдать за ним и его дочерью.

Она, безусловно, была драгоценным маленьким созданием. На ней были синие лосины, белая футболка, на которой уже, казалось, было какое-то пятнышко, и маленькие голубые кроссовки на ножках. Ее профиль был изящным и милым - она получила от Изабель тонкий нос и полные губы от Матео - и у нее были длинные рыжевато-каштановые волосы, которые разевались и переливались на солнце. Я была удивлена тем, какой непринужденной она казалась с Матео, держась за голову и иногда чмокая его игриво в лицо за что-то. Иногда она пинала его пятками в грудь, словно он был лошадью, а он подыгрывал и прижимал ее. К сожалению, толпа перед пандами была настолько густой, что даже я не могла понять, на что они все смотрели.

Пока они стояли там, она разговаривала с ним, почти без остановок, все время улыбаясь. В свою очередь, Матео тоже улыбался большой, красивой улыбкой, которая заставила его лицо светиться. Это было почти невыносимо знать, что происходит за пределами этой картины, и снова чувство вины начало разъедать меня.

Я не знаю, как долго планировала быть стalkerом, но, в конце концов, Матео посетило шестое чувство. Он повернул голову, и его темные глаза остановились прямо на мне.

Я подняла руку, быстро махнув. Он улыбнулся в ответ и затем сказал что-то Хлое Энн. Девочка скривила лицо, расстроившись тем, что надо было уходить от панд, и он принес ее мне.

Я не знала, что делать или говорить, как действовать, как стоять, поэтому я просто уставилась на него, когда он остановился прямо передо мной. Глаза Хлои Энн не замечали меня вообще - они смотрели вдаль, туда, где были другие животные.

- Hola, - сказал тепло мне Матео.

Таким образом, я должна была говорить по-испански сейчас?

Хлоя Энн, наконец, посмотрела на меня любопытным взглядом. - Hola, - сказала она тоненьким голоском.

Я улыбнулась ей. - Hola. Me llamo Estrella es. - И я уже полностью коверкала язык.

- Матео, - сказал он, указывая на себя. Он похлопал ее по ноге. - Хлоя Энн. - Затем он начал говорить ей быстро на испанском языке, и я могла только смотреть, улыбаться и кивать, поскольку совершенно не имела понятия, о чем идет речь.

Хлоя Энн улыбнулась мне после того, как он закончил говорить и осторожно опустил ее на землю. Она побежала и схватила меня за руку, потянув слегка. - Vamos! - воскликнула она, хихикая, и начала тащить меня в сторону огороженного участка с пандами. Я рассмеялась от неожиданности и подняла брови на Матео.

- Панды, - сказал он, покачиваясь на пятках и наблюдая, как мы уходим. - Su favorito.

Я предполагаю, что он сказал дочери что-то о пандах, то ли они ее любимцы, то ли мои, потому что она привела меня к толпе и указывала в их сторону, сказав много чего. Я могла только кивать и продолжать говорить «Si, si» снова и снова, но этого, казалось, было достаточно, чтобы она была довольной. Хлоя Энн просто продолжала говорить и говорить. Это было самой милой вещью, и я почувствовала, как материнский инстинкт, который всегда считала дремлющим, начал оживать.

Я чувствовала присутствие Матео позади себя, пораженная энергией, которую он излучал, не дотрагиваясь до меня. - Я сказал ей, что Эстрелла никогда не была в зоопарке раньше, - прошептал он мне на ухо, - и твое любимое животное - панда.

- Она не спросила, как ты узнал об этом? - Шепнула я в ответ.

- Нет. То, что ее отец говорит, обычно является правдой.

Обычно.

Вскоре Хлоя Энн устала от толпы и повела меня и Матео в сторону тигров, взяв нас за руки. Я была поражена тем, какой храброй и спокойной она была с предполагаемой незнакомкой, как я. Промелькнула мысль, что она, может, уловила, каким расслабленным Матео был возле меня, но я могла бы также сказать, что она была просто счастливым, смелым, маленьким созданием.

Матео сиял со мной, со своей дочерью между нами. Мое сердце екнуло от выражения его лица - не было ничего, кроме любви в этот момент. Мы нашли тигров, Хлоя Энн рассказала мне все о них. Я продолжала говорить «*Grande gato*», и она постоянно нетерпеливо исправляла меня. Когда мы закончили с этим, то нашли маленько кафе, чтобы посидеть там и что-нибудь поесть. Хлоя Энн перестала говорить только тогда, когда начала есть свое мороженое, она лопала его с таким аппетитом, что у меня сложилось впечатление, что ей не разрешали это удовольствие обычно. Папа баловал ее.

Когда она закончила, он взял ее с места и посадил себе на колени, корча глупые рожицы для нее и убирая малину с ее лба. Она хихикала неудержимо, ей нравилось это, вытирая липкие пальцы от мороженого об его рубашку. Ему было все равно.

Наблюдая за их взаимодействием, я была наполнена теплотой. Моя матка начала пинать меня. Было как-то неприятно.

Затем он что-то сказал ей про «*adios*» и вдруг лицо Хлои Энн погрустнело. Ее нижняя губа выпятилась, лобик наморщился. Она о чем-то причитала ему, говоря быстро и заикаясь.

Матео все время извинялся, пытаясь казаться веселым. Она покачала головой и уткнулась в шею Матео, успокаиваясь, ее маленькие ручки обвились вокруг него. Он крепко обнял ее и бросил на меня взгляд – по нему было видно, что у него разрывается сердце.

В конце концов, он вынужден был встать, но продолжал так же держать Хлою Энн, когда мы шли в сторону выхода из парка. Увидев сувенирный магазин, хотя, ее слезы, казалось, высохли, она взволнованно указала на игрушечную обезьянку. Матео спустил ее, и она подбежала к ней, прижимая к груди.

- Что это было? – спросила я у него.

- Я сказал ей, что пора отвезти ее домой, – признался он тихо. – Она спросила, когда я приеду домой. Сказала, что она соскучилась по мне и хочет, чтобы я рассказал ей сказку на ночь. Я ответил, что больше не вернусь. - Его глаза наполнились слезами. Он вздохнул. - Это происходит каждый раз, когда я вижу ее. Мне хочется видеть ее чаще, но до тех пор, пока развод не завершится, Изабель позволяет только раз в неделю.

- Но по закону она не имеет право так делать, – сказала я. - Если ваш развод не окончательный, то вы просто разошлись. У тебя есть права.

Он медленно кивнул. - Я знаю. Но я не хочу бороться с Изабель прямо сейчас, не тогда, когда Хлоя Энн под ударом. Я делал и буду делать все, что смогу, чтобы Изабель была счастливой, чтобы сохранить мир между нами.

Серьезность ситуации прошла сквозь меня. Отчаяние в голосе Матео было очевидным. Мои глаза защипало. - Я ужасный человек, - выпалила я, не в силах сдержать это внутри.

Глаза Матео широко раскрылись от шока. - Не вздумай так говорить, - прошептал он резко с пламенным взглядом. – Никогда так больше не говори о себе, поняла?

- Папа! – закричала Хлоя Энн. Он медленно оторвал от меня взгляд и посмотрел на нее. Она подпрыгнула, подняв обезьянку над головой с умоляющим взглядом в глазах. - Por favor, папа!

Он вздохнул и сксал пальцами переносицу. - Si, Хлоя Энн, – сказал он и подошел к ней, взяв обезьянку из ее рук и идя к прилавку. Она следовала за ним, держась за край его рубашки и теребя ее с волнением.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь облегчить напряженность в своей груди. Однако боль вернулась, когда Матео и Хлоя Энн с обезьянкой вышли из магазина. Матео остановился и помахал мне рукой. - Adios, – сказал он, и его дочь сказала то же самое. Затем они ушли.

Я предполагаю, что должна была и уехать одна также. Я подумала, сможет ли в нашей жизни все когда-нибудь по-настоящему объединиться.

Неделя протекала с угнетающим воздействием на все. Хотя погода была по-прежнему жаркой и влажной, я чувствовала, как духота просто не дает мне дышать. Я перестала находить жару прекрасной; вместо этого сочла ее тягостной и раздражающей, мое терпение было на исходе. Я делала все, что могла, чтобы казаться веселой для Матео, чтобы попытаться усвоиться в своей новой жизни. Пока он был на работе, я

исследовала город самостоятельно, до тех пор, пока хорошо не изучила районы. Мне понравился Мадрид - очень. Но я не могла избавиться от узелка тревоги в животе.

Я разговаривала с Джошем по телефону, и хотя его советы были вроде «никто никогда не говорил, что будет легко, все трудности стоят того. Держись там», всего лишь слышать его голос и иметь кого-то, кому можно было излить свою душу, заставляло чувствовать себя лучше. Я разговаривала также с Клаудией, но не в деталях. Мне кажется, что я боялась, что она будет думать, что я жалею о приезде сюда, а это на самом деле было не так.

В четверг Матео пришел домой и увидел меня сидящую на диване и рассеянно щелкающую телевизионные каналы, не понимая ни слова. Дождь начал капать из темно-серого неба, но жара не проходила.

- Что такое, - сказал он, бросая свой портфель на кухонный стол. - Я скучаю по улыбающейся Эстрелле.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него, изобразив улыбку на своем лице. - О чем ты говоришь?

- Ты не очень умеешь врать, - сказал он. Затем подошел и сел рядом со мной. Он был одет в темно-синий костюм сегодня, в том числе жилет. У него была встреча с клиентом из Великобритании, кто-то, кто был якобы заинтересован франчайзингом его ресторана.

- Как прошла встреча? - спросила я, желая сменить тему.

Он пожал плечами. - Я не знаю. Это сложно. Мне кажется, что они думали, что я все еще в некотором роде великая звезда футбола, и поэтому стремились встретиться. Я не уверен, что именно сказал им мой партнер, но они выглядели немного разочарованными.

- Никто не может быть разочарован в тебе, - сказала я, потянув его к себе и нежно целуя. Ощущение его губ и языка все еще заставляло мои нервы покалывать, как будто они поглаживались молнией. - Кроме того, они всегда могли почитать про тебя в Google, если бы у них была склонность к проведению хоть каких-то исследований.

- Ты находила меня? - спросил он с любопытством.

Я быстро поцеловала его в нос. - Конечно, - сказала я. - Мне хотелось найти фотографии, где ты голый, что-то, чтобы получить оргазм, когда я была в Ванкувере.

Он медленно усмехнулся и поднял бровь. - Мне это нравится. И нашла?

Я отрицательно покачала головой. - Нет. Ты знал, что вообще-то есть один толстяк из Мексики по имени Матео Казаллес? И у него нет проблем с фотографиями, где он голый.

Он засмеялся. - Буду знать. - Он заправил мне прядь волос за уши. - Так, у меня есть для тебя сюрприз.

- Сюрприз? - Любила ли я еще сюрпризы? Не уверена.

- Ну, у меня есть два сюрприза, один, вероятно, тебе понравится больше, чем второй. Сегодня вечером мы идем на ужин в дом моих родителей.

Я старалась сдержать улыбку на лице, действительно старалась. Но мое беспокойство не позволило мне.

- Не волнуйся так, - сказал он с нежным выражением. - Они полюбят тебя, и ты их. А если ты их не полюбишь, то тебе понравится еда Кармен. - Кармен была его мачехой, и он никогда не упоминал о ней, как о маме. - Лючия будет там, конечно, тоже, и она может привести мужчину, с которым встречается, так что ты не будешь единственной, ощущающей при этом неловкость. Он также не виделся с ними еще.

Ну, это немного помогло. Я выдохнула. Я знала, что мне придется встретиться с ними в какой-то момент, но сама идея все еще пугала меня. Несмотря на то, что Лючия рассказывала о них, я так боялась, что они не полюбят меня. Мне нужно, чтобы они полюбили меня, полюбили нас с Матео вместе.

- И, - продолжал он, - в качестве награды за прохождение через ужин, а также за то, чтобы ты снова улыбалась и вырываться из этой проклятой жары, мы едем завтра утром в Барселону. Я взял отгул, и какое-то время больше нет встреч с адвокатом - мы можем остановиться в квартире там. Пять дней на пляже. Что ты на это скажешь?

Ну, из-за этого сразу появилась улыбка на моем лице.

- Действительно? - воскликнула я. - Мы можем просто поехать туда?

- Конечно, - сказал он. - Ты - моя Эстрелла. Все для тебя.

- Все, что угодно? – спросила я соблазнительно. Затем медленно подняла подол своей юбки, пока он не увидел, что я не надела нижнее белье.

Я могла практически видеть, как у него потекли слюнки, его глаза были полны похоти. – Особенно это, – проворчал он. Я откинулась на диван, когда он похоронил свою голову между моих ног.

Вскоре, я улыбалась во второй раз.

Глава 25

Это отняло у меня массу времени, чтобы подготовиться к дому его родителей. Я перемеряла все, что у меня было, экспериментируя с волосами и макияжем, пытаясь сделать так, чтобы выглядеть максимально скромной. В итоге я остановилась на темно-синем платье с длинными рукавами, облегающим, но с декольте, и заплела свои волосы в косу, которая прикрывала тату на моей шее. Я не хотела рисковать с этими людьми.

По дороге туда меня уже начало немного трясти. У меня перехватывало дыхание, мысли были хаотичными. Я продолжала потирать свои ладони много раз об платье. У меня были панические атаки, когда я была подростком, после развода, и это ощущалось, как один из тех эпизодов, снова и снова.

Я не могла скрыть это от Матео. Он взглянул на меня и остановил машину на обочине шоссе, так уединенно и общественно в то же время.

- Вера, - сказал он, поворачиваясь на своем месте, положив руки на мое лицо. - Посмотри на меня, Вера.

Мне удалось встретиться с его глазами, переполненными паникой, как будто он понимал, что я чувствовала, поглощая мои эмоции своими.

- Вера, - сказал он, его голос был низким, успокаивающим, но твердым. - Ты в порядке. Ты со мной, да? Ты здесь и ты в порядке. Просто дыши. Вдохни медленно. Медленно выдохни.

Я сделала, как он просил, пытаясь сосредоточиться на вдохе и выдохе. В итоге мой пульс замедлился, и я начала чувствовать себя более сосредоточенной и уверенной в себе.

- О, моя Эстрелла, - сказал он мягко. Затем нежно поцеловал меня в лоб. - Что случилось? - пробормотал он.

Я сглотнула. - Я не знаю, - ответила я слабо. - Я просто... я просто так боюсь. Так боюсь.

Он вздохнул и обнял меня. - Я знаю. И это нормально, бояться. Но ты увидишь... мои родители не такие, как твои. - Я слегка вздрогнула, воспоминания о моей матери и Мерси обрушились на меня. Я рассказала ему все о них. Он продолжал. - Ты заслуживаешь хороших людей в своей жизни и счастья. Поверь мне, моя семья - это хорошие люди.

- Я им не понравлюсь, - сказала я, почти рыдая. - Все против нас, Матео. Есть слишком много вещей, неправильных во мне.

- Вера, - сказал он резко. Затем отстранился и пристально посмотрел в мои глаза, приказывая мне послушать его. - Ты знаешь, почему я люблю тебя?

Я попыталась думать, но в моем измотанном состоянии ничего не придумала. – Понятия не имею.

- Я люблю тебя, потому что ты - это ты. Ты немного сумасшедшая, и я считаю это более интересным, чем быть нормальным. Ты страстная, и я считаю это более захватывающим, чем быть спокойным. Ты любопытна и предприимчива, и сексуальная, и ты полна жизни, а еще заставляешь меня хотеть быть лучшим человеком, жить ярче, изменить и сломать все чертовы правила. - Он поцеловал меня крепко, и я была в таком шоке, просто в шоке от его слов, у меня не было времени ответить взаимностью, прежде чем он оторвался. - И это те причины, почему мои родители полюбят тебя.

Я застенчиво ему улыбнулась. - Ну, за исключением сексуальности.

- Эй, они счастливы, пока я счастлив. И, Вера, ты делаешь меня счастливее, чем я когда-либо был. Даже сейчас, несмотря на все дерзко, что происходит вокруг нас, я все равно счастлив, потому что у меня есть ты – рядом со мной и в моей постели. Мы со всем справимся. Я обещаю тебе. Я клянусь на звездах. - Он поднес мою руку к губам и пробежался ими по костяшкам.

Мои губы задрожали. Черт, я устала от того, что становлюсь настолько сентиментальной все время, но, по крайней мере, теперь это были слезы счастья.

Мистер и миссис Казаллес жили в двухэтажном с лепниной доме на окраине города, в хорошо содержавшемся пригородном районе. Это отчасти напомнило мне о доме, в отличие от других построек у этого была замечательная архитектура в испанском стиле, и сады были гораздо более красочными.

Матео остановил машину на подъездной аллее рядом с Мерседесом Лючии. Это было забавно - автомобиль, который водил Матео, был просто черным внедорожником, далеко не таким роскошным, как у его сестры, хотя он, естественно, мог позволить себе Мерседес. Мне нравилось это в Матео, он был довольно богатым, но помимо костюмов и квартир, действительно не афишировал это.

Я вылезла из машины, ощущая каждый свой шаг, каждое движение, идя медленно. Он подошел с моей стороны и взял за руку.

- Я тебе не говорил еще, как красиво ты выглядишь? - спросил он, усмехнувшись мне.

- Нет, - ответила я. - Я забыла сказать тебе то же самое?

Он провел вдоль бороды, взявшись руками за лицо. – Вот это старье?

Мы поднялись по лестнице на крыльце и позвонили в дверь. Я была удивлена, что он не вошел без стука прямо в дом.

У меня перехватило дыхание, когда я услышала шаги по другую сторону. Дверь открылась, и пожилой мужчина с густой седой бородой и в очках выглянул к нам. Он был чуть-чуть ниже, чем Матео, слегка полноватый, и мне сразу вспомнился более стройный Джордж Р. Р. Мартин. На нем даже была рыбацкая кепка.

- Папа, - сказал Матео с почтительным кивком.

Его отец только улыбнулся слегка на своего сына, а затем устремил взгляд на меня. Он поднял густые седые брови и что-то сказал Матео по-испански.

Матео посмотрел на меня. - Папа не говорит по-английски. Но он считает, что ты очень красивая.

Теперь я подняла брови. Это, похоже, не то, что он сказал.

К счастью, не было времени, чтобы стоять на крыльце и думать об этом. Он распахнул дверь шире, и Матео повел нас внутрь.

Сам дом был уютным и привлекательным. Очень испанским - много гобеленов, несколько работ Даля и Пикассо среди сельских пейзажей, стены были древесного цвета. Пахло удивительно, как травы и оливковое масло.

- Матео! – воскликнула женщина, выходя оттуда, что я предполагала, было кухней, вытирая руки о свой грязный фартук. Это, должно быть, была Кармен, и сначала меня потрясло то, насколько молодо она выглядела, пока не вспомнила, что его отец ждал десять лет, прежде чем женился.

Она обхватила лицо Матео руками, сжимая его, что я чуть не засмеялась, затем поцеловала его по два раза в каждую щеку. Она была высокой женщиной с живым, приветливым лицом. Когда она, наконец, сосредоточилась на мне, и я увидела такую же теплоту в ее глазах, то поняла, что она была просто дружелюбным, хорошим человеком.

Она подошла прямо ко мне и обняла меня, как старого друга. - Вера, - сказала она, ее акцент был сильным. - Я так рада познакомиться с тобой, Вера. Я спрашивала у Матео про тебя.

Я была так ошеломлена, не знала, что сказать. Она отстранилась, и твердо держа за плечи, осмотрела меня. - Ты очень красивая. Такое милое лицо. - Она взглянула на Матео. - Она - ангел, Матео.

- Больше как ангел во плоти, - сказал он радостно, закусывая свою губу, когда я стрельнула в него взглядом.

- Ах, ты нехороший, - сказала ему Кармен. Она оглянулась на меня. - Ты не голодна? Я надеюсь, что ты голодна. - Она начала вести меня в сторону гостиной. – Идем, идем, садись.

Отец Матео сказал что-то, но Кармен отмахнулась от него. – Молчи, Себастьян, - она посмотрела на него. – Отец Матео не говорит ни слова по-английски, но не беспокойся, он более безвреден, чем выглядит. Он думает, что превратился в Хемингуэя в старости.

Я хотела высказать мнение по поводу Джорджа Р. Р. Мартина, но решила не торопиться. У меня была склонность набрасываться на людей, когда я пыталась подружиться.

Кармен усадила меня на потертый бархатный диван. Матео присоединился ко мне, в то время как его отец с женой исчезли на кухне.

- Ты - большая молодец, - сказал мне Матео, положив руку на плечо. - Кармен очень милая.

- Да, согласна.

Его отец вышел через минуту, держа бутылку красного вина и два бокала. Он дал нам по одному и разлил его. Матео поблагодарил, а он только хмыкнул и поплелся обратно в кухню.

- Мой отец стесняется, - сказал Матео. - И, ну, он может быть немного ворчлив до того, как выпьет вина. Он расслабится позже, ты увидишь. Держу пари, он волнуется из-за тебя.

- Из-за меня? Почему?

- Потому что он не говорит по-английски и жалеет об этом, - сказал он. - Папа всегда хотел выучить его, просто никогда не находил времени для этого.

- Может быть, я смогу поучить его английскому как-нибудь, - предложила я. - Мне кажется, я гожусь на это.

- Конечно, годишься, - сказал он, чокаясь своим бокалом с моим. - И даже тот факт, что ты могла бы предложить это, делает меня очень счастливым.

Мы допили наше вино, в то время как Кармен работала на кухне. В конечном счете, его отец вышел и завел небольшой разговор с Матео, став более оживленным после выпитого вина. Затем пришла Лючия с угрюмым взглядом на ее красивом лице.

- Что случилось, сестра? - спросил Матео на английском, обнимая ее.

Она пожала плечами. - Карлос не придет на ужин. Он работает допоздна. Снова.

Она подошла ко мне и быстро обняла. - Приятно видеть тебя снова, Вера, - сказала она искренне, хотя и была немного надута.

- Чертов Карлос, - сказал Матео.

- Матео! - сделала замечание ему Кармен из кухни. - Пожалуйста, аккуратнее со словами.

Он засмеялся. - Я серьезно, Лючия. Он всегда не приходит на эти ужины. Когда ты собираешься дать ему отворот-поворот?

Она пристально посмотрела на брата. - У него есть оправдание. Не будь таким гиперопекающим.

Он снова сел, потянув меня на себя. - Я не гиперопекающий. Я просто нервничаю, что ты встречаешься с человеком-невидимкой, вот и все. Я имею в виду, вот как ты, допустим, целуешь его, если не можешь видеть его лица? Кажется сложным, да?

Я пнула его локтем, чувствуя себя подобно Кармен. - Будь хорошим!

Он усмехнулся мне, как болван. - Что? Это правда. Я задумываюсь о таких вещах.

Я закатила глаза, хотя тайно наслаждалась подшучиванием между ними. Игравый Матео всегда был веселым, и он действительно любил дразнить Лючию, которая попадала в его ловушку каждый раз.

Ужин был в значительной степени таким же, за исключением того, что его отец улыбался намного больше. Он также задал мне несколько вопросов, которые шустрая Лючия перевела для меня. Еда была удивительной – наконец немного настоящей домашней паэльи, сделанной не для туристов – и нескончаемые бутылки вина. Я была довольно оживленной, смеясь над всем, в то время как Матео остался трезвым, чтобы отвезти нас домой. И к тому времени, когда было пора уезжать, мне на самом деле не хотелось. Я долго обнималась с Кармен, и даже Себастьян показался достаточно нежным, когда мы прощались. Несмотря на его ворчания, в глазах была врожденная доброта.

По дороге обратно, я сказала Матео, что была ужасно неправа относительно его семьи.

- Я так и говорил, - упрекнул он меня. - Они – хорошие люди, и доверяют мне.

- Мне жаль, что не все такие хорошие, как они, - сказала я.

- Да, мир был бы лучше, - сказал он. - Но, честно говоря, я им благодарен за все.

Иногда тебе не нужно, чтобы все были на твоей стороне, всего лишь некоторые.

Я улыбнулась и пожелала, чтобы однажды я не принимала это так близко к сердцу.

Некоторое время прошло в тишине, такой уютной атмосфере, которая бывает, когда вы едете в машине ночью, только звук колес по темному шоссе, и мягкий свет лампочек на приборной панели.

- Ты знаешь, что мы должны сделать? – наконец-то спросил он.

- Что?

- Когда мы вернемся из Барселоны, то должны устроить вечеринку. Давай пригласим всех с Лас Палабрас, всех тех, кто здесь живет или поблизости.

Мое лицо практически расцвело в улыбке. - Это просто фантастическая идея!

- Я подумал, что ты хотела бы этого, - сказал он. Затем накрыл своими руками мои сжал их. - Мы заслужили немного радости и друзей, правда?

В тот вечер мы вернулись домой и сорвали друг с друга одежду, едва войдя в двери. Я надеялась, что мне удалось показать Матео, как замечательно он заставлял меня ощущать себя.

Барселона завершилась, став самой прекрасной вещью. Во-первых, я любила такие поездки, поэтому тот факт, что мы с Матео мчались по испанской сельской местности, останавливаясь на винодельнях и оливковых фермах, напиваясь и глупо объедаясь всем, что было перезрелым и испорченным, был удивительным. Затем самому городу Барселоне удалось удивить меня. Он был лабиринтом красоты, соединением старомодного и авангардного. Архитектура в стиле Дали и Гауди заставила сделать меня миллион снимков, узкие и скромные улочки привели нас к скрытым тапас-барам и букинистическим магазинам, оживленная улица Лас Рамблас заставила меня потратить слишком много евро, давая деньги всем живым статуям, которые выстроились по ней.

Квартира Матео была такой же фантастической, как я представляла ее в Лас Палабрас. Она была в современной высотке с видом на обширную территорию золотистого песчаного пляжа. Когда были открыты двери на балкон, можно было услышать звук разбивающихся волн ночью и чувствовать океанский бриз в течение дня. Квартира была просто студией и обставлена скучно, больше похожа на гостиничный номер, чем на что-то другое. Но это было абсолютно восхитительным, тем не менее.

За день до того, как уезжать, мы решили устроить пикник, взяв розовое вино, мясо и сыры, и отправились на пляж, расположенный всего лишь в нескольких метрах перед квартирой. Это был понедельник, и он был менее переполненный, чем на выходных, только несколько загорелых тел валялись. Я решила сделать то, чего боялась сделать все выходные - позагорать топлес.

Я села на пляжное полотенце и развязала сзади свое бикини, грудь оголилась. Я увидела немного движения в пляжных шортах Матео, вездесущая эрекция.

- Я одобряю это, - сказал он, разглядывая мою грудь с вожделением. Она была настолько белой при ярком солнечном свете, и я была удивлена, что ему не понадобились солнцезащитные очки. Он мог ослепнуть, уставившись на них слишком долго.

- Я подумала, если ты не можешь бороться с этим, то присоединяйся (прим.: на англ. - *if you can't beat them, join them*), - сказала я, откинувшись назад.

- Это, наверное, какая-то американская или канадская фраза, потому что никто не должен тискать (прим.: на англ. – *beat, игра слов*) твою грудь. Кусать и лизать их, да, но только я.

Я оградила свои глаза от солнца, смотря на него. - Это выражение. Оно значит, что все остальные на этом пляже топлес, таким образом, и я могу быть тоже.

- Да, можешь, - сказал он. - Но мне не нравится, когда мужчины смотрят на тебя.

Я нахмурилась. - Я думаю, что большинство мужчин на этом пляже привыкли видеть грудь.

- Да, но не твою грудь. Твоя грудь бледная, канадская. Она особенная, красивая и очень большая.

Я издала смешок. - Вау, ты сейчас решил задействовать все свое обаяние, да?

Он пожал плечами и провел пальцами над падающей звездой на моей груди. - Другие девушки на пляже не выделяются так, как ты. Они просто женщины с оголенной грудью, но ты - это что-то удивительное, которое никто, кроме меня, не должен видеть.

- Я позагораю без верха, - сказала я ему. - И если нам повезет, то я не сожгу их до тла.

Он сразу же взял тюбик с кремом для загара. – Тогда могу я добровольно вызваться на работу?

- Ты будешь стараться и не займешься со мной сексом на публике?

- Я обещаю, клянусь.

Он размазал солнцезащитный крем по моей груди, и я сделала все возможное, чтобы не сойти с ума. Хоть мы могли бы и вернуться в квартиру, чтобы еще раз заняться сексом, мне также хотелось понежиться на солнышке, пока еще возможно - оставалось в большей степени неделя-две хорошей погоды. Я была только светло-золотистого оттенка, а Матео был насыщенно бронзового, на грани с махагоновым цветом. Испанцы темнели за лето.

Когда он начал уделять слишком много внимания моим соскам, я прихлопнула его по руке. В конце концов, он понял намек и перекатился на живот, возможно, чтобы скрыть свою твердость от прохожих. Хотя женщины и ходили топлес на здешних пляжах, но это не воспринималось, как что-то сексуальное.

В итоге мне надоело валяться и потеть, поэтому мы решили заняться серфингом, порезвиться на волнах. Я все еще была топлес и находила все это абсолютно освобождающим. Да, я заметила на себе некоторые взгляды из-за моих татуировок и тому подобное, но в целом, никого это не волновало. Единственным разом, когда люди действительно смотрели, был, когда Матео перекинул меня через плечо, шагнул в волны и бесцеремонно кинул в воду. Я приземлилась в холодное Средиземноморское море, как для конца лета, и крутилась несколько ошеломляющих моментов, вопя, прежде чем он вытащил меня, ухмыляясь. Я попыталась толкнуть его тоже, но просто не была достаточно сильной, и снова упала в воду.

Резким движением.

Мы вышли из волн, и он притянул меня к себе, целуя при этом жадно, пробуя на вкус, как соль. Затем он шлепнул меня слегка по попке и рассмеялся. В Барселоне Матео был немного извращенцем - мне это нравилось.

На следующий день мы по большому счету занимались тем же самым, за исключением того, что направились в город, чтобы побывать в одном из небольших баров, на который мы наткнулись на днях в милом внутреннем дворике с бульварчиком. Было так хорошо и ново в Барселоне, что мне, как ни странно, стало грустно, что мы должны были вернуться в Мадрид. Я думаю, морской воздух и мягкий бриз напомнили мне о доме, плюс ко всему, мы могли просто быть самими собой и побродить беззаботно по городу.

Но с другой стороны, мы с нетерпением ждали нашего возвращения. Мы вернулись в Мадрид в среду, погода теперь стала прохладнее на несколько градусов, я должна была устроить вечеринку в пятницу вечером, чтобы собрать людей из Лас Палабрас. Я связалась с Джерри, оказывается, он жил в Мадриде, и обратилась примерно к двенадцати испанцам по списку, говоря им, чтобы приводили своих вторых половинок или друга. Было превосходное ощущение, обрести такое мини-воссоединение, и я начала раздумывать над мыслью, что, может быть, могла бы получить работу в офисе Лас Палабраса в Мадриде. Я знаю, Матео сказал, что будет заботиться обо мне и обо всем, но так как я не иду учиться, то должна же в итоге что-то делать. И хотя я планировала погрузиться в изучение испанского языка, я не собиралась долго болтаться без дела на самом деле. Мне нужно чем-то заполнить свои дни и заставить почувствовать себя привносящей что-то в отношения и наш образ жизни, даже если и немного.

Был вечер четверга, я устраивалась на диване с Матео, большой пушистый плед, обернутый вокруг нас, бокалы красного вина в наших руках, когда мне позвонила Клаудия. Я посмотрела на время и подумала, что десять часов - непривычно поздно для звонка от нее, с другой стороны завтра будет вечеринка, и, возможно, она хотела знать, что принести.

- Алло? – ответила я.

- Вера? - сказала она, ее голос звучал странно, как-то панически. Это заставило мое сердце забиться быстрее.

- Да? Клаудия, ты в порядке?

- Да, я в порядке, - сказала она с ноткой беспокойства. Последовала многозначительная пауза. - Вы видели последний выпуск журнала Diez Minutos? Он только сегодня вышел.

- Нет, - ответила я осторожно. Матео смотрел на меня с любопытством, но я могла только пожать плечами. Затем вернула свое внимание обратно к телефону. – А что там?

- Хм, - сказала она. - Я не уверена, будет ли это в онлайн-версии. Но может быть, вы захотите отправиться в магазин и купить себе экземпляр, чтобы увидеть. Есть... есть твое фото в нем.

Мое сердце остановилось. - Что? – спросила я резко.

Теперь Матео сидел, пытаясь привлечь мое внимание, чтобы выяснить, что происходит. Но даже я не могла понять этого, потому что то, что только что сказала Клаудия, не имело вообще никакого смысла.

- Как я могла быть в нем? - Осторожно спросила я.

- Запросто, - сказала она. – На восьмой странице. Это, хм, это твое фото. Папарацци сфотографировали.

- Что?!

- Вы на ней в Барселоне, на пляже. И ты на фотографии топлес.

Я вскрикнула достаточно громко, что задрожали стены. Я подскочила на ноги, прикрывая рот рукой, телефон практически выпал из моих рук. - Как такое может быть?

- Я не знаю, - сказала Клаудия, звука отчаянно. - Они часто фотографируют знаменитостей на пляже. Твои, хм, соски заретушированы. Но это ты. Три фотографии подряд. На одной ты целуешь Матео. На второй он несет тебя на плече. На третьей шлепает по попе. Вера, они все были о Матео. А теперь - и о тебе.

Я не могла даже дышать. Я позволила телефону проскользнуть через мои пальцы, падая на пол. Затем протиснулась мимо Матео, схватила свои ключи от дома и десять евро из вазы для мелочи на столешнице и выбежала за дверь. Неважно, что я была босиком и в пижаме, я сбежала вниз по лестнице, через вестибюль и вышла в темноту ночи.

Ближайший магазин был открыт допоздна и всего лишь через квартал - идеальный вариант, если вам понадобилось кофе, туалетная бумага, яйца или журнал светской хроники. Зазвенел колокольчик над дверью, когда я вошла под лампы дневного света, шлепая босыми ногами по липкому полу. Я не волновалась об этом, и мне не пришлось искать долго. Их держали под прилавком, рядом с газетами и конфетами.

Я схватила журнал, стараясь сдержаться, чтобы не пролистать страницы, и купила его. Под словом «купила его» я имею в виду, что швырнула десятиевровую купюру на прилавок, и даже не взглянув на кассира, оставила ее там и выбежала из магазина с журналом.

Я сделала это через пол квартала, когда решила сдаться и посмотреть его, но тут я увидела темную фигуру Матео, выходящего из дома и направляющегося прямо ко мне. - Вера, - я слышала, как он звал меня, но мои мысли были в другом месте.

Под оранжевым светом фонарей я перевернула восьмую страницу.

И там, блять, была я.

Глава 26

Все было так, как описала Клаудия. Хотя фотографии были зернистые, я смотрелась такой же бледной, как и призрак рядом с Матео, и слегка белой голодранкой, если учесть мои татуировки и тот факт, что я была топлес. Можно было даже заметить немного целлюлита на моем бедре.

Это был кошмар, который стал реальностью.

- Что случилось, Вера? – задал вопрос Матео, когда догнал меня. – Ты без обуви. Давай вернемся вовнутрь.

Он попытался обнять меня, чтобы проводить домой, но присмотрелся и увидел, что я становилась ненормальной. Это было точно так же, как будто я была в большом шоке, чтобы что-то объяснить.

Он выругался по-испански и вырвал журнал из моих рук. Я была в абсолютном ужасе и неверии, чтобы обратить внимание на то, что он чувствовал по этому поводу, но я не могла не заметить его лицо. Я никогда не видела его настолько безумным, никогда. Даже под неестественным светом уличных фонарей, его лицо становилось темно-красным, челюсть была настолько напряженной, казалось, что он может откусить чью-то голову. Матео начал комкать журнал в руке.

Я протянула и положила свою руку поверх его. - Подожди. Что там говорят?

Он не мог даже смотреть на меня.

- Матео, - сказала я отчаянно. - Пожалуйста. О чем говорится в статье? - Когда он по-прежнему не отвечал, не вышел из того транса, в который он, казалось, вошел, я закричала. - Пожалуйста! Это про меня, я имею право, чтобы, блять, знать!

Наконец он моргнул и повернулся голову, чтобы взглянуть на меня, было немного мягкости в его жестких глазах. Он сглотнул и сказал рассеянно. - Там говорится... там говорится, что я был сфотографирован на Барселонском пляже с кем-то, кто не является моей женой. Там говорится, что мы провели несколько дней в городе, и они задаются вопросом, разводимся ли мы с Изабель. Они добавили, что если нет, то после такого точно сделаем это. Они не упоминали Хлою Энн, слава богу.

- Это все, что они сказали обо мне? - Спросила я. – То, что я просто была кем-то, кто не является твоей женой?

Он уставился на меня, взволнованный.

- Матео, - сказала я, - я имею право знать. Я могу справиться с этим. Если ты не скажешь мне, что там на самом деле, то я просто найду это в интернете и переведу в Google.

Он по-прежнему смотрел на меня, его кадык подпрыгнул, когда он сглотнул.

- Отлично! – сказала я, развернулась и побежала по пустой дороге к квартире. Я была уверена, что Матео будет кричать мне, чтобы я остановилась, но он все еще стоял там, глядя только на журнал в руке. Он пришел в ступор от ярости.

Если бы это было что-то другое, то я бы осталась и помогла ему, привела его вовнутрь. Но это задело меня слишком сильно, и я ненавидела, когда лгали.

Я ворвась в квартиру и открыла ноутбук на журнальном столике. Я задала быстрый поиск Diez minutos и начала щелкать по журналу, ища до тех пор, пока не нашла Матео Казаллеса.

Вот оно, первое, что появилось, это фото, где Матео шлепает по моей трясущейся заднице. Следующим, что показала поисковая система, было то, что я прочитала еще в Лас Палабрас, где он с Изабель в ресторане.

Я сделала глубокий вдох, мои глаза постоянно метались между двумя историями. Мой, где я с болтающимися сиськами, в скучном бикини, которое купила в H&M, с бледной кожей, непослушными волосами и татуировками, играющей на волнах с мужчиной на пятнадцать лет старше ее. И другой, где была Изабель с ее элегантными короткими светлыми волосами, зрелым, но красивым лицом, в шикарном платье, рука об руку с ее стильно одетым мужем. Я точно знала, как это выглядело, и поэтому понимала, как все могли преподнести. Я даже не нуждалась в Google, чтобы перевести это. Я была скверной молодой девчонкой на стороне. Шлюхой-разлучницей, которая разбила брак между экс-звездой футбола и представительницей полукоролевской семьи, нанеся вред их маленькой дочери.

Я была хуже, чем другая женщина. Я была Иезавель, ждущей, чтобы быть брошенной собакам.

Я уже знала, что мы были обречены. Мы всегда были обречены.

Хуже всего было то, что весь этот случай с папарацци застал меня врасплох. Это не было похоже на Матео, которого зовут на интервью, или за которым следуют фотографы, или снуют болельщики за дверью. Для меня он был просто Матео, не этой экс-звездой футбола, поэтому я никогда даже не думала о чем-то таком в нашей повседневной жизни. Лишь изредка что-то бы напоминало мне об этом, скажем, рекламный ролик команды «Атлетико» по телевизору или дождливые дни, когда Матео ходил прихрамывая. В противном случае, я жила в пузыре, совершенно не осознавая, что он был кому-то очень важен.

Я разочарованно вздохнула и собралась духом для того, что собиралась прочитать. Я кликнула на статью о нас и нажала на Google Translate вверху.

Оказалось, что то, что Матео сказал, было более-менее правдиво. Он просто опустил очень многое про меня. В основном, что я не просто «другая женщина», а согласно Google translate, развратная молодая девушка, которая казалась очень маловероятной парой для кого-то столь уважаемого, как Матео Казаллес. Они также добавили, что, наверное, уже не будет особого уважения к Матео после этого, хотя, какой постарше мужчина не думал о том, чтобы иметь любовницу на половину младше своего возраста.

Эти чертовы журналы были такими же ужасными, как и те, что были дома. И хотя я сочувствовала знаменитостям в том, как их подвергают всяkim сплетням на сайтах, но все равно читала нетерпеливо все истории. Я в жизни не могла подумать, что когда-нибудь буду предметом одного из них.

Дело в том, что я не была уверена, сколько людей в стране беспокоились о том, какой фокус выкинула экс-звезда футбола, но этот журнал, видимо, волновало. Этот вздор должен был произвести впечатление на фанатов главным образом, если уже этого не случилось, и я понятия не имела, что нужно сделать, чтобы подготовиться к этому. Я была не только униженной и смущенной, но и чертовски испуганной, как это влияет на нас с Матео. Я чувствовала, как мое сердце покрылось крошечными трещинками, из-за которых в один прекрасный день мое сердце разобьется.

В конце концов, Матео вернулся в квартиру. Я отвернулась от компьютера, в полном ступоре, и настороженно наблюдала за ним. Журнал исчез, наверное, в мусоре где-то, где ему и место. Он выглядел так же ужасно, как я себя ощущала, хотя, казалось, гнев, который сразил его, ушел, и теперь он просто выглядел потерянным и разбитым.

- Вера, - сказал он своим хриплым голосом, в то время как медленно подошел ко мне. Он упал на колени прямо передо мной, переплетя наши пальцы. Затем положил свою голову на мои бедра на несколько мгновений и закрыл глаза, делая вдох и выдох. Он выглядел таким слабым на моих ногах, таким кротким. Это расстроило меня в глубине души, заставив чувствовать себя нестабильно.

Он поднял голову, его лицо было грустным. - Я так сожалею, Вера, - мягко сказал он. – Ты даже не представляешь, как мне жаль. - Его голос дрогнул, из-за чего начала болеть моя душа.

Я схватила его за руку крепко. - Это не твоя вина.

- Моя, - сказал он. – Это я попросил, чтобы ты была частью этого.

- Ты не просил меня быть частью этого, - сказала я ему категорически.

- Да, просил. Я хотел, чтобы ты была частью моей жизни. Я хотел... тебя. Я никогда не думал о последствиях, как они повлияют на тебя. Я долго не думал ни о чем. Я был так увлечен тем, что ты наконец-то здесь, в моей жизни, рядом. Я не думал о другом. - Он поцеловал мою руку и пристально посмотрел на меня. - Я и сейчас не думаю. Вера, ты делаешь меня безумным, ты сводишь меня с ума. - Он закрыл глаза и снова заговорил, легко касаясь своими губами моих пальцев. - Любовь, как воровка, она лишает всех мыслей и логики, и все, что у тебя есть - это сердце, и ты можешь только достаточно сильно молиться, чтобы пережить остальное.

Черт побери, даже, несмотря на все это пристальное внимание, его страсть никуда не девалась.

- Пожалуйста, не оставляй меня, - тихо сказал он, его глаза умоляли мои.

Что-то внутри меня обрушилось. – С чего бы мне оставлять тебя?

- С того, - медленно сказал он. - Я вижу это в твоих глазах. Ты боишься.

- Я всегда боялась, Матео, - сказала я. - С того самого момента, как встретила тебя, я боялась. Но это не значит, что я ухожу.

- Это несправедливо по отношению к тебе, - сказал он, как будто не слыша меня. - Я думал, что мы были в безопасности в Барселоне. Я не думал, что кто-нибудь заметит или проявит интерес. Я был неправ, потому что не думал, и эта ошибка стоила нам дорого.

Я вздохнула и опустила глаза на наши руки. Как дорого это еще будет стоить нам? Изабель теперь все узнает, его друзья будут знать. Как он не пытался скрывать меня, теперь все станет известно. Это было не только виной Матео, но и моей тоже. Я знала, что мы должны были затаиться на немного дольше, что мы уже поступили рискованно, и это был только вопрос времени. Я только надеялась и молилась, чтобы о нас узнали после того, как ему бы предоставили совместную опеку, после того, как он получил бы право видеть свою дочь.

- Что нам теперь делать? – спросила я, посмотрев на него снова.

Он печально улыбнулся и едва уловимо покачал головой. - Я не знаю. Раньше я жутко злился на издания. Ну, когда я был молодым и делал глупые вещи, которые никогда не сделал бы снова. Но это никогда не задевало меня, и я не уверен, будет ли так сейчас. Я могу подать в суд на них.

Я покачала головой, зная, что борьба с желтой прессой всегда была бесполезной, за исключением случаев, когда это было чем-то чрезвычайно клеветническим. Журнал не предоставлял ничего, как факт, просто предположение, так что не было ничего незаконного.

Он выдохнул, долго и тяжело. - Я думаю, единственное, что мы можем сделать, это ждать.

- Ты мог бы поговорить с Изабель, - сказала я. – Перед тем, как кто-то скажет ей.

Он поморщился. - Да. Но есть шанс, что, возможно, она ничего не знает.

Я взглянула на него. - Действительно? Если это то, во что ты веришь, то будешь сильно разочарован.

- Я не знаю, что думать, - сказал он. - Давай просто посмотрим, что произойдет завтра. У нас вечеринка. Я скажу ей после этого.

- О боже, вечеринка, - закричала я. - Что они все скажут?

Он сжал мою руку. - Вера, пожалуйста, они ничего не скажут, а если и скажут, то ничего плохого. Эти люди были там, они все знают. У них есть свои собственные трудности, с которыми надо справляться.

Я откинулась на диване, совершенно истощенная. Это дерзко было поделом мне, особенно после такой веселой и легкомысленной поездки, как в Барселону. Мы поступили рискованно и ни о чем не думали, потому что просто хотели быть друг с другом. Но у правды всегда есть способ всплыть.

И вот мы все еще были вместе, но имели дело с пониманием того, что наша любовь была не такой чистой, как хотелось бы верить. Что благие намерения ничего не значат. Что мы выбрали друг друга, несмотря на последствия, и теперь должны были за это поплатиться.

В ту ночь мы легли в постель вместе. Мы не занимались любовью, а просто обнимали друг друга в темноте, переплетая наши тела и погрузившись в безумие наших мыслей.

- Помнишь, о чем я просил тебя, - прошептал он мне на ухо, когда мы погружались в сон.

- Хммм?

- Обещай мне, что ты не потеряешь веру в нас.

Не могу, сказала я, хотя и не вслух. Я была слишком напугана, чтобы сказать это, вдруг все будет не так.

На следующее утро мы практически ничего не услышали о скандале. Не было никаких телефонных звонков от Изабель или кого-то недовольного. Часть меня подумала, что, может быть, мы выбрались из этого, что все будет в порядке. Другая часть меня

подумала, что интернет только и ждал, чтобы нанести удар, особенно, когда мы были расслаблены и ничего не подозревали.

Я никак не могла расслабиться. Весь день я была на грани нервного срыва, делая покупки для вечеринки и ожидая, что что-то случится в любой момент.

Так и получилось – только не так, как я ожидала.

Я готовила закуски – то, что я знала, как делать, например, обернутые в бекон гребешки и лепешки с козьим сыром, а Матео помчался забрать алкоголь из магазина, когда мой мобильный зазвонил. Опять же, это была Клаудия.

- Пожалуйста, не говори мне, что ты все отменяешь, – сказала я, когда ответила. – Потому что я не могу справиться с этим в одиночку!

- Я не отменяю, – она быстро заверила меня. – Мы с Рикардо будем в час, чтобы помочь. Я просто...

- Господи, что теперь?

- Они знают твое имя.

Мое сердце застыло. – Что ты имеешь в виду под тем, что они знают мое имя? – спросила я медленно. – Кто они?

- Они, – сказала она. – Журнал, Diez minutos, они знают твое имя. Это в сети – теперь с картинками.

- Что?! – зарычала я в телефон в предынфарктном состоянии. Я сунула поднос в духовку и побежала к ноутбуку, лихорадочно переходя к странице, которую добавила в закладки.

- Вы общались с прессой? – спросила она меня, когда я нажала дальше.

- Нет, – сказала я, в моей груди появилось тяжелое ощущение, дыхание перехватывало и стало болезненным. Я загрузила страницу и прокрутила вниз к описанию. Теперь там говорилось: «С канадкой Верой, которую Казаллес встретил на программе по изучению английского языка в июне этого года. Эта молодая женщина, которой, как говорят, около двадцати лет, по слухам, живет с Казаллесом в квартире в районе Саламанка.

- Вот, чееееееееерт, – ахнула я, моя рука сжалась в кулак над телефоном. – Как, блять, они это выяснили?

- Кто-то, должно быть, сказал им.

- Но кто? Кто-то из Лас Палабрас? – Мой параноидальный ум начал прокручивать всех, от гостей, которые приходили, до Лорен. Но все любили нас, и Лорен, какой бы сучкой она не была, но ее не было в Испании, насколько я знала.

- Я не знаю, – сказала Клаудия. – Я так не думаю.

Я вспомнила единственного человека, который знал все это, женщина, которая слышала, что мы делаем в кабинке туалета, когда Матео приревновал к тому парню. Соня.

- Увидимся чуть позже, – сказала я Клаудии и затем повесила трубку, сразу же набрав Матео.

- Ты что-нибудь забыла? – спросил он, когда ответил. – Я только вышел из магазина.

- Что ты говорил той женщине, Соне? – спросила я сквозь зубы.

- Что?

- Женщина, твоя давняя подруга, та, которая поймала нас, когда мы занимались сексом в туалетной комнате. Я вышла на улицу, и вы говорили с ней. Что ты сказал ей о нас?

Он замолчал, и я почти могла услышать, как проносятся его мысли. – Я только... подожди, что случилось?

- Просто скажи мне!

Он вздохнул, расстроенный. – Я не знаю.

- Ты говорил ей, как меня зовут?

- Я представил тебя, как Вера, помнишь?

- Ты говорил ей, где мы встретились? Откуда я?

- Да.

- Блять, Матео!

- Не кричи на меня, черт возьми, – выстрелил он.

Не говори мне, блять, не кричать на тебя, хотела я крикнуть в ответ. Потребовалось много усилий, чтобы сдержаться. - Она рассказала журналу о нас, - вскипела я.

Пауза. - Что ты имеешь в виду?

- Ну, приходи домой, и я покажу тебе. Помимо фотографий, у них теперь есть мое имя и где ты встретился со мной. И что я живу с тобой сейчас в Мадриде, в районе Саламанка. Ты говорил ей все это?

Была тишина. Я слышала, как он тяжело дышал, его шаги по телефону. Наконец, он ответил. - Да, говорил.

- Матео!

- Послушай, Вера. Мне не нравится твой тон, понятно? Ты знаешь, что я никогда преднамеренно не делал ничего, чтобы причинить тебе боль. Откуда я должен был знать, что Соня использует эту часть информации и сообщит ее журналу?

- Разве ты не знал, каким человеком она была?

- Я не думал...

- Нет, ты не думал, - возразила я. - Это продолжает быть твоим оправданием. Что ты не думал. Хорошо бы начать, черт возьми, думать.

А затем я повесила трубку, с комом в горле, с отчаянием в душе. Я никогда не кричала на него так раньше, никогда не бросала трубку, не дав договорить ему. Даже во время наших жарких споров по телефону, когда проблема большого расстояния в наших отношениях действовала на нас, я никогда не бросала трубку.

К счастью, он должен быть дома в любой момент, и я могла бы сразу извиниться перед ним. Я села на край дивана и терла руками о платье, как психически неуравновешенная, затем почувствовала, что меня сейчас вырвет.

Дверь открылась, и зашел Матео, неся холщовую сумку, полную крепких напитков. Он пнул ее, чтобы она закрылась, и вот тогда я поняла, что это не будет легко. Он был в плохом настроении, и теперь я боялась, что у меня могло не стать союзника в этой битве. Я не могла справиться с этим в одиночку.

- Я сожалею, - сразу же сказала я ему, когда он поставил сумку. – Мне жаль, что я кричала на тебя, и мне жаль, что бросила трубку.

Он поставил локти на столешницу и наклонился, запустив раздраженно руки в волосы, прежде чем спрятать свое лицо в ладони. Я наблюдала за ним, затаив дыхание, не зная, что он собирается сказать или сделать. Когда он все еще не двигался, я начала по-настоящему волноваться. Может быть, я толкнула его, толкнула нас, слишком далеко. Я знала, что все это было либо нашей совместной ошибкой, либо ничей, но, как ни крути, мы оказались в такой ситуации вместе.

Я встала и осторожно подошла к нему. Затем нежно положила руку ему на поясницу, как будто он был из стекла.

- Матео, - прошептала я.

Он кивнул, потом вдруг встал и притянул меня к груди, его сильные руки обхватили мою спину. Я почувствовала, как мое тело упало на него, слишком обессиленное, чтобы даже стоять. Я наслаждалась, ощущая его тепло, его силу, поддержку. Казалось, что мне дали крохотную часть облегчения, якорь, чтобы подготовиться к надвигающейся буре.

- Пожалуйста, не ссорься со мной, - сказал он в мои волосы, целуя в макушку. - Пожалуйста, не сердись. Я тоже в ярости, которой хватит для нас двоих. Я больше испугался, чем ты. Но я не могу срывать злость на тебе, потому что ты не просила об этом. Пожалуйста, не срывай злость на мне. Мне нужно, чтобы ты была со мной, а не врозь.

Я кивнула, чувствуя, как защипало мои глаза от слез. Мне удалось не расплакаться, удержать их в себе. – Мне жаль.

- Я знаю. И мне жаль, что Соня пошла и рассказала журналу. Иногда ты действительно не знаешь человека, хотя я должен был предвидеть, и это было моей ошибкой. Это все, что я могу сказать тебе, - он отстранился и посмотрел на мое лицо, - больше ошибок не будет. Я не знаю, что буду делать, но сделаю все, что в моих силах, чтобы не потерять свою дочь и удержать тебя.

И что будет, если придет время, когда надо будет выбрать между мной и ей? Подумала я. Но, конечно же, я знала ответ.

Я хотела бы сказать, что наше настроение улучшилось для вечеринки, но нет. Только когда Клаудия и Рикардо явились с еще большим количеством бутылок вина, которые, в свою очередь, купил Матео, я загудела в спешке. Я сделала то, что могла, надела на лицо маску для вечеринки, игнорируя всю тяжесть на душе.

Хотя мы пригласили всех местных, которые были в отеле Лас Палабрас, и все они ответили на приглашение, но не все пришли. Это напомнило мне об одном случае, когда я устраивала вечеринку в старших классах, и только небольшое количество гостей фактически пришло. К счастью, Матео сказал мне, не принимать это на свой счет - люди были пресловутыми, когда дело касалось их ненадежности, всегда обещая прийти, а затем никогда не выполнять это.

Первыми прибыли Лючия и небезызвестный Карлос, хотя они и не принимали участие в программе. Лючия показалась немного навеселе, ее щеки были темно-красными, и она постоянно хихикала. Карлос вроде бы был приятным парнем, чуть больше тридцати и немного самодовольный. Совсем не такой, с каким я представляла Лючию. Но он казался достаточно хорошим, хотя Матео не прекратил бросать на него презрительные взгляды, оценивая его, как будто он обдумывал, вышвырнуть его с вечеринки или нет. Его братская любовь заставила меня любить его немного больше.

После Лючии и Карлоса пришли Джерри, Ангел и его не менее робкая спутница, Патриция. Это было так приятно увидеть их снова, что я почти начала плакать. И было неважно, что Джерри все еще был огромным чрезмерно восторженным придурком, или что эксцентричный Ангел забыл весь свой английский, просто, когда они были здесь, то как будто открыли мне дверь в другую жизнь, переполняя меня яркими, радостными воспоминаниями.

Вскоре пришел Антонио, такой же милый и статный, с пышными усами и наличием шуток для всего, затем Мануэль со своей рокерской внешностью, нежная Нира (теперь с ярко-розовыми волосами) и извращенец Эдуардо. Лючия со своим парнем,казалось, поладили уже со всеми, Карлос и Антонио говорили о бизнесе, а остальные все просто пили и ели, вспоминая о старых временах. Несколько раз я поймала себя на том, что стала чересчур слезливой, особенно когда алкоголь начал действовать на каждого. Чертова испанцы и их эмоции - было трудно не поддаться этому влиянию, когда все остальные так очевидно тосковали за тем, что у нас было в отеле Лас Палабрас.

В какой-то момент, Лючия, поскольку она не была затронута воздействием Лас Палабрас, поставила какую-то танцевальную музыку. Тогда вечеринка превратилась из задумчивой и эмоциональной в веселую и пьяную. Я танцевала с Эдуардо и Ангелом, на что Матео сделал вид, будто его это не волнует, но я все равно знала, что он смотрел внимательно, убедившись, что Эдуардо не пытался сделать каких-либо «сексуально-вредительских» шагов.

- Вы все еще общаетесь с Полли? – спросила я его, размахивая своими волосами.

Он покачал головой, выглядя немного грустным. – Не совсем. На Facebook, да. В той или иной степени. Но мы не вместе... Не так, как вы с Матео.

- Матео повезло, - сказал Ангел позади меня, так как мои волосы бесцеремонно били его по лицу.

- Ну, мне тоже повезло, - сказала я.

- Да, - сказал Эдуардо, - потому что теперь ты живешь в Испании со всеми нами. Как тебе здесь, нравится?

- Замечательно, - сказала я, и впервые заметила, что моя улыбка была немного неестественной, произнеся это. – Мадрид - прекрасный город, - добавила я, чтобы это не выглядело ложью.

Эдуардо кивнул, казалось бы, довольный ответом, и мы продолжили снова танцевать, пока Патриция не утащила Ангела, а мне нужен был перерыв. Я пошла прямо к Матео, который прислонился к стене и медленно пил из стакана скотч. Он казался отдаленным от всех остальных.

Я обернула руки вокруг его подтянутого живота и прильнула к нему. Он улыбнулся мне и нежно поцеловал.

- Как ты? - спросил он.

- Я собиралась спросить у тебя то же самое.

Он кивнул на остальных, которые все еще танцевали. - Ты хорошо танцуешь.

- Не так хорошо, как ты. Помнишь? В отеле Лас Палабрас, ты сказал, что танцевал, как Джастин Тимберлейк.

Он усмехнулся. - Я всего лишь пытался произвести на тебя впечатление.

- И ты знаешь, это сработало.

Его лицо вытянулось немножко. - Но будет ли дальше продолжать работать?

Я почувствовала, как в моем сердце просверлили крошечное отверстие, заставляя меня содрогнуться изнутри. Малейшая частичка боли просочилась через него. - Конечно, - ответила я непреклонно. Я схватилась за его рубашку, боясь, что если бы не сделала этого, то потеряла бы нас в скрытой реальности.

- Я собираюсь выйти покурить, - сказала Лючия, схватив свой кардиган и проскользнув мимо нас. Она бросила на Матео испепеляющий взгляд. - Так как мой брат не разрешает курить здесь.

- Я пойду с тобой, - сказала Клаудия, и они вышли из комнаты.

Я хотела вцепиться в Матео, держать нас в этом частном мирке, но в итоге подошел Джерри и начал болтать с ним о футболе. Это было удивительно, что никто на вечеринке не упомянул журнал, что вселило в меня надежду, что, возможно, не будет такого плохого исхода, как мы ожидали. Я имею в виду, может быть, никто старше тридцати на самом деле и не обратил внимания на этот бред.

Потом зазвонил мой телефон. Мне реально не хотелось отвечать.

Я подошла к столешнице и взяла его. Это была Клаудия. Какого черта? Она только что вышла.

- Да? - ответила я, подумав, что возможно они были слишком пьяны, чтобы понять, кому звонят. - Что?

- Вера, - прошептала она резко в телефон. Я слышала, как вопили по-испански на заднем фоне. - Дай трубку Матео!

Я автоматически приложила руку к груди. - Зачем? Что происходит?

- Она здесь, - сказала Клаудия судорожно. - Изабель возле вашей квартиры. И она сердита. Она очень, очень сердита.

Глава 27

Моя рука крепко схватила телефон. Я мучительно сглотнула. - Что? - прошептала я, едва в состоянии говорить или дышать. Вопли продолжались, и теперь я могла разобрать голос Лючии, орущий на кого-то. Нет, не на кого-то.

На Изабель.

На миссис Казаллес.

Ох, ебать.

Я посмотрела на Матео и подозвала его. Он был уже на полпути ко мне, наблюдая за телефонным звонком через всю комнату.

- В чем дело? - сказал он, его глаза всматривались в мои.

- Изабель, - я смогла выдохнуть. - Она внизу, воюет с твоей сестрой.

Его глаза расширились. Он кивнул. - Оставайся здесь.

Затем он покинул квартиру.

Я почувствовала себя так, будто застыла на месте, просто уставившись на дверь, когда она закрылась за его спиной. Я подняла трубку. - Он сейчас придет. - Затем опустила телефон и оглянулась на вечеринку позади меня. Они балдали, танцуя до упада, совершенно не обращая внимания на то, что происходило снаружи. И как бы мне не хотелось выгнать всех вон и сказать им, что вечеринка была определенно закончена, я не могла, потому что бы пнула их прямиком в грязную реальность моей жизни.

Мой живот скрутило. Мне стало нехорошо.

Зажав рот рукой, я побежала в ванную и быстро вырвала все красное вино и наполовину переваренные лепешки. Я стояла над унитазом, пытаясь восстановить свое дыхание, чтобы заставить болезнь уйти.

Изабель была здесь.

Она знала обо всем.

Я начала снова рвать, пока не услышала стук в дверь и голос Клаудии. - Вера?

Я спустила воду, сполоснула рот, окропила холодной водой лицо и сделала глубокий вдох. Я задержала дыхание, пока не посинела, и тогда выдохнула.

Мне нужно было пройти через это.

Я открыла дверь и посмотрела на нее. - Мне стало плохо, - я попыталась объяснить, в случае, если кто-то слышал нас.

Она сразу же обняла меня. - Ну, ничего хорошего, наверное, не будет, - прошептала она в мое ухо.

Я закусила губу. Жестко. - Что происходит?

Ее большие карие глаза прониклись сочувствием. - Она не уедет. Изабель сейчас в вестибюле, потому что закатила сцену на улице. Лючия все еще там. Она делает только хуже. Его сестра действительно... злющая.

- Она знает о журнале...

- Да, знает.

- Блять.

- Да уж.

- Как Матео... справляется с ней?

- Едва. У этого мужчины большая выдержка.

Я кивнула, зная об этом слишком хорошо. - Я должна пойти туда.

Клаудия посмотрела на меня, как будто я выжила из ума. Может быть и так.

- Нет, ты не должна, - сказала она сурово. - Будь здесь и Матео справится с этим.

- Но это не только его проблема.

Она схватила меня за плечи и крепко держала. - Вера, не ты жената на ней, правильно? Ты ничего не должна этой женщине. О, и в случае, если ты не поняла мой английский, она сумасшедшая.

- Ты была бы тоже сумасшедшей, окажись на ее месте.

Она пригрозила мне пальцем. - Нет, нет, нет, и еще раз нет. Нет, не начинай чувствовать себя виноватой сейчас. Твое сердце не считалось с правильным или неправильным.

- Клаудия, - я посмотрела на нее. - Я всегда чувствовала себя виноватой. Каждый день, все время. - Я вырвалась из ее хватки. - И мое сердце должно было лучше думать.

Я поплелась по коридору, пока она кричала мне вслед. – Это не заставит твою вину уйти! - Это было достаточно громко, и я знала, что все на вечеринке слышали это. Но мне было все равно. Это были и мои неприятности тоже. Она не была моей женой, но я принимала в этом участие, и должна столкнуться с ней. Я была в долгу перед ней.

Я вышла в холл и спустилась по лестнице, мой адреналин слишком зашкаливал, чтобы стоять и ждать лифт. Хотя он начал только расти, пока я бежала, заставляя мои ноги передвигаться, мои мысли были на автопилоте, пока я не открыла дверь в вестибюль.

Он был пуст, за исключением Лючии, Матео и Изабель. Мои глаза сразу же устремились к Изабель, было необычно видеть ее собственной персоной на этот раз. Она была сердита, это наверняка. Красное лицо, красный нос, на лице следы от слез, взгляд, который разбивал мое сердце. В ней по-прежнему была нотка элегантности, роскошное фиолетовое платье, модные туфли Лубутены, сумочка Шанель. Она была полной противоположностью меня, хотя я знала в глубине души, что наши сердца могли одинаково болеть.

Но было трудно держаться за эту мысль, когда она колотила грудь Матео кулаками, а он делал то, что мог, просто стоял и терпел. Это не продлилось долго, когда позади меня закрылась дверь, она подняла свои темные глаза, чтобы увидеть, кем был этот незваный гость.

Это была я. В своем старомодном платье с глубоким декольте, с завитыми волосами и красными губами.

Иезавель, проститутка, шлюха.

И это была я, стоящая лицом к лицу с женой человека, которого любила.

Она не стала тратить время впустую. Она оторвалась от Матео, ее глаза загорелись, как петарды, испепеляющие, с временным помутнением рассудка.

- Puta soñío! - закричала она, подходя ко мне. - Ты глупая шлюха!

И тогда я вспомнила, что она говорила на английском языке очень хорошо. Я собиралась принять все ее оскорблений.

- Вера! - Матео орал на меня, расстроившись, что я не послушалась, но я не могла даже смотреть на него. Мне надо было наблюдать за ней, потому что она шла на меня и быстро приближалась.

Я попятилась, пока не оказалась возле двери на лестничную клетку, и она остановилась менее чем в футе от меня, от нее пахло выпивкой и дорогими духами. Она протянула свой ухоженный палец мне в лицо и ткнула им в опасной близости. - Ты, ничтожная тварь, ты чертова шлюха. Кто ты, блядь, такая, чтобы приехать сюда и трахать моего мужа? А?!

Я никогда не была так напугана. Я даже не могла дышать или думать, или говорить. Что я могла еще сказать? Что я могла вообще сказать, кроме того, что очень сожалела, что не хотела причинять никому боль, что я думала, что наша любовь восполнит все остальное.

- Говори со мной! – закричала она, вены пульсировали на ее лбe. - Ответь мне, что ты можешь сказать в свое оправдание! Ты разрушила мой брак! Ты разрушила жизнь моей бедной дочери. Ты разлучница! Тебе должно быть стыдно за себя.

Но мне стыдно, кричала я внутри.

- Ну? - она усмехнулась. - У тебя даже нет смелости, сказать что-нибудь мне в лицо, но у тебя нет проблем, чтобы трахать моего мужа. Ты маленькая сучка! - Она плюнула мне в грудь. - Ты отвратительна, только посмотри на себя.

- Vete a la mierda (с исп. – пошла на хуй), Изабель! - Я услышала, как Лючия завопила откуда-то.

- Ты - ужасный человек. - Изабель взглянула на меня, игнорируя выпады Лючии. Слюна на моей груди медленно сползла вниз, будучи холодной, как лед. – Наносящая ущерб женщинам и семьям по всему миру. Чертова шлюха.

- Изабель, - Матео сурово предупредил ее, и краем глаза я видела, что он приближается к нам.

- Говори со мной! – кричала она до тех пор, пока мне не пришлось закрыть глаза, чтобы ее голос грохотал сквозь меня.

Мое горло сжалось от боли. - Я сожалею, - удалось мне проскулить.

Ее глаза расширились. - Ты сожалеешь? Ты сожалеешь? Это все, что я получаю?
И вот так, она ударила меня по лицу, дала пощечину.
Звезды. Везде. Пылающие звезды.

Меня не волновало, как сильно я заслужила это, потому что осознавала, что я сделала. Но что-то внутри меня щелкнуло на мгновение.

- Ох, отъебись, сука, - рявкнула я на нее, пытаясь уйти от очередного удара, который уже шел на меня.

Внезапно Матео оказался позади Изабель, удерживая ее руки вместе, препятствуя тому, чтобы она снова меня ударила. Но его взгляд был сосредоточен на мне, когда я держалась за свою пульсирующую щеку, его глаза прожигали мои. - Вера, это мать моего ребенка, - сказал он мне своим мрачным голосом, наморщив лоб. - Пожалуйста, прояви некоторое уважение к ней.

Я широко открыла рот, щеки горели. Какого черта? Проявить к ней уважение? Она ударила меня!

Он быстро повернулся ко мне, и она опять стала кричать по-испански, хотя теперь это звучало больше, как плач. Он вывел ее на улицу и исчез в ночи. А я тем временем просто стояла, ошеломленная и униженная, полностью разбитая. Я чувствовала себя крайне глупо в том, что случилось, и меня так смутили слова Матео, что я хотела провалиться сквозь землю и никогда больше не показываться.

- Мне жаль, - сказала Лючия, подойдя ко мне. Она обняла меня за плечо и заправила локон за ухо. - Я не хотела, чтобы это случилось. Мы курили на улице, и она начала орать на меня по поводу вас. Я знала, что она не уйдет, пока не увидит Матео.

- Все нормально, - сказала я рассеянно, не в силах отвлечься от боли в сердце.

- Матео старается изо всех сил делать то, что лучше для Хлои Энн, ты же знаешь это, - сказала Лючия. - А Изабель не всегда была самой лучшей женой, поэтому не имеет права обвинять во всем, но она очень гордая. Тот журнал, который она прочитала, не воспринялся ею хорошо. Это ущерб ее имиджу.

- Я навредила ей, - спокойно сказала я. - Я навредила Хлое Энн.

- Нет, - сказала она. - Не говори так. Это Изабель придет в норму в один прекрасный день, а Хлоя Энн очень сильная. Все будет в порядке.

Я посмотрела в красивые глаза Лючии. Она честно верила тому, что говорила. У меня не нашлось мужества сказать ей, что она лжет сама себе.

Никогда не будет все в порядке.

Матео, конечно же, не вернулся домой в ту ночь.

После инцидента с Изабель в вестибюле, мы с Лючией пошли обратно наверх. Хотя я и не говорила никому, что вечеринка закончилась, все поняли это. Когда я вошла в дверь, все они торчали на кухне, сочувственно улыбались и были с грустными глазами. Я посмотрела на Клаудию, а она только виновато пожала плечами.

Они были хорошими людьми, каждый искренне обнял меня на прощание, пообещав выбраться поужинать и выпить в ближайшее время. Даже Джерри упомянул о возможных должностях в Лас Палабрас, если я планирую остаться в городе надолго.

Забавно, вот несколько недель назад я бы не усомнилась в своем постоянстве. Теперь, даже с верными друзьями, которые заботились обо мне, я была готова быть изгнанной из города.

Клаудия обняла меня крепко и сказала, что приедет и заберет меня на обед, поскольку это были выходные. Мое сердце забилось сильнее, то, как она пыталась отвлечь меня, заставить почувствовать себя лучше. Лючия была такой же и попросила меня позвонить ей. Я была так счастлива, что она была на моей стороне, хотя теперь я задавалась вопросом, на чьей стороне Матео.

Я пошла спать в одиночестве, эти мысли крутились в моей голове. Почему Матео еще не вернулся? Что он делал? Я действительно возмущила его, назвав Изабель сукой? А его не взбесило, что Изабель физически причинила мне боль, что ее оскорблений были гораздо более мерзкими? Или это не имеет значения, потому что я это заслужила, потому что должна было это предвидеть.

У меня не было ответов и не было Матео.

В четыре утра я получила сообщение от него.

«Я остаюсь на ночь в бывшем доме, ради Хлои Энн. Я люблю тебя. Позвоню тебе завтра.»

Мне сейчас снова станет плохо. Он остался в их старом доме? С Изабель? О боже. Я знала, что он написал, что любит меня, и знала, что он сказал, что остался ради своей дочери, но это не помогло уйти болезненному, неприятному чувству, то, которое схватило мои кишки изнутри, лишая меня дыхания. Ощущение, как будто меня скрутило в узел, я свернулась в позу эмбриона и молилась о сне, который избавил бы меня от этого.

Когда я проснулась на следующее утро, солнечные лучи пробивались сквозь шторы, которые я забыла закрыть, но то ощущение все еще было там. Я не смогла отделаться от него. Оно крепко засело во мне и сводило с ума.

Матео сказал, что мы будем нашей собственной Вселенной. Он взял с меня обещание не разочаровываться в нас. Он привел мне столько причин, чтобы поверить, что то, что мы делали, было правильным, что любовь была хорошей, что мы могли бы сделать так, чтобы она и дальше была, что риски стоило принять на себя, и это будет стоить того в конце. И я просто не знала, было ли это еще правдой. И чем больше я думала об этом, о нас, тем сильнее мне становилось больно. Была только крошечная часть моего мозга, которая хотела уцепиться за одну мысль, одну мысль, которой я была слишком напугана, чтобы взглянуть на все трезво. Она олицетворяла боль.

Мысль заключалась в том, что, возможно, с этими отношениями ничего не получится.

В том, что это должно закончиться.

В том, что мне придется положить этому конец.

И что, сделав это, я потеряю все, что так старалась получить - я бы потеряла свою жизнь в Испании, моих друзей, мою новую семью, мой шанс на счастье. Я бы потеряла любовь. Я бы потеряла Матео.

Эта мысль сломала меня. Это чертовски сломало меня. Поэтому я прогнала ее, отодвинула подальше, потому что было очень трудно даже думать об этом, и моя жизнь слишком бы изменилась, поэтому не хотелось даже рассматривать это. Я не хотела думать об этом и осознавать, что это правда, потому что как только я пойму, что это так, то мне придется что-то сделать с этим.

А я не хотела ничего делать. Я всего лишь хотела, чтобы все стало так, как было.

Но действительно, будет ли когда-нибудь, черт возьми, наша любовь свободной, открытой?

Я не знаю, как долго пролежала в постели, ожидая, чтобы Матео позвонил мне или пришел домой. Но через некоторое время было очевидно, что не произошло ни того, ни другого.

Когда телефон, наконец, зазвонил, то это была Клаудия. Она практически заставила меня одеться и пойти на встречу с ней. Она пригрозила телесными повреждениями, что я не нашла очень смешным, учитывая, что моя щека все еще была немного красная там, где Изабель ударила меня. Одно из ее колец оставило след, который я долгое время пыталась замаскировать с помощью консилера. К сожалению, это не скрывало глубокое унижение, которое я чувствовала.

Погода была солнечная утром, когда я проснулась, но к тому времени, когда я направилась на выход, стало очень облачно и холодно. Я плотно повязала джинсовую куртку вокруг себя, грустно прощаясь с жарким летом, и поспешила вдоль улицы, пока не добралась до музея Прадо. Клаудия думала, что искусство отвлечет меня от всего.

И когда я уже подходила ко входу, чтобы встретиться с ней, то получила сообщение от Матео.

«Где ты? Я еду домой.»

Мое сердце подскочило с неуверенностью. Я быстро ответила.

«Я только подошла к Прадо. Встречаюсь здесь с Клаудией. Вернусь позже, собираемся смотреть на искусство.»

Я подождала немного, когда придет следующее сообщение. Наконец-то Клаудия увидела меня и присоединилась ко мне, наблюдая с любопытством, но без назойливости. Она знала, что произошло.

Он ответил: «**Наслаждайся музеем, это очень важно. Увидимся, когда ты вернешься домой. Я люблю тебя.**»

«**Я тоже люблю тебя**», отправила я в ответ. И имела в виду каждое слово этого. Несмотря на ту мысль в моей голове, ту, которую я не хотела затрагивать, осознавать, проверять, я знала без сомнения, что любила Матео сильно и каждой своей частичкой. Именно эта любовь причиняла такую боль.

- Что он сказал? – спросила Клаудия.

Я вздохнула. - Ничего на самом деле, просто, что он возвращается домой сейчас.

Я уставилась на парадный вход здания, подобного дворцу. Люди всех возрастов выстроились в очередь, чтобы войти. Вдруг я поняла, что последнее, чего бы я хотела, так это смотреть на картины и скульптуры, в то время как думала о Матео.

- Иди, - сказала мне Клаудия с понимающей улыбкой. - Мы всегда можем пойти в музей в другой день. Это не отвлечет тебя от мыслей о Матео, если он дома ждет тебя.

- Ты уверена? – спросила я ее.

Она кивнула. - Я прожила в Мадриде всю свою жизнь. Я видела выставку уже два раза в этом году. Мы вернемся в другой день, может быть, вчетвером, как двойное свидание. Но поверь мне, ты испытываешь отвращение к Гойе, если зайдешь туда в таком состоянии.

Я улыбнулась ей. - Ну, я бы не хотела делать этого по отношению к мистеру Гойя.

Она быстро поцеловала меня в щеку и помахала, когда я уходила. - Удачи.

Обычно я раздражалась, когда люди говорили мне «удачи», потому что это звучало, как будто мне нужна была удача, необходимая помочь с чем-то, когда это было не так. Но в этот раз, я действительно в ней нуждалась. Я хотела вернуться домой и увидеть Матео, а затем упасть в его объятия, чтобы он похоронил те плохие мысли далеко-далеко. Я хотела, чтобы он устранил тяжесть, все устранил и заставил меня поверить, что мы могли пройти через всю эту грязь.

Я решила не говорить ему, что буду дома раньше. На самом деле, я думала, что, возможно, попаду домой раньше него и сделаю ему сюрприз, приготовлю кофе с печеньем и подготовлюсь к некоторой переоценке ценностей.

Я воспользовалась метро, пытаясь поспешить, и быстро шла от станции до квартиры. Я была в квартале от дома, прилагая все усилия, чтобы игнорировать незначительные проявления боли, которые по-прежнему крутились у меня в желудке, такое ужасное чувство страха, которое я была убеждена, что смогу преодолеть.

И вот тогда я увидела Матео.

Он был через дорогу, вылезал из блестящей красной Ауди. Это был не его автомобиль. Затем я заметила белобрысую голову Изабель на водительском месте, и поняла, что Матео отвозил жену домой на ее машине прошлой ночью.

Я тут же отступила назад в дверной проем магазина, надеясь, что тени скроют меня, и наблюдала за тем, что будет происходить. Я совсем не хотела, чтобы она снова меня заметила, она бы, наверное, выскочила из машины и закончила то, что начала.

Матео подошел с ее стороны автомобиля, в той же одежде, что и вчера, и она опустила стекло.

Затем что-то сказала ему. Я не могла прочитать выражение ее лица, потому что у нее были солнцезащитные очки.

Матео положил правую руку на ее скулу, близко наклонившись к ней, как муж к жене, кивая на все, что она говорила.

Затем он поцеловал ее.

Прямо в губы.

Мягкий, чувственный поцелуй.

И она поцеловала его в ответ.

У меня остановилось дыхание, трещины на моем сердце мгновенно ожили, разрушая каждую частичку меня, разрезая меня осколками с головы до пят. Все это время мои глаза оставались широко открытыми, прикованными к сцене.

Наконец он отстранился и улыбнулся. Но не хватит никакого времени в этой вселенной, чтобы расшифровать, что значит эта улыбка, если она даже значила что-то.

Потому что я поняла, о чем была та мысль, что она пыталась сказать мне, на что нужно было обратить внимание.

Я наблюдала за Матео и его женой, или в скором времени бывшей женой, какие они были нежные друг с другом. Я наблюдала, как они взаимодействуют, будто бы женаты уже много лет, потому что, конечно же, так и было. Я наблюдала за этим и умирала изнутри, мое сердце было растоптано и разбито, меня переполняла черная ревность, выворачивая наизнанку. Мне казалось, что я не переживу этого.

И это было неправильно.

Поскольку у них была совместная дочь.

А я со своими чувствами только мешала им.

Я никогда не хотела, чтобы мой отец оставил маму, не в глубине души. Если бы был какой-нибудь способ, чтобы избавить меня от всей боли, то я бы хотела этого. Прямо сейчас я была помехой браку Матео и Изабель. Если есть еще шанс, хотя бы маленький шанс, что они снова будут вместе, то я не могла быть тем, кто стоит на пути этого.

У них семья.

Мне нужно сделать так, чтобы было правильно для всех.

Убить нахрен свое сердце.

Я должна уехать из Испании.

Глава 28

Мне удалось вернуться в квартиру, быстро пройдя так, что Матео не увидел меня. Я не была уверена, сколько времени он провел в машине с Изабель, да и не хотела знать. Я чувствовала, как будто умираю с каждым шагом, с трудом держа себя в руках, когда вошла в наше здание. Только в лифте я чуть не упала, держась за перила изо всех сил, я старалась удержать себя в вертикальном положении. Боль была настолько сильной, что я опять видела звезды.

Когда я возилась с ключами и пыталась вставить их в дверь, то постоянно роняла их. А потом появились слезы, которые стекали по моему лицу и застилали мне глаза. Я пыталась сдержать рыдания внутри, пыталась похоронить их глубоко в груди, так как решила не терять самообладание в коридоре. Если бы я потеряла его, то рухнула бы прямо на пол и не справилась бы с этим.

Каким-то образом ключ вошел в замок и ручка двери повернулась. Я ворвалась и сразу же упала на колени на деревянный пол, даже не почувствовав боли, которая прострелила меня. Физическая боль была предпочтительней, на нее можно было найти управу. То, что я чувствовала, разрывало меня внутри на куски до тех пор, пока не осталось ничего, кроме мучительной боли.

Я прислонилась к двери, закрыв ее спиной и выпуская все свои рыдания наружу. Я не могла дышать.

Я не могла дышать.

Я умирала.

Ничего не осталось.

Мое сердце было разбито, и я умирала.

Дыша, пытаясь сказать я себе. Пожалуйста, дыша.

Но я не могла. Я хватала воздух ртом и только плакала вместо этого, охваченная болью, горем и полным разрушением моей новой жизни.

Я должна была попрощаться со всем. Мне нужно было вернуться домой. Я должна была оставить Матео. Я должна была сделать это для нас, ради нашего спасения.

Это был конец.

Я закричала, громко, пронзительно, неистово. Мое тело дрожало, руки тряслись, грудную клетку скрутило и выворачивало, когда я пыталась и дышать, и плакать, и кричать одновременно. Я не могла принять это, не могла двигаться дальше. Это было уничтожением каждой частички меня, таким безжалостным, быстрым и жестоким, меня съедало заживо, заставляя чувствовать все это, каждый порез, каждый удар, а рана в моей груди становилась все больше и больше.

Чувствуя, как меня охватили ярость и безумие, я сорвала свою сумку с плеча и швырнула ее через всю комнату.

Я снова закричала и рухнула вниз, мои пальцы пытались вонзиться в пол, чтобы как-то держаться.

- Пожалуйста! – кричала я в пустоту. - Пожалуйста, сделай так, чтобы это прекратилось, пожалуйста, останови это. - Я рыдала, мои крики увязли во рту, в горле, в легких.

Я едва услышала, как дверь открывается позади меня, едва почувствовала, как она коснулась моей спины.

- Вера? - спросил Матео надо мной, голос его сорвался. - Вера, мой бог. Ты в порядке?

Он закрыл дверь за спиной и схватил меня под руки, ставя на ноги.

Я ахнула и оттолкнулась от него, держась за край кухонного стола, чтобы не упасть.

- Держись от меня подальше! – Закричала я.

Его глаза расширились в страхе, когда он осмотрел меня с головы до ног. - Вера, пожалуйста, Эстрелла, пожалуйста, что случилось?

- Все кончено! - Кричала я на него, испугавшись того, каким свирепым получился мой голос. Я недооценила свои эмоции.

- О чем ты говоришь? - спросил он, тряхнув головой и подойдя ближе.

Я выставила руки, чтобы удержать его на месте. Затем закрыла глаза, стараясь придерживаться того, что, как я думала, было правильным. Но он не остановился, а подошел и обнял меня, прижимая крепче к себе. Я замерла, не двигаясь, не в силах оттолкнуть его.

- Пожалуйста, что кончено? - спросил он мягко. - Пожалуйста, поговори со мной.

- У нас, - рыдала я, уткнувшись в его грудь. - У нас все кончено. Я уезжаю из Испании. Я собираюсь вернуться домой.

Он напрягся, стоя неподвижно. Я могла практически услышать, как его сердце остановилось. - Нет, - прошептал он. - Ты не это имеешь в виду.

- Это, - сказала я. - Да. Я должна оставить тебя.

- Почему? - прорычал он. Он отстранился и жестко схватил меня за плечи. - Почему ты должна оставить меня? Из-за Изабель?

- Ты не защищал меня прошлой ночью! - Заорала я и оттолкнула его от себя. Я пошла на кухню, держась одной рукой за столешницу для равновесия. - Она, черт возьми, плюнула на меня, ударила меня, а ты не защищал меня!

- Я не мог, - прошептал он, и казался шокированным. - Вера, пожалуйста, я не мог.

- Нет, ты мог! - Закричала я, мое сердце яростно содрогалось. - Ты мог бы защитить меня!

- Ты не представляешь, как я переживаю! - Завопил он в ответ, громко, его глаза горели. - Ты абсолютно не представляешь. Ты не знаешь, что я должен сделать, чтобы сохранить свои шансы видеться с Хлоей Энн! Не заставляй меня выбирать между вами двумя.

Я чувствовала, как превращаюсь в стекло, только для того, чтобы сразу же разбиться.

- Я не прошу тебя ни о чем! - ревела я. - Я не тот тип женщины! Вы все можете называть меня шлюхой и разлучницей, но я никогда не просила о чем-то невозможном тебя. И ты уже сделал правильный выбор.

Он прикрыл руками свой нос и рот, пытаясь дышать, его глаза были прикованы к моим. Так много гнева, боли и разочарования в них. Наконец он поднял их и сказал. - Ты не шлюха. Изабель была расстроена, так как мы и предполагали, что так будет. Я не мог защитить и тебя, и ее одновременно.

- Я знаю, - ответила я. - Это объясняет, почему я только что видела, как ты целовал ее.

Его лицо вытянулось.

Я скрестила руки. - Я видела тебя. Только что.

- Вера, - сказал он мягко. - Нет, это совсем не то, на что похоже.

Я мучительно сглотнула. - Может быть.

- Я пытаюсь сохранить мир.

- Ты обманываешь ее?

- Нет, - сказал он быстро, непреклонно. - Она знает о нас, она знает, что брак подошел к концу. Она соглашается. Но я должен играть по правилам. Потому что...

- Я знаю! - заорала я. - Я знаю, знаю, знаю. Из-за твоей дочери. И я, черт возьми, принимаю это. Мне просто жаль, что я не знала, как, блять, трудно это будет, прежде чем приехала сюда, прежде чем распростились с учебой, уважением семьи и своим будущим. Я бросила все только ради тебя, чтобы стать прошлым!

- Ты не в прошлом, - воскликнул он. - Не поступай так подло со мной. Это несправедливо и нелегко для меня, и ты это знаешь!

- Подло? - повторила я со злостью, мой голос был грубым. - В чем я поступаю подло? Я собираюсь убраться отсюда и вернуться к своему будущему, которое я оставила, назад ни к чему.

- Не только ты одна бросила все! - зарычал он на меня, его голос сотряс меня до костей. Он шагнул ко мне, и я попятилась, пока не уткнулась в столешницу. - Ты можешь вернуться к учебе! Ты можешь вернуться в свою страну! А я никогда не смогу вернуть свою семью! Я потерял все!

Его лицо было красным, вены на шее тяжело пульсировали. Я молчала, пытаясь вспомнить, как дышать. Его гнев, его боль, украли мое дыхание.

Я моргнула и с трудом сказала. – Мне жаль. Тогда, возможно, ты и не заметишь мою потерю. - Я попыталась обойти его, но он схватил меня за руку.

- Нет! – закипал он. - Ты не можешь так поступить. Это тяжело, больно, но ты не можешь уйти.

- Я должна уехать, - сказала я ему, смотря прямо в глаза, смутив его. - Я уеду, потому что это мой выбор. Я больше не буду другой женщиной, которая разбивает семью. Ущерб нанесен, но если я могу предотвратить дальнейшее повреждение, то я это сделаю. Ты, Хлоя Энн и Изабель - семья. Вы должны быть вместе.

- Но ты моя семья, - воскликнул он мягко, притягивая меня ближе к себе. - Пожалуйста, Вера, не делай этого со мной. Все получится. Мы просто должны пройти через это.

- Ничего не получится! – рыдала я. - Ты знаешь это. Хлоя Энн должна быть на первом месте, и она будет. Я не хочу быть той, кто будет разрушать ее жизнь дальше.

- Нет, - сказал он, качая головой, закрыв глаза. Его хватка на моей руке не уменьшалась. - Ты не знаешь, о чем говоришь, Вера. Не знаешь. Просто поверь мне, что все получится - просто подожди, пожалуйста, подожди. Ты обещала, что не разочаруешься в нас.

Слезы полились по щекам, часть меня хотела упасть в его объятия и верить ему, верить, что все будет хорошо. Но так не будет. Я должна была все сделать правильно. Моя собственная боль, мое сердце, мое будущее и мои жертвы, они не могли иметь значения. Я всегда была мерзкой, черной овцой, пустым местом. Но теперь у меня, наконец-то, появился шанс стать лучшим человеком, поставить кого-то другого на первое место.

Я должна была воспользоваться им.

Это было моей кармой на всю жизнь.

- Прости, Матео, - прошептала я.

- Ты все еще любишь меня?

Я отрицательно покачала головой. - Нет, - солгала я. Сказать ему правду - означало бы сделать все гораздо сложнее.

Он начал дрожать, глаза его были полны слез. - Врешь, - удалось ему ответить, его голос сломался. - Ты лжешь. Ты любишь меня.

- Не люблю, - сказала я. - И я не могу остаться. Я не могу остаться здесь и сделать это с тобой и твоей семьей.

- Но ты убиваешь меня, - прошептал он сильнейшей болью. Он попытался притянуть меня ближе к себе, но я оставалась столь же неподвижной как камень, твердой как дерево. Непреклонной. Я не поддамся этому, не позволю своему эгоистичному сердцу и эмоциям победить.

- Вера, - продолжал он, теперь слеза катилась по его щеке. Я отвернулась, не в силах справиться с плачущим Матео. - Вера, ты моя звезда. Я люблю тебя. Я люблю тебя больше, чем когда-либо любил кого-то. Я знаю, это нелегко, знаю, что ты страдаешь, и что я делаю вещи, которые причиняют тебе боль или не имеют смысла для тебя. Но ты должна верить мне, что вместе мы сможем пройти через это. Это просто ухаб на дороге, если мы продержимся, то сможем пережить это с неповрежденными сердцами друг друга. Мы будем сильнее. - Он сердито вытер свои глаза и с трудом сглотнул. - Пожалуйста, не уходи. Пожалуйста, не позволяй этому стать концом для нас. Пожалуйста, просто дай нам, дай мне еще один шанс. Ты моя Вселенная, и у меня ничего нет, если тебя нет в моей жизни. Пожалуйста, Вера. Я люблю тебя, как люблю звезды, как люблю небо, как люблю землю. Я не могу сделать это без тебя. Не могу.

Его голос надломился на последнем слове, и я едва могла удержать свою решимость. Он искал мои глаза своими, полными слез, и я чувствовала, как все это представление о любви уничтожалось в космосе, оставляя черную дыру. Я никогда не хотела оставить его, никогда не хотела причинить ему боль.

Но и это вовсе не то, что я хотела.

- Мне жаль, - прошептала я. – Мне так жаль, Матео. Я никогда не хотела, чтобы так было. Но я недостаточно сильна для тебя. Это просто слишком, черт возьми, трудно.

Я вырвалась из его захвата, собрав все то, что осталось от моего сердца, и направилась по коридору в спальню, готовая собирать вещи.

- Ты не можешь уйти просто потому, что это трудно, - закричал он сердито мне вслед. - Ты не можешь притворяться, что не любишь меня, потому что думаешь, что так будет легче для нас.

Но я не остановилась, чтобы ответить, потому что нечего было говорить. Мой выбор был сделан. Я заперла дверь за собой в случае, если он пойдет за мной. Затем вытащила свой чемодан и рюкзак из шкафа и начала упаковывать свою жизнь еще раз.

Мое сердце горело под ледяной оболочкой, но это не могло растопить его теперь, не могло прорваться. Я не позволила бы этому.

Любовь, наша любовь, была падающей звездой, горящей во тьме, невидимой, пока не стала слишком близкой, слишком яркой и слишком быстрой, чтобы заполнить. Она сгорела, потерялась в глубоком холоде и тьме, в жестокости пространства, в бесконечности над нами и в новой пустоте внутри меня.

Глава 29

Остаток дня прошел в тумане. Отчасти он длился слишком медленно - каждый миг, который я потратила на сбор вещей, был таким мигом, который пугал меня, что я смягчусь, что я вернусь в гостиную и обниму Матео и скажу ему, что люблю его, что я буду бороться за нас и не оставлю его.

А отчасти все было слишком быстро. Я хотела удержать каждую секунду, которая утекала сквозь пальцы. Я любила нашу квартиру, любила наш дом, любила наш город. Я не хотела оставлять эту жизнь, даже, несмотря на все трудности; я хотела держаться за нее и молиться, чтобы обстоятельства изменились.

Я хотела вернуть время назад, вернуться в Барселону, где мы не покидали бы квартиру, где я заставила бы его рассказать Изабель прямо тогда, или даже еще ранее, когда он попросил меня переехать в Испанию. Я бы сказала ему, что приеду, когда развод завершится. Я бы нашла способ остаться в Ванкувере до этих пор, я бы терпела гнев своей матери. Все, чтобы избежать боли от того, что имеешь что-то такое красивое, такое крупное, только бы не быть тем, кто растопчет это своей собственной ногой.

В конце концов, все-таки я упаковала все вещи в комнате и ванной. Единственное, что осталось, было в гостиной - мой ноутбук, куртка и сумочка.

К сожалению, Матео сидел на диване, держась руками за голову.

Я стояла там как вкопанная, рядом чемодан, а рюкзак висел на одном плече.

- Мне нужен мой компьютер, - прошептала я.

Он не смотрел на меня. - Тогда возьми его.

Дерьмо. Он был зол. Конечно, он был зол, я просто разбила ему сердце, и в то же время сломала свое.

Я положила свой рюкзак и склонилась над ним, быстро схватив компьютер и сумочку. Я старалась не смотреть на него, но ничего не могла поделать. Глаза тянулись к нему, как и всегда. Меня захватила густота его черных волос, зная, насколько мягкими и гладкими они ощущались, когда зарываешься в них пальцами. Его поразительные брови были идеальным обрамлением для карих глаз.

Глаза, которые теперь встретились с моими. Он посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы поймать мой пристальный взгляд. Его глаза были по-прежнему темными, как никогда, но напиты кровью и полны боли. Я уставилась на него, потерянная, испуганная, и все же уверенная, что это был последний раз, когда я его вижу.

- Я люблю Хлою Энн, - сказал он хрипло. - И я люблю тебя. По-разному, но в равной степени. Разве ты не можешь довериться мне? Поверить, что я знаю, как лучше?

Я проглотила как будто осколки стекла.

Я была слишком напугана, чтобы довериться ему.

Я выпрямилась и, найдя в себе каплю мужества, мне удалось улыбнуться ему. - Ты хороший человек, Матео. Не позволяй никому сказать иначе.

Он уставился на меня, ошеломленный теперь. - Ты на самом деле уходишь от меня. Я не могу поверить, что это происходит. Это все совсем для тебя ничего не значило? - прошептал он резко.

Слеза скатилась по моей щеке. - Это значило для меня все.

Я повернулась и пошла к двери, сняв свою куртку с крючка для одежды. Потребовалось собрать всю свою силу воли, которую я оставила в моей опустошенной душе, чтобы продолжать идти, даже когда я услышала, как он сказал: «Я люблю тебя, моя Эстрелла. Пожалуйста, не уходи».

Но я открыла дверь. И ушла.

Сначала я не знала, куда идти и что делать. Просто встать и оставить Матео и свою жизнь в Мадриде оказалось не так просто, как я предполагала. Если вообще предполагала. Все, что я знала надо делать, это было запаниковать и убежать, и я понятия не имела, куда бежала.

У меня было очень мало денег, хватит только на одну ночь в отеле.

Не хватит и на моей MasterCard, чтобы купить билет на самолет домой.

В действительности, я была по уши в дерьме.

Это не мешало мне идти и идти по серым улицам Мадрида, пока я вся не покрылась потом, а моя спина и руки болели так, как и все остальное. Я остановилась, совершенно не зная, где я, и быстро позвонила Клаудии.

- Вера? – ответила она.

А потом снова хлынули слезы. Я прислонилась к холодной каменной стене здания, прикрывая лицо от прохожих и позволяя им течь до тех пор, пока я снова смогла заговорить.

- Я ушла от Матео, - сказала я ей.

Это было все, что потребовалось Клаудии. Я дала ей смутные указания, определив название нескольких магазинов. Она велела мне оставаться на месте и тридцать минут спустя уже неслась вниз по узкой улочке и помогала с моими сумками, и моя жизнь поместились в багажнике ее хэтчбека.

Клаудия не жила в городе; ее квартира была немного западнее, но туда также можно было добраться на метро, но все выглядело зеленее и казалось больше пространства. Это заняло у нас около получаса, и все это время я плакала ей о том, что произошло, как видела, что он поцеловал Изабель, что знала, что ничего все равно не станет лучше, что было бы сложнее, если бы я осталась, что могу разрушить истинный шанс его семьи быть вместе.

Она ничего не говорила, кроме того, что выказывала шок и сочувствие. Она была просто тихой поддержкой, что я ценила больше, чем могла бы сказать. Обычно в таких случаях, люди давали вам непрошеный совет или соглашались слишком много с тем, что вы говорили, желая помочь, но делая этим только хуже.

Клаудия была более чем готова предложить мне все, что было нужно. Она сказала, что у нее не было много денег, чтобы откладывать, но если получится так, что я не смогу взять у своего брата или кого-то из родителей, чтобы улететь домой, она одолжит мне столько, сколько сможет, а я бы вернула ей. Единственная загвоздка была в том, что надо было ждать две недели, когда у нее будет следующая зарплата.

Я могла занимать комнату в доме Клаудии так долго, сколько было нужно, решив спать на надувном матрасе там, а не на диване. С ней жил Рикардо, и я хотела дать им как можно больше личного пространства. Я создала лагерь временного проживания в узкой комнате, что сильно не понравилось толстому серому коту Клаудии по кличке Рокко, учитывая, что эта комната была одним из его мест, где он проводил время.

В ту ночь я продолжала проверять свой телефон на наличие сообщений от Матео, меня как больную тянуло к этому, какой-то мучительный порыв. Однако он не послал ни смс, ни писем, и не было никаких телефонных звонков. Было довольно глупо признаться, насколько это уничтожало меня еще больше. Нет ничего хуже, чем думать, что болезненное решение, которое ты принял, было правильным. Я думаю, у меня еще теплилась надежда, что он будет по-прежнему пытаться убедить меня, что я была неправа.

Я сидела на диване с Клаудией и бутылкой вина, и мы разговаривали всю ночь напролет. Рикардо решил пойти куда-нибудь со своими друзьями, оставляя нас, чтобы можно было дать волю чувствам и поплакать. Я израсходовала всю коробку салфеток, просто говоря, говоря и говоря и переваривая все это.

Единственное, о чем я продолжала думать, говоря об этом снова и снова, как будто бы хотела, чтобы это было правдой, что мы сами в этом виноваты, что мы были обречены с самого начала. У нас с ним была любовь, которая никогда не должна была быть, на которую и намека не должно было быть. Мне жаль, что я не признала этого с самого начала, что нельзя было идти дальше.

- Но вы пошли, - сказала Клаудия, выливая остатки вина в мой бокал. - Вы сопротивлялись до самого конца.

- Я должна была больше думать, - сказала я. - Я должна была это предвидеть.

- Но любовь делает тебя оптимистом, - сказала она. - Это и есть любовь. Это надежда на будущее. Любовь не хочет, чтобы ты теряла веру в себя, смотрела на мир мрачно, не имела никаких надежд. Любовь заставляет поверить в невозможное. Вот что значит это слово.

- Очень поэтично. – Шмыгнула я носом. - Но любовь вводит в заблуждение.

Она пожала плечами. - Никто не говорил, что это не так.

Разговор с Клаудией помог, даже если это не заставило меня забыть о том, что произошло или ощутить себя лучше. Но поскольку ночь прошла и начался новый день, я почувствовала, что если бы продолжала говорить об этом кому-то, тогда возможно, смогла бы понять, почему я действительно сделала то, что сделала.

Наступил понедельник, Клаудия с Рикардо ушли на работу, а я осталась совсем одна, с Рокко. У меня было только время, чтобы уничтожать себя, время, чтобы чувствовать ту боль, которая продолжала раздирать меня изнутри.

От Матео все еще не было ни одного сообщения. Неразумная сторона меня начала злиться на его дерзость, что ему было все равно. Я должна была продолжать напоминать себе, что это было моим поступком, моей виной, что я хотела этого, что сделала это для нас.

Я решила, наконец, преодолеть свой страх - признаться, что я потерпела неудачу - и Джошу, и маме. Это не будет легко, сначала пережить такое, а теперь приползти обратно домой, которому я показала средний палец.

Я позвонила Джошу на сотовый, понимая, что так будет лучше, если я поговорю с ним сначала. Я очень не хотела просить у него денег, не хотела, чтобы он волновался обо мне.

Было около семи часов утра в Ванкувере, и я определенно бы разбудила его, но я хотела поговорить с ним, прежде чем Клаудия с Рикардо вернутся домой.

- Алло? - запинаясь, ответил он.

- Джош? – прошептала я, как будто не хотела шокировать его.

Он застонал. - Да. Вера. Сколько времени? Ты в порядке?

- Я... – начала я. - Я не в порядке.

- Что случилось? - Он просыпался теперь, став более эмоциональным.

Я глубоко вздохнула. - Мне нужно вернуться домой.

Он вздохнул. - О, нет. Вера. Что случилось?

- Мы с Матео расстались, - сказала я, поперхнувшись на этих словах.

- Черт, - выругался он. - Мне очень жаль. Почему?

- Много причин, - ответила я. – Это было слишком тяжело.

Он промычал что-то непонятное.

- Что? – переспросила я.

- Ничего, - сказал он. - Просто, ты знала, что это будет трудно.

Я прищурилась на телефон. - Нет. Я не знала, что будет тяжело. Ты не представляешь, Джошуа, не представляешь, через что, черт возьми, я прошла с тех пор, как оказалась здесь.

- Прости. Я не знал, что ты была этим недовольна.

- Я не была недовольна, - сказала я, сдувая прядь волос с лица. - Я просто... не знаю. Я не знаю. Ты никогда не задумывался, что иногда одной любви мало? Что она не может все преодолеть?

- Я не знаю, - сказал он. - Я действительно никогда не был влюблен, не так, как ты. Я всегда надеялся, что этой любви будет достаточно. В противном случае это просто как в песне Nine Inch Nails.

- Да, любовь - отстой.

Но на самом деле, не иметь любви – вот это отстой. Не иметь Матео - отстой. Матео был любовью. Несмотря на всю хрень, пока мы проходили через все это сплошное эмоциональное дерьмо, он любил меня всем сердцем. Я чувствовала страсть в его прикосновениях, видела его душу в глазах. Тот человек, тот замечательный человек, который пытался не что иное, как быть хорошим отцом, даже будучи со мной, он любил меня.

И я поворачивалась спиной к этому, ко всему, что Матео предлагал мне. Он перестроил свою жизнь для меня, а я сбежала, когда все стало трудно.

Ты поступаешь правильно, сказала я себе. Ты разрушила брак; ты не заслуживаешь его любви или чего-то другого.

Это была карма.

Расплата.

Последствия.

- Я должна вернуться домой, - сказала я ему. - Я делаю то, что правильно для всех.

- И что же Матео говорит обо всем этом?

- Это неважно.

Джош рассмеялся. - Неважно? Вера, чувак оставил свою жену ради тебя.

- Он этого не сделал.

- Он сделал, и ты это знаешь. Он без ума от тебя, Бог знает почему. Я уверен, что если Матео не считал, что вы можете справиться с этим, то отпустил бы тебя или спинял сам.

- Нет, - ответила я непреклонно. – Он просто не хочет причинять мне боль, поэтому верит в то, что все получится.

- Тогда почему бы и тебе не поверить?

Я замерла, опешив. - Потому что мое счастье не так важно, как семья.

- Может, ты позволишь и Матео решать, а не только себе.

- Джош, - сказала я сурово.

- Вера, - ответил он. – Еще не поздно. Ты все еще в Мадриде, не так ли? В Испании, по крайней мере.

- Да, - сказала я настороженно.

- Тогда, блядь, вернись к нему и сделай так, чтобы все получилось. Ты любишь его, верно?

Я ничего не ответила.

- Ну, ты либо действуешь, либо нет, - добавил он.

- Джош, я еду домой, - сказала я еще громче. - Что сделано, то сделано. Мне нужно, чтобы ты поддержал, ладно? Ты так поддерживал, когда я приехала сюда.

- Потому что я верил в эти ваши безумные планы, - сказал он. – А в это не верю.

- Таким образом, полагаю, ты не собираешься одолживать мне денег.

- Нет, Вера, - сказал он. – Не собираюсь. И не потому, что я мудак, у меня на самом деле нет, нахрен, ни копейки. Все ушло в машину. Он просто кусок дермы, этот Герман. - Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать, что он говорил о своем Гольфе.

- Ну, и что, черт возьми, мне делать?

- У тебя действительно нет денег?

- Нет! – закричала я. - У меня нет работы.

Он вздохнул. - А как насчет твоей подруги? Клаудии?

- У нее я как раз и живу сейчас. И она поможет мне, но только через две недели, когда получит зарплату. Я не знаю, что еще сделать.

- Ты хочешь, чтобы я спросил у мамы, не так ли?

Я прикусила губу. - Она может согласиться.

- Возможно, - размышлял он. - Но вряд ли. Тебе намного больше может повезти с папой. Ты редко просишь у него что-нибудь.

- Я знаю, - сказала я. - Но, если мама даст мне деньги, то это в значительной степени означает, что я могу вернуться домой. А если их даст папа, наверное, придется жить в Калгари.

- Или, - сказал он, - ты могла бы просто вернуться к своему парню и жить в Мадриде.

- Джош, пожалуйста, - умоляла я.

- Ладно, - сказал он. - Дай мне несколько дней, хорошо?

Это должно было бы сработать. Я щедро поблагодарила его и повесила трубку.

Тишина нависла надо мной, слышались только звуки мурлыкания Рокко. Я не хотела думать обо всем, что сказал Джош. Я не хотела думать ни о чем. Я не хотела чувствовать больше. Я хотела, чтобы полое место в моей груди было заполнено, чтобы убрать пустоту, ту черную дыру, которая продолжала закручиваться с болью и сомнением.

Сомнение было худшей частью. Вот это и заставило меня думать, что все, что Джош говорил, было правдой. Что я сдалась слишком легко и слишком быстро. Но дело было сделано, он не мог знать, каково это быть на моем месте. Он никогда не видел ужаса Изабель прямо в его лице или не смотрел в глаза Хлои Энн, когда она спросила у папы, почему он не приходит домой. Я должна была увидеть все это, ощутить, что происходит с Матео.

Он сделал весь этот выбор для меня, и я была самым недостойным человеком из всех них. Он был просто ослеплен мной, потому что я заставила его чувствовать себя

другим человеком. Возможно, правда была в том, что наша любовь, каковой она была, это яркая звезда, и должна была оставаться в Лас Палабрас. Она не должна была выжить вне тех границ, за пределами той части жизни, когда мы случайно встретились. Мы были предназначены для определенного времени, но все зашло слишком далеко.

Я не получала известия от Джоша несколько дней. Я погрузилась в глубокую тьму, что даже Клаудия не могла вытащить меня оттуда. В один момент я думала, что все будет хорошо, что я пройду через это, а в следующий момент песня Ланы Дель Рей или определенный запах сбивал меня с ног, и начиналась истерика. Не было никакого плавного подъема из этой ямы. Это была как поездка на американских горках, где не было видно конца.

Когда наступила среда, в то время как я ложилась в постель, пришло сообщение от Матео.

Я услышала звуковой сигнал - его особая мелодия - и мое сердце улыбнулось. Это было автоматически, как у собаки Павлова. Я привыкла к ощущению счастья на звук.

Дыхание застряло у меня во рту, боясь пройти сквозь губы, я подошла к телефону и посмотрела на экран с трепетом.

«Я люблю тебя. Пожалуйста, вернись ко мне».

Это было все, что он написал. Этого было достаточно, чтобы моя душа разрушилась, сердце плакало внутри, потоки мучительной боли. О, боже. Как я могла это забыть? Как я могла ехать домой, зная, что этот человек был там, человек, который целиком и полностью принадлежит мне и внутри, и снаружи?

Я скучала по нему. Нет, скучала было даже не тем словом. Я тосковала по нему, очень тосковала. Я нуждалась в нем. Что-то внутри меня опустело и умирало в его отсутствие, как цветы в ночное время. Он был моим солнцем, он был для меня всем.

Я держала телефон в руке, уставившись на сообщение, задаваясь вопросом, должна ли я ответить, ведь по-другому я не могла. А еще был этот блок внутри меня, моральная часть, которая подавала сигналы голове слишком поздно и пыталась компенсировать былые обиды. Это помешало мне отправить смс, даже при том, что это убило меня внутри.

Я уснула в реке слез, интересно, почувствую ли я когда-нибудь себя целостной снова, заставит ли меня эта боль когда-нибудь перестать ненавидеть себя.

Судя по всему, я все еще должна была быть наказана.

Глава 30

Спустя несколько дней после единственного сообщения от Матео Джош наконец-то позвонил. Это был вечер пятницы, почти неделя с тех пор, как я оставила Матео. Клаудия, Рикардо, Рокко и я сидели на диване и смотрели испанскую версию Голоса. Я притворялась, убеждая себя, что все будет хорошо, обманывая себя, заставляя думать, что это были просто временные затруднения в моей жизни, которые нужно преодолеть.

Матео не мог быть моей единственной любовью. Мне было всего двадцать три года. А циник во мне знал, что вряд ли я найду подходящего человека к моим двадцати восьми годам, особенно учитывая то, какой образ жизни я вела.

Романтическая часть меня знала, что любовь случается в любом возрасте. Как сказала Клаудия, она не считается со временем.

Я взяла свой мобильник с журнального столика и ответила на него. - Привет, Джош.

Я старалась казаться беззаботной, как будто от этого ничего не зависит. Мне это не удалось. Мой голос дрогнул, и Клаудия с Рикардо посмотрели на меня взволнованно.

Я встала, бросив на них быстрый извиняющийся взгляд, и вышла на балкон. Погода переменилась так быстро, словно передразнивая мою ситуацию. Я натянула свой жакет. - Да, так как дела? – сказала я в трубку.

- Привет, – ответил он. - Как ты?

- Хреново, – сказала я. – Успехи есть возвращении меня домой?

Он вздохнул. - Нет. Прости меня, Вера. Мама ответила, нет. Однако она сказала, что ты можешь вернуться домой, если извинишься.

Обычно я бы посмеялась над этим и сказала бы ему, что она может катиться к черту. Но я уже устала от всего. Поскольку я начала заключать мир здесь, в Испании, то мне нужно было продолжать. Моя гордость не имела большого значения. Если Матео мог делать вещи, которые не хотел, чтобы сохранить мир с Изабель, я могла бы сделать то же самое со своей мамой.

- Ладно, – сказала я, вздохнув. - Спасибо за попытку.

- Так ты все-таки извинишься перед мамой? – спросил он недоверчиво.

- Как только, так сразу, – ответила я ему. - Я смогу попасть домой, тогда я скажу ей, что была неправа, признаюсь, что сожалею обо всем.

- Сестренка, – сказал он. - Я не говорю, что вы с мамой не должны попытаться поладить, но это не похоже на тебя.

- Может быть, я взрослею, – ответила я ему. - Может быть, мне нужно внести некоторые изменения в свою жизнь.

- Правильно, – произнес он медленно. - Я все еще беспокоюсь, что тебя заменили роботом. С каких это пор ты начала заботиться о том, чтобы делать правильные вещи? Ты – Мисс Бунтарка, и всегда ею была.

- Возможно, когда я своими глазами увидела, какой был ущерб, – сказала я. - Что я оставляю после себя.

- Не надо так драматизировать, Вера, – он усмехнулся.

- Я не знаю, как иначе, – заметила я мягко. Ну, если мама не поможет, то это значит, что я буду ждать еще неделю у Клаудии. Мне была ненавистна мысль, что я задолжаю людям, но в данном случае у меня не было выбора.

- Хорошо, – сказал он, - Держи меня в курсе всего, что бы ты ни делала. Я дам знать маме, поэтому если она позвонит тебе в ближайшие несколько дней, то ты будешь знать почему. Не волнуйся.

- Не буду.

- Люблю тебя.

- И я тебя.

Я повесила трубку и облокотилась на перила балкона. Из квартиры Клаудии городские огни были еще дальше. Можно было увидеть несколько звезд в большом бархатном небе. Они боролись, чтобы пройти через все световое загрязнение и туман, но им все еще удавалось сиять.

Ночью мне приснился прекрасный сон.

Я лежала на траве в поле, под большим дубом, рядом был Матео. Полевые цветы росли повсюду вокруг нас и тянулись вверх по стволу, придавая яркости листьям.

- Ты знаешь, почему я называю тебя Эстреллой? – спросил Матео, переплетая свои пальцы с моими, и поднимая наши руки в огромное синее небо.

- Почему?

- Потому что ты – моя звезда, – сказал он, его голос был низким и вкрадчивым, заставив волоски на моих руках встать дыбом. - Ты сияешь ярче солнца.

- Но даже солнце уходит каждую ночь.

- Но отсутствие солнца заставляет нас почувствовать его власть. Мы осознаем потерю красоты и жизни, которую луна не может заменить. Именно поэтому мы держимся за каждый день, который нам дается. Вот почему я держусь за тебя. - Он опустил руки и поцеловал костяшки моих пальцев. - Я люблю тебя, Вера. Я имел луну, темноту и холод слишком долго. Я хочу свою звезду обратно. Мою Эстреллу.

Он поцеловал меня, изведывая своим ртом, как мне запомнилось, его щетина была грубой, когда мои пальцы провели по его челюсти. Его глаза были серьезными и светлыми, умоляя меня остаться с ним, подарить ему тепло, которое нам обоим было нужно.

- А что, если я буду сиять определенное количество времени? – прошептала я. - А что, если я и предназначена только для того, чтобы сиять некоторое время?

- Тогда ты действительно не знаешь, для чего предназначены звезды.

Я удивленно на него посмотрела.

- Они предназначены для того, чтобы давать нам надежду, несмотря на пустоту.

Он поцеловал меня снова, его теплые руки были на моей коже.

Потом это все исчезло в черноте.

Я медленно просыпалась.

Мои щеки были влажными. А на губах был привкус радости.

Пронеслись еще четыре дня, которые проходили то слишком быстро, то слишком медленно, в зависимости от моего настроения. Все ждали пятницы, дня, когда должны заплатить Клаудии, дня, когда я закажу билет на самолет обратно домой. За это время я поговорила со своей мамой и извинилась перед ней. Это прошло так же хорошо, как я и думала. Я чувствовала себя крайне униженной, вынужденная признать, что была неправа, что я сделала плохой выбор. Ее голос звучал холодно, как всегда, хотя ближе к концу разговора она смягчилась немного.

- Я бы заплатила за билет, Вера, – сказала она. - Это не мера наказания в данном случае, я просто не потяну его. Не со свадьбой Мерси.

Конечно. Я закатила глаза и при этом еще умудрилась спросить маму, как шла подготовка к свадьбе. Почему-то я думала, что эти хлопоты принесут радость в жизнь моей матери, но она казалась постоянно раздраженной по поводу всего этого дела. Возможно, Мерси с Чарльзом выводили ее из себя своими требованиями.

Я сказала ей не беспокоиться об этом, что я теперь могла добраться домой и просто заняла у своей подруги. Она показалась смутно рада этому, что подарило мне частичку надежды на мое возвращение. Я знала, что надежда была опасной штукой, но это не мешало сердцу ухватиться за нее, как за спасательный круг.

Однако, в четверг вечером, за день до зарплаты Клаудии, перезвонила моя мама.

- Вера? – спросила она.

- Что случилось? – спросила я, паника охватила меня. Что-то случилось с Джошем? Папой? Мерси?

- Ничего, – ответила она. - Да ничего. Я просто позвонила сообщить, что купила тебе билет домой.

- Что? – спросила я, совершенно шокированная.

- В воскресенье в пять часов вечера, ночной рейс. У тебя есть ручка? У меня здесь есть номер подтверждения для тебя.

Я пыталась найти ручку, полностью потрясенная. Я очень не хотела быть должной своей маме, но я знала в глубине души, что она могла себе это позволить. Клаудия не могла. Она оказала огромную услугу, предложив одолжить мне тысячу долларов на рейс домой, и меня съест вина, пока я не верну ей долг, что займет немало времени.

Мама продиктовала мне номер, и я записала его со всеми подробностями. Пять часов вечера, Эйр Канада, в воскресенье. Приземление в Торонто с четырехчасовой остановкой. Все это походило на ад, но мне было плевать в этот момент.

Я щедро поблагодарила маму и повесила трубку.

- В чем дело? - спросила Клаудия, выходя из кухни с бутылкой вина для нашего девчачьего вечера.

- Моя мама купила мне билет. Я улетаю домой в воскресенье.

Ее лицо вытянулось слегка, когда она поставила бутылку вина на журнальный столик. - Ой.

- Что? – спросила я. - Я думала, ты будешь рада. Я экономлю тебе деньги.

- Я знаю, - сказала она. - Но... - она плюхнулась на диван и убрала волосы с глаз. -

Я думала, что смогу убедить тебя остаться.

- Зачем мне оставаться?

- Потому что ты любишь это место.

- Клаудия, - сказала я, - я не люблю это место. Я люблю тебя. Рикардо. Вашу кошку. Ладно, я действительно люблю Мадрид, Испанию. Но если я останусь, это будет просто напоминать мне, почему я приехала. Это будет напоминать мне о Матео.

- Тогда возвращайся к нему, - выпалила она.

Я хмуро посмотрела на нее. Клаудия никогда не давала мне никаких советов или каких-нибудь наставлений в этом деле. - Что?

Она вздохнула и уставилась в потолок. - Я просто думаю, что ты совершишь ошибку, если сядешь в самолет.

- Почему?

- Потому что Матео любит тебя, и ты любишь его, и хотя ты думаешь, что любовь не преодолевает все, мне кажется, что преодолевает. Вера, тебе нужно вернуться к нему.

- Я этого не сделаю, - сказала я. - Он даже не попытался связаться со мной. - За исключением того единственного сообщения, подумала я, которое продолжаю прокручивать у себя в голове снова и снова.

- Потому что он думает, что ты приняла решение, или, может быть, он даже думает, что ты уехала.

Я отрицательно покачала головой. - Я сделала правильный выбор. Мне не нужно, чтобы ты пересматривала мое прежнее решение прямо сейчас!

- Просто... - Клаудия запнулась, ища слова. - Я не хочу, чтобы ты уезжала. Ты должна остаться здесь. Тут твое место.

И тогда Клаудия заплакала.

Мое сердце растаяло. Она не была большой плаксой, и я не хотела оставлять ее.

- Клаудия, - сказала я ей, заключая в объятия. - Это все-таки хэппи-энд.

- Как? - всхлипывала она. - Ты - моя подруга, и ты бросаешь меня. Ты – любовь Матео, и ты бросаешь его. Ты оставляешь тех, о ком заботишься больше всего и тех, кто заботится о тебе.

- Но разве лучшие рассказы, лучшие впечатления, разве они не о том, что надо улучшать и менять свой характер? – спросила я. - Разве они не о том, что надо уметь приносить жертвы? Это просто то, что мне нужно сделать. Я буду счастлива снова. И ты будешь. И Матео.

- Тебе не надо оправдывать свои поступки для самой себя, - сказала она в мое плечо.

Я отстранилась и посмотрела на нее. - Я оправдываю их для тебя.

- Нет, - сказала она, поднимая на меня глаза. - Не оправдываешь. Ты пыталась объяснить все с той минуты, когда ты позвонила мне по телефону, сказав, что оставила Матео. Ты продолжаешь повторять снова и снова, что делаешь все правильно, что ты делаешь все это для большей пользы. Ты когда-нибудь останавливалась, чтобы подумать, может, черт возьми, ты не имеешь понятия, о чем говоришь?

У меня отпала челюсть, я была слегка ошеломленной. - Я знаю, о чем говорю.

- Нет, не знаешь. Ты говоришь, что знаешь, но ты не знаешь. Ты ничего не знаешь, Вера, ничего о Матео и чего он хочет. Он - тот, кто переживает развод. Он – тот, кто проходит через все это главным образом. Он старше, ты знаешь, он знает, что происходит, знает Изабель и свою дочь. Он принимает лучшие решения для каждого. Ты не можешь решать за него. Ты понятия не имеешь.

Холодное чувство овладело мной. - Он говорил с тобой?

Она отвела глаза.

- Неужели он говорил с тобой?! – заверещала я, вставая на ноги.

- Он позвонил мне несколько дней назад, - сказала она. - Спросил, знаю ли я, где ты. Я ответила ему, что ты еще здесь и не уехала домой. Что мы ждали мою зарплату. Он спросил меня, как тыправляешься.

- И?!

- И я сказала ему, что ты тут наговорила за последние десять дней.

- И что же он ответил?

- Он сказал, что любит тебя.

- И все?

- Этого не достаточно?

Этого было достаточно. Просто не достаточно, чтобы удержать меня здесь.

- Ты просто делаешь правильно, потому что пытаешься избавиться от чувства вины, - сказала она мне. - Но не лучше ли чувствовать какую-то вину и быть счастливой, чем быть несчастной и не чувствовать себя виноватой?

- Один выбор эгоистичный, а другой - нет.

- Вера, - сказала она терпеливо. - Ты эгоистична по своей природе. И я тоже. И Матео. Поэтому он и ушел от жены, чтобы быть счастливее. Нет ничего плохого в таком желании и верить, что ты заслуживаешь счастья.

Я покачала головой, отказываясь верить в это.

Она встала и положила руку на мое плечо. - Слушай, я не знаю, кто твердил тебе эти годы, что ты не достойна любви и счастья, но они идиоты. Мы все этого заслуживаем. И если человеку причиняют боль в это время, то это жизнь. Нам всем было больно. Разве это не делает любовь более важной для нашей жизни? Ты когда-нибудь задумывалась, что любовь Матео не была наказанием за что-то неправильное, что ты сделала, а вознаграждением за то деръмо, которое ты уже пережила? Вера Майлз, ты милый, красивый, забавный, щедрый, прекрасный человек, и я горжусь, что ты моя подруга. Не позволяй ничему больше омрачать это или лишать тебя счастья, которое ты заслуживаешь. Скажи своим голосам в голове заткнуться нахрен.

На что я рассмеялась. Безумные радостные и печальные слезы вырвались наружу, превращаясь в истерику. Я хотела верить Клаудии очень сильно. Я действительно верила. Я хотела сказать, что она была права, и малая часть меня знала, что это так. Та часть, которая горела для Матео, которая по-прежнему верила в нас, верила, что все снова будет хорошо.

Но было слишком поздно.

Я обняла ее, прижимая близко к себе, не желая отпускать.

Глава 31

В субботу ночью, в мою последнюю ночь в Мадриде, Клаудия и Рикардо вытащили меня по барам. Я действительно не выходила из квартиры в течение двух недель, и определенно не ездила в город, так что я чувствовала, что должна была окунуться в Мадридскую атмосферу в последний раз.

Мы шли по мощеным улочкам, ночь мягко обволакивала, воздух был наполненный смехом. Я ловила каждый запах - чеснок, перец чили, рыба - и каждый звук – испанская болтовня, классическая гитара, которая доносилась из баров, крики людей, хорошо проводящих время. Я впитывала все, что задевало мои чувства, потому что знала, я знала, это был мой последний раз, чтобы когда-нибудь еще испытать впечатления от этого места.

Я хотела уйти на хорошей ноте. Я хотела, чтобы Мадрид отпечатался в моей памяти, произвел большое впечатление на мое сердце, которое я не забуду.

И из-за этой очевидности, готовности взять то, что я могла получить, в то время как могла бы получить его, я продолжала думать, что, возможно, благодаря удаче, может быть, случайно, а возможно и благодаря судьбе этих чертовых звезд, я столкнусь с Матео. Просто, чтобы увидеть его в последний раз.

Чего бы я ни отдала, чтобы увидеть его красивое лицо в последний раз.

Мой бог, я любила этого человека.

И в ту ночь я позволила себе прочувствовать каждую частичку этой любви. Все, что он когда-либо заставлял меня чувствовать. Я окунулась в воспоминания, позволяя им оставить шрамы на моей коже. Я переживала их, убеждая себя, что мне посчастливилось быть с ним знакомой, чтобы быть такой любимой, чтобы любить так, как я это делала. Я бы сказала себе, что наша любовь никогда не была свободной, но это была ложь. Я любила его свободно, не сдерживаясь и без ограничений.

Я любила и всегда любила бы Матео Казаллеса.

Не было больше никого.

Клаудия, Рикардо и я проводили ночь в какой-то тихой пивнушке, когда мне позвонил Джош. Я взяла телефон на улицу, немного пошатываясь от выпитой в больших количествах сангрии.

- Алло? – сказала я в трубку, в то время как кучка пьяных телок проковыляли мимо меня.

- Вера, – сказал Джош. – Привет, у тебя есть минутка? – У него немного заплетался язык, что заставила меня подумать, что он был, вероятно, пьян.

- Вроде, – ответила я. – Просто выбрались в город. Последняя ночь и все такое.

- Правильно. Хорошо.

- Джош.

- Да?

- Почему ты позвонил?

- Есть кое-что, чего я не должен говорить тебе.

Я поджала губы на мгновение. - Ну, теперь ты понимаешь, что должен сказать мне, верно?

- Вера, мама не покупала тебе билет на самолет.

- Так...

- Это Матео купил.

Шок.

Я была в полном шоке.

- Что? – зашипела я в трубку. - Почему? Как?

Он вздохнул. - Он позвонил мне на мобильный на днях. Я думаю, он знал номер для чрезвычайных ситуаций или чего-то такого. Он попросил позвать маму.

- Я не понимаю. - Мое сердце начало бешено колотиться, при одной только мысли о том, что Матео звонил моему брату и разговаривал с мамой.

- Мама сказала, что он взял с нее обещание не говорить тебе. Он услышал, что тебе нужно было домой. Затем предложил заплатить за твой билет. Мама все же проговорилась. Он сказал ей, что ты должна быть с людьми, которые любят тебя. Что ему жаль. Что это был подарок. Что ты должна быть со своей семьей.

У меня были абсолютно противоречивые чувства по поводу этого. Полностью разрушенная внутри. Одна сторона меня оценила жест, щедрость Матео, который никогда не подводил меня до сих пор. То, что он был достаточно зрелым, чтобы понять, чего я хотела, чтобы хотеть мне помочь, даже если это будет что-то стоить ему.

Другая сторона меня была разбита на осколки. Ведь он говорил мне, что мой отъезд - это нормально. Он дал мне свое благословение. Билет на самолет был прощальным подарком. Это было все же честно – начнем с того, что это он привез меня в Испанию.

- Вера? - спросил Джош.

- Да, - сказала я, потирая ладонью свой лоб, пытаясь придать какой-то смысл моим мыслям.

- Ты в порядке?

- Думаю, да.

- Мне не следовало рассказывать тебе?

Я размышляла над этим. - Я думаю, если бы ты не... может быть, я задалась бы вопросом, ненавидит ли он меня. Но... теперь я знаю, что это не так. Он просто, наконец, соглашается со мной. С тем, что я сделала все правильно.

- Да. - Он выдохнул. - Наверно. Прости.

Я выдохнула и посмотрела на небо. - Да. Ну, думаю, увидимся через пару дней.

- У меня есть вся информация. Мы с мамой встретим тебя в аэропорту.

Я положила трубку и уставилась на площадь напротив меня, на людей, наслаждающихся ночью субботы, энергией в воздухе. Я всегда чувствовала, что мне здесь комфортно. Даже с дерзьмом Матео, которое я пережила, я все еще ощущала, что Мадрид был моим домом. Черт возьми, я чувствовала, что Матео был моим домом тоже. Ни разу не было такого момента, чтобы я подумала, что мне здесь плохо.

Я буду скучать по этому месту, так как оно заставило меня двигаться, заставило танцевать, заставило любить, заставило меня жить. И теперь я уезжала. Я могла только надеяться, что Вере, которая вернется в Канаду, удастся сохранить Испанию где-то глубоко в ее душе.

Я потеряла это однажды. И не хотела снова потерять.

На следующее утро, я проснулась слегка с похмелья - это было подходящее прощание с Испанией. После звонка Джоша я вернулась в бар и решила продолжать пить и танцевать до упада. В конце концов, я сказала Клаудии о покупке Матео. На самом деле она была расстроена, не понимая, почему Матео отправлял меня домой без боя. Это не было похоже на него.

- Может быть, он собирается приехать в аэропорт, - заговорил Рикардо с заднего сиденья, когда Клаудия везла меня в аэропорт.

Я была бы абсолютной чертовой лгуньей, если бы не желала втайне этого все время. Какая женщина не хотела драматической сцены воссоединения в аэропорту, парня подбежавшего к ее выходу на посадку на последней минуте? Я надеялась, что, возможно, это было планом Матео. Оказалось, что я не была единственной.

- Это было бы больше похоже на Матео, - сказала Клаудия. Она одарила меня быстрым взглядом. - Но если этого не произойдет, ты будешь в порядке? Ты должна быть в порядке, если он не появится.

Я втянула воздух и посмотрела в окно на испанский пейзаж, который пролетал. Разумеется, это был приятный и жаркий день, когда я уезжала. А когда я вернусь домой, то, вероятно, будет дождь. И буду ли я в порядке? Буду ли я в порядке без присутствия Матео, возвращаясь в Канаду, как и планировалось, в одиночку, самостоятельно, возвращаясь к рассеянной жизни?

Буду ли я в порядке?

Нет.

Не буду.

Не вначале.

Но со временем, где-то глубоко внутри я знала, что буду. Пусть не завтра, пусть не через неделю, может быть, и не через год. Но в какой-то момент времени, в этой вселенной и среди этих звезд, я собиралась быть в порядке, просто быть собой. Просто быть Верой Майлз.

С этой утверждающей мыслью мы приехали в аэропорт. Я обняла Клаудию и Рикардо у обочины, не желая больше откладывать наше прощанье.

Клаудия крепко в меня вцепилась и плакала, уткнувшись в мои волосы. - Я обещаю приехать в Ванкувер. Рикардо и я. Мы сделаем это, как только накопим деньги. Может быть, зимой, чтобы покататься на лыжах? Ты могла бы отвезти нас в горы Уистлер.

- Обязательно, - сказала я, надеясь, что Клаудия останется верной своему слову, что она не забудет про меня со временем, не забудет о том, что она значит для меня. Мне хотелось, чтобы она была моей подругой на всю жизнь, той, с кем можно было преодолевать расстояние и культуры. Я думаю, что мы могли бы сделать это.

По крайней мере, я так думала.

Я вытерла слезы костяшками пальцев, стараясь не размазать макияж. Затем улыбнулась им обоим, делая храбрый вид. - Ну, - сказала я. - Adios.

Клаудия с Рикардо махнули мне с грустью. Я потащила свои чемоданы к кассе и обернулась, чтобы увидеть их в последний раз. Клаудия плакала в плечо Рикардо, а он вел ее обратно к машине. Я почувствовала, что мое горло опять сдавили рыдания, желающие прорваться. Я глубоко вздохнула и втянула их.

Я пошла к стойке Эйр Канада и натянула фальшивую улыбку, которая едва мне удалась, получая свои билеты и проверяя сумки. Все это время я продолжала оглядываться через плечо и выискивая Матео. Он собирался приехать? Он бы появился? Черт возьми, он должен был сделать это в ближайшее время. Он знал, каким рейсом я вылетала и в какое время, он купил этот чертов билет.

- Вы путешествуете одна? - спросила меня представительница авиакомпании, заметив мой блуждающий взгляд. - Или ждете кого-то еще?

Я отрицательно покачала головой. - Нет, - сказала я. - Одна.

Должно быть, она уловила печаль в моем голосе, потому что одарила меня мягкой улыбкой. - Мне нравится летать в одиночку. Это один из немногих случаев, когда можно уделить внимание себе.

Я почти зарыдала на этом. Я фальшиво улыбнулась ей, мои глаза наполнились слезами. Я поблагодарила ее, получила свои билеты, и пошла на контрольно-пропускной пункт.

Я хотела остановиться по дороге туда, зная, что Матео не мог пройти без билета. Я хотела, чтобы он догнал меня и заключил в свои объятия и сказал, что любит меня и что все будет хорошо. Я хотела, чтобы он снова был моим домом.

Я хотела его всеми возможными способами.

Но он так и не пришел.

После службы безопасности я направилась к своему выходу, все еще питая крошечную долю надежды, что он, так или иначе, пройдет. Может быть, он был в моем самолете, как нелепо это не было бы.

Я была такой мечтательницей. Романтиком в глубине души. После всего, что я оттолкнула, я все еще верила в ту большую любовь, что можно создать свои звезды и галактику, и вселенную.

Когда началась посадка на самолет, я добралась до своего места возле окна, моего любимого, пристегнулась ремнем безопасности и свернулась в клубок, прислонившись к окну и пытаясь оградить глаза от пассажиров, которые все еще производили посадку. Я чувствовала, как люди садятся рядом со мной, но не решалась смотреть на них. Я не решалась и звука издать. Я просто позволила слезам течь по моему лицу, пока смотрела свой последний раз на Испанию. Я тихо рыдала во время взлета. Я пыталась успокоить себя, когда мы набрали высоту. Это было личным моментом для меня. Так я прощалась с Испанией.

Я закрыла глаза и попыталась представить себе все мои лучшие воспоминания, прекрасное лицо Матео, его руки на моем теле, ощущение в его объятиях, улыбка Клаудии, бессонные ночи, солнечный свет, воздух, вкус вина. Если бы я сильно постаралась, то могла бы даже прочувствовать запах одеколона Матео, свежесть океана. Это принесло мне маленькую часть комфорта.

Я должна быть в порядке.

Как страна Испания стала далекой землей подо мной, как облака, сформированные над Португалией, как континент Европа обозначил себя в Атлантике, так же и я должна была быть в порядке.

Я глубоко вздохнула и заглянула в себя для ответа.

Была только я.

И я знала, что была сильной. Я была несгибаемой. И не такой уж плохой я была, как люди говорили обо мне.

Я была Верой Майлз.

И я, возможно, была отрицательным героем своей собственной истории.

Но я все же была героем.

Я буду в порядке.

Глава 32

Я выдохнула и устроилась на своем месте, стараясь не задеть моего соседа, что было невозможным. Я совершенно сбила его локти с подлокотника.

- Извините, - пробормотала я, все еще пытаясь сохранить свой дергомовый красный нос и опухшие глаза скрытыми от посторонних глаз.

- И ты извини.

Кровь во мне застыла.

Голос.

Этот голос.

Нет.

Нет, это ж, блядь, не могло быть.

Я очень медленно повернула голову к пассажиру, сидящему рядом со мной, смотря на него в первый раз.

Матео был прямо там, глядя на меня, его спокойная улыбка и мягкие глаза в нескольких сантиметрах от моих.

У меня перехватило дыхание от шока. Я была мертва, не так ли? Самолет разбился при взлете, и я была мертва! Или спала. Я спала.

Я медленно оторвала свой взгляд от него и оглянулась на других пассажиров в самолете, задаваясь вопросом, все ли они умерли, или спали, или были странными, или что-то произошло из ряда вон выходящее, какой-то знак, что я спала или Бог играл самую жестокую в мире шутку со мной.

- Я надеялся привлечь твоё внимание раньше, - сказал он, пожав плечами. - Но ты ни разу не посмотрела в эту сторону. И я вижу почему, твой маленький нос красный.

Я продолжала смотреть на него, как баран на новые ворота. Я начала трясти головой с недоверием. - Нет. Нет, к-как ты можешь быть здесь?

- Разве плохо, что я здесь?

Я еще раз покачала головой, облизывая свои губы, пытаясь найти слова, которых не было. Все вокруг меня происходило, как в замедленной съемке. Я просто лишилась разума, а остальная часть меня изо всех сил пыталась прийти в себя.

Матео.

Здесь.

Рядом.

Летит в Ванкувер со мной.

- Я сказал твоей маме, что хотел, чтобы ты была со своей семьей и людьми, которые любят тебя, - просто сказал он. - Веришь ли ты мне, хочешь ли ты этого, Вера, но ты моя семья. Ты моя Вселенная. И я люблю тебя больше всего на свете.

- Это так мило, - восторгалась женщина рядом с ним, явно подслушивая. На самом деле, я была уверена, что весь самолет, вероятно, подслушивал.

Я взглянула на него из-под полуопущенных ресниц, жалея, что у нас не было единения. Но в действительности, это не имело значения. Все, чего я хотела, было здесь.

- Ты простишь меня? - спросил он, положив свою руку на мою. Меня переполнило теплом, а по спине пробежала дрожь.

Как это может быть реальным? Как такое может происходить?

- За что? - Я выдохнула.

- За то, что был не достаточно чутким ко всему, думал, что ты могла справиться со всем этим, когда я не должен был просить тебя об этом. Ты сильная, Вера, очень сильная, но я был настолько погружен в собственные тяготы, которые должен был преодолеть, что я не думал, как сложно тебе. Но тебе было. Было много, очень много вещей, которые я сделал неправильно. - Он поднес мою руку и поцеловал ее. - Ты простишь меня?

Я все еще не могла поверить в это. - Конечно, - прошептала я, мои эмоции все воевали друг с другом. Что это означало? - Мне нечего тебе прощать, Матео. Ты делал то, что должен был.

- Я знаю, - сказал он. - Я просто хотел, чтобы это было по-другому. Я забываю, что тебе всего двадцать три года, Вера. Ты столько пережила, а тебе всего двадцать три.

Женщины твоего возраста не должны иметь дело с такими ситуациями. Я в восторге от тебя, ты это знаешь?

Я с трудом сглотнула, не в силах игнорировать, как чувство сомнения гложет меня в груди. - И... как дела? У тебя. И у них?

Он улыбнулся, и его глаза загорелись. - Я получил совместную опеку, - сказал он.

Я широко улыбнулась. - Ты серьезно?

Он кивнул. - Да. Я серьезно. После того как ты оставила меня, я ходил и навещал Изабель большинство дней. - Мое лицо вытянулось, но он одарил меня ободряющей улыбкой. - Не волнуйся, все было совсем не так. Мы просто говорили с ней. Я очень медленно заставлял ее понять. Я честно признался во всем, таким образом, не было никаких тайн. Я объяснил, насколько серьезно отношусь к тебе, что ты значишь для меня, какой ты замечательный и добрый человек. Я сказал ей, как сильно не хотел, чтобы Хлоя Энн росла без отца. Через огромное терпение я, наконец, заставил ее подписать это.

- Вот так просто? - спросила я.

Он развел руками. - Mas o menos. Приблизительно. Я пообещал ей хорошо заплатить в обмен на те унижения, через которые ей пришлось пройти.

Я подняла брови. Еще бы это свелось к деньгам.

- Но, - добавил он, - оно того стоит. Я потратил время, чтобы позаботиться обо всем, пока тебя не было. Развод практически закончен. И мою дочь никогда не смогут отнять у меня.

Я почувствовала, как солнечное тепло разрывало изнутри мое сердце, наполняя меня чрезвычайным облегчением. Я ощутила, что могу наконец-то вздохнуть спокойно.

Матео никогда не потеряет Хлою Энн.

Все мои тревоги превратились в пыль, которую сдуло ветром.

- Так что ты делаешь в самолете со мной? - спросила я, когда овладела собой.

- Я везу тебя домой, - сказал он, подметив озадаченное выражение на моем лице. - Мадрид - твой дом. Я - твой дом. Мы слетаем в Ванкувер, и я встречусь с твоей семьей. Это было бы справедливо, да? И потом я заберу тебя обратно в Испанию.

- А если я скажу нет?

Его улыбка дрогнула, в глазах промелькнула печаль. - В таком случае я старался изо всех сил. Я тебе купил билет на самолет, потому что знал, что девятивасковой рейс был единственным способом, которым я смогу заполучить твое внимание, где ты не будешь в состоянии убежать, уйти. Я полагал, что потрачу весь полет, пытаясь вернуть тебя. Пытаясь заставить тебя полюбить меня снова.

Сердце мое сжалось в комочек, а нижняя губа задрожала. - Я никогда не переставала любить тебя, - сказала я тихо.

Он протянул руку и погладил мое лицо, проведя кончиками пальцев по скулам. - Я не мог быть полностью уверенным. Иногда, когда любовь делает тебя безумным, ты задаешься вопросом, делает ли она и другого человека таким же безумным.

Я кивнула. - Делает. - Я вздохнула и посмотрела вниз. - Мне жаль, что я отступила. Я просто пыталась сделать все правильно.

- Все хорошо, Вера. Я люблю тебя достаточно, чтобы все исправить. Я никогда не позволил бы тебе уйти без боя.

Я бросила на него беглый взгляд. - Ты не знал, что я была у Клаудии в течение некоторого времени. Я могла уехать.

- Ты импульсивна, - отметил он, - но я понимаю, что потребовалось бы какое-то время, чтобы принять меры. И даже если бы ты уехала, у меня есть твой адрес в Ванкувере. Я бы нашел тебя. Ты горишь слишком ярко, чтобы отпустить тебя.

Я закрыла глаза и улыбнулась, счастливая слеза скатилась по моей щеке. Я наконец-то позволила себе поверить в это, поверить, что мы были вместе и имели шанс.

- Так, - сказала я осторожно. - Ты все еще хочешь меня?

Он тихонько засмеялся. - О, моя Эстрелла.

Он схватил мое лицо руками и поцеловал меня, сначала страстно, потом мягко, в то время как наши губы и языки сплелись вместе, на вкус как мед, чувствуя себя подобно золоту. Я ощущала всего его до самых пальцев ног, что заставляло мою кожу и тело оживать.

Женщина рядом с Матео испустила счастливый вздох, видимо все еще наблюдая за нами.

Мы с Матео медленно распадались на части, носом прижавшись друг к другу, глядя друг другу в глаза. Я не смогла убрать улыбку с моего лица. Я схватила его за волосы, удерживая крепко, боясь отпустить. Он был здесь, он был здесь, он был здесь.

И он был моим.

- Ты все еще хочешь меня? - прошептал он с чрезвычайной уязвимостью его слов, погружающихся в меня словно шелк.

- Si, - ответила я непреклонно. - Всегда и до бесконечности.

Он усмехнулся и толкнул вверх подлокотник между нами, расстегнув мой ремень безопасности и притянув к себе. Он обнял меня и держал крепко, его теплое дыхание было возле моего уха, его сердцебиение было слышно возле моей спины. Он держал меня, в то время как мир за окном превратился в ночь, и звездное сияние заполнило бесконечное небо.

Мы летели вместе, как звезды.

Эпилог

Уистлер

Пять месяцев спустя

- Давай, Вера, ты можешь и лучше! - кричал на меня Джош.

- Да пошел ты! – крикнула я в ответ. Я даже не могла посмотреть вверх, чтобы увидеть его лицо, потому что это стало бы тем моментом, когда я сломала бы себе шею и ноги. Я в настоящее время спускалась с горы Уистлер по маршруту, который оказался более сложным, чем должен был быть. Хоть я и была лыжницей в своей юности, но совсем забыла, как это делать. В результате я спустилась по большей части горы в качестве снегоочистителя. Несколько раз кончики моих лыж начинали пересекаться, а поскольку я психовала, то хорошенко ныряла в снег.

Короче, это был ад, и я не была призательна своему брату, что он орал на меня. Он был на сноуборде, и на самом деле у него очень хорошо получалось. Он сводил меня с ума, приуменьшая масштаб склона и вопя на меня, чтобы я не отставала.

Теперь я была намного ближе к концу и могла видеть застройки деревни Уистлер у основания холма. Самое главное, я увидела большой внутренний дворик, где лыжники и сноубордисты после катания могли выпить пива под обогревом, томясь под высокогорными солнечными лучами.

Пиво было моим самым большим мотиватором.

Так или иначе, я добралась до самого низа и сразу отстегнула лыжи, а затем скинула свои лыжные штаны, которые были облеплены снегом.

- Ты была потрясающей, - сказал Джош, скатившись следом за мной как хвастун, снег разлетался повсюду от него.

- Заткнись, - сказала я ему. - Не учи меня жить.

- Я не учу! - ответил он, подняв очки на макушку. - Я серьезно.

- Как скажешь. - Я наклонилась и неуклюже подобрала свои лыжи. – Мне нужно пиво и нужно оно сейчас.

- Интересно, нашли ли они уже столик, - размышлял Джош.

Мы прошли через толпы людей, идущих неловко в лыжных ботинках, так же, как и я, и поставили наши лыжи и доску вдоль стойки.

- Я вижу Клаудию! - сказал Джош.

Я подошла к нему и увидела ее за столиком у стены, махающей нам и выглядящей восхитительно в ее небольшом снаряжении сноубордиста. Мне, наверное, следовало начать со сноуборда вместо лыж, но откуда мне было знать, что буду так чертовски ужасна в том, в чем раньше была хороша?

- Ну как? – спросила она нас, когда мы протискивались к ней.

- Отлично, - ответил Джош.

- Дерьмово, - сказала я. - Я чуть не сломала себе ноги в миллионный раз.

- Ну, - произнесла Клаудия, подняв свое пиво. - Все те коктейли в баре прошлым вечером, вероятно, не помогли, да?

Я отклонила ее логику и села. - Почему ты так быстро вернулась? Я думала, что все вы, профессионалы, собирались провести весь день на склонах и прокатиться по всем черным трассам.

Она пожала плечами. – Мне как-то не поспособствовала выпивка прошлым вечером. Рикардо выглядел хуже, чем я, поэтому удивлена, что он все еще там. Ему же хуже. Я выпью все пиво.

- Нет, мы выпьем все пиво, - сказал Джош, подзываая официанта, который быстро подошел. Мы заказали по пиву для нас и для наших пропавших начинающих лыжников.

Джош откинулся на спинку стула и повернулся лицом к солнцу. – Боже мой, я не хочу возвращаться на работу. Мы можем просто жить здесь?

- Ну, я также не хочу возвращаться на работу, - сказала я. – Во время межсезонья там так серо, дерьмово и мрачно, все кажется очень скучным.

- По крайней мере, твоя работа - своего рода развлечение, - указал Джош. - И как минимум ты живешь в чужой стране. Работать с документами для Лас Паламинос или где ты там работаешь, звучит намного лучше, когда ты делаешь это в чертовой Испании.

- Говоря об Испании, - сказала Клаудия, глядя через мое плечо. - Посмотрите, кто вернулся живым.

Я прокрутилась на своем месте, чтобы увидеть, как Матео убирает свои лыжи. Он махнул нам рукой, когда заметил нас, и я ухмыльнулась в ответ. Он выглядел охренительно сексуально в своем лыжном костюме, должна была я сказать. Мне надо было догадаться, что Матео был также отличным лыжником. Человек, который может делать, черт возьми, все.

Когда меня начали посещать первые приступы ностальгии накануне рождественских праздников, я вынесла на обсуждение тот факт, что Клаудия и Рикардо хотели побывать в Уистлере. Она говорила об этом, прежде чем Матео обнаружился на самолете, что обернулось двухдневной поездкой в Ванкувер, прежде чем мы вернулись домой, чтобы начать нашу новую жизнь вместе. Еще, я думала, что путешествие на Уистлер было чем-то таким, на что мы все могли бы копить. Кроме того, мне надо было вернуться ненадолго, чтобы обратиться за разрешением на работу. Мне платили «в конверте» за мои офисные услуги в представительстве Лас Палабрас, но сейчас я была готова делать это официально.

Получилось так, что Клаудия с Рикардо становились немного синими от зимы в Мадриде и захотели внести разнообразия в привычные европейские горнолыжные курорты. При участии Матео, отвечающим за наш отель и частично за перелет, мы четвертом смогли полететь в Уистлер и пригласить с собой Джоша.

Ну, на самом деле мы также пригласили мою маму и Мерси с Чарльзом, чтобы быть хорошими, но они отказались. Ну, главное, что пробовали. Я не переставала пытаться сблизиться с моей матерью и сестрой, но, по крайней мере, я научилась не принимать это близко к сердцу больше. Иногда твоя семья была по крови, а иногда именно через твою любовь.

В то время как официант вернулся и поставил пиво, Матео подошел к столу и наклонился ко мне для затяжного поцелуя. Он был на вкус как снег и свежий воздух.

- Как твое колено? – спросила я. – С ним можно кататься на лыжах?

- Оно держится. - Он поднял свои очки-авиаторы и посмотрел на меня. - Я видел тебя, ты - молодец.

Я закатила глаза и фыркнула. - О, теперь ты тоже будешь меня доставать (прим. – дословно с англ. – дергать цепь)?

- Что это за цепь, о которой ты говоришь, и почему кто-то дергает за нее? - спросил он.

- Да, - сказала Клаудия, совершенно искренне. - Серьезно, чья это цепь? Собаки? Матео изобразил небольшой лающий звук и рассмеялся.

Я шлепнула его по руке. – Садись уже, собака. Это выражение.

Клаудия зацокала. - Эти чертовы английские выражения. В тот момент, когда ты думаешь, что уже освоил язык, узнаешь что-то новое.

- Хотя я знаю одно выражение, - сказал Матео, садясь рядом со мной и кладя свою руку мне на колено. – Мы будем гудеть, как пчелы.

Мы все подняли бокалы и чокнулись ими.

- За то, чтобы погудеть, как пчелы, - сказала я, широко улыбаясь всей компании, чувствуя тепло солнца и тепло от моих друзей.

- За нас, - сказали они в унисон.

Мы пили и смеялись. Рикардо вскоре присоединился к нам, и мы пили и смеялись еще немного, пока не зашло солнце и на небе не появились звезды.